

Л.А.СИТНИКОВ

ГРИГОРИЙ
ШЕЛИХОВ

ИРКУТСК

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ

КНИЖНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1990

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Дело происходило на одном из мероприятий Общества любителей книги. Темой встречи была история библиотек в Русской Америке. Однако дочитанный накануне роман В. Пикуля «Фаворит» заставил начать издалека.

Сегодня мы наконец осознаем, говорил я, насколько опасно разъединение людей, обусловленное национальными, расовыми, религиозными, возрастными и всевозможными другими барьерами. Разъединение мешает вести борьбу с грозящей катастрофой ядерной войны, с надвигающейся экологической катастрофой, мешает борьбе против одичания, которому стали подвергаться экономические и социальные отношения едва ли не во всех странах и, к сожалению, в нашей стране тоже.

Как никогда актуальной становится сейчас проблема поиска мостов, прокладывающих дорогу от сердца к сердцу, от поколения к поколению, от одного народа к другому. Со всеми бедами мы справимся только все вместе...

Есть, впрочем, то, что, бесспорно, является общим — для студента и для домохозяйки, для рабочего совхоза и для бухгалтера-пенсонера, живущего в крупном индустриальном центре. Нас объединяет общая история.

Скажем точнее — нас может объединить общая история.

Историческое прошлое объединяет в том случае, когда мы не позволяем ему существовать только и только в кабинетах ученых-историков, пылится в книгах академических книгохранилищ — помимо нас и независимо от нас. Только освоив научное знание о прошлом, мы сумеем наполниться пониманием нашей исторической общности. И тогда в душе потеснится своекорыстное «я», «мне», «мое» — гордым и добрым «мы», «наше», «нам».

Но все здесь не так просто. Есть научное знание о прошлом людей, знание, обращенное ко всем, — «пользуйтесь, осознавайте общность человеческих интересов!» Но есть и представления о прошлом, основанное на привлечении лишь части фактов, тех, что удобны, тех, что соответствуют чувству шапкозакладательских убеждений в превосходстве одного народа над другим, одной профессии над другой, одного поколения над другим.

Есть история от науки, и есть история от незнания, история неполная, упрощенная, усеченная. Эта «история» льстит одним и очерняет других. Она (по сути — это обывательские представления

о прошлом) не может объединять людей, она лишь способствует укреплению разъединяющих барьеров — своекорыстных интересов, национальных предрассудков, ложных стереотипов.

Увы, в обыденной жизни гораздо легче обратиться к «усеченной истории», чем к полной, научной*. Обывательские представления о прошлом по сей день питаются мощным потоком произведений исторической тематики — романов, повестей, пьес, кинофильмов.

Сделаем оговорку. Есть литература, драматургия, кинематограф, живопись, графика, в которых полет художественной фантазии только высвечивает правду истории. Вспомним «Поручика Киже» Юрия Тынянова или шукшинский роман «Я пришел дать вам волю». Встречающиеся здесь неточности и анахронизмы незначительны и простибельны. Исторической правды они не застилают.

Но есть другое — книги, фильмы, полотна живописцев, в которых совершенно произвольно интерпретируются даже не столько исторические факты, установленные учеными, сколько анекдоты, слухи и домыслы, а иногда и специально запущенная дезинформация. Принцип отбора — не достовернейшее, а привлекательнейшее. Берется самое яркое, броское, скандальное, часто и не происходившее в действительности. А в результате мы видим наших молодых и не очень молодых людей, воспитанных на такого сорта произведениях, людей, искренне считающих, к примеру, что во всех настоящих, прошлых и будущих несчастьях России виноваты масоны и «инородцы». Ведь масонский заговор гораздо легче сделать «героем» романа, чем, скажем, сложные перипетии социально-экономического и политического развития предреволюционной России**. Впрочем, здесь не место для критики и анализа произведений, авторы которых сознательно выхватывают факты из исторического контекста, вводя людей в заблуждение.

С прямым искажением представлений о прошлом сегодня ведется открытая борьба, ставшая ныне одним из направлений государственной политики. Достаточно вспомнить об организации комиссии по разработке нового учебника по истории партии.

Более тревожит поток произведений тех создателей, что заваливают читающую и смотрящую публику «псевдоисторией». С таким типом творца мы поближе познакомились после выхода на экраны запрещенного некогда фильма Глеба Панфилова «Тема».

* Достаточно сравнить тиражи нынешних изданий С. Соловьева и В. Ключевского с тиражами того же В. Пикуля.

** См. Скобелев Э. Свидетель: Зап. капитана Тимкова. Минск, 1988.

Для людей, подобных герою фильма,— драматургу Киму Есенину, бесспорно их право брать любую историческую личность и придумывать этой личности какую угодно жизнь. Основа такого «творчества» — уверенность в том, что никто — ни читатель, ни сам автор того, что было на самом деле, не знают и никогда узнать не смогут. «Я люблю писать исторические романы (снимать исторические фильмы, сочинять исторические пьесы)— выдумывай себе, что хочешь». И это не кокетливая поза. Это принципиальная позиция, которая порой отстаивается последовательно и яростно.

Можно посмеяться над невеждами, творящими, основываясь на таком тезисе; можно посмеяться и над всерьез воспринимающими это «творчество». Но ведь место, занятое в читательском сознании, например, «Черным тополем»¹, на самом деле по праву-то принадлежит «Житию протопопа Аввакума»! А сознание, воспитанное на искаженном представлении о прошлом, привычно и благостно воспринимает искажаемое, уродуемое настоящее!

«Клянусь честью,— писал полтора века назад А. С. Пушкин,— что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»². Вот, может быть, те слова, которые должны стать девизом людей, пишущих о прошлом?..

Вот в таком плане шел разговор с книголюбями. И тут мой монолог стал превращаться в спор (на что я почти не надеялся), и происходило это не в конце встречи, а в самом ее начале.

Из глубины зала звучный голос произнес: «Позвольте, позвольте, но не только Кимы Есенины пишут о прошлом нашего народа. Есть ведь и честные писатели, они фантазируют, но фантазируют вынужденно, когда точных данных нет, да и взять неоткуда!»

— Тогда и фантазировать нечего; нужно либо отказаться от темы, либо попытаться найти факты, без которых писать о прошлом нельзя. В конце концов, рассказ о поиске этих фактов честнее, да и интереснее, чем вранье о том, чего не знаешь!

Мой оппонент поднялся. Судя по тому, как уверенно он держался, в зале были его единомышленники, а то, о чем он говорил, продумано заранее:

— А как быть с тем, что мы со школьной скамьи знаем,— творец истории — это не герой-одиночка, не отдельная личность, пусть самая выдающаяся, а народные массы. Вот о Пушкине напечатано множество научных работ, документы подлинные находятся до сих пор, их тоже публикуют. Конечно, тот, кто пишет о Пушкине, все это должен знать и учитывать. Вместо Пушкина можно и кого-нибудь другого назвать — Суворова или Ломоносова. Но, как мы знаем, историю-то творили простые люди — кре-

стьяне сибирские, уральские рабочие-мастеровые, купцы, солдаты — их архивов, их переписки не могло остаться, и тут нечего хватать за руку писателей — пусть себе выдумывают!

Зал разделился надвое. Судя по оживлению и репликам, у меня и моего оппонента появились болельщики.

— Не то беда, что выдумывается некий Иван Петров, «природный пахарь», которого никогда, подчеркнем, никогда не существовало на свете. И не то беда, что, наоборот, реально живший и геройствовавший двести лет назад стройный голубоглазый поручик превращается в романе в коренастого черноокого. Беда в том, что романист, описывая жизнь славян в X веке, использует для этого данные о быте и нравах жителей российской деревни накануне освобождения от крепостного права. Если так, то вот она — усеченная, искаженная история, которая может быть идеализацией для одних, может быть очернением для других, но никогда тем, что нас объединит. Как ведь происходит — придумывается герой, и для него придумывается какая-то никогда не существовавшая эпоха. А надо, чтобы писательское представление о прошлом было равно научному представлению. Если вам доподлинно известны мельчайшие подробности о том, что ели, что носили, как работали, что читали, как относились к прочитанному и т. д. наши предки, вы сможете представить подлинные мотивы поступков людей (а мотивы эти для людей X века совсем не похожи на мотивы поступков наших современников; их иное волновало, у них иные были критерии красоты, иными были понятия патриотизма, культурности и пр.). Автор исторических произведений должен быть автором-исследователем, и если он какие-то свои минимальные выдумки и гипотезы будет проверять историческим фоном, наложит биографии выдуманных героев или чуть сфантазированные биографии подлинно существовавших людей на тот комплекс знаний, которым наука располагает, тогда и возникнет пусть незавершенная, пусть не целиком, а во фрагментах, но дышащая ароматом подлинника картина жизни наших предков.

— А если не возникнет?

— Возникнет!

— Докажите!

— Но сегодня мы хотели поговорить о библиотеках в Русской Америке?!

— Пусть не сегодня, но как-нибудь в следующий раз!

...Этот «следующий раз» наступил.

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОЧЕМУ ШЕЛИХОВ ?

Из всех столетий многовекового прошлого нашей страны самым таинственным кажется восемнадцатое. Даже в историях, давно обнародованных, многократно пересказанных,—недоговоренность, тайна, легенда.

События двухсотлетней давности, равно как и биографии людей той эпохи, запутывают, переплетают в клубке фактов размеренную упорядоченность (век Разума, век Просвещения!) и необъяснимое, нелогичное, безумное. Об этом Радищев: «Столетье безумно и мудро»¹.

«Безумно и мудро» — сочетание несочетаемого. Но — понятно: XVIII век — эпоха переходная, время, в котором перемешалось старое и новое,—укрепляющееся крепостничество и зарождающиеся под его оболочкой элементы новых капиталистических отношений, пробуждающие к жизни те силы, которые неминуемо опрокинут помещицью Россию.

Сложная смесь старого и нового. Усложняется в XVIII веке экономическая жизнь, усложняется политика, усложняется и то, что мы называем «простыми человеческими отношениями».

«Наш XVIII век гораздо труднее своих предшественников для изучения»², — сказал дореволюционный историк, а мы, согласившись с В. О. Ключевским, добавим — труднее, но интереснее. Попытаемся же не торопясь вытянуть лишь одну ниточку из запутанного клубка — жизненный путь купца Григория Ивановича Шелихова.

Почему Шелихов?

Популярность его в XIX веке была велика. Объяснение? Оно отчасти в том, что в России нарождающегося и крепнущего капитализма представитель класса буржуазии, получивший по указу императрицы медаль и право ношения шпаги, не мог оставаться в неизвестности. Вроде бы буржуазия и организует проведение юбилеев, годовщин. Так, в конце лета и осенью 1895 года русские газеты и журналы поместили заметки о торжествах, состоявшихся в городе Рыльске Курской губернии, на родине Шелихова, по случаю столетней годовщины со дня его смерти. «Празднование началось заупокойной литургией, а затем местная городская дума на экстренном заседании постановила соорудить памятник Шелихову, на что от себя ассигновала 3000 рублей.». Постановили повесить

в думской зале портрет Шелихова и доску с перечислением его подвигов. Кроме того, думой возбужден вопрос о разрешении открыть всероссийскую подписку на сооружение памятника... Город был разукрашен с утра флагами, вечером состоялось гуляние в саду, где были показаны туманные картины, изображающие географические и этнографические особенности той местности, где сосредоточивалась деятельность Шелихова...»³

За сто лет, прошедших с тех пор, многое в оценках событий изменилось. Исчезли памятники, переименованы улицы, города. Нет иных имен в справочной литературе, тем более в учебниках. С Шелиховым — иначе. Правда, не сохранился бронзовый памятник работы академика И. Я. Гинцбурга, деньги на который собрали по подписке, — памятник уничтожен фашистскими оккупантами. Но по-прежнему на карте — залив Шелихова и город Шелехов, по-прежнему есть улицы Шелихова, школы и училища имени Шелихова. И все-таки кое-что уже не так, как сто лет назад. Подойдите в центре Иркутска к одному прохожему, ко второму — вновь и вновь на вопрос о Шелихове прозвучит: «Не знаю», «Не помню», иногда — «Шелихов? Это мореплаватель какой-то?» То же повторится в Новосибирске, в Москве. Будут, конечно, и ответы, близкие к правильным, но это ответы людей старшего поколения.

А молодежь?.. Но не станем спешить с осуждением.

Шелихов не был первопроходцем, как, например, Семен Дежнев, — места, где Шелихов побывал, открыты задолго до него. Он не был отважным капитаном-судоводителем, как, например, Круzensхтерн или Головин, — в плаваниях за штурвалом стоял не Шелихов, а нанятые им мореходы. Не был он талантливым этнографом, открывателем экзотических племен, как, например, Миклухо-Маклай, — коллекции одежд, утвари, украшений аборигенного населения Аляски были собраны его подчиненными. Не был он ни теоретиком географии, как Ломоносов, ни систематизатором данных о русской торговле, как Чулков.

Самое интересное, что на вопрос: «Кто такой Шелихов?» — до конца не ответят и энциклопедии!

Откроем авторитетнейшую «Советскую историческую»:

«Шелихов, Шелехов, Григорий Иванович (1747—20.VII. 1795) — русский купец-предприниматель, один из первых исследователей Курильских островов и Аляски. Род. в г. Рыльске, в 1775 переселился в Сибирь. В поисках пушнины (гл. образом морских бобров и котиков) добрался до Охотска и, вступив в компанию с местными купцами, снарядил зверобойное судно, на котором в 1777 отправился к Курильским островам. Во время плавания в Беринговом проливе были открыты острова, назв. Прибыловыми (по имени штурмана Прибылова). Затем Ш. органи-

зовал с М. С. и И. Л. Голиковыми купеческую компанию по зверобойному промыслу. В 1783 Ш. и Голиковы отправились на 3 кораблях к Аляске и в авг. 1784 основали первое русское поселение на о. Кадьяк. В 1787 были снаряжены еще 2 судна к Курильским островам и Аляске...»⁴

Остановимся и запишем неминуемо возникшие вопросы.

Почему другим купцам-промышленникам, совершившим гораздо больше плаваний, в энциклопедии не отведено места? Чем объяснить два варианта фамилии «Шелихов» и «Шелехов»? Почему нет указаний на месяц и день рождения? Чем объяснить то, что в 30 лет Шелихов-Шелехов отправляется из Рыльска в Сибирь? Как могло получиться, что, отплыв в направлении к Курильским островам (т. е. на восток или юго-восток), Шелихов открывает в Беринговом проливе (т. е. на севере) неизвестные острова? (Забегая вперед, скажем, что статья в энциклопедии содержит массу фактических ошибок: Шелихов приехал в Сибирь не в 1775 году, а раньше, на Курилы он не плывал, как не плавали к Америке в 1783-м Шелихов и Голиковы в т р о е м, и т. д.)

Статья в «Исторической энциклопедии», не столько отвечающая на вопросы, сколько вызывающая их, может служить признаком ситуации информационного дефицита, существующего вокруг Шелихова. Это тот самый дефицит знаний, который якобы и дает право беллетристам на фантазию без берегов — «я люблю писать о прошлом, выдумывая себе, что захочешь!»

И правом этим воспользовались. В XIX веке — чуть-чуть, в XX — весьма широко. Газетные, журнальные публикации, романы, киносценарии.

...XIX век. Купца Шелихова, владельца миллионного состояния, разоряют компаньоны, он умирает в страшной нищете и полном забвении. Сыновей у него нет, и с его смертью пресекается купеческий род Шелиховых...⁵

...40-е годы XX века. Получивший от своего тестя с е к р е т н у ю карту с указанием лежбищ котиков Шелихов отправляется к американским берегам. Постепенно у него созревает замысел присоединить к России Алеутские острова, Аляску, Калифорнию; его замысел крепнет, когда на Аляске он обнаруживает железную руду, медь, золото, уголь. Шелиховским планам мешают засевшие в государственном аппарате России немцы, и более всех главная немка — императрица Екатерина II. В конце концов из Петербурга Шелихову запрещают плавать в Америку. Запрета Шелихов не смог пережить, он умер, не оставив продолжателя своего дела, ибо сын, пухлый Ваня, всему на свете предпочитал шест для гонки голубей...⁶

...80-е годы XX века. Шелихов, бежавший в Сибирь от рекрутского набора, сумел организовать в Сибири промысловую компа-

нию, однако не промысел пушных зверей его цель, но основание в Америке независимого государства, государства без крепостников, попов, полицейских, чиновников. Шелихов пытается склонить к побегу находящегося в ссылке, в Илимске, Александра Николаевича Радищева. К великому разочарованию Григория Ивановича, Радищев отказывается, не верит, что Шелихов сможет делом доказать: мир, свобода, равенство — естественное и наиболее плодотворное состояние для человека. Но и после отказа Радищева Шелихов, обуреваемый антикрепостническими идеями, устремляется на Аляску, где эскимосы любят сидеть на деревьях (!), враждуют между собой, добиваясь звания вождя племени, и танцуют в ободранных с туш медведей шкурах, в то время как медвежья кровь стекает на землю. Выполнить задуманное Шелихову помешала смерть...⁷

Увы, «фантазия без берегов» обнаруживается не только в беллетристике, но и в научно-популярной литературе.

...Вернувшийся из своего путешествия в Америку Шелихов узнает о том, что его собственная жена и его родной брат решили его отравить. Шелихов жестоко высек брата, жену порешил отдать под суд, но отговорен одним из сподвижников. Однако проходит время, и злодеям удается осуществить их страшный замысел. Шелихов отравлен, шелиховское имущество достается молодой энергичной вдове, которая для искупления своих «тайных деяний» ставит над могилой убитого ею супруга величественный монумент...

Можно подумать, что последняя фантазия на тему шелиховской биографии взята из дореволюционного бульварного романа, но нет, на титульном листе — «Москва, Советский художник, 1979». Это статья Ю. Радченко «Колумбу россиян...» в «Панораме искусств».

Беллетристы всех времен спешат поглотить обывателя. В фантазиях XIX века ощутим привкус «купеческих пьес» (от которых в сторону высокого искусства развивалось творчество А. Н. Островского). Лет 40—50 назад в беллетристических фантазиях чувствуется влияние концепций «Краткого курса»: Шелихов, эдакий народный герой, пытается преодолеть сопротивление своим патриотическим планам со стороны «проклятых немцев», ему мешают таящиеся по углам собственного дома предатели. Изменников, тайных вредителей можно найти и в совсем недавних произведениях о Шелихове. Фантазии в духе времен, когда некоторая часть литераторов начинает прислуживать чиновникам вместо того, чтобы служить искусству, правде.

Впрочем, сейчас мы не о том, почему написаны такие фантазии, а о том, что их авторы, стремясь развлечь аудиторию, плохо знающую историю, спекулируют на этом невежестве, не в со-

стоянии придумать такие сюжеты и реалии, чтобы они были интереснее тех, которые были в действительности.

Шелихов сегодня — «знакомый незнакомец». У нас на слуху его имя, но кто он на самом деле? Беллетрист предлагает на эту тему фантазировать, обещая — «будет интересно». Мы утверждаем — подлинная история гораздо интереснее*.

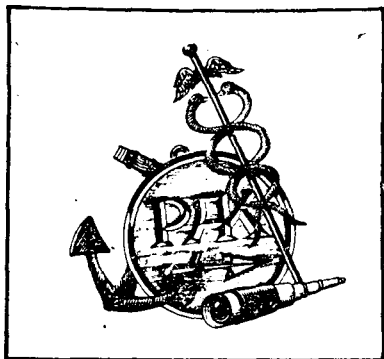
* В данном случае право говорить столь категорично дает знакомство с тем, что сделано людьми, стремившимися сохранить для потомков драгоценные сведения о многотрудной эпопее освоения Русской Америки. Назовем этих людей.

Это родственник Г. И. Шелихова — великоустюжский купец Михаил Матвеевич Булдаков, собиравший семейную и деловую, коммерческую переписку Шелиховых. Это познакомившийся с нею первый биограф Шелихова — кунгурский купец Кирилл Тимофеевич Хлебников⁸. Это один из участников первой русской кругосветной экспедиции моряк Василий Берх⁹ и участник легендарного плавания на фрегате «Паллада» Петр Андреевич Тихменев, оба писавшие об истории русского тихоокеанского мореплавания и публиковавшие некоторые документы, сбереженные М. М. Булдаковым. В книге П. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании» документы, отразившие факты биографии Шелихова, опубликованы в «Приложении» и занимают добрые сотни страниц¹⁰. Наконец, это и наши советские ученые — Александр Игнатьевич Андреев¹¹, Раиса Всеволодовна Макарова¹², Софья Григорьевна Федорова¹³, Роза Гавриловна Ляпунова¹⁴, Александр Иванович Алексеев¹⁵ и др.¹⁶, своими исследованиями открывшие многие неизвестные страницы деятельности русских промышленников и мореходов в тихоокеанском регионе.

Увы, и старые публикации, и сегодняшние, научные, широким кругам читателей неведомы и почти недоступны. Исключение представляет написанное писателем-сибиряком Сергеем Марковым обозрение — «Летопись Аляски», несколько раз переиздававшееся и вошедшее в двухтомник избранных произведений С. Маркова¹⁷. Обозрение это, хотя и не является научным исследованием, не имеет ссылок на архивные источники, все-таки выгодно отличается от беллетристических поделок глубоким вниманием к фактам, отраженным в документах, бережным отношением к подлинной истории.

В дальнейшем мы неоднократно будем обращаться к публикациям упомянутых здесь авторов. Подчеркнем, однако, что задачи написания научной биографии Шелихова никто из них не ставил.

НАЧИНАЕМ С АНКЕТНЫХ ДАННЫХ

ГЛАВА 1

*Старайтесь разгадать цель жизни человека,
Постичь дух времени и назначение века.*

К. Рылеев

Начало любой биографии — данные: год рождения, место рождения, национальность. В принципе, все это о Шелихове известно. Но, если взять те же сведения о любом из наших сограждан-современников, окажется, что первые графы «анкеты Шелихова» содержат для нас неизмеримо меньшую информацию. И дело не в том, что мы не знаем точного числа, месяца (на деле — и года) его рождения; просто легче соотнести любую современную анкету с нашей, сегодняшней эпохой.

Поясним.

Вот, например, «год рождееия — 1937». Уже одна эта цифра скажет нам, что детство человека, военное и послевоенное, вряд ли было сытым и безмятежным, она скажет о юности, гордой не только своими силами, но и силами своей страны, выигравшей битвы с фашизмом, эта цифра скажет о человеке, который должен был вме-

сте со всей страной пережить два сильнейших потрясения — в 1953 году и в 1956-м...

Такой же «говорящей» в анкете нашего современника будет и графа «место рождения». Если там стоит «Москва» — это означает, что человек с его представлениями о справедливости, морали, такте во многом сформирован в московских дворах, где поровну на всех делилось горе и радость, значит, он проходил на демонстрациях мимо Мавзолея, был свидетелем строительства высотных домов и метро, радовался безмерно, открывая для себя чудо телевидения.

А если в этой графе указано «с. Чарышское, Чарышского района Алтайского края» — это будет означать и труд в поле после уроков, и случайно услышанные рассказы стариков о столыпинском переселении, это разделенная со взрослыми тревога во время осенних хлебозаготовок...

Ну, а если год рождения приходится на конец 40-х годов, только не нынешнего XX столетия, а столетия позапрошлого — XVIII? И место рождения — мало кому известный город Рыльск?

Беллетрист берет эти факты из жизни Шелихова сами по себе—вне контекста времени. И получается: Рыльск—далеко от Москвы, значит — захолустье, где больше всего любят тишину и сооружение иконостасов. Эпохи, которая сформировала Шелихова, нет. Григорий Иванович появляется как черт из табакерки, и фактически его биография начинается лишь с приездом в Иркутск. А что же на деле?

Начнем с самого общего.

Будущий «Колумб русский» появился на свет, когда уже несколько лет царствовала дочь Петра I — Елизавета.

Разумеется, всплывут в памяти строки бессмертной сатиры Алексея Константиновича Толстого:

...Веселая царица
Была Елизавет.
Пирует, веселится —
Порядка ж — нет как нет¹.

Обращение к научной литературе определит: здесь и правда, и неправда.

Порядка действительно недоставало, ибо дочь — не отец. Не было у Елизаветы Петровны ни эрудиции, почерпнутой в неустанных книжных занятиях, ни трудолюбия, ни такого спектра талантов, которыми отличался заслуженно получивший титул Великого царь Петр. Политика Елизаветы во многом была лишь на словах продолжением прогрессивной преобразовательной деятельности ее отца. В совершенно запущенном состоянии оказались в ее время созданные Петром армия и флот.

И все-таки при Елизавете в России много перемен в лучшую сторону. Назовем переворот, с помощью которого она пришла к власти, — было покончено с режимом политического террора — «бироновщиной»*, с режимом господства иностранных временщиков. Вспомним бурный подъем культуры начала столетия, спад ее при преемниках Петра и новый подъем при Елизавете. Елизаветинская эпоха — это одновременно и л о м о н о с о в с к а я э п о х а, это интенсивный культурный обмен, ощущавшийся в театральной и музыкальной жизни, в активизации переводческой и книгоиздательской деятельности. Главное же — это ощутимое увеличение промышленного потенциала России, рост ее внешней и внутренней торговли². Сложная, противоречивая эпоха...

Время Елизаветы — период, имеющий блестящий фасад растреллевских сверкающих золотом дворцов и гряз-

* Среди части любителей отечественной истории (но не историков-ученых) бытует представление о «бироновщине» как о явлении, однотипном татаро-монгольскому игу. Такое представление совершенно антиисторично.

ные задворки — гниющие в портах корабли, усиление крепостного гнета, страшная история садистки помещицы Дарьи Салтыковой.

Под каким же знаком проходит становление юного Шелихова? Чего ему, его родным больше досталось — порядка или беспорядка?

Одно из мероприятий елизаветинского правительства прямо способствовало упрочению положения купечества, к которому принадлежали Шелиховы. Это было уничтожение в декабре 1753 года Указом Ея Императорского Величества всех внутренних таможен.

Означал Указ следующее: если раньше купец вез, например, партию беличьих шкур из Иркутска в столичный град Санкт-Петербург, то это было передвижение по строго установленным дорогам, где в установленных местах таможенники оценивали купеческую кладь и брали в пользу государства определенный процент с этой суммы. Но кроме того, они вымогали довольно крупные суммы и в свою пользу.

Систему внутренних таможен по справедливости стоит назвать средневековым пережитком. Заметим еще, что в современной науке подчеркивается принципиальная прогрессивность ее отмены. Этим Россия опередила Францию, где внутренние таможни были ликвидированы только вместе с монархией во время Великой Французской революции, и Германию, где такая ликвидация произошла лишь в 30-е годы XIX века³.

Итак — российские купцы вздохнули свободнее; более прочными становятся экономические связи между различными регионами страны.

...40—50 годы XVIII века не пользовались столь пристальным вниманием ученых, как первая четверть столетия — время петровских преобразований. И все же мы довольно просто найдем несколько работ, сведения которых сделают первую главу «анкеты Шелихова» такой же

говорящей, как и строка в паспорте нашего современника.

Труднее «разговорить» графу «место рождения».

В трудах историков мы обнаружим прежде всего анализ масштабных явлений: особенности развития экономики, становления и реализации внешнеполитических концепций, возникновение новых явлений в общественном сознании. «Портрет эпохи», «взгляд с птичьего полета», но в громадном полотне теряется небольшая деталь — маленький провинциальный Рыльск.

«Разговорить» графу «место рождения» должны помочь данные другой науки — краеведения. Понадобятся нам и показания свидетелей — людей, живших в Рыльске в шелиховское время, проезжавших через Рыльск, оставивших нам описание города и жизни в нем.

Память человека хранит сотни, а может быть, тысячи описаний тех мест, что мы видели в детстве, отрочестве, юности. Многие оказываются полузабытым, но в целом человек в состоянии вспомнить многое, очень многое. Однако существует ли память, хранящая увиденное не одним, а тысячами, миллионами? Существует ли память, хранящая воспоминания наших предков?

Существует.

Более 24 миллионов только книг и журналов на разных языках, добрых 400 тысяч диссертаций, несколько сот годовых газетных подшивок, миллиона полтора карт и схем хранится во Всесоюзной Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Подобные ей национальные книгохранилища, такие как Библиотека Конгресса США или Британская библиотека, журналисты награждают эпитетами «кладовая человеческой памяти», «вся память мира». Здесь мы можем работать с самой разнообразной литературой, которая по разным причинам недоступна нам дома. Это малотиражные издания научных работ, дореволюционные книги, газеты, журналы, это иностранные издания.

Два отдела «ленинки» дадут нам именно ту информацию, которая хоть в малой степени, но позволит представить ранние годы Шелихова, — Рукописный отдел и Музей книги. Здесь хранятся существующие в единственном экземпляре рукописи современников Шелихова и современные ему книги, газеты, журналы, порою также имеющиеся в единственном экземпляре.

Итак, где родился Шелихов? Открываем составленное двести лет назад одним из высших судебских чиновников Курска С. И. Ларионовым «Описание Курского наместничества»: город Рыльск... «отстоит от Санктпетербурга 1264, от Москвы 536 верст...» Повеет на нас ароматом русских садов: «... яблоки, дули (груши. — Л. С.), сливы, вишни, крыжовник, разная смородина; славны бывают особливо — тамошних яблок красноватый род, называемый араб и бергамоты...» (кому приходилось в августе или сентябре проезжать по Курской железной дороге, не забудет перроны Орла, Белгорода, Курска, где пассажирам предлагают ведра душистых, налитых, сочных, сладких яблок, груш, слив, — уже которую сотню лет дарит курская земля своими плодами людей, так же как двести с лишним лет назад — родителей, земляков Григория Ивановича). «...В огородах же садится овощ: капуста, свекла, горох, бобы, петрушка, пустарнак, огурцы, брюква, редька, морковь, репа, картофель и украинские початки, иная называемая какаруза. А в полях есть бакчи (род огорода ж), где бывают дыни и арбузы прекрасного вкуса...»⁴

Характерно отсутствие в этом перечне томатов — помидоров, но в то же время упомянуты картофель и кукуруза. Родная земля Шелихова уже оказывается затронутой «продовольственной революцией» XVIII века, когда привезенные из-за океана новые сельскохозяйственные культуры постепенно получают в Европе распространение среди народа.

Это — кукуруза, зерна которой годятся в пищу еще до

созревания, требующая минимальных трудовых затрат и дающая огромные (в сравнении с пшеницей и рожью) урожаи. Это — картофель, который был более неприхотливым, чем пшеница, давал большие урожаи в благоприятный и неблагоприятный год. Картофель, разнообразивший рацион, был, вероятно, знаком и родителям Шелихова. Правда, со школы мы помним о «картофельных бунтах», когда крестьяне отказывались сажать «чертово яблоко», но, забегая вперед, заметим, — Шелихов оценит эту новую для России культуру и будет отправлять семена картофеля в русские поселения в Америке.

Вернемся к разделу «Описание Рыльска и округа его» ларионовской книги. «Земля к плодородию отменно хороша, урожай бывает в посредственный год: рожь и конопля в 8, овес в 9, ячмень в 7, пшеница в 6, просо в 12, греча и горох в 5 раз. Льну же сеется очень мало»⁵. Значит, один пуд ржи в среднем давал по осени урожай в восемь пудов, овес — в девять и так далее.

Впервые поселение-крепость Рыльск на этих плодородных землях упоминается в летописном рассказе о походе Юрия Долгорукого на Чернигов в 1152 году. Можно считать Рыльск ровесником Москвы. Вместе со всей страной город пережил татаро-монгольское иго, а после освобождения от него стал играть роль одного из форпостов, прикрывающих южные границы России. Неоднократно Рыльск выдерживал удары татарской конницы, приходившей за поживой из Крыма и Поволжья. Военное значение города утрачивается, когда граница передвинулась на юг, когда после южных походов Петра и Северной войны перемена военно-политической обстановки в Восточной Европе стала сулить жителям южнорусских земель уверенность в завтрашнем дне. Книга С. Ларионова и описывала эту спокойную, но отнюдь не рутинную жизнь города, не страдающего больше от частых неприятельских набегов.

Небольшой городок (до 2 верст в длину на одну с по-

ловиной версту в ширину и на 6 по периметру) имел население 2 232 «души». Добавим к этим «душам» (учитывалось только мужское население) еще примерно столько же женщин и получим цифру менее чем в 5 тысяч.

Львиная доля придется на мещан, крестьян, однодворцев, связанных с производством и обработкой продуктов земледелия; проживало в городе около сотни ремесленников — сапожников, портных, шапошников и шляпников, кузнецов, бондарей, столяров; более ста человек — военные и гражданские чиновники, солдаты воинской команды и наконец — важная для нас цифра — 412 купцов.

Четыреста купцов на такой небольшой город, как Рыльск, — цифра немалая. Но следует учесть еще и то, что куплей-продажей могли заниматься (и занимались!) люди, располагавшие средствами для мелкой розничной, «мелочной» торговли, однако этих средств не хватало для записи в купечество. Торговали мещане, приторговывали крестьяне.

«Купечество и мещанство здешнее торгует, — первые родными шелковыми материями, сукнами и прочими разными вещьми, а последние (мещане. — Л. С.) мелочным товаром». Однако упоминает С. Ларионов и торговлю заграничными товарами: «Из Вены доставляются сюда разные орудия для хлебопашества, которые раскупают той (Рыльской. — Л. С.) и ближних округ поселяне»⁶.

Торговые ряды, в которых «сидят всякой день», кроме праздников, 40 лавок, а рядом, в 116 верстах, Курск с еще более интенсивной торговлей.

Курск...

Под Курском в начале весны ежегодно происходил «великий торг» — курская коронная ярмарка. В самой же столице наместничества в большом деревянном здании гостиного двора, где ежедневно шла бойкая торговля «всяким хлебом, всякими съестными припасами, напит-

ками всякого рода, шелковыми и бумажными (хлопчато-бумажными.— Л. С.), материями, сукнами, галантерею... Купечество [Курска] получает лучшие товары из заграничных мест: из Лейпцига, Данцига, Вены и из Китайского государства».

Отметим это место — «из Китайского государства» и продолжим знакомство с описанием С. Ларионова.

«Из Лейпцига и Данцига льняные тонкие полотна, сукна и разную галантерею, из Вены всякия разныя шелковые и бумажные материи и галантерею ж и для хлебопашества разныя орудия — серпы, косы и пр. ...из внутренних же [мест]: из Санктпетербурга, Москвы, Херсона, Таганрога, Калуги и Тулы [лучшие товары]». Упоминается здесь о том, что из Херсона, кроме вина и разных напитков, привозят в Курск «весьма хорошие апельсины, которые во множестве» продают из Курска в разные города. Из Курска же — «от себя» в другие места продавали медь, воск, сало, конопляное масло, пеньку, веревки, щетину, лисьи и волчьи меха. Это прежде всего в Петербург, в Москву же через Курск поступали крупные партии скота и лошадей из соседнего с Курским — Орловского наместничества⁷.

Курская земля, когда-то прикрывавшая своими городами-крепостями центральную часть Московского государства, теперь, в середине XVIII столетия, оказалась на самом перекрестье торговых дорог. Более тысячи курских, более четырехсот рыльских купцов, купцы Путивля, Севска, Глухова — это были люди, немалую часть года проводившие в дороге, обменивавшиеся информацией, слухами, люди, занятие которых требовало «острого и дальновидного разума», «немалой расторопности».

Становится ясным, что родной город Шелихова в середине XVIII века был прежде всего торговым центром, соседние с ним города — такие же торговые центры. Жизнь на родине Григория Ивановича совершенно не похожа на описания беллетристов. «На тихом Сейме,

что дугой опоясывал старый Рыльск, дремавший на его берегу... В Рыльске тишину любили...»⁸ «В середине XVIII века в сухопутном, захолустном Рыльске большинство жителей и не слыхивали про Охотск, Камчатку, Тихий океан, а про Иркутск смутно знали, что это даль невообразимая и невозможная...»⁹

А на деле? Достаточно бурная общественная жизнь. Отзвуки ее мы находим в многотомной истории С. М. Соловьева, упоминающего о столкновениях местного купечества и чиновников¹⁰, отзвуки ее — в описаниях XVIII века, где о рыльских купцах прямо говорится: «склонны к тяжбам и беспокойствам»¹¹. Мало того, что жители шумных торговых перекрестков узнают иные новости своей страны и других государств скорее, чем столичные подписчики газет, кое-кто из земляков Шелихова еще и сам участвует в географических экспедициях, организованных правительством,— в Курске действовала навигационная школа, ученики которой, в частности, проводили картографическую съемку Байкала¹².

Эт о место рождения и эт о время многое обусловят в будущей жизни Шелихова. Можно ли, например, было остаться сыну купца без всякого образования? Можно ли, не опасаясь ужесточающейся конкуренции со стороны торгующих сограждан, надеяться на успешное продолжение дела отца?

Стало уже общим местом описание того, как учились наши предки. Легко приходит на память сцена «Детства» Горького, где дед учит внука по «Азбуке»: «Аз, буквы, веди, глаголь, добро...» За «Азбукой», где, кроме алфавита, были упражнения для чтения по слогам и целые тексты, следовало изучение Псалтыри — одной из библейских книг, авторство которой принадлежит, по преданию, легендарному царю Давиду, юношей победившему великана Голиафа. Псалтырь заучивали наизусть по главам — кафизмам. Зная Псалтырь, можно было приступить к заучиванию следующей книги, которая также

играла роль учебника,— это был Часовник, содержащий молитвы, читавшиеся в определенное время — «по часам».

Сегодня нередко участники полевых археографических экспедиций привозят рукописные копии этих книг, переписанные нетвердыми ученическими почерками; попадают археографам и самодельные тетрадки с отдельными кафизмами, списанными с печатных Псалтырей, с упражнениями из Азбук. В шелиховское время могла использоваться при домашнем обучении и знаменитая «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, учебник, известный тем, что по нему учился Михаил Васильевич Ломоносов.

Мы не случайно говорим о домашнем обучении. В провинциальном Рыльске училища для детей податных категорий населения появятся только в 80-х годах XVIII века, когда в России будет реализована реформа системы народного образования. Первые шаги к реформе, правда, были предприняты еще в 60-е годы — но не в провинции, а в столицах.

Ну а Шелихов скорее всего получил домашнее образование. Термин «домашнее» вовсе не означает, что его обязательно учили отец или дед,— известно, что в середине XVIII века повсеместно практиковали учителя, занимавшиеся с детьми, и не только с детьми дворян, у себя дома чтением, письмом, математикой.

Не зная наверняка, где именно учился юный Шелихов, мы можем, занимаясь в читальных залах «ленинки», перелистывать книги, по которым он мог учиться. Несколько книг мы уже назвали, добавим к ним пособия по математике. Назовем еще один «ломоносовский» учебник — он каждому придет на память,— «Арифметика» Леонтия Магницкого, содержащая еще и сведения по географии, навигации, астрономии.

Но «Арифметикой, наукой числительной», не ограничивался набор математических учебников, которыми пользовались сверстники юноши-Шелихова. Это могли

быть «письменные» (рукописные) арифметики, десятилетиями хранившиеся в семьях, — «Цифирная счетная мудрость»; мог быть учебник, изданный в 1682 году в Москве, — «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякия вещи». Можно представить, что на стене в доме Шелиховых висел гравированный лист — своеобразное наглядное пособие «Новый способ арифметики или феофики или зрительная» с математическими правилами и примерами, поступивший в продажу в 1705 году.

Практически все эти пособия содержали задачи, напрямую взятые из жизни русских купцов. Нарисуем в своем воображении картину — несколько мальчиков, а среди них и Гриша Шелихов, старательно выводят мелом на аспидных досках (из черного глинистого сланца) под диктовку: «Два гостя сложились торговати. Первый положил 10 рублей на 7 месяцев, и другой положил 12 рублей на 6 месяцев. И приторговали вместе 50 рублей. Ино по скольку которому прибытка досталось?»*

Приобретенное в процессе домашнего обучения умение читать и писать, навыки «адиции» (сложения), «субстракции» (вычитания), «мультипликации» (умножения),

* Настоящий пример, взятый из «Цифровой счетной мудрости», приводится нами по книге «Очерки русской культуры XVII в.» — данная «задача моделирует следующую торговую ситуацию. Для реализации закупленной партии товара требуется семь месяцев. Необходимых денег у торговца нет, ему не хватает примерно половины суммы. Он мог обратиться к ростовщику или пригласить кого-то из торговцев войти в пай. Нашелся человек, который мог торговать совместно шесть месяцев. Оба торговца объединили капитал, купили товар, а через полгода произвели расчет. Выходящий из торговли человек получил свой первоначальный взнос и причитающуюся ему долю прибыли. Эта доля пропорциональна не только величине первоначального денежного вклада, но и времени участия в совместной торговле. Оставшийся торговец продолжал торговать еще месяц» (Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 49).

«дивизии» (деления) — тот минимум, который, думается, не мог не получить Шелихов. Есть, конечно, соблазн добавить к этому минимуму знания по географии (и вывести отсюда будущий интерес Шелихова к путешествиям), по истории, словом, все те знания, что присутствуют стереотипу исторической личности. Фонд редких книг «ленинки» предоставляет возможность поддержать в руках, просмотреть многое из книг, имевших хождение в России в середине XVIII столетия. Мы можем, например, заказать «Генеральную Географию» Бернарда Варения или «Синописис» (своеобразный учебник истории) Иннокентия Гизеля.

Домашнее обучение в купеческой среде было не столь долгим и глубоким, как в дворянской. Как правило, в XVIII веке в купеческих семьях после приобщения к названному выше минимуму знаний юноша переходил к практической форме обучения, сын рано становился помощником в торговых делах отцу, племянник — дяде. «На практике молодые купцы овладевали навыками различных форм торговли, учились выяснять конъюнктуру рынка, цену товара, условия торговли на разных рынках, умению отбирать товар при оптовых и розничных закупках, постигали механизмы кредитных сделок, учились брать подряды, нанимать транспортных работников, рассчитывать издержки и прибыль...»¹³ Конечно, середина столетия знает и таких купцов, как Василий Никитич Каржавин, давший своему сыну Федору университетское образование в Париже, но в ту эпоху этот факт — редчайшее исключение.

В шелиховское время появляются только самые первые книги по вопросам коммерции, в «купеческих университетах» обучение проходит устно.

Трудно с полной определенностью ответить на вопрос: где Шелихов впервые познакомился с пушной торговлей (сфера, в которой ему предстояло сделаться одним из главнейших людей в России). Может быть, какие-

то лавки, постоянно торговавшие мехами, и появились в Рыльске после оживления конъюнктуры, связанной с отменой в 1756 году государственной монополии на вывоз мехов за границу. Но скорее всего это знакомство могло произойти во время Курской коронной ярмарки, когда совсем еще юный Григорий Иванович забрел (или его завели) в невзрачную лавку без особой вывески, без каких-либо украшений. Это было принципом тогдашней торговли — чем драгоценнее товар, тем скромнее оформлялось торговое место. Сошлемся на более позднее, правда, описание Макарьевской ярмарки в Нижнем Новгороде (г. Горький), где рассказывается о продаже сибирской пушнины в темных лавках, внутри которых расставлены ящики, покрытые рогожей или совсем простыми коврами. Каждого хотя бы и случайно зашедшего в лавку угощают чаем, но купец, скромно одетый, не торопится предлагать свой товар, не спешит показывать образцы. И понятно — торговцы мехами предпочитают иметь дело с солидными и желательно постоянными покупателями, стараются реализовать товар крупными партиями¹⁴.

Каждый купец относился к своему занятию как к искусству, требовавшему особых знаний, навыков и таланта. В еще большей степени их требовала меховая торговля.

«Знающий купец смотрит соболей в ясную погоду, когда небо от облаков бывает чисто и то в светлице перед окном, в которое не светит солнце. Солнечное сияние блеском своим придает соболям глянец более, нежели каков они имеют от природы, а при том отымают у них несколько черноты. Напротив того, мрачное и пасмурное небо затмевает глянец, а умножает черноту. Для сей же самой причины не смотрит он поутру рано так же и под вечер. Он сперва их трясет, чтоб шерсть прилегла гладко, вертит и ломает в длину и поперек для изнаiania подсады (подшерстка.— Л. С.) кладет их перед собою на

землю, высматривает их из близи и поодаль, чтоб об оси и черноте точнее разсудить, также — не вытерлась ли где, или шерсть не склочилась ли и наконец примечает величину, самец или самка, для того, что самка несколько дешевле и они не так велики как самцы и притом и шерсть не так густа или пышна»¹⁵. Книга, из которой мы привели цитату, — «Историческое описание российской коммерции» Михаила Дмитриевича Чулкова, многотомное издание, вышедшее в 80-е годы XVIII века, уже после того, как Шелихов прочно встал на ноги.

В «Историческом описании» отражены те знания, что долгое время передавались из поколения в поколение. Их и предстояло освоить Григорию Ивановичу. Но если первое знакомство с пушной торговлей могло случиться и дома, то познавать ее премудрости Шелихов будет уже в Иркутске.

В 1787 году в своем «доношении» иркутскому генерал-губернатору Шелихов называет причины, побуждающие его к деятельности, «распространяющей» российские владения на Восток. Среди них — стремление «быть предкам своим подражателем». Шелихов не упоминает, правда, какому именно поступку предков он подражает, говорит лишь о том, что в свое время они получили особую награду не от кого-нибудь, а от самого Петра Первого с надписью «серебрянные с гербами золоченые ковши»¹⁶.

Правда это или нет? Известно только, что Петр после Полтавской битвы действительно побывал в Рыльске¹⁷.

Пока не нашлось ни каких-либо доказательств правдивости, ни каких-либо опровергающих шелиховский рассказ аргументов. Но важно другое. Даже если мы имеем дело с семейной легендой или прямым вымыслом, по сути все верно. Петровские преобразования в елизаветинскую эпоху (отразившиеся не так в делах, как в риторике) дали сильный импульс развитию мореплавания, кораблестроения, торговых связей, географии, этнографии,

наконец — развитию патриотического самосознания, которое неминуемо ощущается на протяжении многих поколений в самых различных социальных слоях русского общества. И купечество — и столичное, и провинциальное — не исключение!

Слово оппоненту. Все хорошо в Ваших рассуждениях, кроме одного. Вы начинаете «анкету Шелихова» с графы «год рождения» (хорошо бы уточнить день и месяц, но уж ладно) и графы «место рождения», не хватает еще одной, которая когда-то была во всех анкетах, а сейчас почему-то в некоторых отсутствует: «социальное происхождение».

Вы все проверяете сведения беллетристов, а почему же принимаете на веру то, что Шелихов родился в семье купца? Если не доказать этого, если он по происхождению мещанин, крестьянин, солдат, а купцом стал позже, то все Ваши рассуждения о влиянии эпохи на русское купечество, об образовании купеческих детей начнут повисать в воздухе!

Р. С. ...Вход в научные читальные залы Библиотеки имени В. И. Ленина на перекрестье двух проспектов — Маркса и Калинина. Через дорогу к Кремлю — особняки XIX века, дальше, за домами, купола кремлевских церквей и верхушки башен с рубиновыми звездами. Само окружение комплекса зданий «ленинки» — особое «многоголосие эпох». Открывая тяжелую входную дверь в вестибюль, шум проспекта Маркса за спиной ощущаешь как шум, оставленный многими поколениями людей, побывавших здесь, на этом месте, которое когда-то называлось Борисоглебской площадью и Троицким проездом.

«Многоголосие эпох» и в каталогах библиотеки — издания разных времен, разных типографий. Но «XVIII век гораздо труднее своих предшественников для изучения...»

День за днем прорабатываются справочники, все новые и новые требования-заказы отправляются в путешест-

вие по многокилометровой сети пневмопочты, связывающей зал каталогов с подземными книгохранилищами, оттуда приходят книги в читальный зал, а иногда отказы— «в реставрации», «утеряна», «числится за читателем таким-то». Рабочие тетради заполняются выписками, но нет в них искомым сведений о родителях, о родных и близких, о дедах и прадедах Шелихова. Если бы он был москвичом! В многотомных «Материалах для истории московского купечества», изданных за сто лет до нашего времени, помещены данные неоднократных переписей-ревизий XVIII—XIX веков. Здесь возраст и величина купеческого капитала, здесь адрес и перечень членов семьи — перелистывай себе страницы и только не спеши, чтобы не пропустить нужную фамилию.

Как было бы хорошо, если бы в «ленинке» имелись такие же «Материалы» для истории купечества других городов и в их числе — Рыльска, Иркутска!

Если бы...

Но оставим пока уже привычные места в научном читальном зале, в читальных залах Рукописного отдела и Музея книги ради более трудоемкого и более интересного поиска — архивного.

КУПЦЫ ШЕЛИХОВЫ

ГЛАВА 2

Так что же это такое — архивы, архивные материалы? — Слова эти употребляются в разных значениях, да к тому же значения эти менялись во времени. В конце [XIX] века под архивными материалами понимали совокупность всех тех рукописных, изобразительных и печатных документов, которые в официальном порядке оказывались в стенах государственного учреждения, — приказы, циркуляры, отношения официальная переписка — словом, все бумаги, отражающие деятельность учреждения и попавшие на государственное хранение... Одним из первых определений архива, близким к нынешнему пониманию, было такое: приведенное в порядок собрание документов, образовавшихся в процессе деятельности организаций или отдельных лиц...

М. Чудакова. Беседы об архивах

Начиная со времен Петра, когда преобразователь создал громадный бюрократический аппарат для управления Российской империей, коллегии, конторы, воеводства, магистраты, сенатские и синодские департаменты — присутствия — функционируют (всякий

день, кроме воскресных и праздничных), порождая массу документов — рапортов, доношений, промеморий, определений, докладов и пр.

Прежняя бюрократическая практика межведомственного обмена (а порой — бесконечного круговорота) бумагами, как бы плохо в принципе мы к ней сегодня ни относились, только радует сердце историка. Чем больше документов, тем больше шансов найти в каком-то из них упоминание об интересующем нас человеке. Злой сарказм «Без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек» оборачивается неожиданным смыслом. Люди приходят и уходят, но отразившие деятельность людей «бумажки» — документы ложатся на сукно и под сукно учрежденческих столов, а потом (в бюрократическом механизме — совершенно обязательно) попадают в учрежденческий архив, где могут храниться долгие годы, пока их не обнаружит счастливый этой находкой историк.

Книголюбам знаком емкий эпитет Поля Клоделя, сравнивавшего большую библиотеку с угольной шахтой, пласты которой полны окаменелостей, отпечатков, загадок. Но этот эпитет более применим по отношению к архивам. Непосредственно деятельность людей «отпечатывается» не в книгах, хранящихся в библиотеках, а в документах, находящихся в архивах. Да и с загадками скорее можно встретиться в читальном зале архива, чем в библиотечном. Авторы книг разъясняют, пытаются разгадать загадки (хотя и не всегда успешно), другое дело — «авторы» документов. Одно из определений бюрократии — «пренебрежение к существу дела, ради соблюдения формальностей», смысл документов XVIII века часто темен, загадочен.

В каком же из пластов угольной шахты архивных хранилищ искать «отпечатки» Шелихова и его предков?

На первый взгляд — и ответить на этот вопрос и обнаружить информацию о семье купцов Шелиховых бу-

дет несложно, если не забывать об особенностях петровского, послепетровского и елизаветинского времени.

Ускоренное развитие России, постепенно догонявшей передовые европейские державы, оплачивалось огромными государственными расходами — армия, флот, строительство военных укреплений и дворцов, траты на «представительство» — пышные дворцовые празднества, деятельность дипломатических агентов за границей — все это требовало денег, денег и еще раз денег. Отсюда и налоговая реформа, проведенная незадолго до окончания Северной войны. Теперь подати-налоги собираются не со двора, а с «души», с каждой головы мужского пола — от младенцев до глубоких стариков.

Данные о количестве этого податного населения, включавшего крестьян и «городовых обывателей» и не включавшего дворян и духовенство, были важной основой финансовой политики и должны были храниться долго и надежно.

Где, в каком архиве хранятся переписи, упоминающие Шелиховых? Подсказка содержалась в книге Александра Ивановича Алексеева, доктора исторических наук, бывшего моряка-гидрографа, автора многих работ по истории освоения Тихоокеанского региона. Изданная в 1975 году «Судьба Русской Америки» рассказывала о том, как были открыты Алеутские острова и Аляска, как и почему царское правительство уступило свои владения в Новом Свете Соединенным Штатам. А. И. Алексеев в этой книге попутно касался деятельности первооткрывателей, таких как Витус Беринг и Леонтий Загоскин, Иоанн Вениаминов и Григорий Шелихов, описывал ее, привлекая вновь найденные архивные документы.

Находки позволили автору «Судьбы Русской Америки» уточнить имена двоих представителей шелиховского рода — отца Григория Ивановича, Ивана Афонасьевича, и значившегося в ревизских сказках за 1737 год купца города Рыльска Афонасия Шелихова¹. Эти ревизские

сказки А. И. Алексеев обнаружил в Центральном государственном архиве древних актов.

..Более 5 миллионов единиц хранения, а единицей хранения может считаться и отдельный документ, и «книга», в которую переплетены сотни документов, В ЦГАДА хранятся пергаментные рукописи и грамоты XIV века, переписка между бюрократическими ведомствами XVIII века, «сказки» казаков-первопроходцев — открывателей Сибири и многое-многое другое.

От Библиотеки имени Ленина добираемся на метро до станции «Фрунзенская», а оттуда бывшим Трубецким переулком (ныне переулок Хальзунова), где была когда-то усадьба князей Трубецких, к Большой Пироговской. Целый квартал занимает архивный комплекс; кроме ЦГАДА здесь Центральный государственный архив Октябрьской революции и Центральный госархив Народного хозяйства. Нам — в красивый старинный особняк, в нем на втором этаже цагдавский читальный зал: столы, настольные лампы, «микрофоты» — аппараты для чтения переснятых на пленку документов, шкафы с описями, дающими представление о содержании архивных дел, старинные часы.

У А. И. Алексеева сведения за 1737 год. Мы же начнем с данных первой ревизии, проходившей в Рыльске с 1722 года.

«Свидетельство душ», с которых впредь и должна была казна получать подати, проводилось здесь солдатами Нижегородского полка полковника Андрея Ивановича Чернышева — утайка от ревизии домочадцев-налогоплательщиков грозила немедленными и «немилосердными» карами.

Вчитываемся в торопливые извивы скорописи ревизских сказок. Статистические данные, полученные «пером и штыком», позволяют судить о разнообразии деятельности рыльских горожан и о том, что торговля являлась фамильным занятием шелиховского рода. Указывали эти

данные и на существование целого клана Шелиховых-купцов, живших в Рыльске и находившихся между собой в сложных родственных связях.

Здесь, например, купец Прокопий Герасимович Шелихов, 62 лет, имевший сына Ивана, занимавшегося мельничным промыслом, а кроме того, еще и сеявший хлеб¹. Другой представитель рыльского купечества и фамилии Шелиховых — Григорий Федорович — 35-летний торговец москатиным товаром (клеем, красками, кистями и пр.). У Григория Федоровича также был сын, но совсем еще маленький — Петр, четырех лет².

Интересен и другой купец — «города Рыльска гостинной сотни Афонасий Тимофеев сын Шелихов», живший в приходе Вознесенской церкви. Так же как и его однофамилец Григорий Шелихов, Афонасий Тимофеевич торговал москатиным товаром в самом Рыльске и на Украине «в малороссийских городах». В момент проведения ревизии ему 21 год, имевшимся у него братьям — Семену и Петру было соответственно 7 и 6 лет³.

Хозяйство Афонасий Тимофеевич имел немалое, кроме торговли, он держал какое-то стадо, причем «для сбережения скотины» в деревне Пушкарной под Рыльском имел собственный двор, в этой же деревне вместе со своим дядей Афонасием Прокопьевичем (не жившим в Рыльске!) держал пасеку. Мало того, с упомянутым Прокопием Герасимовичем Шелиховым, который приходился Афонасию Прокопьевичу дядей, он держал «выше села Никольникова, на речке Амоки», мельницу на «три камня» — три мельничных жернова, при ней «толчею сукновальную» и «приезжий двор». Однако ревизская сказка содержала, кроме того, сведения о крепостных Афонасия Прокопьевича — их ни мало ни много, а 6 человек, да к тому же два человека трудились на него как наемные работники⁴.

Есть еще один Шелихов — Захар Иванович, торговавший в Рыльске и малороссийских городах москатиным

товаром и имевший «старинных крепостных работников», которые содержали в пригородной деревне Пушкарной «двор для пригону скота»⁵.

Обнаруживается еще и Петр Иванович Шелихов, 41 года, также занимавшийся куплей и продажей москатинного товара⁶.

Это — Шелиховы первых десятилетий XVIII века, нас же в большей степени интересует поколение Григория Ивановича, иными словами — материал ревизий конца 40-х и начала 60-х годов. Но каково же разочарование, когда все попытки обнаружить его в фондах ЦГАДА оказываются безуспешными!

Помочь тут может другая статистика, например, та, которую в шелиховское время, согласно петровским еще регламентам и установлениям, ведет духовное ведомство. Это учет родившихся и умерших, сочетающихся браком, учет посещений прихожанами своих священников для исповеди. Но увы, в ЦГАДА нет ни метрических книг, ни исповедальных ведомостей по городу Рыльску за интересующий нас период. Нет здесь и материалов рыльского городского управления, нет «обывательских книг», где фиксировалось место жительства, род занятий, семейное положение горожан. Следовательно?

Следовательно, требовалась поездка на родину Шелихова, в теперешнюю Курскую область.

К счастью, возникновение нужды в такой поездке было предусмотрено заранее. Поэтому среди официальных писем с просьбами разрешить занятия в государственных хранилищах имелись отношения в библиотеку, музей и архив Курска. В «Путеводителе» по фондам Курского областного архива значились материалы церковной статистики за нужные нам годы. И все бы ничего, но после не находки в ЦГАДА оживился червячок сомнения. Если в курских хранилищах имеются какие-то материалы, связанные с Шелиховым, то почему ни в XIX веке, ни в наше время никто их не обнаружил, не опубликовал,

не использовал. Стоит ли ехать, терять время, чтобы вернуться с пустыми руками?

• • •

В Курске по утрам заливались соловьи, но, увы, оправдывались опасения — в музее и библиотеке не имелось никаких шелиховских материалов. Телефонные переговоры с музейными работниками в Рыльске дали тот же отрицательный результат.

С разочарования началась и работа в областном архиве.

Метрические книги и исповедальные ведомости когда-то находились (о чем информировали справочники) в архивных фондах, но сравнительно недавно материалы эти были переданы в Белгородский областной архив. Почему? Потому что часть населенных пунктов созданной в 70-е годы XVIII века Курской губернии в середине столетия относилась к губернии Белгородской. Передать передали, а в «Путеводитель» по фондам Курского архива изменений не внесли.

Итак, на поиски шелиховских метрик надо было отправиться в соседнюю область — Белгородскую, взяв с собой отношение «с указанием темы исследования, подписанное руководителем учреждения, где работает исследователь, имеющее исходящий номер и заверенное гербовой печатью»¹. Дух великого преобразователя по-прежнему присутствует в архивных стенах...

Ладно, если бы нужна была лишь поездка в Москву, но ведь «учреждение, где работает исследователь», расположено от Курска и от Москвы в нескольких тысячах километров! Идею о поисках в Белгородском архиве пришлось оставить сразу же. Искать надо было в доступных архивных пластах, среди документов Курского областного архива, относящихся к 80-м годам XVIII столетия.

...Как правило, в местных архивохранилищах из дореволюционных фондов одним из самых объемных является фонд консистории — органа управления церковью, монастырей, семинарий и пр. В свою очередь в консисторском фонде самая неудобная для работы часть — как раз метрические книги и исповедальные ведомости, не имеющие заглавий, раскрывающих содержание, не имеющие именных указателей, заполненные трудночитаемыми записями. А если исследователь ко всему еще и не знает, в каком из церковных приходов жил нужный ему человек?

В нашем случае поиск осложнялся тем, что в 80-е годы Шелихов, хотя и числился рыльским купцом и платил подати в Рыльске, жил за тысячи верст от своего родного города и фактически являлся иркутским жителем. Приходилось ли надеяться на то, что он бывал в Рыльске наездами, что в какой-нибудь исповедальной ведомости мелькнет: «...Григорий Иванов сын Шелихов... жена ево... дети ево... брат ево...» или что-то в таком духе? Если да, то в ведомостях за какой год вероятнее всего найти подобную запись?

Вспомним статью в «Исторической энциклопедии»: в 1783 году Шелихов отправляется в Америку, предварительно составив промысловую компанию с курскими купцами Голиковыми. Вполне допустимо предположение, что для договора с будущими компаньонами Григорий Иванович приехал из Сибири в Курск. Здесь он уж наверняка проехал и 116 верст, чтобы увидеться с родственниками в Рыльске, где вполне мог побывать на исповеди. Приняв это предположение, надо было искать в ведомостях церковей за годы, предшествующие путешествию, — 1782, 1781, в крайнем случае — 1780.

...На третий день непрерывного перелистывания заполненных священническими небрежными почерками исповедальных ведомостей и метрик «мелькнуло»: «...ноябрь... 14... браком сочетались у рыльского купца Григо-

рия Шелихова дворовой его человек Михайла Киреев сын Шелихов с отроковицею Анною Андреевой дочерью, оба первым браком...» А чуть ниже еще одна запись: «...24... у рыльского купца Григория Ивана сына Шелихова родилась дочь Екатерина; восприемниками были пувильский помещик Федор Ильин сын Щечкин с рыльской подъяческой женою Гликериею Ивановою дочерью Луцевиною»⁸.

О чем говорят эти записи, сделанные в 1781 году священником Вознесенской церкви?

Во-первых, здесь мы обнаруживаем довольно неожиданный факт — Григорий Иванович был владельцем крепостных. Не будем, впрочем, предаваться изумлению. В первой половине XVIII века крепостных имели не только купцы, но и архиерейские и монастырские слуги и даже государственные крестьяне. Конечно, найти в этой недворянской среде владельцев многих десятков и сотен «душ» невозможно. Заметим лишь, что право душевого владения во второй половине XVIII столетия было существенно ограничено, по наследству передавать их было нельзя, к тому же покупать крестьян с землей и без земли беспрепятственно могли лишь одни дворяне⁹. Но купечество, особенно самое «капиталистское», не оставляло усилий, добиваясь возможности приобретать крепостных¹⁰.

Во-вторых, мы видим, что накануне своего американского путешествия Шелихов приезжал на родину вместе с женой. Но круг их общения не исчерпывался только купеческой средой. Приглашение в крестные помещика — факт достаточно любопытный и вряд ли имевший место в том случае, если бы старшее поколение Шелиховых занималось в Рыльске мелочной торговлей.

И еще одно, о чем можно судить по метрической книге: маловероятно, что Шелиховы принадлежали к старообрядчеству, как об этом пишут некоторые биографы. Принадлежность к расколу обязательно оговаривалась. В

подобном случае запись о рождении выглядела бы так: «...у рыльского купца, записного раскольника...»

За первой находкой последовали и другие. Важнейшая — ревизская сказка Шелихова-отца, «поданная июня 3 дня 1782 года». Здесь упоминается сын — Григорий и «у сына жена Наталья Алексеева дочь из Сибири»; записаны сюда и их дети — полугодовалая Катерина, полуто-рагодовалая Анна и трехлетний Михаил¹¹.

Из этой сказки мы узнаем о существовании брата Григория Ивановича — Василия, которому в 1782 году было 22 года, и сестры «Грапены» — Аграфены, выданной замуж за помещика Петра Дьякова в село Козьи Угоны.

Узнаем мы еще одну весьма важную деталь. В сказке, составленной 3 июня 1782 года, отмечено, что Григорию Ивановичу 33 года, следовательно, он родился не в 1747 году, как считают биографы, как указывается в «Исторической энциклопедии», а в 1748 или даже 1749. Заглянем в рабочую тетрадь с выписками, сделанными в «ленинке». Здесь отмечен среди прочих и тот вариант датировки рождения, что указан в эпитафии на могильном памятнике Шелихову. Надпись цитируется всеми биографами, но почти никогда не приводится ее полный текст. Выбрасывается именно это место: «...родился года 1748...» А дата, очевидно, подлинная.

Итак, дата рождения — 1748 год, после 3 июня. Ради этого уточнения, пожалуй, стоило ехать в Курск!

Соединение данных метрической книги и ревизской сказки позволило с большим основанием предполагать эпизоды биографии Григория Ивановича и даже отдельные детали этих эпизодов. К примеру, представить сцену крестин, когда перед священником, читающим над младенцем молитвы «Чина крещения», стоят 19-летняя мама — Наталья Алексеевна, 33-летний Григорий Иванович, солидные, приодевшиеся крестные и Шелихов-старший — 54-летний Иван Афонасьевич, степенно взвешивающий на происходящее...

Однако главное — в ином свете представлялся отъезд Шелихова в Сибирь, который биографами связывался со стремлением к быстрому обогащению, страстью к приключениям или с разорением отца. «На осеннем торге, что всю округу собирал, — крик на площади великий, — отец Гришатки обмишулился. Товар ему негожий подсунули. Гниль. Но обману он не распознал, а когда понял — поздно было»¹².

В ревизской сказке было отмечено, что в 1770 году Григорий Иванович одновременно потерял брата и мать. Причины смерти 42-летней Аграфены Ивановны и 14-летнего Степана не названы, это было бы против правил оформления ревизской документации, но вряд ли будет ошибкой наше предположение, — это чума.

Заметим, что Г. Шелихов — лишь один из многих, кто в 70-е годы покинул родной дом. Уже в начале десятилетия массы людей были приведены в движение начавшейся войной с Турцией, одно за другим (и еще до Пугачева!) вспыхивают крестьянские восстания, усиливается волна крестьянских побегов — бегут помещицы крестьяне и крестьяне приписные — с олонецких, уральских, алтайских заводов. Покидают родные места и дворяне, опасаясь мести беглых. Самая ощутимая волна перемещений, коснувшаяся едва ли не половины тогдашнего 17-миллионного населения России, порождена Крестьянской войной — «пугачевщиной», затронувшей юго-восток Европейской России и Урал. Юго-западные губернии и Москва испытали другое — «чумной бунт» и саму «черную смерть».

«Русское войско по вступлению в Молдавию встретило там врага гораздо опаснее турок — чуму, — пишет Сергей Михайлович Соловьев. — В конце лета 1770 года она перешла русские границы, быстро распространилась по Малороссии, начала появляться на границах Великой России, в Севске, Брянске»¹³. От Севска до Рыльска — буквально рукой подать!

В 1770 и 1771 годах в губерниях, задетых эпидемией, по воскресеньям одна и та же картина — крестный ход, когда люди с иконами и другими церковными святынями обходят границы своих приходов, возносят молитвы в надежде, что Господь оградит их от неотвратимого несчастья. Не помогали ни молитвы, ни медицина. В сентябре 1771 года московский генерал-губернатор П. С. Салтыков писал: «Болезнь уже так умножилась, что никакого способу не остается оную прекратить... Из Москвы множество народу подлого побежало... дворянство все выехало по деревням»¹⁴.

Вероятно, в 1771 году, после годовщины смерти Аграфены Ивановны и Степана, после смерти в июне двоюродного брата Ивана Афонасьевича — рыльского бургомистра Петра Шелихова¹⁵ глава семьи мог принять решение — отослать старшего сына в Сибирь, подальше от чумы, не только угрожавшей жизни людей, но и нарушившей все торговые связи.

Дома — несчастья, страхи, неуверенность в завтрашнем дне. А в Сибири? Выписки, сделанные во время занятий в «ленинке», позволяют представить, каким контрастом в сравнении с переживавшей чумную эпидемию рыльской округой предстал перед 22—23-летним Шелиховым Иркутск.

«Пушные товары — первая и главная торговля иркутских жителей. Торгуют также и всеми Европейскими и частью Азиатскими товарами, привозимыми из Москвы через Казань и Тобольск, а вторыми из Кяхты и Китая». Шелихов увидел гостиный двор со множеством лавок (потом, через десять лет, будет выстроен еще один и число лавок только в гостиных дворах достигнет 500, а были и другие лавки, вне их!). «Нет недостатка ни в виноградных винах, ни в водках, ни в сахаре и чае, ни в сукнах, полотнах и шелковых материях. Легко можно достать посуду серебряную, медную, оловянную, хрустальную и деревянную всякую. Всякие овощи, закуски, пряные ко-

ренья, масла, уксус, спирты, травы, краски и все почти, что только есть в Москве и Петербурге»¹⁶.

«Сей город есть один из наизнатнейших и больших городов в Сибири»,— писал М. Чулков. «Купчества в нем 2864 человека... богатых мещан, купцов и мастеровых здесь много; купцы торгуют в просторном, но деревянном гостином дворе, построенном на берегу реки Ангары...»¹⁷

Во многом представшее перед глазами молодого человека было неминуемым следствием отмены монополии казны на вывоз пушнины в 1762 году. Резко расширяются масштабы Кяхтинской торговли. Если раньше купцы могли продавать китайцам выделанные кожи, овчину, скот, скобяные товары, то теперь одним из основных предметов торговли становится пушнина.

Торговый бум затронул не только саму Кяхту и Иркутск — китайская торговля активизировала процесс складывания сибирского рынка плюс к этому в торговые операции втягивались жители Тотьмы и Великого Устюга, Москвы и Петербурга, купцы, мещане, крестьяне многих губерний России. В том числе и земляки Шелиховых¹⁸.

...Начинается новая жизнь — иркутская.

Какая она? Биографы-беллетристы пишут о том, что Шелихов становится приказчиком у своего родственника Ивана Ларионовича Голикова, курского купца, торговавшего в Иркутске. В действительности мы не располагаем документальным подтверждением родственных связей клана Шелиховых и Голиковых. Сохранившийся же до наших дней контракт, согласно которому Григорий Иванович выполняет в Якутии, в Охотске и на Камчатке поручения Голикова, относится только к 1778 году. Единственное документированное известие о начале иркутской биографии Григория Ивановича содержится в эпитафии надмогильного памятника: «...начал торговлю свою во окраинах Сибири в 1773 году...»

Слово оппоненту. Все это весьма интересно, хотя предположение о причине отъезда Шелихова в Иркутск — всего лишь предположение. Но заметьте, — если в предыдущей главе речь шла о детстве, об учебе — это время с конца 40-х по начало 60-х годов XVIII века. А где же 60-е годы, где юность? Из кого все-таки складывался «клан Шелиховых»?

Р. С. Уже по возвращении из Курска работа в ЦГАДА с делами Главного магистрата, органа, контролировавшего и определявшего в XVIII веке купеческое самоуправление на местах, выявила, что еще один представитель шелиховского клана покинул в 70-е годы Рыльск. Это был дядя Григория Ивановича — Федор Петрович, взявший в августе 1774 года паспорт для торговли в Москве. Федор Шелихов еще до истечения срока паспорта сумел добиться разрешения записаться в московское купечество¹⁹.

Отец, брат и сестра, другие родственники — в Рыльске, дядя — в Москве, с ними Григорий Иванович не мог не обмениваться письмами. В переписке Шелиховы должны были обсудить между собой происходившие перемены — возвращение торговли в нормальную колею после чумы и пугачевщины, коснувшееся их введение нового порядка сбора налогов с купцов (1775)*, новый порядок отбывания купечеством рекрутской повинности (1776)**.

Может быть, среди писем 70-х годов найдутся фактуры, счета, книги записей и расходов, переписка более раннего времени? Где же искать следы «шелиховского фамильного архива»?

* 25 мая 1775 г. был обнародован указ «О сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии» (ПСЗ. Т. XX. № 14327). Теперь для записи в третью, низшую гильдию надо было иметь не менее 500 руб. капитала, для записи во вторую — не менее 1000, для записи в первую — не менее 10 000 руб.

** С 1776 г. купеческий сын в случае выпадения на него рекрутского жребия мог откупиться от солдатской службы, заплатив 360 руб. (ПСЗ. Т. XX. № 14509).

ГЛАВА 3

Время в дороге — к примеру, в поезде, идущем из Курска в Москву, — течет быстрее в размышлениях над рабочими тетрадами. Это и новые попытки представить эпизоды биографии Шелихова, и выбор дальнейших путей поиска.

О чем же мог написать отцу Шелихов в своих самых первых письмах из Иркутска?

О большом и красиво расположенном на берегу Ангары городе с величественными каменными церквями, но в основном застроенном тесноватыми деревянными домиками¹.

О том, что в Иркутске только-только начинают выкладывать на улицах деревянные тротуары «в одну теснину», а тех домовладельцев, кто этого не делает, бьют плетью у ворот собственных домов².

О том, что в Иркутске впервые сделана прививка оспы и ходят слухи об открытии специального оспопрививательного дома...³

Вероятно, он написал о своих первых визитах и о том, насколько его поразило, что почти в каждой купеческой семье пьют чай из китайского фарфора и на китайских

тарелках подают десерт из китайских фруктов и конфет, что в домах множество китайских украшений — картин, написанных цветной тушью на шелке, ваз и статуэток. (Может быть, и какое-то из своих писем он написал не чернилами, а тушью, что было принято в 70-е годы в Иркутске.⁴)

Первые иркутские впечатления должны были отразить и постоянные темы разговоров иркутян. Иркутск жадно ловил слухи южные — из Кяхты, но не менее жадно — восточные, с тихоокеанского побережья, откуда привозились наилучшие меха для продажи в Китай и другие места. «Восточное море» — северная часть Тихого океана, Камчатка, Америка — эти названия были на языке у всех.

Приехавший в Иркутск Шелихов, несомненно, застал совершенно особую волну «восточных слухов» — иркутяне обсуждали случившееся на Камчатке в апреле 1771 года.

Это был знаменитый бунт Беньовского, когда в Большерецком остроге политические ссыльные, соединившись в заговор с местными жителями и с работными людьми промысловой компании купца Холодилова, добывавшей пушнину на тихоокеанских островах, внезапно напали на комендантскую канцелярию и, сломив сопротивление местной солдатской команды, сделались обладателями денежной и провиантской казны, оружия и даже морских судов⁵.

В письмах Шелихова к отцу должна была промелькнуть фраза, подобная той, что мы находим в письме Фонвизина Петру Панину: «Ссылочные люди возмутились, убили воеводу, пограбили город, учинили присягу Его Высочеству и, сев на лодки, поплыли в Америку, будто завоевывать ее великому князю»⁶.

И в действительности — из Большерецкого острога, расположенного на Большой реке значительно выше устья, бунтовщики отправляются на лодках, взятых у мест-

ных жителей, а после погрузки на галиот «Св. Петр» они оставляют для передачи иркутскому губернатору «Манифест», где объявляют о присяге наследнику* — будущему императору Павлу I и объясняют причины бунта и побега с Камчатки⁷.

Не имеет значения — ходили в Иркутской губернии по рукам какие-то копии «Манифеста» или нет, — содержание этого документа «злодеи» разъяряли жителям Большерецка перед отплытием. К тому же все, о чем было говорено, и все, что было писано в «Манифесте», — предметы, давно обсуждавшиеся всеми сословиями подданных Российской империи. «Камчатское возмущение» должно было вновь всколыхнуть пересуды о праве Екатерины II на престол, занятый ею после убийства законного супруга и в обход прав сына, который в 1772 году становился совершеннолетним. «Камчатское возмущение» должно было вызвать новые разговоры о распущенной на время, но так и не созванной вновь Комиссии о выработке свода законов; разговоры о том, что судебные «дела столь продолжительны и от властных начальников неправосудны», что народ (включая дворянство!) «беден» и «непросвещен», что на крестьян налагается «необычайная дань». Невозможно перечислить все, о чем говорилось в «Манифесте» и о чем должны были судить иркутяне. Одно несомненно — Шелихов не мог остаться равнодушным слушателем обсуждения поступка убежавших на «Св. Петре» работных купца Федора Холодилова. Мало того, что хозяин опутал их долгами, заставлял работать на себя за мизерную плату, — по его сговору с камчатскими чиновниками непокорных заключали в тюрьму. Так

* О многом можно предполагать, рассуждая о том, как отразилась «камчатская история» в содержании первых иркутских писем Шелихова. Бесспорно лишь то, что сам он не мог тогда и в шутку представить, что с некоторыми героями этой истории он не только познакомится, но и будет приобретать Америку для великого князя Павла Петровича.

можно ли доведенных до крайности промысловиков считать изменниками? С другой стороны, как же купцу, занимающемуся пушным промыслом, и работных платой ублажить, и самому не разориться?

Чтобы принять чью-то сторону, Шелихову вряд ли еще доставало знаний. Какими бы обширными и глубокими ни были навыки, полученные в отцовской торговле, торговля сибирская требовала особого опыта. Как и где этот опыт приобретался — об этом наверняка и было писано сыном отцу. Если бы в нашем распоряжении имелись эти письма!

Представив приблизительно то, о чем писал Григорий Иванович, стоит поразмышлять и о том, чего в этих первых письмах не было. Не было в них общеизвестных тогда фактов. Общеизвестных в 70-е годы XVIII века, но малоизвестных в наше время.

Иркутск, куда приехал Шелихов, уже стал своеобразной тыловой базой русского тихоокеанского мореплавания. Отсюда везли снаряжение для кораблей, здесь заготавливалось для них продовольствие, здесь частично набирались команды.

Начало освоения Тихого океана русскими было положено в 1639 году, когда отряд казаков-землепроходцев под началом И. Москвитина совершил первое плавание, выйдя из устья реки Ульи в Охотское море. Это освоение значительно продвинулось вперед в петровскую эпоху, когда были организованы специальные исследовательские экспедиции для разведывания новых морских путей и открытия новых земель. После же завершения Второй камчатской экспедиции, когда плавание Беринга и Чирикова в Америку сделало известными богатейшие островные лежбища пушных зверей, начинается эра частных промысловых предприятий.

Эта эра описана в исторических исследованиях, прежде всего в работах Александра Игнатьевича Андреева и Раисы Всеволодовны Макаровой⁸. Открывается она

плаванием маленького суденышка «Петр», снаряженного на средства сержанта Емельяна Басова. Вернувшийся в 1744 году из плавания «Петр»⁹ доставил на Камчатку 1200 бобров и четыре тысячи песцов. Это было начало. За 30 же лет — с 1744 по 1775 год на Камчатку и в Охотский порт было доставлено «мягкой рухляди» на 3 204 138 рублей¹⁰. Учтем совсем иные масштабы цен и огромную покупательную способность рубля того времени (годовое жалование канцеляриста менее 100 руб.) и поразимся размаху промысловой деятельности.

Многое в организации тихоокеанских пушных промыслов XVII века продолжает традиции «звериной ловли» промысловых артелей-ватаг, в сибирской тайге добывающих соболей и другого пушного зверя сетями-«обметами» и ловушками-«кулемами». Однако морские котики и другая островная пушнина были гораздо ценнее «сухопутного зверя». По-другому проходила сама охота, особую проблему представляли и неизведанные морские пространства, только преодолев которые и можно было приступить к добыче мехов.

«Так как снаряжение морской экспедиции... требовало больших затрат и было не под силу одному купцу, возникают объединения нескольких купцов — купеческие компании». Участниками компаний были купцы из Нежина и Харькова, из Курска, Тулы, Москвы, Шуи, Вологды, Ярославля, из Архангельска, Каргополя, Соли Вычегодской, Великого Устюга, Соли Камской, Яренска, из сибирских городов Нарыма, Тары, Тобольска, Иркутска, Якутска и, наконец, камчатские купцы¹¹.

Прежде всего собиралась денежная сумма, необходимая для закупки припасов, постройки корабля и т. п. Эта сумма — компанейский капитал — делилась на акции-паи и, как в современных концернах, корпорациях, «контрольный пакет акций» мог принадлежать самому «капиталисту» организатору компании, становившемуся, таким образом, ее главой. По имени этого «главного компа-

нейщика» и называли созданную компанию. Акции-пай могли приобретать и дворяне, посадские, крестьяне, чиновники и офицеры, но, как правило, «контрольный пакет» находился в руках купца.

Акционеры на каждый свой пай должны были найти работного человека — будущего строителя корабля и промысловика.

По возвращении судна с промысла вся добыча делилась на число компанейских паев. Каждый работный получал половину одной такой части — полпая, а каждый из компаньонов — долю добычи, в зависимости от числа имеющих у него паев.

Организация компании, строительство корабля, комплектование промысловой команды, поиск промысловых угодий на «морских островах», сам промысел, успех которого порой был связан с тем, как сложатся отношения промысловиков и аборигенов, — все это Шелихову предстояло в скором времени не только узнать, но и освоить в мельчайших деталях — «хитростях».

Первое упоминание Шелихова в роли организатора промысловой компании относится к 1774 году; напомним — ему тогда 26 лет! Поразительным является, пожалуй, не возраст «компанейщика», для той эпохи считавшийся вполне зрелым, а цель «вояжа» — Япония!

В ноябре 1772 года, несколько позже или несколько раньше прибытия Шелихова в Иркутск, на Камчатку, пережившую большепередкие события, был отправлен для наведения порядка майор Магнус Бем. Этот бесспорно талантливый и честный человек, сделавший многое для организации мореплавания на Тихом океане, заслуживает специального рассказа. Для нас же важно то, что в инструкции, полученной Бемом от иркутского губернатора, был пункт, предписывавший найти среди «компанейщиков» человека, который взялся бы за организацию экспедиции на южные острова Курильской гряды «и до по-

следнего... Аткиса* называемого», куда, по слухам, стали приходить японские суда. Этот человек должен был «под видом звериных промыслов» осторожно выяснить характер завязавшейся торговли японцев с айнами, вероятно, ассортимент интересующих японцев товаров, точные ее места и, «учиня знакомство» с японцами, попытаться наладить торговые контакты с Японией¹².

Япония будет не раз привлекать внимание властей Иркутской губернии — самой восточной и самой громадной в Российской империи. Причин тут несколько. Обратим внимание на одну, — открытие торговли с Японией обещало столь же богатый приток таможенных сборов, как и тот, что давала торговля с Китаем. А последний выражался в сотнях тысяч рублей, ежегодно поступавших в казну¹³.

Вероятно, в 1773 году Бем не смог найти желающих отправиться в такой разведывательный рейс, но в следующем году желающие явились. Ими были Григорий Иванович и поверенный-служащий — приказчик московского купца Ивана Савельева якутский купец Павел Лебедев-Ласточкин.

То, что П. Лебедев-Ласточкин служил поверенным московского купца, не обязательно свидетельствует о недостаточной его «капиталистости» — можно было, будучи поверенным, одновременно иметь паи и даже «контрольные пакеты акций» в нескольких компаниях (что мы увидим дальше). Однако ни Шелихов, ни его будущий компаньон до 1774 года не называются среди «компанейщиков». Кажется, оба они располагали весьма ограниченными средствами. Что же им позволило начать подготовку к экспедиции на Курилы, которой начинается промысловая деятельность Шелихова?

Биографы-беллетристы объясняли все просто: Григо-

* Аткис — так в XVIII в. называли остров Хоккайдо, в северной части которого жили только айны.

рий Иванович женился; женился на вдове (расходятся только в том, на чьей) и взял за ней богатое приданое. Вот якобы тот самый капитал, что стал основой промысловых шелиховских компаний!

Но после курских находок выходило, что если он и взял в жены вдову, то уж больно молодую — 13—14-летнюю. В 1782 году Наталье Алексеевне 20 лет, а как известно из эпитафии, свадьба состоялась семью годами раньше — «...вступил в супружество года 1775...» Выходило еще, что Шелихов женился (1775) не до, а после того, как была организована первая компания с его участием (1774).

Итак, ответа на вопрос о финансовой основе шелиховских мероприятий биографы-беллетристы дать не могли. Не было его и в научных работах Р. В. Макаровой, А. И. Андреева, А. И. Алексеева, специально биографией Шелихова не занимавшихся.

* * *

Вновь — читальный зал ЦГАДА. Здесь нас будут интересовать две коллекции, документами которых не могут не воспользоваться все те, кто ведет разыскания по истории Сибири. Во-первых, это VII отдел (разряд) созданного более полутора столетия назад Государственного архива Российской империи. В Госархив вошли материалы старинных архивных хранилищ, в 1864 году в него были влиты и бумаги Министерства иностранных дел. Здесь, среди прочих, ценнейшие документы, порожденные процессом культурного освоения Зауралья. Второй комплекс материалов еще теснее связан с Сибирью — это коллекция академика Герарда Фридриха Миллера. Он — современник Ломоносова, автор одной из первых историй Сибири — «Описания Сибирского царства», книги, не потерявшей своей научной ценности и по сей день. Миллер — организатор и участник ранних академических

экспедиций, занимавшихся в сибирских городах сбором старинных рукописей и приведением в порядок архивных фондов. В коллекции — «портфелях Миллера» — хранится не одна тысяча старинных документов. Есть здесь и копии тех, которые к нашему времени в сибирских хранилищах стали добычей пожаров, наводнений, плесени, небрежности хранителей...

С «госархивным» делом и другим, миллеровским, в читальном зале уже работали и А. И. Андреев, и Р. В. Макарова¹⁴. Но исследователей не интересовали подробности предыстории плавания на Курилы, интересовало само плавание. Нам же как раз интересна предыстория.

...В 1773 году в Петропавловск-Камчатский вернулось из промыслового вояжа судно «Святой Николай», принадлежавшее компании купцов — тобольского Ивана Мухина и тульского Ивана Засыпкина. Два Ивана — «держатели контрольного пакета акций» и владельцы остальных паев компании — тотемский купец Черепанов, тульский оружейник Орехов, купцы Буренин, Нератов, Сакутин, купец Филатов и его приказчик Попов могли быть довольны — мехов добыто на сумму в 150 тысяч рублей. Но провести раздел добычи без ссор и раздоров не удалось. Вместо того чтобы часть выручки использовать для отправки судна в новую промысловую экспедицию, перессорившиеся компаньоны оставили судно «почти без всякого призрения» и отправились в Охотск, а «главные компанейщики» — в Иркутск. Вероятно, надежды на примирение и продолжение промыслов ни у кого из купцов не было, поэтому перед их отъездом с Камчатки пошла слухи о предстоящей продаже всех компанейских паев. «Находившийся тогда же в Камчатке рыльский купец Григорий Шелихов» и Лебедев-Ласточкин (как можно думать, вместе с перессорившимися компаньонами) прибыли в Охотск, где купили «недорогими ценами» «контрольный пакет акций» и тем самым «приняли на себя первенство», стали определять дальнейшую судьбу судна.

Можно предположить, что еще до отплытия с Камчатки в Охотск Шелихов и Лебедев-Ласточкин условились с камчатскими властями в случае покупки паев мухинской компании отправиться в разведывательную экспедицию к дальним Курильским островам, организаторов которой искал Бем. Документы о дальнейших событиях показывают, что Магнус Бем обещал будущим компаньонам за счет казны оснастить судно, снабдить его припасами, оплатить жалование предоставленных им же штурманов-мореходов.

Столь льготные для Шелихова и Лебедева-Ласточкина условия позволили, очевидно, им смело искать кредит для покупки паев. Заинтересованность властей существенно сокращала предстоящие расходы. Благоприятствовало будущим владельцам «Св. Николая» и то, что с 1774 года было отменено взимание в казну десятой доли добытых промысловыми компаниями мехов¹⁵.

С покупкой паев начинаются новые хлопоты. Видно, как новоявленные компаньоны спешат отправить «Св. Николая» в плавание. Время неумолимо. С каждым днем проценты увеличивают сумму долга. В том же 1774 году Шелихов и Лебедев-Ласточкин второй раз за одну навигацию пересекают Охотское море. Они возвращаются на Камчатку порознь. Шелихов «с товарищи» (может быть, с частично наемными людьми) прибыл в Тигильскую крепость. А его компаньон едва не погиб во время кораблекрушения неподалеку от устья Большой реки. Утонули несколько человек, пропал весь груз.

Можно думать, что если бы не содействие казны, то после несчастья с Лебедевым компаньонам пришлось бы туго. Но камчатский командир выделил команду «с казенной стороны пять служителей» — унтер-офицера и 4 матросов. Вероятно, он же помог с набором промышленных — русских и камчадалов.

В 1775 году «Николай» вышел в море. Командовали на нем сибирский дворянин Иван Антипин, знавший япон-

ский язык, и подштурман Путинцев. На борту был еще и «ученик японского разговору» Иван Очередин.

В пункте 27 инструкции, которую получил от Бема Антипин, указано: «стараться о поимке бежавшего в 1771 г. из Большеретска Бейпоска (Бешповского)»¹⁶. Поймают ли?..

«Николай» благополучно достиг 18-го острова Курильской гряды — Урупа. После постановки на якорь в удобной, казалось бы, для стоянки гавани все 45 человек экипажа участвовали в разгрузке. Но как только разгрузка была завершена, налетел тайфун и корабль, сорванный с якорей, был разбит до основания. Это не было полным крушением планов компании — люди и припасы были в безопасности, можно было заниматься промыслом, однако ни о каких торговых контактах с японцами, ни о каком плавании на Хоккайдо думать уже не приходилось.

Взглянем на место предстоящей промышленникам зимовки их глазами, обратившись к «Историческому и географическому описанию», опубликованному в 1795 г. Здесь остров, очертаниями напоминающий лосося (отсюда и его название — «уруп» на языке айнов означает «лосось»), длиной около 200, а шириной примерно в 20 километров описывался довольно пространно:

«По сему острову рассеяны хребты и горы высокие; на поверхности их галец щебень и утесы; а между ними пади и речки глубокие. На северном конце острова верст на пять низменное место, на котором родятся разные коренья... Как около хребтов в падах над речками, так и по всему острову на северном и восточном берегах растет хороший березник, ольховник, ребинник и тальник стоячий высокий... По всем гористым местам растет сланцевый кедровник и прегустой камышник местами в обыкновенную трость. Из хребтов выпадают хорошие речки, в которые во время лета идут из моря гольцы, кунжи и горбуши. На северной стороне посреди острова озеро

большое, из коего течет в море речка, в которую из моря идет рыба разных родов. Подле моря на ярах, падах и близ речек растут большие травы высокие с толстою трубкою, сладкие, из коих сидят вино (это борщевник, содержащий сахар, каротин, витамин С и другие вещества, делающие его применение целебным; из борщевника на Камчатке и Курилах действительно умели приготовить алкогольный напиток.— Л. С.), кутагарник, морковник, шеломайник, черемша, разная кислица, приморский пырей и другие болотные травы; на сухих местах растут разные цветы, зверобой, разных родов сарана и коренья... На северной стороне по многим местам родится довольно полевого гороху, земля местами черная и влажная, ягоды рождаются рябина, крупный сладкий шипишник; лищицы водятся красные и беловатые и великое множество крыс... Около острова водятся бобры и нерпы, для промыслу оных приезжают мохнатые курильцы... и живут до августа, а некоторые остаются тут и зимовать»¹⁷.

В документах ЦГАДА отсутствуют какие-либо замечания о трудности зимовки. Очевидно, промышленники не страдали от недостатка пищи и от цинги. Можно думать, что кислица — крупная дальневосточная красная смородина — и шиповник предохранили их от авитаминоза; можно предполагать, что во время нереста было заготовлено немалое количество рыбы, что пища приправлялась черемшой и другими травами, что простудившихся промышленников отпаивали настоем зверобоя.

Во время зимовки и после — с весны 1776 года — шел промысел, а одновременно с ним «робинзоны» были заняты строительством небольшого судна. По завершении его часть людей отправилась обратно на Камчатку.

Извещенные о постигшем «Николая» несчастье, Шелихов и Лебедев-Ласточкин добрались в Охотск, а оттуда в Иркутск, где уже в начале 1777 года подали доношение исполняющему обязанности иркутского губернатора

бригадиру Немцову. Компаньоны просили о помощи для вывоза оставшихся на Уруп людей.

Конечно, речь шла не только о спасении «робинзонов», но и о вывозе добытой ими пушнины. Однако напомним, экспедиция на «Николае» должна была выполнить задание губернских властей, которые поэтому не могли оставить людей без помощи.

Компаньонам для спасательной операции было выделено казенное судно, а за его аренду они могли заплатить после завершения плавания.

В сентябре 1777 года спасательная экспедиция под командованием штурмана Петушкова отправилась на бригантине «Святая Наталья» из Охотска. Можно было надеяться, что привезенная с Урупа пушнина возместит все расходы компаньонов и даст определенную прибыль. Если... если плавание «Натальи» завершится благополучно.

Шелихов предпочел не рисковать. Он продал свою долю паев Лебедеву-Ласточкину.

Решение Шелихова трудно не признать удачным. Документы рассказывают о конечной судьбе предприятия, начавшегося в 1774 году, и это рассказ с печальным концом.

В 1780 году на Уруп, где после нескольких навигаций «Святая Наталья» была поставлена на очередную зимовку, обрушилось цунами. Этот год для Лебедева-Ласточкина, по-прежнему не оставлявшего надежды на хорошую добычу и расширение нелегко завязывающихся торговых дел с японцами, стал особенно несчастливым. Начиная с января Уруп стали сотрясать подземные толчки, а в июне их сила была уже чрезвычайной. 18 июня «зделалось по власти Божией земли великое трясение... И вскоре с моря волна шла валом, возвысившись выше всех мелких кекуров (скал.— Л. С.) и в бухте разлилась так сильным и жестоким ударом, что на яру состоявшее жило наше — юрты и притом балаганы, что есть — до последнего

столба и с землею вырвав, снесло по речке в падь близко версты...»¹⁸ Пропала добытая пушнина, а бригантина была выброшена на берег метров за двести от воды.

Быть может, Шелихов и жалел о том, что перестал быть компаньоном Лебедева, особенно получая известия в 1778 и 1779 годах об успехах промыслов на Курилах, узнавая о продолжении контактов с японцами*. Но после вестей о «великом трясении» на Урупe он должен был облегченно вздохнуть.

Несколько лет подряд Лебедев-Ласточкин будет просить губернские власти войти в его положение и простить ему долг казне (8754 руб.), возникший из-за необходимости организовать еще одну спасательную экспедицию¹⁹.

Хлопот, расходов и волнений, выпавших на долю компаньона, Шелихов сумел избежать. Что это — расчет или интуиция?

Вряд ли Шелихов в 1774 году мог не знать о суровых курильских условиях: о переменах погоды раза по четыре на день, о внезапно падающих туманах, о сильнейших бурях (знакомых нам под названием тайфун). За десять лет до выхода снаряженного Шелиховым и Лебедевым «Николая» на Курилах уже промышлял знаменитый тогда промышленник и мореход Андреян Толстых. Побывали там и другие.

Отнесем принятое в 1777 году решение Шелихова отказать от сотрудничества с Лебедевым-Ласточкиным

* Во время встреч с японцами производился обмен подарками, но не товарами. Русские получили небольшое количество тростникового сахара, японского чая, «кушак из шелковой материи», «один зонтик, зделанный из бумаги и камышовых прутьев», «брюки синие из бумажной материи» и другие образцы японской одежды. В 1779 г., после того как японцам вручили пять голов сахара, они одарили русских пудом табака, вином и пятнадцатью мешками пшена. Может быть, в навигацию 1780 г. удалось бы достичь и большего, если бы не гибель «Св. Натальи».

и на счет интуиции, и на счет перемен, которые происходят с самим Григорием Ивановичем. Вероятно, сыграло свою роль расширение его деловых знакомств (может быть, связанное с женитьбой в 1775 году). Назовем еще одну возможную причину — сенсационное для всех купцов известие о том, что в Охотск с Алеутских островов прибыл корабль с необычайно богатым грузом пушнины на 150 тысяч рублей²⁰.

Организация промысловых плаваний в южном, то есть курильском, направлении до времени была Шелиховым оставлена ради другого — северо-восточного направления, сулившего большие выгоды. В документах, упоминающих о купеческих компаниях, занимающихся промыслом на Командорах, Алеутах, Аляске, со второй половины 70-х годов начинает мелькать имя Григория Ивановича Шелихова.

Слово оппоненту. Предположения, предположения... А где же бесспорные факты?

Р. С. Твердая уверенность в том, что события развиваются только так и никак иначе, имеют только такую и никакую другую причину, может рождаться при сопоставлении и параллельном анализе сведений, почерпнутых из разных источников. Необходим взгляд на одно и то же явление с разных сторон, например, со стороны государственной власти и со стороны частного лица. В нашем случае нужны не только официальные отчеты, документы губернских ведомств, но и все та же частная переписка Шелиховых.

...Архивы закрываются на субботу и воскресенье. Это и плохо и хорошо. Плохо — прерывается работа с документами; хорошо — появляется время для занятий в библиотеках. И субботний день в читальных залах «ленинки» не пропал даром: одна гипотеза о местонахождении деловых бумаг и личной переписки Шелиховых сменяла другую. Первой была «красноярская».

В брошюре «Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири», изданной в 1896 году в Москве, рассказывалось о собрании купца Геннадия Васильевича Юдина, выходца из старого купеческого рода города Чухломы Костромской губернии, сына одного из организаторов промысловой деятельности на Аляске. Громадное по тем временам 100 000-томное собрание считалось в Сибири вторым по величине и ценности содержания, после томской университетской библиотеки. Оценка не разойдется с современными представлениями, если мы назовем хотя бы несколько юдинских раритетов: экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву», грамоты XIII века, автографы Державина, Пушкина, Грибоедова. Богатые беллетристические отделы, полная подборка русской периодики, книг социально-экономической тематики²¹ привлекли в библиотеку самых взыскательных читателей*.

Юдинской библиотеке посвящен очерк знатока сибирской книжности Виктора Григорьевича Уткова. В нем рассказывается о по-своему трагической судьбе собрания, проданного после первой русской революции в США, содержатся сведения о том, что рукописная часть фондов юдинской библиотеки в основном осталась в Сибири. Остались где-то в Красноярске и материалы об освоении Русской Америки, собранные Г. В. Юдиным.

«В 1940 году,— пишет В. Утков,— по просьбе писателя С. Н. Маркова старший научный сотрудник Красноярского архива Ст. Мамеев производил розыски материалов по истории изучения Тихого океана русскими исследователями. Поиски увенчались успехом — Мамееву удалось обнаружить несколько пачек бумаг, на обертке

* В 1897 г. в библиотеке занимался В. И. Ленин: «...попал-таки в здешнюю знаменитую библиотеку Юдина, который радушно меня встретил и показывал свои книгохранилища...»²²

которых было написано — «Шелихов», «Кусков», «Резанов»...»²³

С. Н. Марков, энтузиаст изучения истории Русской Америки, сообщил об этой находке на страницах журнала «Омская область». Однако позже, в середине 40-х годов, становится известно еще об одной части бумаг Шелихова. В 1934 году в Вологде краеведом Л. И. Андриевским в сарае огородника Иванова были найдены документы купеческой семьи Булдаковых, а среди них и шелиховские. Дело в том, что одна из дочерей Григория Ивановича была замужем за Михаилом Матвеевичем Булдаковым²⁴.

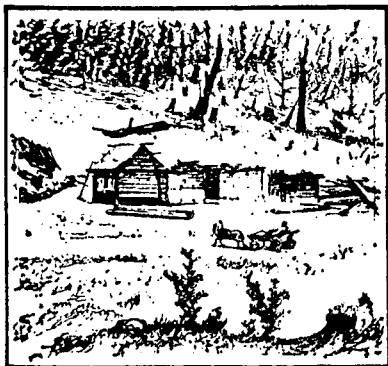
Итак — Вологда и Красноярск?

Совсем нет! Пристально следивший за перемещением шелиховских бумаг историк Александр Игнатьевич Андреев писал в 1948 году, что часть найденных бумаг поступила в Ленинградское отделение института истории, часть — в Центральный исторический архив в Москве.

Но напрасны будут надежды на то, что теперь местонахождение разыскиваемых документов определено. В Красноярске действительно хранятся рукописи юдинской коллекции, но не все, а примерно половина. Другая часть в конце 50-х годов передана в Москву. В столицу же переданы и документы из Ленинградского отделения института истории. В Москву — куда? В Центральный исторический архив г. Москвы? Однако этот архив подвергся реформированию, в нем остались лишь те документы, которые имеют отношение к истории самой столицы и Московской области, все же остальные переданы в Центральный исторический архив СССР, в Ленинград, исключая, впрочем, шелиховские документы.

Фонд Шелихова после внимательного просмотра архивных путеводителей обнаружился в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, юдинские документы — в ЦГАДА!

МЕЖДУ ОХОТСКОМ И САНКТ- ПЕТЕРБУРГОМ

ГЛАВА 4

Мы нескромно читаем чужие письма умерших людей, и вот мы вошли в чужую семью, узнали их дела и характеры. Что же? ведь нет дурного, чтобы узнать и полюбить... с ними мы выходим на широкую улицу истории; личное участие делает нас как бы современниками исторических событий, потому что их семейные невзгоды, в которых мы их застаем, так непосредственно связаны с историей эпохи...

М. Гершензон. Грибоедовская Москва

XVIII век — «Век Просвещения», «Галантный Век», «Век Табакерок», «Век Барокко» — еще и «В е к П и с е м»¹.

Письма, написанные в XVIII веке, теперь соединяют нас и наших предков. Наше время и шелиховскую эпоху.

«...Любезный друг, Григорий Иванович! Любезные Ваши письма мною через здешний почтамт получены исправно, поэтому и приносила Создателю о Вашем здравии моление, а притом к Вам всеусердно приношу благодарение...»²

Письма дяди, Федора Петровича; письма брата, Ва-

силія Григорьевича; письма жены, Натальи Алексеевны; письма детей и деловая переписка с купцами (например, с П. Лебедевым-Ласточкиным), с приказчиками; копии писем в различные ведомства и просьбы монастырских служителей о пожертвованиях деньгами... Всего этого, впрочем, не оказалось в архиве с длиннейшим названием Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР. Потребовалась добрая неделя на то, чтобы вместо заказанных описей фонда Шелиховых в читальный зал ЦГАОР пришли бланки требований с пометами «передано в АВПр», чтобы уже в другом архиве были заполнены новые требования, чтобы были подняты из хранения дела и ситуация стала проясняться. После хождения из одного зааббревиатуренного архива в другой становится ясно, что в первом нет семейных шелиховских материалов, зато есть копии части документов юдинской коллекции, той, которая все-таки попала в Библиотеку Конгресса США; что во втором действительно имеются юдинские материалы, переданные из Красноярска, а среди них и кое-что из «шелиховского фамильного архива»²; что в третьем — самое-самое — письма дяди, брата, жены и т. п.

Увы, перечень всего, что «всплыло» в архивных хранилищах, ободряет не вполне. Как и раньше, нет материалов, позволяющих заглянуть в детство и юность Шелихова, — документов и писем 50-х и 60-х годов не обнаружилось. Мало и тех, что относятся к 70-м годам. И все же попытаемся увидеть Шелихова — через призму официальных документов и одновременно — призму частной переписки. Только тогда фигура «Колумба русского» сможет приобрести некоторую объемность.

Вспомним детский проектор для разглядывания стереоизображений. Два одинаковых слайда, отличающихся лишь окраской, разглядываются через специальный светофильтр. Совмещение двух изображений и дает глу-

бину, объем, перспективу. Нечто схожее и у нас. Получаться будет не всегда — в архивных фондах лакуны, пропуски. Но — попробуем.

• • •

В июне 1775 года «Св. Николай», принадлежавший компании П. Лебедева-Ласточкина и Г. Шелихова, вышел из Петропавловской гавани. Далее можно предполагать два варианта развития событий.

Первый. Григорий Иванович отправляется в Иркутск, только начинающий отстраиваться после пожара, уничтожившего центр города. Осенью или в начале зимы Шелихов женится, а после свадьбы опять едет на Камчатку.

Второй. Не было никакой поездки в Иркутск, и невеста была найдена прямо здесь, на Камчатке, или в одном из поселений на берегу Охотского моря.

В пользу последнего предположения говорят следующие детали. В 1775—1776 годах Шелихов становится компанейщиком еще двух компаний³ и занимается делами по строительству судна «Петр и Павел» в Среднекамчатске⁴. В одном из писем упоминается брат Натальи Алексеевны — Иван Кожевин⁵, в другом — теща Григория Ивановича — Фекла Яковлевна Кожевина⁶. Встречено нами и упоминание в камчатских документах 70-х годов «штюрмана» Алексея Кожевина⁷.

История женитьбы Григория Ивановича пока совершенно не ясна⁸. Единственное уточнение, которое позволила сделать поездка в Курск, — это возраст Натальи Алексеевны. В ревизской сказке 3 июня 1782 года он указан — 20 лет. В алфавитной книге жителей Рыльского, составлявшейся через 6 лет, отмечено, что ей 26⁹. Таким образом, получается, что в тот момент, когда совершилось венчание, жениху было 26—27 лет, невесте же — только 13—14. Еще раз подчеркнем: безоговорочно повторяемый всеми биографами Шелихова рассказ о его женитьбе на

богатой вдове (иногда — с детьми) — скорее всего обычный стереотип, рожденный, видимо, обыденными представлениями о нравах российского купечества, отчасти заимствованный из пьес А. Н. Островского.

Юный возраст невесты Шелихова может сегодня вызвать сомнение, ведь мы привыкли к закону, запрещающему вступать в супружество раньше 18 лет. Однако в середине XVIII века общеприняты были довольно ранние браки. Можно вспомнить свидетельство самого известного нашего мемуариста, современника Шелихова, — Андрея Тимофеевича Болотова, который в 25 лет выбрал себе 12-летнюю невесту и женился на ней через год¹⁰.

В купеческой среде, кроме молодости невесты, традиционным было и участие родителей жениха в ее выборе. Собственно, и все то, что было связано с подготовкой и проведением бракосочетания, проходило строго установленным порядком. Вот одно из описаний брака, когда в те же 70-е годы XVIII столетия породнились две купеческие семьи, одна из Димитрова, другая из Москвы.

«...Генваря 6-го по соизволению и убеждению родителей принял я намерение сочетаться законным браком. 9-го поехали по оному случаю в Москву. 16-го смотрели невесту в Кожевниках, коею судьбами Божьими и определило иметь мне супругою. 17-го произвели рукобитье... 27-го происходило таинство брака в церкви Казанской богородицы, что в Сущеве, а пирушка свадебная отправлялась в доме тестя батюшкина. 28-го был у нас вечерний стол, 29-го тоже. 30-го у тестя сводный стол. Февраля 1-го ввечеру поехали в Димитров и с нами тесть и теща и некоторые из новых сродников... ездили в луга для гуляния...»¹¹

Сватовство, в котором главную роль играют отец или мать жениха, «рукобитье» — составление «сговорной записи», брачного контракта, в котором участвуют родители обеих сторон, привоз матерью жениха брачной постеле-

ли, веселый свадебный поезд, который провожают родители жениха...— так принято в то время. Иное было, вероятно, у Шелихова. Иное хотя бы потому, что в живых не было его матери, отец был далеко.

Правда, мы знаем и другие варианты женитьбы в XVIII столетии. Один из них как раз встречается в семье Шелиховых. В 1777 году Григорий Иванович получит известие от своего дяди Федора Петровича Шелихова. Как мы помним, в предыдущем, 1776 году Ф. Шелихов записался в московское купечество по 3-й гильдии. Он не стал рисковать своим небольшим 500-рублевым капиталом, испытывать судьбу в конкуренции с коренными москвичами-купцами и нанялся в приказчики к жившему на Арбате купцу Самсону Васильевичу Шерапову.

А уже на следующий год в мае состоялось венчание 22-летнего Федора Петровича с юной, шестнадцатилетней Лизой Шераповой¹². Молодые остались жить в доме Самсона Васильевича¹³. Дядя бесхитростно сообщил племяннику о том, что «приданого взял деньгами 2000 рублей» и что ему была отдана та самая лавка, где он и был приказчиком-сидельцем у отца девушки. Вероятно, не жениться Федор Петрович и не мог — роды случились уже в декабре. К несчастью, ни мать, ни младенец не выжили. Вряд ли можно заподозрить Федора Петровича в неискренности, когда он, сокрушаясь о постигшем его несчастье, добавляет, что они с женой «жили, что все люди завидовали и капитал нажили весьма изрядный»¹⁴.

Выгодность брака совсем не исключает глубину чувств, которые питали молодые люди друг к другу.

Если сам Григорий Иванович подобно дяде с помощью женитьбы и поправил финансовое положение, все равно это не обычный в купеческих семьях того времени брак — по расчету родителей.

К сожалению, «шелиховский архив» сохранил почти исключительно лишь те письма, которые Григорий Ива-

нович получал, но не те, которые писал и посылал. О характере переписки супругов Шелиховых мы можем судить лишь с одной стороны, но во всяком случае со стороны Натальи Алексеевны это письма, наполненные не только этикетными для XVIII века оборотами, но и искренним чувством: «...по заочности целую Ваши уста, очи и ручки, якобы самолично... вселюбезная и сердешная душа моя, радость, вера, надежда и любовь...»¹⁵

Как протекали первые годы семейной жизни Шелиховых, можно лишь предполагать. Первый ребенок, сын Миша, родился в 1779 году. Зная о высокой детской смертности того времени, нельзя утверждать, что именно он был первым.

Заметим, ни сейчас, в 70-е годы, ни позже семья не будет главным для Григория Ивановича. Чем дальше, тем явственнее мы видим его, занятого непрерывными организаторскими хлопотами то в одной промысловой компании, то в другой.

В 1775 году это дела компании камчатских купцов Луки Алина, Петра Сидорова и других компаньонов, дела по постройке и снаряжению упоминавшегося уже судна «Петр и Павел»¹⁶. В 1776 году это дела по строительству судна «Андрей Первозванный», которое неподалеку от Охотска вел приказчик Григория Ивановича крестьянин Смысловский¹⁷. Параллельно Шелихов становится пайщиком компании московского купца Ивана Савельева и тотемских купцов Пановых, снаряжавших корабль «Варфоломей и Варнава»¹⁸.

В этом же, 1776 году «под командой морехода, камчатского разночинца Третьякова и передовщика, крестьянина Афанасия Боброва, «Петр и Павел» вышел из Камчатского устья и отправился в море»¹⁹. А в следующем году на промысел ушли «Андрей» и «Варфоломей»²⁰.

«...Прибыли мы судном [на Камчатку] и прозимовали,— писали Шелихову участники промысловой экспедиции на «Андрее Первозванном»,— что принадлежало до

укомплектования судна и покупки к вояжу кормов: юк-лы, жиров, соли и рыбы и протчих принадлежностей... все искуплено»²¹. Зимовка, о которой упоминал писавший, артельщик-передовщик Константин Самойлов, проходила после того, как «Андрей» пересек Охотское море и зашел в Воровскую гавань северо-западного побережья Камчатки, севернее устья Большой реки. Самойлов обещал, что следующим летом промышленные отправятся прямо на дальние Алеутские острова, не заходя на Командоры.

Вояж «Андрея Первозванного» упоминается в работах, посвященных истории русского тихоокеанского мореплавания²². Известно, что судно задержалось еще на год, перезимовав на Командорах, что вояж затянулся до 1784 года. Уже возвращаясь с богатым грузом, «Андрей» разбился у острова Беринга.

Спасенная часть пушнины, тем не менее, вознаградила компаньонов, разделивших между собой меха на сумму 133 тысячи рублей. Получили свою долю курские купцы Иван Голиков и Василий Ситников и уже знакомый нам якутский купец Павел Лебедев-Ласточкин. Однако Шелихов в разделе не участвовал — еще в 1778 году он продал свои пай в «Андрее Первозванном» И. Л. Голикову²³.

Повторилось то, что мы видели в случае с «Натальей». Опять непонятно — сыграло здесь роль известие о задержке в пути или сработала интуиция, предупредившая о том, что «Андрея Первозванного» ожидает не один жестокий шторм и конечное крушение?

Письмо Самойлова содержит намек еще на одно обстоятельство: в нем есть отголосок недовольства Шелихова тем, что для вояжа «искуплено кормов с излишеством»²⁴.

Но опять-таки обосновано это шелиховское недовольство расточительностью по отношению к капиталу компаньонов или мы имеем дело с чертой характера — жест-

кой требовательностью, обращенной на подчиненных, отступающих от установленного хозяином-компанейщиком порядка? А может быть, здесь проявление некоторой скуповатости, свойственной человеку, впервые взявшемуся с малыми средствами за великое дело?

Добавим сюда и денежный голод купца, берущего деньги в кредит в надежде, что вовремя вернувшееся с добычей судно позволит расплатиться с долгами.

Может быть, Шелихов продал пай в «Андрее Первозванном» в 1778 году, потеряв надежду на возвращение «Петра и Павла», команда которого промышляла рядом с Камчаткой, на Командорах, но вернулась только через год²⁵.

О денежном голоде Шелихова говорит и то, что он, продав в 1778 году «акции»-пай богатому купцу Ивану Ларионовичу Голикову, нанимается к нему приказчиком.

Фамилии Шелихова и Голикова окажутся стоящими рядом во многих документах, к которым придется нам обращаться. Кто же он, компаньон, потом хозяин, а потом опять компаньон Григория Ивановича? И как понять начальные слова инструкции, которую в июне 1778 года получил от своего хозяина новоявленный приказчик: «Сибирских губерний от коронного поверенного Ивана Голикова, поверенному Григорью Шелихову Наставление»²⁶?

Истоки термина «коронный поверенный» (откупщик) — в XVI веке, когда в Москве на Балчуге (улица существует и по сей день!) был открыт кабак для опричников Ивана Грозного. С этой поры начинается явление, которое в 60-х годах прошлого века получило оригинальное название — «пьяный бюджет»*, оно же — использование государственной монополии на продажу водки и вина для пополнения государственной казны.

* В 1863 г. от каждого подданного Российской империи в казну поступало 4,79 руб. (налоги, пошлины и пр.), из этой суммы 2,18 руб. давала казне монополия на продажу спиртного²⁷.

В середине XVIII века казенная монополия распространялась на ряд товаров, таких как соль, сало, икра, табак и пр.²⁸ На что-то монополия отменялась временно или совсем, но только не на спиртное. Однако непосредственное производство и продажа водки отдавалась на откуп людям, бравшим на себя сбор сырья, организацию производства (винокурение), доставку произведенного продукта на места и организацию розничной торговли спиртным. Весь этот хлопотный механизм брали на себя откупщики, как правило, купцы, на аукционах-торгах покупавшие у казны право «водкораспространения» на определенной территории. Траты откупщиков включали плату казне — «откупную сумму» — и расходы на приведение в движение вышеописанного механизма.

Но дальше открывались многочисленные источники доходов. С разрешения казны откупщик несколько завышал цену спиртного, особенно того, которое было им «улучшено», — наливки, настойки и пр.; в «питейных местах» им организовывалась продажа закусок; откупщику шли штрафы за незаконное производство спиртного (корччество, а, выражаясь сегодняшним языком, — самогонование). Мало того, откупщики сплошь и рядом разбавляли вино водой, завышали цену, гораздо больше дозволенного, особенно в глубинке, и т. п.

Винные откупа — предмет весьма любопытный, но уводящий в сторону от наших разысканий. Достаточно и сказанного, чтобы понять, чем в «сибирских губерниях» занимался Иван Ларионович Голиков, в 1778 году имевший сорок девять лет от роду²⁹, курский купец, живший в Иркутске.

Среди писавших о Шелихове бытует мнение, что Григорий Иванович стал приказчиком И. Голикова сразу по приезде из Рыльска в Иркутск³⁰. Документов, подтверждающих это, не выявилось. Факт службы в качестве «поверенного коронного поверенного» с полной определенностью можно отнести к названной нами дате.

Итак, в 1778 году Шелихов отправляется вниз по Лене, имея достаточно сложное задание своего патрона³¹. В целом на маршруте от поселка Качуг до Якутска и далее до Охотска он должен был произвести своего рода ревизию питейных домов, говоря попросту — кабаков. Он должен был выяснить — не разбавляют ли служители питейных домов спиртное (в свою, служителей, пользу), достаточно ли в «котлах» водки, «чтоб покупателям свободно было зачерпывать мерку полную», не повреждены ли, не «мяты» ли мерные сосуды и пр. Кроме контрольных, на него были возложены еще и карательные функции — «по важности вины наказывать... с вычитом за каждую фальшь». Ревизии подлежали и суммы выручки, из которых, что самое любопытное, Шелихов должен был брать деньги на закупку пушнины по всему маршруту своего следования.

«Наставление... Григорью Шелихову» содержит еще одно задание — вербовку людей для судна «Иоанн Предтеча», которым Голиков поначалу владел совместно с купцом Егором Пелопонисовым, а потом с другими компаньонами, поскольку разорившийся Пелопонисов продал (и скорее всего, дешево) свою часть паев. Совладельцами «Предтеченской компании» наряду с Голиковым (56 паев) стали купцы Михаил Сибиряков (5 паев) и ... Григорий Шелихов (4 пая)³². Таким образом, он, оставаясь приказчиком И. Голикова, вновь сделался его партнером, занимая, впрочем, в партнерстве явно подчиненное положение.

Шелиховские расписки о получении денег от «питейных служителей» «медною монетою» или «серебряною и золотою» показывают, что вначале Григорий Иванович добрался в Охотск (требовала того подготовка к выходу «Иоанна Предтечи»), в октябре был в Якутске, зиму и весну занимался покупкой мехов в Якутии, закончил дела в июне 1779 года в Верхнеколымске и только после этого отправился домой³³.

Итогом этого путешествия и службы у Голикова было не только жалование приказчика. В будущем (увы, отдаленном), в 1785 году, «Иоанн» вернется с промысла с пушшиной на 63 тысячи рублей³⁴, а теперь же, в настоящем 1779 году, заложены основы для нового совместного предприятия с Иваном Ларионовичем, приобретен опыт организации винной продажи и скупки больших партий пушнины. Все это пригодится, и довольно скоро.

Летом Шелихов возвращается ненадолго домой, но уезжает встречать «Петра и Павла» и организовывать постройку судна «Иоанн Рыльский»³⁵.

Возвращается он уже осенью, зная из полученных писем, что в Иркутск приехал его отец — Иван Афонасьевич³⁶.

Возвращение домой было радостным вдвойне — Наталья Алексеевна вновь ждала ребенка. В феврале 1780 года у Шелиховых родилась дочь Анна³⁷.

Дед играет с внуком, умиляется внучке, проводит вечера в разговорах со старшим сыном.

Учитывая содержание некоторых документов «шелиховского архива», можно думать, что прежде всего отец и сын обсуждали финансовое положение семьи. К этому времени торговые дела Ивана Афонасьевича либо пошатнулись, либо часть своих капиталов он вложил в дела сына — Шелихов-отец числился уже не купцом, но мещанином города Рыльска³⁸ (т. е. имел менее 500 рублей). Напротив, по оценке (пусть даже и завышенной) Натальи Алексеевны, капитал Шелихова-сына к 1780 году считался в 40 000 рублей³⁹.

Можно представить, как за чаем в беседах отца с сыном, а пили они скорее всего ароматнейший жулан — сорт китайского зеленого чая, ценившийся тогда в России более прочих, — решались судьбы рыльской торговли Шелиховых. Результат этих разговоров нам известен. Через полтора года Иван Афонасьевич, вернувшись в Рыльск, обратится в местный магистрат с просьбой вновь

записать его в купечество — «по расторгованию сына моего Григория, имею я собственного капитала 3000 рублей...»⁴⁰

Вторая проблема, обсуждавшаяся отцом и сыном, — судьба младшего брата Василия. Вероятно, было решено, чтобы старший брат приставил его к делу.

Наконец третья проблема — дальнейшие планы Григория Ивановича.

Можно думать, что разговор об этом начался издадека — с пересказа того, что сын слышал от возвращавшихся из плаваний мореходов и промысловиков, с которыми он встречался в Охотске, на Камчатке, в Иркутске, и от тех компанейщиков, с которыми у него были деловые отношения.

Да, промыслы могли обогащать. Пайщики судна «Владимир», пришедшего в 1779 году в Охотск, на каждый пай получили пушнины, которая в Охотске стоила 2 200 рублей, а в Иркутске и того больше — три—три с половиной тысячи⁴¹. Но кроме организаторских способностей, кроме умения ладить с работными и мореходами, от компаньона требовалась удачливость. «Бурун» — сильное прибойное волнение; «лайды» — каменистые мели; «великие льды», цинга и прочие болезни зимой, неблагоприятные ветры летом; перекочевка пушных зверей, — всех причин, по которым судно возвращалось с бедным промыслом или вообще не возвращалось, перечислить и невозможно⁴².

Вероятно, рассказал Шелихов Ивану Афонасьевичу о том, что самую ценную добычу дают дальние вояжи на «дальние Алеутские острова». Рассказал и о том, что на этих дальних островах, как десятилетием раньше на ближних, промысловики вступают в кровопролитные стычки с аборигенным населением⁴³. Может быть, Григорий Иванович вспомнил и пересуды, которые он услышал, впервые приехав в Иркутск: в «Манифесте», составленном на Камчатке единомышленниками бунтаря-Беньовского, го-

ворилось и о том, что ясак, который промысловики должны налагать на алеутов, вызывает крайнее раздражение последних, приводящее к обоюдным насилиям и убийствам. Разумеется, вряд ли сын скрыл от отца то, что немалая доля вины за пролитую кровь лежит на самих промышленниках, вместо установления взаимовыгодных торговых отношений порой жестоко угнетавших алеутские племена. Правда, едва ли не главная причина кровопролитий, и об этом Шелиховы уже могли знать, частично перестала существовать именно в 1779 году, когда Екатерина II, после неоднократных «доношений» и жалоб, отменила сбор ясака на Курилах⁴⁴. Но указ об отмене ясака, полученный в департаментах и канцеляриях, не мог быстро подействовать на ставших «немирными» алеутских «тоенов и мужиков».

Надо думать, за обсуждением всего этого Григорий Иванович и поделился с отцом идеей организации компании для вояжа на отдаленный и сулящий богатую добычу остров Кадьяк, где серьезный промысел не удался еще никому. Еще в 1761 году островитяне не дали перезимовать случайно приставшему там русскому судну. В 1776 году судно, принадлежащее компании известного нам по делу Бенъовского купца Холодолова, простояло у Кадьяка лишь 11 дней и было отогнано⁴⁵.

План Григория Ивановича состоял, во-первых, в том, чтобы прийти на Кадьяк не одним, а двумя-тремя судами, имея многочисленную команду промышленных, способную вести промысел и одновременно отражать возможные нападения аборигенов. Во-вторых, обеспечить эффективность промысла и безопасность людей должно было основание п о с т о я н н о г о, соответствующим образом укрепленного поселения, которое стало бы играть роль базы долговременного культурного освоения русскими и Кадьяка, и прилегающих территорий.

Все это не было обычным промысловым предприятием, поэтому и расходы предстояли бóльшие, чем обычно.

Взять их только на себя Шелихов не смог бы и в том случае, если бы выгодно продал паи во всех кораблях, к началу 1780 года находившихся в вояжах. Необходимо было искать желающих войти с ним в долю. Будущие компаньоны должны быть людьми состоятельными и думающими — чтобы не испугаться того, что деятельность компании растянется на необычайно долгое время, потребует трат, которые явно не окупятся в привычные для промысловых компаний сроки.

Поверим на слово (иного выхода у нас пока нет) Наталье Алексеевне, которая позже, уже в 90-е годы, рассказывая о предыстории шелиховского путешествия в Америку, напишет, что ее муж отправился в 1780 году в Россию, чтобы найти компаньонов⁴⁶. Вероятно, последнее, что обсуждалось отцом и сыном, — это сроки совместного отъезда из Иркутска.

...Дорога, история которой связана с тихоокеанским мореплаванием, — Московский тракт — приняла в свои объятия Ивана Афонасьевича, его сына, его невестку, маленьких внука и внучку, которых везли показать рыльской родне. Это был тракт, впервые приведенный в надлежащее состояние Витусом Берингом в 1733 году⁴⁷. Тракт, которым уже возили для продажи в столицах шелиховскую пушнину. Вероятно, крупную партию мехов везут Шелиховы и сейчас.

Не будем фантазировать в описании пути. Предположим лишь, опираясь на факт, приведенный в исследовании Р. В. Макаровой, что в поисках компаньонов Шелихов должен был добраться до самого Санкт-Петербурга: в 1780 году состоялось своеобразное обсуждение планов организации торгово-промысловых компаний — обсуждал их секретарь тогдашнего министерства торговли Коммерц-коллегии М. Д. Чулкова с купцами И. Л. Голиковым и... Г. Шелиховым⁴⁸. Возможно, своими идеями поделился и Григорий Иванович.

Наталья Алексеевна писала о том, что ее муж пред-

лагал свой план «многим капиталистическим и купеческим, а наконец и двум Голиковым» — Ивану Ларионовичу и его племяннику, «капитан Михайле Сергеевичу сыну Голикову»⁴⁹. Может быть, и этот, важнейший для Шелихова разговор как раз и имел место в Петербурге. Во всяком случае, письма на имя Григория Ивановича показывают, что до середины 1780 года обоим Голиковым уже не было в Иркутске⁵⁰, для встречи с ними надо было ехать «в Россию».

О факте компаньонства с Голиковыми известно давно. Забегая вперед, скажем, что о нем, описывая свое путешествие к берегам Америки, упоминает сам Григорий Иванович. Любопытно, однако, как это упоминание разворачивается беллетристами в пространные негативные характеристики шелиховских компаньонов (наверное, чтобы оттенить положительность самого Григория Ивановича?).

В одном варианте биографии старших Голиковых Голиков-дядя — старообрядец с мочалистой бородой — соглашается сотрудничать с Шелиховым отчасти потому, что завидует славе Строгановых, «которым приписывали подвиг покорения Сибири». Легко объясняется компаньонство М. С. Голикова (племянника): «...рискуя деньгами, Иван Ларионович решил в ограждение коммерческих интересов рискнуть и племянником: купил ему в иркутских канцеляриях патент на капитанский чин и вырядил в море никогда не плававшего купчика», единственное умение которого якобы состояло в неумеренном питье водки и вина⁵¹.

В другом варианте беллетризованной биографии также полукарикатурные фигуры. Голиков-старший — старовер, «плохонький мужичонка в шапочке драной, в тулупчике бедном, зайчем. В плечиках узковат, лицо лисье». За этой обманчивой внешностью кроется волк коммерции, для которого, конечно же, ничего не стоит «выпресить» капитанский патент для своего племянника у ир-

кутских чиновников. «Капитан он (Михаил Голиков.— Л. С.) был никудышный и Шелихов, это распознав, его взял [на свой галиот (корабль)], дабы вреда великого или глупости какой по незнанию морского дела не мог совершить»⁵².

В третьем варианте, совсем недавнем, из двух Голиковых сделан один. Хитрость Голиковых-старших, придумывавшихся когда-то, была помножена на глупость выдумывавшегося племянника и в итоге капитан В а с и л и й И г н а т ь е в и ч Голиков вышел совершеннейшим злодеем, не имеющим ни мореходных навыков, ни моральных устоев. И напротив — обладающим немалым талантом злобного интригана, с помощью которого он чуть было не отправил «Колумба русского» на тот свет⁵³.

К кому же в действительности обратился Шелихов со своими предложениями? Почему-то все, писавшие о Шелихове, согласно прошли мимо авторитетнейшего свидетельства. Оно принадлежит человеку, в то время, когда Шелихов искал компаньонов, жившему в столичном городе Петербурге на улице Сенной, человеку, которого чуть позже назовут «Первым поэтом России», — Гавриле Романовичу Державину:

Кого роскошными пирами
На влажных невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских златошвейных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого столь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны своей?
Гремит музыка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,

Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.
В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном
Средь лени, неги и отрад,
Любовью располненный страстной,
С молодой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь...

Прервем ненадолго чтение стихотворного послания Державина «К первому соседу»⁵⁴. Оно появилось в печати в журнале «Санктпетербургский вестник» без комментариев. Но прошло время, адресат послания умер, Державин переехал на Фонтанку и, когда стал готовить издание своих сочинений, откомментировал это ставшее непонятым для непосвященных послание.

Еще важнее пояснения сейчас, для нас, читающих Державина на исходе XX столетия.

Державин: «...сей первый сосед был купец Михайло Сергеевич Голиков, содержавший... питейные сборы на откупу...

...он имел итальянку у себя на содержании, театральную певицу...

...он был сибирский житель и поехав в Петербург для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратимся...»

Вернемся к стихам.

...Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.
Ты спишь — и сон тебе мечтает,
Что век благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вокруг тебя цветы;

Что парка* дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется.—
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!
Блажен! кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно носят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли —
Но, вихрем пораженны, пали,
Теперь корнями вверх лежат**.
Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных;
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.
Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветер благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

* Парка — в данном контексте та из трех парок (мойр) — богинь судьбы в греческой мифологии, которая перерезает нить жизни.

** Здесь поэт напоминает о страшном наводнении, которое Петербург пережил в 1778 г.

Вместо плюгавенького дядиного племянника — сибарит с тучными ланитами; вместо тупого, недалекого пьяницы — поражающий столицу причудливо организованными пирами Лукулл.

Нет, будь Голиков-племянник таким купеческим «Митрофанушкой», каким его изображают беллетристы, он вдохновлял бы поэтическое творчество Фонвизина, а не Державина!

Ветры, веющие в паруса, непогоды, плавания по морям, вздымающимся как горы, — может быть, все это было знакомо Михаилу Сергеевичу и понаслышке. Но так или иначе, а этому человеку были свойственны и размах, и смелость. Бытует легенда о том, что, пытаясь поправить дела, пошатнувшиеся от роскошеств, он начал заниматься вместе со своим двоюродным братом — Иваном Ивановичем Голиковым — контрабандой⁵⁵.

Если сосед-откупщик и выражал соседу-поэту (петербургский особняк Голикова стоял рядом с домом Державина), сенатскому чиновнику, свою признательность за столь звучные стихи, то продолжалось это недолго. В 1780 году двоюродные братья были пойманы на контрабанде коньяка, осуждены и оказались в тюрьме.

Кроме доступного свидетельства о М. С. Голикове — стихотворения Державина и комментария к нему, мы располагаем возможностью обратиться и к малодоступным материалам «шелиховского архива». И тут выясняется, что Григорий Иванович мог быть знаком с Голиковым-племянником гораздо раньше 1780 года. Еще в 1776 году он переписывался с доверенным М. С. Голикова — Борисом Межевским, и в одном из писем Межевский передавал указание Шелихову «собственных моих паев до 14 продать»⁵⁶.

Как раз из писем Межевского Григорий Иванович узнал в 1780 году о том, что М. С. Голиков был произведен в чин капитана⁵⁷. Но не капитана флота, а капи-

тана сухопутных войск! Голиков стал капитаном второго Оренбургского драгунского полка⁵⁸.

Отметим еще одну на первый взгляд малозначительную деталь — это слух, о котором также писал в 1780 году Межевский: «еще сказывают, что и адъютантом пожалован у Великого князя...»⁵⁹ — это не более чем слух, который не дает никаких оснований для фантазий и сочинительства. И все же стоит эту деталь записать — вдруг найдутся какие-нибудь более реальные свидетельства близости голиковского клана к великому князю Павлу Петровичу, тому самому, которому бунтовщики Бенъовского, как мы помним, «отправились завоевывать Америку».

Если М. С. Голиков и попал в тюрьму, то ненадолго. Согласно легенде двоюродных братьев Голиковых выпустили по амнистии в честь открытия памятника Петру Первому на Петровской площади — хорошо всем знакомого «Медного Всадника» работы скульптора Фальконе⁶⁰. Иван Иванович в день освобождения якобы дал обет сочинить историю Петра Великого, что и было им сделано. И. Голиков создал громадное собрание рассказов, анекдотов, свидетельств деятельности Петра и воспоминаний современников. И сегодня историки, пишущие о Петре и его эпохе, не могут обойтись без многотомного издания «Деяний Петра Великого» и его второй части — «Дополнений к Деяниям Петра Великого».

Неизвестно, давал ли какие-либо обеты Михаил Сергеевич. Правда, знакомство его с М. Д. Чулковым вылилось в то, что в 1780-е годы на средства М. Голикова был издан объемнейший труд Чулкова — «Описание Российской коммерции»⁶¹. Так или иначе, но в документах, отражающих историю питейных откупов в 80-е годы, имя Михаила Сергеевича не исчезает: встречаются новые контракты, новые... жалобы⁶². Что же касается контракта на участие в организованной по инициативе Шелихова компании, то он был подписан в августе 1781 года, когда откупщику-контрабандисту полагалось бы «отдыхать» от

всякой коммерческой деятельности. Что там было на деле, сказать пока трудно. Одно надо помнить — XVIII столетие и практикой наказания правонарушителей весьма отличается от нынешнего — арестант (если Голиковы на самом деле побывали в тюрьме!) обладал гораздо большей свободой передвижения. К тому же двести лет назад за деньги можно было с относительной простотой организовать свидание с самым тщательно охраняемым преступником.

Вернемся, впрочем, к Григорию Ивановичу. Начало новому предприятию было положено, найдены компаньоны, которые устраивали его, которых устраивал и он сам. Траты были разделены следующим образом: Иван Ларионович — 35 тысяч, Михаил Сергеевич — 25 тысяч, сам же Шелихов — 15 тысяч рублей. Все доходы должны были делиться поровну в силу того, что Григорий Иванович по контракту обязывался отправиться в вояж, а к тому еще и брал на себя организацию строительства двух судов. Необычным было в контракте то, что срок совместной деятельности компаньонов был определен в 10 лет⁶³. Обычно компания собиралась на одно плавание.

...Из Петербурга Григорий Иванович возвращается в Рыльск, занимается делами семьи.

В этот год осень в средней полосе России была дождливая, дороги и улицы превратились в грязное месиво. Настроение в доме Шелиховых было наполнено ожиданием.

Но в двадцатых числах ноября резко переменялась погода, похолодало, пал, и теперь уже насовсем, снег. Перед Екатерининным днем Наталья Алексеевна родила дочь⁶⁴.

Как отмечено в дневнике современника, январь был необычен своей оттепелью, когда с полей почти сошел снег: «... а воздух от теплоты стоял сырой и тяжелый, отчего во многих местах в народе усилились

болезни простудные, боль головы, сухой кашель и насморк». Вероятно, Наталью Алексеевну отпаивали отваром шалфея, закутывали потеплее. Семейство Шелиховых тревожилось. Погода продолжала беспокоить и в марте, когда с 1 по 10-е непрерывно шел снег, почти прекративший всякое сообщение; и в апреле, когда установились большие холода, перемежавшиеся снегопадами; и в мае, когда часто дули сильные ветры⁶⁵. Но скорее всего, несмотря на все перемены погоды, Шелиховы уже в конце зимы отправились в Иркутск. Ехали в Сибирь, на деле же — началось их путешествие в Америку.

Слово оппоненту. Нужна ли такая дотошность: капитал, проценты, акции... А питейные откупа? Шелихов и торговля водкой — нехорошо как-то!

Р. С. Осенью 1781 года, по возвращении из Санкт-Петербурга в Рыльск незадолго до рождения дочери, Шелихов был вызван в магистрат. Рыльский магистрат собирал с купцов: «имеющих водоходство» (корабли), сведения о роде их занятий. Сохранилась составленная тогда Григорием Ивановичем справка-доношение. На первый взгляд содержание шелиховского «доношения» необычно: «Имею торг в Сибири и Иркутской губернии,— писал Г. Шелихов,— и составляю компании в Северо-Восточном Тихом океане для поисков неизвестных островов и земель и сыскания необитаемых диких народов, которых собственными трудами и капиталом и усердием стараюсь сыскать и приводить под Высокодержавную Российскаго Императорскаго Престола Власть»⁶⁶.

Большинство из «Морских компанейщиков», чьи суда в 60-е и 70-е годы бороздили в поисках пушнины Тихий океан от Охотска до американского побережья, ответило бы на вопрос о своих занятиях в столь же пышной фразеологии и примерно то же по сути. И так же, как Шелихов, никто из купцов не скрыл бы, что делается это «...а затем и для собственной своей ползы, чрез посредство

промысла на тех островах и землях дорогих зверей»⁶⁷.

Ничего оригинального в доношении не содержится. До путешествия 1783—1786 годов Григорий Иванович — всего лишь один из многих, может быть, выделяющийся несколько большей оборотистостью (и осторожностью?).

Но если мы не увидим Шелихова — обычного, рядового купца (с кредитом, процентами, оборотом и винной продажей), то не поймем, в чем новизна его принятого Голиковыми плана будущих действий.

Любой промысловый вояж смыслом имел «налететь, урвать, нахапать, выгодно продать, получить барыш»; промысловики брали, почти не давая взамен ничего существенного (ножички и бисер — не в счет).

Долговременное поселение неминуемо должно было начать да в а т ь. Это поселение не смогло бы оставаться жизнеспособным без огородничества, скотоводства, попыток заведения хлебопашества, без превращения случайных торговых обменов с аборигенами Алеутских островов в постоянные хозяйственно-экономические связи. Мало того — мы увидим, что Шелихов попытается (и успешно!) распространить русскую духовную культуру, используя для этого на Алеутах книги и... иркутские школы. Как здесь соблазнительно пофантазировать о возможном знакомстве с лучшими людьми эпохи, которые наверняка и могли оказать на Шелихова влияние — с Николаем Ивановичем Новиковым, с Александром Николаевичем Радищевым!

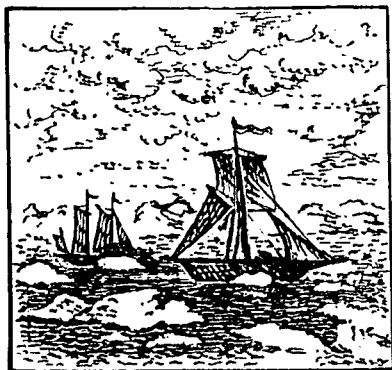
Время совпадает — в начале 80-х один в Москве, мимо которой Шелихову не проехать, другой в Санкт-Петербурге, и занимается как раз коммерческими делами — служит на таможне.

Соблазнительно фантазировать — но не имеем права. Фактов нет.

Скажем лишь, что в конце 70-х — начале 80-х годов XVIII века журналы и газеты были наполнены известиями о событиях, происходящих в Новом Свете. Описыва-

лась детальнейшим образом Американская война за независимость, описывались русские исследовательские и промысловые экспедиции к американским берегам. Шелихов не мог не вызывать к себе любопытства. Его не могли не расспрашивать — о том, что им уже сделано, что он собирается сделать. Вероятно, были и советы, в числе которых и советы людей, близких просветительским кругам. Но получал-то их к у п е ц!

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

ГЛАВА 5

*Ты детских не ценил воспоминаний...
Верней, ты не хранил воспоминаний.
Забыл ты дом из ноздреватых бревен.
Огромный дом, в котором пол неровен,—
Одно из тех старинных крепких зданий,
Построенных когда-то в упованье,
Что простоят до светопреставленья...
Теперь они пришли, воспоминанья,
И мы припоминаем в изумленье
Чудесный город, где орнамент ставен
Напоминает по рисунку плавень,
А иногда осенний серый ливень,
А иногда и мамонтовый бивень,
И черепа таинственных животных
Еще ужасных, но уже бесплотных.
Таких рисунков много-много сотен
На дереве ворот и подворотен,
На окнах, на карнизах, на заборах,
На тех домах и нет уже которых.
Есть гавань у границ Гипербореи —
Забывтый порт, где парусников реи,*

*Одетые тяжелыми холстами,
Среди туманов кажутся крестами,
А иногда грозящими перстами...*

Леонид Мартынов

Взятые эпиграфом к этой главе стихи посвящены полузабытой ныне Мангазее, основанной по указу Бориса Годунова базе северного русского мореплавания,— легендарному центру сибирской пушной торговли XVII века. Такую же громкую славу, как когда-то «Златокипящая Мангазея», имел Охотск, в следующем, XVIII столетии также являвшийся форпостом «у границ Гипербореи» — страны Севера.

Охотском кончалась сухопутная дорога на Америку и начиналась морская. Начиналась буквально от порога. По словам путешественника, побывавшего в Охотске в 1790-е годы, уже «на двести шагов от жилищ лежит море»¹.

Первое впечатление человека, приехавшего сюда,— край земли. Город располагался на обширной песчаной косе, находившейся в устье реки Охоты, или, точнее,— на острове уже не речном, но еще и не морском. Охотск был уже не Сибирью, но еще не был морем. Он был тем, что соединяло землю и море. В Охотск Шелихов стремился, чтобы приступить к подготовке судов для вояжа, сюда же приехала и Наталья Алексеевна с детьми.

Упомянутый нами советский историк А. И. Алексеев, используя различные источники, описывает Охотск той эпохи следующим образом.

На песчаной косе расположена центральная часть города. В пространстве, огороженном палисадом с четырьмя башнями и воротами на север, стоит церковь с колокольней, гостиный двор с 32 лавками, дом командира охотского порта, портовая канцелярия, казенный магазин (т. е. продовольственный склад), пороховой погреб,

гауптвахта, госпиталь, почтовая контора, соляной амбар. За стенами палисада — «Охотской крепости» — стояли жилые дома, бани, амбары горожан. От последних домов линия океанского прибрежья была отделена лишь полоской покрытого галькой пляжа².

На восточной оконечности косы были устроены пристань и небольшая верфь, рядом — дома судостроителей и мореходов. К ним и должен был отправиться Шелихов, приехав в Охотск.

А что это означало — прибыть в Охотск?

Это значило проехать тракт от столицы до Иркутска, затем преодолеть небольшой отрезок пути от Иркутска до верховьев Лены, где, погрузившись на большие лодки-дощаники, можно было начинать сплав до Якутска. А дальше: «...то едешь извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лес, поросший кустарником или через болото, в котором лошадь вязнет по брюхо; то взбираешься на длинный косогор или на крутую каменистую гору и пролагаешь путь по снежной вершине, то спускаешься прямо в реку, поднимаешься на распавшуюся скалу, где с осторожностью пробирается по острому камешнику безподковный конь, то вдруг встречаешь лес, обгорелый от жары, которая в июле месяце доходит здесь иногда до чрезвычайности. Не дай Бог быть застигнутым на дороге продолжительными дождями. В это время болота делаются непроходимыми, реки разливаются, через них уже невозможно переходить вброд, а перевозов нет. Караван поневоле вынужден ждать пока перестанут дожди и опадут реки, встречающиеся на пути очень часто»³.

И комары. Путь к Охотску лежал через тянувшиеся десятками верст заболоченные места; впрочем, как мы хорошо себе представляем, летом миллиарды этих страшно назойливых насекомых роились и на возвышенностях. В прошлом и позапрошлом веке спастись от них можно было лишь с помощью «курева» — медленно тлев-

ших березовых гнилушек или сухого лошадиного навоза, дым от которых не очень ест глаза, но отпугивает комаров. Возможно, использовали и якутское средство, оно описано у некоторых путешественников, современников Шелихова, — к толстому кнуту привязывался лошадиный хвост, и таким «опахалом» отгоняли комаров.

Представить путь в Охотск — это представить медленное, мерное движение растянувшихся на добрую версту всадников и низкорослых якутских вьючных лошадей; это услышать позвякивание уздечек, крики возниц-якутов и монотонное пение возниц-русских, по найму перевозивших грузы к Тихому океану; это — ощутить на своих ногах сары — якутские непромокаемые сапоги из конской шкуры, в которые вместо стелек и портянок вкладывали сено; это — увидеть впереди, в сумерках, долгожданный огонь костра предстоящей ночевки.

Шелихову все это уже знакомо и привычно. Как привычно ему беспокоиться о здоровье людей, о состоянии подруг и прочей сбруи, о целостности многопудового груза. Впрочем, на сей раз несколько большего, чем когда-либо.

Конечно же, для любого «компанейщика» обычная поездка в Охотск была, как правило, сопряжена с доставкой материалов для строительства судов, припасов для будущего путешествия и товаров для торговли на восточной окраине России. «Провиант» — ржаная и пшеничная мука, горох, конопляное семя, гречка и овес, затем обязательные для дальнего плавания порох, ружья — фузеи и штуцеры, пушки и, наконец, самая важная часть караванной поклажи, — парусина и канаты, полосовое железо, корабельные болты и гвозди, заготовки для якорей, блоков, талрепов и остальных морских «дельных вещей». Приобреталось все это в Иркутске, Енисейске, Тюмени, Москве и других городах Сибири и центра страны⁴. В том, что компанейский капитал Шелихов стал расходовать уже по дороге из Санкт-Петербурга, можно быть уверен-

ным, но с немалой долей вероятности можно утверждать и то, что закупалось все это в двойном, тройном размере. Затеянное Шелиховым требовало иного обеспечения, нежели рядовой промысловый вояж. Ведь главной задачей предстоящей экспедиции было: «основать на берегах и островах американских селения и крепости»⁵.

Молва о большом караване должна была подготовить жителей Охотска к его встрече. К тому же кто-нибудь был отправлен вперед, чтобы приготовить все к приему груза и людей и наверняка же — истопить баню. Людской гомон, лай собак, внимательные взгляды местных начальников.

В Охотске походная жизнь на время сменялась оседлой, домашней, цивилизованной.

Конечно, по современным меркам Охотск трудно назвать городом и даже городком. И спустя два десятилетия, в самом начале XIX века, здесь жительствоваало примерно две тысячи человек⁶. Но, как говорится, «мал золотник, да дорог». Маленький Охотск, основанный в XVII веке как укрепленный пункт — острог, с 30-х годов XVIII столетия развивается как центр кораблестроения. Сохранилась и опубликована инструкция, с которой в Охотск прибыл тогда полковник, а в будущем — генерал-майор Г. Скорняков-Писарев: «...то место людьми умножить, и хлеб завезть, и [выстроить] пристань с малою судовою верфью, а также несколько морских судов для переезда на Камчатку... Мастеров судовых из ссылочных набрать человек 20 и поселить там же, а для показания пропорции в деле судов велено отправить из Адмиралтейства мастера или подмастерья, который бы умел галиоты и корабельные боты делать, и к ним в помощь плотничного командора и человека четыре плотников лучших...»⁷

Охотск развивался, обеспечивая всем необходимым Беринга и других мореплавателей. При Скорнякове-Писареве завели «сидение смолы» из лиственницы, с екате-

ринбургских заводов были присланы специалисты, устроившие небольшое кузнечное производство, из Адмиралтейства сюда были отправлены штурманы и матросы, которым «придавались» дети местных охотских казаков для обучения «морскому ходу», чтобы «своих штурманов и матросов завести»⁸.

Именно это — связь Охотска и охотской жизни с океаном — отличало Охотск от его континентальных собратьев, таких же небольших по величине, — Бийска, Селенгинска, Баргузина, Олекминска, Канска.

Торгово-промышленный центр и одновременно база тихоокеанского мореходства, — не по образу ли и подобию Охотска собирался Шелихов завести постоянное поселение на Кадьяке?

Поддадимся соблазну переносить наши сегодняшние представления в прошлое и напишем: «Охотский дом Шелихова становится штабом подготовки предстоящего экспедиционного плавания».

Впрочем, а где именно стоял этот дом?

В некоторых письмах из «шелиховского архива» упоминается охотский дом Григория Ивановича. Упоминается, в частности, о том, что каждую зиму в нем вымораживали тараканов, появившихся в России лишь в XVIII веке, и клопов, известных издавна; упоминается о том, что в нем были «стекольчатые окна», что «горницы» (т. е. парадные комнаты) были по распоряжению Шелихова украшены специально привезенными (из Москвы? из Петербурга?) шпалерами⁹. Обратим на это внимание. Чтобы украшать шпалерами — дорогостоящими безворсовыми коврами с вытканными на них изображениями — дом, стоящий буквально на краю света, где приходится бывать наездами и недолго, для этого нужно иметь особое чувство х о з я и н а. Хозяйское чувство, если не сводить его к собственническим инстинктам, — это чувство гордости за то место, где живешь, и чувство ответственности за все окружающее. Может быть, нам встретятся

и другие, более доказательные свидетельства того, что Шелихов — хозяин в лучшем смысле этого слова?

Дом Григория Ивановича вряд ли был выстроен на восточной оконечности косы. Кроме верфи, жилищ судостроителей и мореходов, там были еще и казармы солдат охотской воинской команды. Вряд ли есть смысл предполагать, что шелиховский дом находился в «пригороде» Охотска, на небольшом острове Булгин, где также стояли дома горожан, или в поселке на речке Кухтуй, впадавшей в море рядом с устьем Охоты, где жили работные расположенных по Кухтую соляных варниц и кирпичного завода.

Скорее Шелихов выстроился рядом с купцами, в более «цивилизованной» части города, в которой жилые постройки и огороды уже не были разбросаны без всякой системы, а вытягивались в две улицы. Здесь, в домах числом около 70, жили и ссыльные, и промысловики с семьями, чиновники¹⁰ — иными словами, потенциальные покупатели и потенциальные матросы, «работные люди», строители кораблей шелиховской компании.

Компанейщики имели право официально нанимать в Охотске людей для морского вояжа. Либо человека нанимали «ис платы» — в среднем это было 50—100 рублей в год, либо «ис полупая», то есть расчет производился с нанятым после возвращения судна, когда вся добыча делилась на число паев и работный получал половину одной доли пушнины¹¹.

До отправки в вояж промысловики участвовали в строительстве своего корабля. Однако профессиональным корабелам строительство судов оплачивалось особо. За кузнечные работы человек получал, как правило, не половину пая, а пай. Особая плата полагалась и «вольнорабочим», нанимавшимся только на строительство корабля; корабельные мастера, официально числившиеся в штате Охотского порта, также могли нани-

маться компанейщиками, но за двойную плату в сравнении с вольнонаемными¹².

Вероятно, еще до того, как Шелихов нашел корабелов, часть прибывших с ним промышленных была отправлена на заготовку леса. Нужно было найти подходящие деревья, свалить их, доставить к месту строительства и там распилить.

В упоминавшемся «доношении» в Рыльский магистрат (ноябрь 1781) Шелихов писал, что имеет «строение морских судов, на манер голландских, конструкциею не больше по килю 52 футов, галиоты и бредантины (бригантины.— Л. С.) в близости Охотского порта...»¹³

Кухня кораблестроения была Шелихову известна. Хорошо знал Григорий Иванович и то, что успехи строительства и будущего плавания во многом зависят от местных начальников, прежде всего от командира Охотского порта. Шелихов нуждался и в казенных кораблестроителях, и в судоводителях своих кораблей, а капитанов-«штурманов» выделял для промысловых компаний все тот же командир порта; по договоренности с командиром порта можно было получить в долг из казны и довольно значительную сумму¹⁴.

Отношения с местным начальством у Шелихова, надо думать, складывались нормально и на основе взаимной заинтересованности сторон. В дополнение к предназначенным для путешествия двум ластовым (грузовым) ботам было заложено и стало строиться третье судно — галиот¹⁵. А в наставление, с которым Шелихов отправил в Москву своего приказчика П. В. Мыльникова, были внесены пункты о покупках вещей для командира порта Бензинга и его секретаря Корсакова. Замечательно, что кроме «английских ружей кремневых», «чулков», «колпаков спальных теплых», «хорошего кортика и к нему портупей золотой с пряжками», начальство заказывает несколько календарей на 1783 год, 10 фунтов шоколаду и 2 пуда «хорошего кофея»¹⁶.

Поясним термины, которые для Шелихова были уже хорошо знакомы и понятны, а для нас пока — не очень.

Самый из них знакомый — бригантина. Согласно знаменитой песне это — тип судна, использовавшийся пиратами. Но не только. Бригантина — небольшой двухмачтовый парусник, достаточно вместительный и быстроходный, с небольшим количеством пушек малого калибра, очень часто служивший и для торговых перевозок. На одной из мачт бригантина несла прямые паруса, а на другой — более легкие в управлении и требовавшие менее подготовленных матросов — косые.

Довольно просто разобраться и с ботом — одномачтовым парусником, изображения его можно найти в гравюрах XVIII столетия, украшающих популярные книги и школьные учебники. На известнейшей «Панораме Петербурга», гравированной А. Ф. Зубовым в 1716 году, среди прочих кораблей, показан небольшой бот, которым управляет сам царь¹⁷. В листе из серии «План столичного города Санкт-Петербурга... 1753 года» («Вид вверх по Неве») изображен бот, совсем близкий тем, что строились в Охотске¹⁸. Задранные нос и корма, корытообразный, широкий корпус, — мореходные качества ластовых ботов вряд ли велики, зато велика вместительность. Малая скорость, но одновременно и простота обращения с небольшим числом парусов.

И третье название — галиот. Как раз на галиоте в Америку отправится сам Шелихов. Но этот тип судна, в отличие от бригантины и бота, оказался менее долговечным и менее известным. За разъяснением нужно обратиться к старым справочникам. Например, к «Морскому словарю» адмирала А. Шишкова*.

* А. С. Шишков знаменит не столько своими авторитетными трудами в области истории морского дела, сколько своей отчаянной защитой русского языка от любых иностранных терминов, которая приводила его к патриотическим, но не привившимся словоизобретениям, вроде, «мокроступов» или «топталица».

«Галиот — голландское грузовое судно... Сии суда плоскобокие, с круглым или широким носом и кормою... На галиоте обыкновенно паруса: грот, топсель (два прямых, на передней мачте), два стакселя наперед (два косых, тоже на передней), а на корме род флагштока или небольшой мачты, для распускания паруса...»¹⁹ В «Словаре» говорится и о том, что галиотов строится много в Петербурге, на верфи, изготовляющей суда по заказам частных судовладельцев.

Вопрос о галиоте, построенном для вояжа, в дальнейшем приобретет, как мы увидим, особое значение, придется поэтому коснуться проблемы финансирования его строительства.

Со слов Натальи Алексеевны мы узнаем, что шелиховский галиот был построен «на свой кошт», а не на компанейские деньги²⁰. Можно допустить, что в это строительство он вложил деньги, полученные после раздела пушнины, привезенной вернувшимся в 1781 году «Варфоломеем»²¹. Может быть, Шелиховым была получена в Охотске (?) казенная ссуда? Это могла быть и выручка от продажи так называемых «паев-на-сход». В отличие от главных, нормальных или «суховых» паев, «пай-на-сход» продавались лицам, не участвовавшим в снаряжении экспедиции и строительстве судна. Не участвовали владельцы «паев-на-сход» и в обсуждении и решении дел компании; единственное право, оставшееся за ними, — это право на получение доли в промысле²².

Отправляя своего приказчика в Москву, Шелихов, разумеется, поручал ему и многое другое, помимо покупок для охотского начальства. В частности, П. Мыльников должен был передать письма и контракты на покупку паев московским купцам И. Я. Грезпикову, М. П. Губину, Г. А. Кириакову и дяде Григория Ивановича — Ф. П. Шелихову. Деньги, полученные взамен переданных контрактов, приказчик должен был почти полностью внести в Казначейство в счет погашения казенной ссуды²³. Мы,

впрочем, не знаем, на что именно была потрачена Григорием Ивановичем эта ссуда, — может быть, как раз на строительство и оснастку третьего корабля.

Но вернемся в дом Шелихова, где с утра до позднего вечера продолжалась предэкспедиционная суэта. На верфях разворачивалось строительство, а здесь паковали кладь, здесь же происходила вербовка рабочих людей.

Ямщики, государственные крестьяне, представители аборигенных народностей Сибири — ясашные, отставные солдаты и «маломощные» купцы третьей гильдии — вот те, кто нанимался в промысловый вояж²⁴. Изредка отправлялись на промысле и крепостные крестьяне, таким образом отработывавшие оброк своему помещику. Эти люди и приходили в шелиховский дом.

С каждым из желающих участвовать в экспедиции Григорий Иванович должен был, согласно сложившейся практике, заключить индивидуальный контракт, определявший права и обязанности рабочего.

Хотя в «шелиховском фамильном архиве» не имеется контрактов, заключенных в 1782 и 1783 годах, не будет особенной натяжкой составить представление о том, что в них вносилось, обратившись к контракту другой компании:

«...в Охотском порте Тарского ведомства Калоянской слободы крестьянин Михайло Лукьянов Черепанов дал сей контракт томскому купцу...» Крестьянин указывал далее, что договорился идти для промысла «всякаго рода морских и земных зверей», что в качестве платы не будет «ничего требовать», кроме положенного «пол-пая промысла». Указывалось в контракте, что «будучи на берегу и в морском вояже за компанейским делом» промышленный будет «пить и есть компанейское», а «платье и обувь — носить свое». Кроме того, нанимаемый давал обязательство «мореходу» — капитану, «передовщику» — артельщику и начальнику промыслов «быть во всяком послушании», а «к промыслу иметь усердное рачение»²⁵.

Из этого и других контрактов²⁶ видно, что кроме надежды улучшить свое имущественное положение, «поправиться» и даже обогатиться после окончания промысла и раздела добычи, нанимавшегося влекла возможность получить вперед часть платы. Крестьянин мог получить от компании деньги на выплату подушной подати за себя и за членов своей семьи, купец — деньги для выплаты «капитальных денег» — налога, которым облагалось купечество, или для уплаты по векселям с истекающим сроком и т. п.²⁷

Конечно, обращение к «чужому» контракту вынуждено. Иметь бы те самые, «шелиховские»...

Если бы удалось обнаружить весь комплекс «компанейской документации», которую вели накануне отплытия Григорий Иванович и его приказчики, можно было бы в деталях проследить, как рождается будущий коллектив участников экспедиции, узнать, кто они, из каких городов, каких «чинов и званий»...

Но нет контрактов работных людей, судостроителей и мореходов. Нет судовых или вахтенных журналов, которые, кроме сведений о ходе плавания, могли бы рассказать и о его участниках.

И все же кое-чем мы располагаем.

...Толстая книга большого формата в холщовом переплете. Внутри листы прошнурованы (бухгалтерия!), разграфлены и заполнены торопящимся почерком самого Григория Ивановича: «Книга 1-я... в рацотах с работными по Американской компании с 1783 года...» Сюда вносилось то, что каждый работный получал от компании в долг до отправления в вояж, и то, что за вычетом долга приходилось на его долю после возвращения, после «раздела»²⁸. Другая «Книга», парная к первой, «Книга выдачи припасов...», имеется не в подлиннике, а в копии, точнее в двух — в виде микрофильма и карандашной копии, выполненной, судя по почерку и бумаге, незадол-

го до революции. Оригинал же «уехал» в Америку во второй раз — в составе коллекции Г. В. Юдина²⁹.

Поскольку экспедиционная флотилия включала три корабля, книг таких должно было быть шесть. Но удовольствуемся и найденным, тем более что имеющиеся в нашем распоряжении — наиболее интересные, они велись на галиоте, где находился сам Шелихов.

Интересные, но малопонятные. Поневоле вспомнится, как в «Острове сокровищ» герои пытаются разобраться в «Приходной книге» капитана Билли Бонса — пиратский жаргон, бухгалтерские записи, денежный итог в конце каждой страницы; вспоминается и то, что раскрыть смысл написанного им не удалось.

Что у нас? Указаны имена и фамилии участников экспедиции, но не отмечено, кто они, — крестьяне, купцы, ямщики? Не отмечено, откуда они — из Иркутска, Москвы, Вологды? Страницы «книг» наполнены какими-то перечнями выданных продуктов, какими-то повторяющимися списками меховых шкур.

И все же надо попытаться разобраться в этой каше из шкур, имен, рублей, пудов и фунтов.

Имена — к именам, пуды — к пудам и т. д. Составим для начала список промысловиков. Еряд ли опытный уже «компанейщик» Шелихов доверил вербовать их какому-нибудь местному Джону Сильверу. Скорее всего он самолично набирал людей, с которыми сам должен был отправиться в многолетнюю экспедицию.

«Василий Давыдов... Тимофей Чюновитский... Николай Власов...» — выписываем имена в колонку, оставляя рядом с каждым пустое место для примечаний, ибо некоторая информация об отдельных шелиховских сотрудниках все-таки есть в «книге».

Вот, например, два якута — Тархей Итыка Полевой и Дмитрий Пинегин. Вот имена родственников Григория Ивановича — двоюродного брата Сидора Андреевича Шелихова и родного — Василия. А вот, кажется, и еще

одно знакомое имя. «Подштурман Герасим Измайлов».

Знакомое имя?

Еще бы!

«Вечером, когда я с мистером Веббером был в индейском селении..., здесь высадился русский, которого я считал главным... Его имя было Ерасим Георгиев Син Измайлов, он прибыл на каноэ, в котором было три человека, в сопровождении 20 или 30 одиночных каноэ. Я заметил, что, высадившись, эти люди прежде всего разбили для Измайлова небольшой шатер из материалов, которые они с собой привезли, а затем уже соорудили навесы для себя...»³⁰. Это не что иное, как описание первой встречи с Измайловым участниками экспедиции капитана Дж. Кука в июне 1778 года на одном из островов Алеутской гряды — Уналашке (англичане считали алеутов индейцами).

По мнению англичан, этот молодой человек — высокий и стройный блондин с длинными вьющимися волосами — был «в достаточной мере сведущ в астрономии и в других насущно необходимых областях математики»³¹. Ум, здравомыслие и профессиональные знания Измайлова, его любезность и умение выполнять свои обещания приятно поразили англичан, решивших, что он «по своим дарованиям достоин более высокого места, чем то, которое он занимает»³².

В то время Измайлов числился штурманским учеником в штате Охотского порта и командовал судном компании купцов Орехова, Лапина и Шилова «Павел»³³. Промысловый вояж «Павла» продолжался с 1776 по 1781 год, увеличил опыт Измайлова как морехода и принес ему чин подштурмана. Теперь за плечами Герасима Гигорьевича был промысловый вояж, а до него — исследовательское плавание под командой лейтенанта Синда (в 1766 году)³⁴, а еще раньше и еще одно, да какое!

Участникам экспедиции Кука Измайлов рассказывал о себе, кое-что умалчивая, а кое-что попросту придумывал.

вая. «Он сказал, что 12 мая 1771 года вышел из Большерецка на русском корабле к одному из Курильских островов, который называется Марикан [Симушир], лежащему на 47° NO, и указал, что на этом острове есть гавань и русское поселение. От этого острова он пошел в Японию, где, видимо, пробыл недолго, ибо, когда японцы узнали, что он и его спутники — христиане, они велели им уйти прочь... Из Японии он направился в Кантон, а оттуда на французском корабле — во Францию; из Франции Измайлов пришел в Петербург, и снова был послан сюда»³⁵.

Уже у самих англичан рассказ Измайлова вызвал некоторые сомнения: «Мы не смогли разузнать, какова судьба корабля, на котором они отправились в путь, и каковы мотивы этого путешествия»³⁶.

А мотивы путешествия весьма примечательны.

Вышедший в 1771 году из устья Большой реки корабль имел своей целью «завоевать Америку для Великого князя» — это был «Святой Петр» с бунтовщиками Бенъовского на борту. Но: «Он (Измайлов.— Л. С.) не мог сказать по-французски ни одного слова, а поэтому вся эта история казалась несколько подозрительной. Он не знал даже, как называются такие общеупотребительные в повседневном корабельном обиходе вещи, как хлеб, вино, вода, нож, ложка и т. д., хотя должен был иметь с ними дело на французском корабле и во Франции. Вместе с тем, он, видимо, верно указывал время прибытия корабля в различные пункты и ухода из них; названия он писал на бумаге и, как я уже раньше заметил, разбирался во многих вещах»³⁷.

Недомолвки в рассказе Измайлова были связаны не только с тем, что свой второй вояж он совершил в столь необычном экипаже, как взбунтовавшиеся ссыльные. Дело в том, что он его не совершал, точнее проделал на «Св. Петре» только самую первую часть пути. Вторая же часть описывалась им со слов другого морехода (и

его мы также увидим в числе шелиховских сотрудников) — Дмитрия Бочарова, действительно вместе с Беньовским прибывшего во Францию, но в числе полутора десятков русских беглецов принесшего повинную российскому послу в Париже, прощенного Екатериной II и возвращенного назад, в Сибирь³⁸.

Что же касается самого Герасима Григорьевича, то он вместе с камчадалом Алексеем Паранчиным, его женой, с «матрозом Сафроновым», штурманским учеником Филиппом Зяблиным и другими после выхода из Большерецка составили заговор, чтобы внезапно напасть на Беньовского, «повязать» его, вернуться на Камчатку и сдать на милость властей. Этот замысел стал известен Беньовскому. Заговорщиков высекли и высадили на Симушире³⁹. Так что Измайлов не мог в апреле 1772 года обращаться в Париже к русскому резиденту Хотинскому, не мог совершить морское путешествие из Гавра в Санкт-Петербург, чтобы после новой присяги в октябре 1773 года отправиться на восток, в Сибирь. Его путь в Охотск был значительно короче.

Оставим на совести Измайлова попытку ввести англичан в заблуждение. Как бы то ни было, они отметили его профессиональную подготовку, навыки обращения с картами и геодезическими приборами. О достаточно высоком профессиональном уровне Измайлова не мог не знать и Шелихов. И хотя не мог он не знать и о бурной биографии своего будущего морехода, контракт с Измайловым был подписан.

Кроме Измайлова, из штатной команды Охотского порта Шелихов нанял сержанта Мирона Бритюкова, который должен был выполнять во время экспедиции обязанности лекаря⁴⁰.

Всего было «договорено в работу» на шелиховский галиот 68 человек. «Книги» и прочие документы позволяют понять, что в составленный нами список можно будет

внести немало примечаний. Трудности вояжа выявят, кто из них чего стоит. Но не станем спешить.

Пока корабли только готовятся к плаванию, параллельно с докомплектованием экипажей идут последние сборы — в дом и склады подвозится провизия, подбирается недостающее снаряжение.

Разумеется, интересно было бы просмотреть «амбарные книги» или «погрузочные ведомости», которые вел сам Шелихов либо его приказчики. Что было взято в вояж?

И опять, не имея шелиховских документов, заглянем в документацию другой компании. В принципе, все промысловые плавания снаряжались единообразно.

«Контракт компании московского купца Василия Серебренникова...» (1773), опубликованный Р. В. Макаровой, содержит и перечень снаряжения судна «Св. Архидиакон Евпл». На первом месте — иконы и книги для церковной службы (которую мог отправлять и кто-нибудь из работных, не обязательно священник), затем само судно, затем паруса, якорные снасти и т. д.⁴¹

Впрочем, на самое первое место в этом перечне следует поставить название корабля. Строящиеся на русском побережье Тихого океана суда назывались именами святых, получая тем самым небесного покровителя, который должен был уберечь судно и команду от штормов и мелей, от болезней и от оплошности судоводителя.

Шелихов назвал свой галиот именами трех святителей — легендарных основателей христианской церкви — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Святые-хранители каждого из членов семьи (отец Иван, сыновья — Григорий и Василий Шелиховы) стали покровителями семейного предприятия.

Впрочем, мореходы надеялись на поддержку и других святых. Помогать в обращении к ним должны были имевшиеся на каждом промысловом судне иконы.

Самой «главной» из них было изображение Святого

Николая Мирликийского. «Никола» традиционно считался покровителем и защитником мореплавателей, охотников, путешественников. Было даже когда-то приговье, говорившееся на прощание: «Бог на дорогу, Никола в путь!» Кстати, и до сегодняшнего дня в Сибири охотники-старообрядцы, уходя в тайгу, берут с собой амулеты — маленькие книжечки с переписанной молитвой Св. Николаю. Наверное, самое первое, что было принесено на борт «Трех Святителей», — это изображение Николы.

Дальнейший набор икон был произвольным. В известном нам судовом списке «Евпла» указаны также обиходные праздники — «Троица», «Богоматерь». Здесь же упомянут еще один своеобразный амулет-оберег — «флюгер железной, в середине медь зелена, золочена, написан ангел». Подобный флюгер мог иметься и на шелиховском галиоте.

Столь же обязательными, как иконы, в списках снаряжения были паруса, канаты, «байдары лафташные» (их деревянный каркас обтягивался моржовыми шкурами-лафтакими), якоря, компасы и песочные часы — «склянка полуминутная», «склянки получасовые». Кухня оборудовалась таганями, «котлами подварошными» и «котлами хлебальными», ковшами, сковородами и сковородниками. Захватывали с собой кузнечные и слесарные инструменты: наковальни, молоты, долота, тисы, различные пилы, клещи, «ресцы», сверла, точила. Кроме всего прочего, на судне обязательно имелись сургуч, чернила, перья, «стопы бумаги пищей». В плавание из Охотска — «дома на краю земли» — от сибирских берегов к американским должен был уйти эдакий плавучий дом со всем необходимым на всевозможные случаи — от бисера на подарки любопытствующим алеутам, которые в качестве гостей могут нанести визит на корабль, до ножниц и ниток для шитья одежды, которую промышленники шили, коротая морской переход.

Конечно, «книги» шелиховского галиота — не погру- зочная ведомость и о том, как и чем снаряжался и за- грузился корабль, рассказать не могут. И все же мы узнаем некоторые подробности о съестных припасах для предстоящего путешествия.

Например, на борт «Трех Святителей» будут загру- жены запас пряников (!), чай жулан (высший сорт зеле- ного) и чай байховый (черный), мед, сахар в головах, го- вядина в бочках, копченая ветчина и несколько разно- видностей спиртного — французская водка (коньяк), вен- герская водка, спирт и наливки⁴².

Не стоит удивляться наличию спиртного на борту га- лиота — в ту эпоху бытовало устойчивое мнение о его целебных свойствах (имеются в виду крепкие напитки) и, в частности, противоцинготных⁴³. Следует также учесть, что к середине XVIII века повсеместно, во всей Европе, «вино... сделалось дешевой составной частью питания»⁴⁴. В какой-то степени спиртное должно было разнообра- зить скудный, как мы убедимся, рацион промысловиков.

Однако увидим мы и то, как водочные запасы прине- сут впоследствии Шелихову немалые хлопоты.

...К бочкам с солониной и спиртным в последнюю оче- редь добавляются бочки с водой. Укомплектована коман- да «Трех Святителей», команда «Архистратига Михаила» (62 человека)⁴⁵, на котором мореходом пойдет Василий Олесов, и команда «Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы» (около 70 человек)⁴⁶ с мореходом — штур- манским учеником Дмитрием Бочаровым, приятелем Ге- расима Измайлова.

В августе 1783 года все три судна уже покачивались на рейде напротив урацкого устья, неподалеку от ме- ста их постройки. После окончательного распределения груза (на «Трех святителях», например, часть поклажи была уложена в трюм, а наиболее ценное — в каюту⁴⁷, то есть жилую надстройку на корме галиота), все готово к отправлению.

Выход был приурочен к завершению Успенского поста. 15 августа, в Успенье, участники экспедиции, несомненно, отстояли службу, просили Христа, Богородицу, святых о промысловой удаче, о благополучном возвращении. Был сделан и вклад-пожертвование церкви, каждый из работных внес кто рубль, кто больше — до десяти⁴⁸.

Те, кто уходил в море впервые, жертвовали особенно щедро. Если это были жители Охотска, то семья накануне отхода собирала гостей на проводинный обед, отваль-ной стол; после обеда новоявленный к а з а р — так называли здесь работных-новичков — шел с семьей на кладбище проститься с родными могилами.

Охотский дом Григория Ивановича опустел. С мужем в плавание отправлялась и Наталья Алексеевна вместе с двумя детьми.

Слово оппоненту. Нет, невозможно все это принять! Вместо того, чтобы подробно остановиться на описании самопожертвования Натальи Шелиховой, вместе с мужем и детьми отправившейся в неизвестность, как и раньше, так и теперь, «пуды», «фунты», «бочки». Насколько выигрышнее описано отплытие у В. Григорьева или Ю. Федорова: на пристань приходит весь Охотск, тут и охотское начальство — чиновник Кох и полковник Козлов-Угренин, они до последней минуты вымогают поборы. Шелихов дерзко им отвечает, преисполненный сознанием того, что начинает большое дело «державы для...» Здесь и Наталья Алексеевна, презирая законы и обычаи, в последний момент принародно присоединяется к мужу, желая разделить с ним тяготы пути. Все изумлены и восхищены. Восхищены и сегодняшние читатели — вот идеал женской верности, который, кстати, так сейчас нужен нашей молодежи!

Р. С. Да, бесспорно, картины, созданные воображением беллетристов, привлекают и заставляют сопережи-

вать. Но можно ли их принимать всерьез? Думается, нет.

Беллетристы рисуют образ Натальи Алексеевны, находя для него прототип на страницах школьных учебников литературы. Прототип — женщина, решившая разделить тяжелую судьбу мужа, отправляющегося в дикие, нецивилизованные места, оставляющая ради него детей⁴⁹, отказавшаяся от привычного домашнего комфорта, бросающая вызов общественному мнению, — это жена декабриста, героиня поэмы Некрасова «Русские женщины».

На первый взгляд, беллетристы имели вескую причину выбрать именно такой прототип — собственный рассказ Григория Ивановича. Это описание его путешествия в Америку, изданное в 1791 году в Петербурге отдельной книжечкой под названием «Российского купца Григория Шелихова странствование с 1783 по 1787 год...» Книгу, несмотря на ее редкость, можно найти в крупнейших библиотеках.

Для биографов огромную важность представило то, что, начиная рассказ о путешествии, Шелихов упоминал, что отправился «на первом галиоте с женою моею, которая везде со мною следовать и все терпеть трудности похотела»⁵⁰.

Считая это свидетельство вполне авторитетным (пишет сам Григорий Иванович, книга вышла при его жизни), можно, казалось бы, развертывать яркую, трогательную картину отправления, а затем, описывая плавание, рисовать чувства Натальи Алексеевны, на корабле заботившейся о муже и переживавшей о детях, оставленных в Иркутске.

Однако стоит поинтересоваться тем, что известно на- уке об истории издания «Странствований».

Александр Игнатьевич Андреев более сорока лет назад выяснил, что книжечка, изданная в 1791 году купцом, издателем, библиографом Василием Сопиковым, — это несколько переработанный отчет о плавании, кото-

рый Шелихов представил, вернувшись из Америки иркутскому генерал-губернатору. Шелиховский текст, еще не имевший редакторских изменений и сокращений, был найден А. И. Андреевым и опубликован (в сборнике «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», М., 1948). Оригинально название этого текста-отчета, составленного, вероятно, по дневниковым записям Григория Ивановича: «Записка Шелихова странствованию его в Восточном море».

Между изданием 1791 года и «Запиской странствованию» разночтения небольшие, но существенные по смыслу. В частности, фраза о том, что жена отправилась вместе с мужем, в «Записке» заканчивается словами «и двумя детьми»⁵¹.

Разумеется, с детьми присоединиться к мужу внезапно, в последний момент, невозможно. Участие в плавании детей должно было готовиться заранее. Поэтому, если охотские жители и обсуждали с е м е й н о е (в буквальном смысле слова) предприятие Шелиховых, то пересуды эти длились уже давно.

Но судачить-то должны были только о детях, отправлявшихся в дальний вояж. Поступок самой Натальи Алексеевны сильного удивления вызвать не мог. Дело в том, что традиции тихоокеанского мореплавания и судостроения были связаны с навыками и обычаями, принесенными в Охотск и на Камчатку из Архангельска, Олонца⁵². А у поморов не считалось чем-то исключительным, когда в первые годы после замужества жена вместе с мужем ходит в море⁵³.

Может быть, именно из-за обыденности такой практики и не сохранилось имен женщин, разделявших с мужьями все опасности морских странствований. В пользу этого обстоятельства говорит то, что совершенно проходя (без имени!) в материалах шелиховского плавания 1783—1787 годов, опубликованных А. И. Андреевым, упомянута еще одна женщина, как и Наталья Алексеевна, от-

правившаяся с мужем в Америку. Это жена промысловика Василия Петровича Меркульева⁵⁴. Вспомним, что в XVIII веке в податных сословиях женщина занимала сугубо подчиненное положение. Контракты подписывались только с промысловиками-мужчинами. Не упоминаются имена женщин и в отчетах о вояжах.

Единственное известное имя женщины — участницы экспедиционных исследований той эпохи — имя дворянки. Это Татьяна Прончищева, вместе со своим мужем, командиром дубель-шлюпки «Якутск», погибшая в устье реки Оленек в 1736 году^{55*}.

Итак?

Итак, вряд ли возможны имеющие место в беллетризованных биографиях Шелихова картины «народного изумления в Охотске»⁵⁶.

Невозможны они и потому, что корабли шелиховской компании отправлялись не от Охотской пристани, а от Уракского устья.

Невозможен и яркий эпизод в картине отправления кораблей из романа Ю. Федорова, когда полковник Козлов-Угренин при отходе шелиховских судов по контрасту с добрыми народными чувствами проявляет свою алчность⁵⁷. Не могло этого быть просто потому, что в Охотск он прибыл только в следующем, 1784 году⁵⁸.

И снова встает «проклятый» вопрос — а как же было на деле?

Может быть, судить о том, что делала во время отплытия Натадья Алексеевна и как проходил отход, мы сможем, узнав, как проходило путешествие? Сведений о том, что было на борту «Трех Святителей» с ней и детьми (пока для нас безымянными), нет ни в сопиковской

* Недавно выявленные данные указывают на то, что в шелиховском путешествии участвовала и жена лекаря экспедиции, сержанта Бритюкова — Евдокия Федоровна, во время вояжа родившая сына Федора. — ГАТО. Ф. 1059. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.

публикации 1791 года, ни в тексте, опубликованном в 1948 году.

Надо было бы предпринять поиск вахтенного журнала, куда вписывались все происшествия на борту, записывались данные о погоде, местонахождении и курсе судна. Некоторые из компанейских судовых журналов имеются в ЦГАДА, но лишь некоторые. А остальные?

Логичным было предположить наличие коллекции судовых журналов в хранилищах, собирающих все по истории мореплавания и кораблестроения. Это государственный военно-морской музей и Центральный государственный архив военно-морского флота. Но поездка в Ленинград дала находки совсем в другом месте, в Центральном государственном историческом архиве.

Правда, коллекция судовых журналов существовала. Она хранилась в архиве военно-морского флота. Но не насмешка ли?! Журнал шелиховского галиота был передан на реставрацию, затем подлежал микрофильмированию — в общем, в ближайшее обозримое время (а оно, как практика показывает, может растянуться на годы) оставалось рассчитывать только на то, что было доступно, оставив вопрос о Наталье Алексеевне и детях до новых находок.

Кроме шелиховской «Записки странствованию», доступными были записи в «книгах» «Трех Святителей» и весьма важный документ — карта путешествия 1783—87 годов, вычерченная Герасимом Измайловым, экземпляр которой имелся еще в одном архиве — военно-историческом.

На первый взгляд, никаких ценных сведений эта давно известная карта дать не могла. Известна она была в уменьшенной копии в сопииковском издании конца XVIII века. В печатном варианте карты, как и в рукописном, был нанесен путь галиота — до острова Кадьяк и обратно, к охотскому побережью, со всеми петлями и зигзагами. Однако в печатной карте какой-либо разницы в

обозначении пути туда и обратно не было. Не отмечались здесь и отрезки пути, пройденные за сутки. Все это было в архивной, раскрашенной карте⁵⁹. Тут красным обозначен путь туда и черным — обратно. В какой-то степени отсутствие судового журнала компенсировалось сочетанием сведений из «книг» шелиховского галиота, отчета — «записки странствованию» и отметками на карте.

НАД КАРТОЙ ИЗМАЙЛОВА

ГЛАВА 6

Сколько опасностей подстерегает нас при попытках новых открытий: дальние плавания, незнание языка, невозможность найти переводчиков, новые и неизведанные стихии и ветры, необычная и невкусная пища, возможные встречи с ворами и разбойниками, свирепые, дикие звери и рыбы, дремучие леса, бурные моря, грозные штормы, гибельные подводные скалы, крутизна гор, тень внезапных туманов, изнурительная работа без отдыха и срока и бесконечное множество других лишений. Зато как заманчиво и выгодно предпринимать новые открытия: нас ждут живописные пейзажи, неведомые звери и рыбы, чудесные творения природы, не схожие с нашими нравы и обычаи различных стран, разнообразные формы правления, невиданные деревья, плоды, птицы и звери; бесценные сокровищницы жемчуга, золота, серебра; радость сообщения об открытии новых стран и многое другое.

Из введения Джорджа Беста к его описанию путешествий Мартина Фробшера, опубликованному в 1578 г.

Но почему же мне не вообразить себя путешественником, который, руководствуясь двумя своими возлюбленными страстями — любознательностью и славолубием, бесстрашно вступает на неизведанные тропы, углубляется в непроходимые леса, переправляется через пропасти, поднимается выше ледников и, достигнув назначенного им предела, с удовлетворением созерцает все свои труды и тяготы?

А. Н. Радищев. Из письма А. Р. Воронцову

Карта с разбитым на отрезки суточных переходов пунктиром пути «Трех Святителей» (туда — красной краской, обратно — черной), сборник с «Запиской странствованию» и выписки из «книг» — с этим мы, сетуя об отсутствии судового журнала, попытаемся проследить путь шелиховских кораблей.

«Отправился в море 1783-го года августа 16-го дня от устья Урака...»¹ — пишет сам Григорий Иванович. Первая отметка сделана на карте совсем рядом с устьем — запоздали с выходом или выходили на буксире из-за безветрия? Как бы то ни было, дальше начинается быстрое продвижение на юго-восток к проливу, отделяющему остров Шумшу от южной оконечности Камчатки (мыс Лопатка). Плавание с попутным ветром продолжалось по 22 августа, затем судно сильно замедляет ход и отклоняется на север.

«Записка странствованию»: здесь Шелихов указал, что по пути к первому Курильскому острову (Шумшу) ему пришлось «преобороть разные затруднения, препятствовавшие плаванию». Что это — ослабление или перемена ветра? Поломка маленькой задней мачты с небольшим парусом, помогающим двигаться, не отклоняясь от нужного курса, когда ветер дует не в корму, а в борт судна? Стоит учитывать и еще одну вероятную причину отклонения на север.

В «Книге выдачи припасов...» на странице, где отмечаются провиант, одежда и денежные суммы, взятые из компанейских фондов Герасимом Измайловым, сделаны пометы о многочисленных нарушениях дисциплины, допущенных самим мореходом-судоводителем («в чем Измайлов во многом признание сделал»)². Измайловым и его «вредной компанией» сразу же по выходу из устья Урака было украдено из каюты ни много ни мало — четыре с половиной ведра водки и коньяка³. О, «исконный враг и искуситель всех мореходцев — сатанинский бог пьянства»!⁴

Как это могло произойти?

Судя по тому, что передовщик «Трех Святителей», совмещавший обязанности боцмана, завхоза и организатора промысла, который должен был и поддерживать дисциплину среди работных людей, Павел Иванович Симачев, был впоследствии «за слабою командою» отрешен от должности,⁵ единственным препятствием для нарушителей порядка мог быть только Шелихов. Почему он не пресек «воровство вотки» из каюты, где должен был находиться? Здесь две возможные причины — болезнь или отлучка. Первую причину принять трудно, — на судне был лекарь, Мирон Бритюков, и Шелихов, будучи больным (даже если его свалил с ног приступ морской болезни), тем более должен был находиться в той самой каюте, откуда произошла кража.

Думается, могло быть следующее. В первый маловетренный день Григорий Иванович вместе со своим семейством побывал на «Симеоне» и «Михаиле». А пока он отсутствовал, «шайка Измайлова» сделала свое черное дело. Мешки (?), в которые были зашиты фляги со спиртным, были распороты, водка отлита в заготовленные и затем спрятанные емкости, швы наложены заново (потом выяснится, что «фляги зашивал» Епифан Щекин)⁶. Зашитые швы до времени скрыли пропажу. С подняв-

шимся ветром корабли стали продвигаться вперед, и все было хорошо до 22 августа.

Надо думать, что Шелихов осознавал всю серьезность ситуации, когда на борту открылось пьянство. В деле со спиртным оказалось замешано 5—11 человек⁷, они разлагали дисциплину промысловой артели. С распоясавшимися промысловиками нечего было и надеяться на выполнение задуманного. Напомним, промысел должен был длиться до 10 лет, а на Кадьяке предполагалось основать постоянные селения. Мало того, верховодил пьяницами сам мореход, от которого зависела безопасность людей и судна⁸. И морехода этого заменить было нечем.

Скорее всего было найдено какое-то компромиссное решение, и после увещевания гуляк и их покаяния (?) обстановка на борту «Трех Святителей» вернулась к норме. На следующий день галиот ходко побежал к южной оконечности Камчатки. К острову Шумшу подошли 31 августа. Тут ветер сменился, и кораблям пришлось лавировать, подставляя ветру то один борт, то другой.

Подойти к острову удалось только 2 сентября. Были брошены якоря, на берег отправлены партии, пополнившие запасы пресной воды. Третьего числа корабли снялись с якоря и вновь двинулись дальше — по направлению к Алеутским островам. Плавание беспрепятственно продолжалось до 7 сентября. С этого момента движение ощутимо замедляется, а с 9 сентября курс изменился, корабли все сильнее отклоняются на север. Не имея судового журнала, мы можем предположить, что и замедление движения и изменение курса связаны с переменой направления ветра. Чтобы плыть в прежнем направлении, нужно бороться с дрейфом, связанным с тем, что теперь ветер дует не в корму, не перпендикулярно в борт судна, а в борт, но несколько спереди. Разумеется, скорость падает.

10 сентября галиот изменил курс. Наверное, команда устала бороться за каждую милю продвижения вперед.

«Три Святителя» поворачивают к Командорским островам, и скорость заметно возрастает, ветер благоприятен для движения в северном направлении.

Насколько такой поворот был запланирован? Думается, что Шелихов мог иметь в запасе два варианта. Первый — с попутным ветром сразу к Алеутским островам. Второй вариант, к которому должны были склонять Шелихова мореходы, когда ветер стал неблагоприятным, — заход на Командорские острова, зимовка и заготовка продовольствия. Именно так, как правило, и начинались плавания судов промысловых компаний. Промысловики не могли позволить себе захватывать весь запас провианта непосредственно из Охотска. К тому же хлеб был слишком дорог. В путешествии и во время промысла его заменяла сушеная рыба, заготовленная на Командорах. Здесь же делали, если удавалось, запас китового мяса, солили мясо морских коров, напомилавшее по вкусу говядину⁹.

Однако выбранный для зимовки остров Беринга, который был еще в Охотске назначен местом сбора в том случае, если корабли будут разлучены, оказался труднодоступен. То, что произошло с кораблями, можно представить следующим образом.

12 сентября, когда земля была уже в видимости, ветер начал срывать пену с волн, в небе, на фоне тяжелой сплошной облачности, появились темные маленькие облака, полил дождь, шквал за шквалом рвали паруса, волны стали обрушиваться на палубу, бросая корабли вниз, а затем подкидывая их, и с каждым разом все резче и резче.

Волнение и ветер усиливались. Начавшийся шторм разбросал корабли в разные стороны.

Угрожающий свист ветра в снастях, резкие громоподобные удары волн о корпус, рычание воды, прокатывающейся по палубе, скрип и треск деревянных ребер — шпангоутов, мачт и трущихся друг о друга бочек, тюков,

сундуков в трюме — эта страшная какофоническая симфония продолжалась двое суток, пока длился шторм. Шелихов писал, что «буря сия столь была велика, что лишились и надежды в спасении своей жизни»¹⁰.

14 сентября ветер стал стихать и, к радости экипажа «Трех Святителей», на горизонте возникли мачты «Симеона». Корабли сошлись... Скорее всего Шелихов отправился на борт «Симеона и Анны», чтобы выяснить, как обстоят дела, договориться о дальнейших совместных действиях. В его отсутствие (?) Измайлов и прочие гуляки снова совершили кражу. На сей раз в тайниках у гуляк оказалось два с половиной ведра спирта¹¹.

Карта показывает, что целую неделю галиот петлял в Камчатском проливе, между Командорскими островами и восточным побережьем полуострова. Происходило это из-за перемен ветра, естественных сразу после шторма, и еще, наверное, из-за начавшегося вновь на борту загула.

Только 23 сентября корабли подошли к пологому северо-западному берегу острова Беринга. Поочередно «Три Святителя» и «Симеон» миновали риф и вошли в будто бы отмеченную холмом гавань. Тут надо было дожидаться потерявшегося во время шторма «Архистратига Михаила» и готовиться к зимовке.

Пологие холмы этой северной оконечности острова еще покрывала трава. Ни деревьев, ни кустов, кроме тальника и низкого рябинника, здесь не росло. Но отсутствие деревьев, то есть дров для долгой зимы и леса для строительства жилья, восполнялось плавником — бревнами и ветками в преизобилии принесенными на берега Командоров с Камчатки. Между холмами текли многочисленные речки и ручьи с шедшей на нерест рыбой, на болотцах росли арктический щавель, ягода-морозка и шикша, с места на место перелетали куропатки, слышались крики лебедей.

Началась выгрузка. Одновременно с началом устрой-

ства жилья 25 сентября была снаряжена и отправлена разведывательная партия с обоих судов. Промысловики на байдарках пошли вдоль берега вокруг острова, «любопытствуя, не встретится ли чего, достойного примечания».

Посланные отсутствовали два дня и вернулись, не встретив ничего интересного — лежбищ пушных зверей обнаружено не было. Вряд ли это открытие огорчило Шелихова. Надеяться на Командорах на богатый промысел не приходилось уже давно — промысловые угодья оскудели здесь уже к началу 60-х годов. Однако причина для огорчения возникла.

В очередной раз Измайлов организовал кражу спиртного «из разных фляг». Терпение Шелихова кончилось. Мало того, что вдобавок к прежнему крадено (и выпито!) было четыре с половиной ведра, теперь в нарушении дисциплины оказался замешан передовщик-артельщик «Симеона и Анны» Егор Патраков¹².

Можно представить ярость Григория Ивановича: один из кораблей неизвестно где и, возможно, разбит бурей, каждый человек сейчас особенно на вес золота, а этот мореход, спаивающий свою команду, сбрался и до промысловиков «Симеона»!

Пьянством «подвиги» гуляк не исчерпывались. Кроме пропажи части спиртного, обнаружилось исчезновение немалого числа вещей из каюты — одеял из теплого собачьего меха, «сумы» с камзолами и «штанами», сапог и башмаков, исчезла и другая одежда, а кроме того, 4 чайника и «пять кубков медных»¹³. Катастрофическое падение дисциплины уже в самом начале экспедиции ставило все предприятие на грань провала.

Пожалуй, чтобы описать складывающуюся ситуацию, подойдет цитата из классического морского романа Р. Л. Стивенсона: «Поведение команды... стало угрожающим... Матросы разгуливали по палубе и о чем-то переговаривались. Приказания, даже самые пустячные, они

выслушивали угрюмо и исполняли весьма неохотно. Мирных матросов тоже охватила зараза недовольства, и некому было призвать их к порядку. Назревал бунт, и эта опасность нависла над нашими головами, как грозовая туча»¹⁴.

Известно, что в критические моменты промысловых вояжей промысловики собирались на общее собрание и принимали общее решение по поводу той или иной возникшей проблемы. Может быть, так было и на сей раз. Во всяком случае, после загула на Командорах Измайлов был арестован¹⁵ (!) и порядок, по крайней мере на время, восстановился.

Работы по подготовке к долгой зиме продолжались.

Разгрузка была закончена, и корабли с пустыми трюмами, как это обычно у промысловиков, были подняты выше линии прибоя для зимнего отстоя. Параллельно из плавника строились жилища — «юрты»-полуземлянки — и одновременно с этими работами шла заготовка провизии на зиму и для дальнейшего путешествия.

В «Записке странствованию» Шелихов писал: «...пищу, которую на сем можно употреблять острову, составляет морская рыба (это, прежде всего, треска и палтус.— Л. С.), которая там есть разных родов, а также мясо морских зверей, как то: сиучей, котов и нерп, птицы: а именно гуси, утки, лебеди, урила (вид баклана.— Л. С.), чайки, ары (камчатская гагара.— Л. С.), куропатки, а сверх того и корень кутагарное (растение со съедобным корневищем, другое название — кукушкины тамарки) и сарана (род лилии со съедобными корнями-луковицами.— Л. С.) причисляются также к числу употребляемого в пищу»¹⁶.

Главное здесь, наверное, рыба. Кроме морской, и речная, лососевые: «ее ловят маленьким неводом в речке, и высушив, обрезавают головы, хвосты и кость, одно тело плотно укладывают в сивучачьи пузыри». Рыбу сушили,

делая юколу (вяленое филе) и другой сорт сушеной красной рыбы — качемас (без отделения костей).

Громадное значение для промысловиков имела добыча сивучей — морских львов, мясо которых употреблялось в пищу, желудки — «пузыри» — использовались как своего рода посуда. Кишки и горло сивучей шли на изготовление одежды, а шкуры — на байдарки и байдары. Жир сивучей топили и разливали в бочки, употребляя затем для освещения и даже вместо топлива, пропитывая ими сивучевые же кости, которые клали в очаги вместо дров. Этот жир использовался и для консервирования птичьих яиц, что собирались промышленниками на птичьих базарах маленьких островков неподалеку от гавани. В бочках, заполненных жиром, яйца «сохраняются круглый год без повреждения». Правда, от такого хранения их вкус становился весьма своеобразным — с запахом и привкусом тюленьего жира, так что «без привычки оные нельзя есть»¹⁷, поэтому прибегали и к другому способу заготовки яиц — укладывая их на зиму в сугробы.

Да, в сугробы, поскольку уже в конце сентября местами на Беринговом лежал снег и порою налетала осенняя пурга с зарядами снега, смешанного с песком и мелкими камешками.

Зима наступила быстро. Как указано в «Записке», она «продолжалась с сильными и более северными и восточными ветрами, снег и метель были почти ежедневно». Отчасти из-за этого, отчасти из-за упоминавшегося оскудения промысловых угодий пушнины добыто почти не было, кроме некоторого количества песцов. Их добывали ловушками-кулемками, которые проверяли, выходя на лыжах на осмотр настроенных ловушек в ясные дни. Лыжные прогулки устраивались и для того, «чтобы избежать цынготной болезни»¹⁸.

Сегодня мы знаем, что цинга, болезнь, связанная с дефицитом витамина С в организме, возникает не столь-

ко по причине неподвижности (как считалось двести лет назад) во время зимовок и большого количества кислоты в солонине,— сравнительно недавние исследования медиков доказали, что в условиях низких температур организм человека начинает потреблять гораздо большее количество витаминов, чем обычно.

Первая зимовка протекала более или менее благополучно. Бодрость тела и духа поддерживались оздоровительными прогулками на свежем воздухе. Их предпринимали, по словам Шелихова, даже в метель — «вблизи моря». Вероятно, шли в пищу травы и ягоды, которые можно было приготовить осенью, а можно было доставать из-под снега, помог против цинги и зеленый чай жулан, уступающий по содержанию витамина С только шиповнику, содержащий и другие витамины¹⁹. И все же цинга коснулась участников экспедиции: «не могли избежать мореплаватели цинготной болезни»²⁰.

В «книгах» есть упоминание и о первых потерях. В феврале умер Василий Евсеев²¹. Перед выходом в вояж он пожертвовал церкви 10 рублей (довольно весомую для того времени сумму). Вклад этот ему не помог.

Причина смерти Евсеева и другого промышленного, знакомого нам по «измайловским поделкам», Епифана Щекина²² (он умер также на Командорах), остается неясной. В «книге выдачи припасов» отмечено, что умерли они «от небрежения Бритюкова».

Несмотря на эти печальные события, в целом зимовка протекала довольно однообразно. И понятно: команды шелиховских кораблей «варились в собственном соку» — остров Беринга был необитаем. Одни и те же люди, одна и та же цветовая гамма — белая. Одна и та же гамма звуковая — завывание ветра в пургу, в затишье вой песцов.

...Но вот пурга и снегопад сменяются ледяными дождями, которые ближе к июню становятся все теплее и теплее. Начинается работа по снаряжению судов в даль-

нейшее плавание. Их заново проконопатили, просмолили, затем спустили на воду и загрузили.

До последней минуты Григорий Иванович не оставлял надежды на приход «Михаила». Но третий корабль так и не появился.

16 июня 1784 года «Три Святителя» и «Симеон» отправились с острова Беринга в дальнейший путь. Ветер был слабым и не вполне попутным, вынуждавшим держать курс севернее, чем было необходимо для достижения Алеутских островов. К безветрию присоединилась еще одна неприятность — туманы. 19 июня в тумане потерялся «Симеон», а уж после этого шелиховский галиот поднявшимся ветром (северным или даже северо-восточным) принесло к острову Медному. Был брошен якорь, пополнены запасы воды и свежего мяса.

Медный остров получил свое название от того, что высадившийся на нем в 1743 году промышленник сержант камчатской команды Емельян Басов обнаружил куски самородной меди. В этом плавании (кстати, также сильно затрудненном из-за густых туманов) вместе с Басовым был «Невьянских заводов житель» Михаил Никитин, взятый специально для «достоверного свидетельства земли».

Петровский указ 1719 года об организации Берг-коллегии, побуждавший к частному поиску полезных ископаемых, укрепил сибирские традиции «рудознательства», и вполне естественно, что промысловые экспедиции сибиряков занимаются на тихоокеанских островах, кроме охоты, еще и разысканиями «потребных земель и каменьев». История Басова заслуживает специального рассказа. Заметим лишь, что многолетние хлопоты по организации разведки найденного, как он считал, месторождения меди его в конце концов разорили. Залежей медной руды на острове выявить так и не удалось, меди оказалось достаточно лишь для его названия²³.

Скалистый Медный остров по размерам значительно

уступает Берингову. Когда-то здесь был богатейший промысел, но охотничьи угодья были опустошены в 40—50-х годах, когда промысловые суда почти каждый год подходили к Командорам. Отя в «Записке странствованию» сказано, что с острова отправились, «взяв мяса котов морских», вряд ли добыча была сколь-нибудь значительной. Кроме мяса, промышленники могли пополнить запасы яиц на многочисленных птичьих базарах.

23 июня с сильным попутным ветром корабль отошел от Медного острова, с 25-го ветер несколько раз менял направление, но начиная с 3 июля он вновь становится благоприятным и сильным, галиот быстро продвигается к цели — к острову Кадьяк.

Далее произошел случай, о котором в «Записке» не упоминается совершенно. Отметки на карте показывают, что 7 июля галиот находился рядом с островом Амля. В «Книге выдачи» отмечено, что «около 10 числа июля Иван Васильев Штенников остался за туманом или умышленно» на острове (названия нет), куда были отправлены четыре байдарки «за травой», «...около которого острова... лавировали двое сутки, палили с пушек, но не смогли вызвать»²⁴.

Случаи исчезновения людей во время высадки на островах бывали. Самый из них загадочный, и тоже сопряженный с туманами,— пропажа двух ботов и 15 человек во главе со штурманом Дементьевым во время второй Камчатской экспедиции²⁵.

Впрочем, исчезновение одного из шелиховских промышленников можно предположительно объяснить подмеченной современными исследователями особенностью Алеутских островов, обязанных происхождением вулканической деятельности. Описывая свои экскурсии, американский археолог Тед Бенк замечает, что «в некоторых местах нам следовало опасаться карстовых воронок и фумарол — отверстий, через которые выделяются вулканические газы. Часто они зарастают пышной раститель-

ностью. Никогда нельзя доверять и крутым алеутским скалам, обычно рыхлым и скользким из-за покрывающего их лишайника»²⁶. Скорее всего Штенников и мог стать жертвой замаскированной растением западни.

Так, все более и более драматично, протекает путешествие. О судьбе «Михаила» по-прежнему ничего неизвестно, «Симеон» исчез, продолжают людские потери в экипаже «Трех Святителей».

Но удача не покинула Шелихова. Галиот, двинувшийся дальше к Кадьяку, тут же встретился с «Симеоном».

Путь «Трех Святителей», отмеченный на карте, проходит северней Алеутской островной гряды, полукружьем отделяющей Берингово море от остальной части Тихого океана. Прокладывавший курс галиота Измайлов вел корабль от одного острова к другому, стараясь не терять из виду берегов. Такой способ плавания, получивший меткое название «пробираться по-за-огороду»²⁷, говорит и о недостаточной штурманской подготовке, и о излишней боязни открытого океанского пространства, и о малоизученности навигационных условий северных тихоокеанских вод. Но это самый обычный, принятый среди судоводителей промысловых кораблей способ путешествия. В любой момент можно пристать, пополнить запасы воды и — охотой и рыбной ловлей — запасы провизии, сэкономить провиант, захваченный из Охотска. В случае необходимости можно немедленно заняться текущим ремонтом.

Спустя месяц после выхода с острова Беринга корабли подошли к острову Уналашка. Здесь, в обширном Капитанском заливе, хорошо знакомом Измайлову, в северо-восточной оконечности острова имелось несколько удобных бухт. В одной из них и были брошены якоря.

В «Путешествии» капитана Г. Сарычева, посетившего Уналашку через несколько лет после прихода к острову «Трех Святителей», мы читаем: «...в длину простирается... на 74 мили (около 150 км), ширина его самая большая по-

середине — 20 миль. Множество заливов вдались со всех сторон вовнутрь его. Весь остров состоит из высоких, кверху скалами оканчивающихся каменных гор, между которыми есть огнедышащая, она лежит к северной стороне. Вся южная сторона острова кончается высокими каменными утесами, северная не так утесиста и имеет местами отлогий берег. Верхи гор состоят из голого камня, а от половины вниз покрыты мохом и травой»²⁸. Этот остров, суровый и негостеприимный, как и Командоры, к 80-м годам XVIII века «обжит» русскими. Корабли промысловиков заходили сюда, начиная с 60-х годов, а в 1778 году фрегаты капитана Кука застали здесь постоянное русское селение²⁹ (тут англичане и познакомились с Г. Измайловым). В селении жили как русские, так и алеуты. Скорее всего, возле этого обжитого места и стали корабли Шелихова.

В «Записке странствованию» указано, что стоянка здесь продолжалась более недели. Корабли были «разформованы», что, очевидно, означает какую-то небольшую починку рангоута — мачт, рей и т. п., снастей и корпуса. Производилось пополнение запасов.

Чем запасались промысловики на Уналашке? Питьевой водой, дровами, может быть, мясом и рыбой — «рыба в реках ловится красная, кижуч, гольцы и горбуша, а в море палтусина, треска, калага или наша навага, и род окуней, имеющих белое мясо, а красную чешую (окунь-терпуг.— Л. С.)... из морских животных киты разных родов с усами и без усов, сивучи, нерпы и котики...»³⁰ Кук отмечал, что русские на Уналашке употребляют вместо хлеба «икру, сбитую вроде сухого пудинга...» и, кроме того, коренья и ягоды, «много сосут разных ягод»³¹.

С Командорских островов Шелихов уходил, когда ягода еще не поспела, вероятно, какие-то ягодные заготовки производились теперь, на Уналашке. В описании острова, сделанном через несколько лет, говорится: «Яго-

ды растут здесь малина, черника, шикша и толокнянка»³².

Вероятно, пока шел ремонт и пополнялись припасы, Григорий Иванович собирал образцы минералов (в дальнейшем мы увидим, что это предположение небеспочвенно). Уналашка явно представляла геологический интерес. Мы знаем, что еще при жизни Шелихова на острове было найдено: «подле речек, из гор упдающих... железо, содержащее охряные глины и пески железистые. По берегам морским находятся несколько прозрачных камней: голышевый, агатовый, сердоликовый... так же яшмы..., около дымящейся огнедышащей горы... обсидиан, и тут же вблизи самородная есть сера...»³³

Здесь, на Уналашке, те, кто был впервые в промышленном вояже, смогли познакомиться с бытом алеутов — эскимосского племени, жившего на всей островной гряде. Знакомство это несло чрезвычайно сильные впечатления. Все в алеутах было непривычно.

Еще раз заглянем в «Путешествие» Сарычева: «...женщины, желая украшаться, чрезвычайно себя безобразят и все одинаковым образом: они накальвают и натирают углем на щеках от нижней части носа к середине ушей по две дорожки, а от нижней губы к подбородку по одной широкой полосе, которые когда зарастут, получают синеватый цвет. В носовой мякоти под хрящем прокальвают они дыру, в которой носят род длинных серег...» Кроме того, и мужчины, и женщины носили в специально сделанной прорези в нижней губе особую костяную пластинку³⁴.

Конечно, участникам шелиховской экспедиции многое о местных жителях было известно заранее. Во время зимовки на Командорах старовояжные могли по долгу рассказывать новичкам об алеутах. Рассказывали о том, что на Уналашке и других островах гряды круглый год (здесь море не замерзало и зимой) охотятся на тюленей и сивучей, ловят рыбу, что для промысла про-

делывают дальние плавания, бесстрашно отправляясь в открытое море на своих байдарках. На Командорах же подробно обсуждалось оружие алеутов — «стрелки», стрелы с костяными наконечниками, которые метают со специальных дощечек с отверстием; обсуждалось то, что на Уналашке и некоторых соседних островах пользуются еще и луком. Обсуждалось, что добыча идет в пищу как в сыром и сушеном, так и в вареном виде, но варят пищу не в посуде, а в камнях с углублениями³⁵.

Все это предстало глазам воочию. Промысловики увидели, как сновали по гавани байдарки с мужчинами-охотниками³⁶, как женщины на берегу собирали траву (после обработки она использовалась для плетения поделок), как дети глазели с берега на привычные уже для взрослых русские парусники.

Еще менее, чем десять лет назад, здесь происходили последние кровавые столкновения аборигенов и русских промышленников. Но уже участники экспедиции Кука отмечали наличие у жителей Уналашки «добрых свойств», т. е. миролюбия (относя его на счет воздействия «власти русских»)³⁷. Во всяком случае, на Уналашке взаимоотношения промысловиков и местных жителей наладились, и с острова Шелихов отправился, договорившись о том, что на Кадьяк его будут сопровождать 12 алеутов, двое из которых стали толмачами,— они знали русский язык.

Таким образом, была несколько восполнена связанная с болезнями и пропажей «Михаила» убыль работных людей, а на борту «Трех Святителей» появились экзотические фигуры, одетые в камлайки*, громко переговаривающие-

* Камлайка — «рубашка с колпаком или капюшоном, сшитая из тонких кишок тюленей или других морских животных. Полосы шкур кольцевидной или спиралевидной формы сшиваются нитками из жил тех же самых животных и непроницаемы для воды. Швы украшаются иногда перьями морских животных или еще чечм-нибудь³⁸. Камлайка надевалась поверх парки — длинной теплой куртки из птичьих шкурок, которые сшивались перьями наружу.

ся между собой на гортанном, «клокочущем» наречии.

Подкрепление людьми было тем более необходимо, что на Уналашке Шелихов получил еще одно предупреждение об опасности. Оно последовало от промысловиков, которые в 1783 году под предводительством морехода Потапа Зайкова тремя кораблями пришли в Чугацкий залив на полуострове Аляска. Здесь обитали соплеменники жителей Кадьяка. Считая, что экипажей трех судов будет достаточно, чтобы не допустить нападения аборигенов, промысловики Зайкова собирались заняться добычей пушнины. Но из-за противодействия туземцев им не удалось не только развернуть промысел, но и поохотиться для пропитания. Едва потеплело, корабли ушли отсюда, потеряв часть рабочих, погибших от голода.

Зайков и его люди «всеми мерами старались отговорить» Григория Ивановича от продолжения путешествия на Кадьяк. Однако он пишет в «Записке»: «Я мало уважал все и пренебрегал все опасности»³⁹.

22 июля корабли отправились в дальнейший путь.

Снова — от острова к острову, наблюдая картины, подобные той, что описаны нашими современниками, путешествовавшими вдоль Алеутской гряды на двести лет позднее Шелихова: «Мы заметили еще один остров — скалистый, с крутыми берегами, выступающий прямо из черных волн. Он походил на неприступный замок. Над ним кружились темные облака, порой устремлявшиеся вниз почти до самой воды и затем снова вздымавшиеся высоко в воздух. Это было странное зрелище... Казалось, будто скала извергала клубы черного дыма. Этими тучами или клубами, как обнаружили мы, подойдя ближе, оказались мириады пернатых — морских попугаев, бакланов и других морских птиц, использующих крутые склоны для гнездовья. Потрясенные чем-либо, они внезапно взмахивают крыльями и тогда создается впечатление, что в воздух поднимается вся поверхность острова»⁴⁰.

Мерно вздымающиеся волны, устойчивый ветер, проплывающие вдалеке и вблизи скалистые берега островов. Довольно скоро после отплытия с Уналашки корабли, временно повернув на юго-восток, покидают Восточный океан — Берингово море и затем продолжают движение к Кадьяку, оставляя Алеутскую гряду севернее. Слева показывается гористый берег полуострова Аляска, который во времена Шелихова еще считался островом.

Подробностей плавания в шелиховской «Записке странствованию» нет. Но, поскольку оно повторялось ходившими вдоль Алеутских островов Крузенштерном, Лисянским, Коцебу, Давыдовым и другими мореходами, которые оставили свои воспоминания, представлять увиденное тогда, в 1784 году оказывается возможным.

Жизнь на борту монотонна, нарушается встречами с китами, выпрыгивающими из воды, птицами, сающимися на палубу и снасти. С каждым днем ощущаемое нервное напряжение, охватывающее людей. Приближался Кадьяк, а вместе с ним и встреча с его грозными обитателями.

3 августа корабли подошли к южной оконечности Кадьяка. Здесь, в глубоко вдающемся в сушу заливе, в удобной гавани, защищенной от волн изогнутым мысом, закончился долгий, растянувшийся на две навигации переход из Охотска. Но самое сложное еще только предстояло.

Слово оппоненту. Претензии остаются прежними — рассказ страдает неполнотой. Что с пропавшим кораблем — «Архистратигом Михаилом»? Потом, как же так? — писать о Шелихове, ничего не упоминая о его жене, детях, которые были вместе с ним в путешествии?

Р. С. Немногое имеется у нас, чтобы восстановить ход путешествия, но о родных Григория Ивановича, сопровождавших его, и того меньше. Нет чего-либо в «книгах», куда заносились записи об отправлявшихся в Аме-

рику по контрактам, а не по велению сердца. «Записка» и карта Измайлова о родных Шелихова молчат. Исключение — одна единственная фраза: «... и будучи сам на первом галиоте с женою моею, которая везде со мной следовать и все терпеть трудности похотела и двумя детьми...»

Странно ли то, что Григорий Иванович ничего больше не написал о жене и детях? Ничуть! «Записка странствованию» была официальным отчетом, представленным в 1787 году иркутскому генерал-губернатору, которого, разумеется, интересовали новые земли и в связи с ними перипетии отношений русских и аборитенов, но никак не подробности того, как в этих открытиях участвует еще и Наталья Алексеевна Шелихова.

А участвует ли? Кое-кто из биографов Шелихова высказал сомнение в том, что фраза в «Записке странствованию» соответствует действительности. Вот и приходится нам, с одной стороны, еще более сдерживать порывы фантазии, с другой — удвоить внимательность и усердие в архивных разысканиях: вдруг мелькнет еще какое-то упоминание о жене и детях, участвующих в путешествии. Должен же был Григорий Иванович писать отцу, дяде — в Москву, знакомым — в Иркутск, давать какие-то указания своим приказчикам, оставленным в Охотске, на Камчатке, в том же Иркутске.

...И вот письмо шелиховского приказчика Петра Лагутина.

Написанное в Иркутске и датированное маем 1786 года (Шелихов еще был на Кадьяке), оно рассказывает о том, как протекали шелиховские торговые дела в отсутствие хозяина. Но не станем спешить с фразой: «В то время, как Григорий Иванович путешествовал...» Остановимся на главной пока для нас детали: Лагутин в письме из Иркутска «приносил» свое «всесердечнейшее почтение и поклон государыне Наталье Алексеевне», а кроме того, передавал «почтение и поклон от любезнейших

детушек Анны Григорьевны и Катерины Григорьевны»⁴¹.

Таким образом, отпадает сомнение в том, что жена могла не сопровождать мужа; становится также ясно, что ни родившейся в 1780 году Анны, ни появившейся в ноябре 1781 года Екатерины не было на борту «Трех Святителей». С какими же тогда детьми отправился Григорий Иванович?

Вполне возможно, что он взял с собой сына. Михаилу к августу 1783 года, когда шелиховская флотилия вышла в Охотское море, шел пятый год. Тогда и третий корабль («Архистратиг Михаил») был назван в его честь. Если отталкиваться от данных упоминавшейся уже ревизской сказки июля 1782 года, где отмечено наличие у Шелихова только троих детей, то выходит, что Григорий Иванович вводил будущих читателей «Записки странствования» в заблуждение. Кроме Михаила, у него были лишь две дочери — Анна и Катерина, и обе остались дома, а в «Записке» ему следовало писать не «и детьми моими...», а «и сыном моим»! Если... не принимать во внимание то, что еще один ребенок мог родиться во время путешествия.

Уже после находки письма Петра Лагутина, просматривая другие материалы «шлиховского архива», удалось не проглядеть еще одну маленькую, но существенную деталь.

29 декабря 1787 года приятель и бывший компаньон Шелихова, знакомый нам Павел Лебедев-Ласточкин, писал Григорию Ивановичу о разных делах и, кроме всего прочего, сообщил: «...вчерашнего дня Авдотья Григорьевна, Ваша дочь, а мериканка (разрядка наша.— Л. С.) с Анной Григорьевной и с Катериной Григорьевной, [и] с бабушкой их у жены моей в гостях были, то подлинно говорунья, даром, что на островах жизни начало получила, а не в Питере, но истинно не замешается в словах по ее детскому еще бытию...»⁴²

Еще раз проглядев выписки, сделанные в Курском ар-

хиве, мы убедимся в том, что, по-видимому, Авдотья (Евдокия) родилась во время зимовки на Командорах. В «Обывательской книге» Рыльска в записи, сделанной в 1788 году в семье Шелихова, — он сам, жена Наталья Алексеевна и «дочери Анна — 9 [лет], Екатерина — 7, Евдокия — 5 лет»⁴³. Разница между Катериной и Авдотьей около двух лет, а поскольку первая родилась в ноябре 1781, вторая «жизни начало получила» осенью или зимой 1783 года, т. е. на острове Беринга. Таким образом, семья Шелиховых предвосхитила знаменитую подробность челюскинской эпопеи — появление на свет нового члена ледовой экспедиции во время плавания. («Челюскин» тогда находился в Карском море, и родившуюся девочку в честь этого называли Кариной.)

Увы, курские выписки укажут и на другое, печальное, событие в семейной жизни Шелиховых. В «Обывательской книге» 1788 года записаны дочери, но нет записи о сыне. Последнее упоминание Михаила относится к октябрю 1786 года. Все тот же Павел Лебедев-Ласточкин писал из Якутска в Охотск Григорию Ивановичу (он прибудет в Охотск в январе следующего, 1787 года) о том, что «иногда Михаил Григорьевич Шелихов за Вас перед Богом молится»⁴⁴. Забегая вперед, поясним: сам Шелихов, высадившись с галиота в Большерецке, «отстал» от корабля, ушедшего, как и было намечено, в Охотск. Вероятно, по приходу в порт галиота Михаил (пока еще стояла относительно теплая (?) погода) отправлен в Якутск и далее — в Иркутск. Здесь, на юге Иркутской губернии, в 1786—1789 годах ходила эпидемия какой-то «горячки» (может быть, брюшного тифа)⁴⁵. Это стало причиной ранней смерти Миши Шелихова или что-то другое — неизвестно. Ясно одно — Шелиховы потеряли сына не во время путешествия, а после. На галиоте же были не только жена с мужем, но и их дети — старший сын и младшая дочь.

Вернемся к письму Петра Лагутина. В нем описыва-

лись обстоятельства шелиховской торговли в Якутске, Иркутске, на Камчатке, а кроме того, и злоключения «Архистратига Михаила».

Шестьдесят два человека команды, передовщик Сакутин, мореход-подштурман Василий Олесов, груз провианта, табак и другие «потребные для обитателей» Америки товары,— все это во время шторма у Командорских островов, казалось, было потеряно навсегда.

«По власти Божией, в Первом Курильском проливе остановились зимовать»,— писал Лагутин, цитируя письмо, которое он, будучи на Камчатке в 1783 году, получил от морехода и передовщика «Михаила».

Итак, шторм, разбросавший шелиховскую флотилию, с наименьшим мужеством был встречен Олесовым и его командой. Принесенные ветром к острову Шумшу, они встали на якорь, а на следующий день, несмотря на бушующую непогоду, отправились на остров за свежей водой вместо того, чтобы переждать шторм вдали от земли. Кончилось это тем, что оба якоря были потеряны и без них продолжать плавание было уже невозможно. Правда, история освоения русскими Тихого океана знает случай, когда мореходы, оказавшись в подобном положении, вышли из него, сделав деревянные якоря, окованные железными сковородами. Олесов не стал мудрствовать и утруждать себя и вопреки шелиховской инструкции идти на Командоры отдал приказ вытянуть судно на берег, а до наступления холодов отправил в Большерецк байдару с двенадцатью промышленными, чтобы они раздобыли какой-нибудь якорь.

Байдара под началом Тихона Ядришникова успешно добралась до Большерецка, где как раз и находился Петр Лагутин. Прибывшие устроились на зимовку по камчатским поселкам — «острожкам», а Лагутин стал искать якоря. Один — 6-пудовый — был взят с разбитого судна в Воровской гавани, другой, 10-пудовый, был куплен за 280 рублей в Нижнекамчатске⁴⁶.

Случившееся дальше мы узнаем уже из шелиховских материалов, опубликованных А. И. Андреевым⁴⁷. В 1784 году Олесов добрался до Командоров, где опять зимовал. В 1785 году «Архистратиг Михаил» наконец пришел на Уналашку. Мореход завел его в Чернавскую бухту на северо-восточной оконечности острова и вновь проявил себя как незадачливый мореплаватель. Якорная стоянка, выбранная им, оказалась настолько неудачной, что корабль немного погодя был выброшен на берег. Разгружать «Михаила», стаскивать его на глубину, затем снова заниматься погрузкой требовало немалого времени. Все это приводило к тому, что дальнейшее плавание будет происходить уже поздней осенью, чего, без вновь потерянных якорей, боялся и сам Олесов, и разуверившиеся в искусстве своего морехода промышленники. Было решено зазимовать на Уналашке.

В марте следующего 1786 года «Михаил» был спущен на воду, но не тут-то было — штормом корабль вновь выкидывает на берег! Разумеется, сам заход в Чернавскую бухту был ошибкой Олесова, мелководная бухта годилась для отстоя разве что маломерных судов. Можно представить, что еще в прошлом году «старовояжные» советовали Олесову выбрать другую стоянку, но не случайно в нескольких документах шелиховского архива штурман Олесов охарактеризован как человек «нарочительный и упрямой»⁴⁷, он поступал по-своему. В результате олесовских решений корабль пришлось стаскивать с берега второй раз.

Лишь в середине мая «Михаил» отплывает к Кадьяку. Там бы его уже и не ждали, если бы не письма, которые промышленники из экипажа «Михаила» отвозили на байдарках Григорию Ивановичу⁴⁸.

Шелихов пришел в страшный гнев, и было из-за чего. Четыре (!) навигации потребовались Василию Олесову для достижения Кадьяка! «Якори в двух местах потеряли, снасти все перегнуили, мачту от небрежения изло-

мали, товару и провианту компанейского без числа и напрасно много издержали», — перечислял прегрешения морехода и передовщика Григорий Иванович. Еще хуже то, что командиры «Михаила» своим нерадением довели подчиненных до «гибельного распутства»⁴⁹.

Как мы узнаем, «Три Святителя» встретились с «Михаилом» почти у самого Кадьяка, когда шелиховский галиот отправился за подкреплением в Охотск. Шелихов официально сменило Олесова (вероятно, Бочаровым) и хотя сам не стал отстранять от передовщичества Сакутина, оставил распоряжение К. Самойлову исследовать все обстоятельства задержки «Михаила» и наказать виновных⁵⁰. Собственно, часть наказания «михайловцы» уже понесли — все потери и излишние расходы были выставлены на их счет, а мука, крупа, жир стали им выдаваться не на равных условиях с теми, кто был с Шелиховым на Кадьяке. «Михайловцам» провизия станет даваться с записью в долг, причем не по иркутским, обычным, ценам и не по охотским — высоким, а по «американским» — очень высоким⁵¹.

На первый взгляд, вины рядовых членов команды «Михаила» вроде бы и нет — ведь над ними был начальник — мореход. Однако в компанейских контрактах того времени имелось положение о том, что в случае, если в действиях морехода «предусмотрится сумнительство», то передовщик вместе с командой должны «со общего согласия раз и два ему (мореходу — Л. С.) учинить выговор», заставить его действовать так, чтобы интересы компании не потерпели ущерба⁵².

Но не будем опережать события. С проблемой «Архистратига Михаила» Шелихов будет разбираться в 1786 году. Описывая же события зимовки на Командорах, мы можем лишь представлять, как промысловики не раз обсуждали между собой, что могло случиться с их товарищами, «михайловцами». Можем представить Наталью Алексеевну, укачивающую расплакавшегося младенца.

Маленькая Авдотья — «Душенька» — разбужена завывшим за стенами зимовья песком и не сразу утихает... Можем представить, как кто-нибудь из старовояжных промышленников шьет себе сапоги из оленьих камусов-передков и отвечает на бесчисленные «почему» Миши Шелихова.

Самое любопытное в этих возможных беседах мальчика со взрослыми — описание морских зверей, на которых и отправились охотиться люди под предводительством Шелихова-папы.

Конечно, это описание морских бобров (каланов), обладателей самого ценного меха, поражающих своими повадками. Затаив дыхание, мальчик должен был слушать о том, что «бобры» умеют чистить свой мех пучками травы, что умеют добывать любимое ими мясо морских ежей и моллюсков, укладывая себе на грудь камень, а затем разбивая о него твердый панцирь, скрывающий лакомый кусочек⁵³. Наверняка должен был услышать мальчик и о других обладателях драгоценных шкур — «морских котках» (котиках).

Можно процитировать современного ученого, доктора биологических наук С. Успенского, в нескольких фразах описавшего лежбище котиков. Эта цитата позволит нам представить, что хотели найти промысловики на тихоокеанских островах и о чем, загораясь, рассказывали старовояжные новичкам и мальчику Мише.

«...Громадные лежбища котиков... Островные пляжи были заполнены, даже забиты ими. Рыжими пятнами выделялись в этой массе громоздкие фигуры секачей — взрослых самцов, чернели новорожденные малыши, виднелись компании «холостяков» — самцов-подростков. Масса находилась в постоянном движении. Мелькали в воздухе ласты — животные обмахивались ими как веерами, там шла схватка секачей, там пробирались в море или возвращались с кормежки самки. На лежбищах не затишал гул, он превосходил по силе рокот прибоя, был слы-

шен издали, и издали ухо различало в нем рев секачей, гортанные крики самок, звонкое детское бляение «черненьких»⁵⁴.

Удачливая артель, обнаружив такое лежбище, могла рассчитывать на богатый раздел добычи, могла считать, что не зря были все труды и невзгоды дальнего плавания. Случаи таких удач интересовали новичков, удивляли и повадки котиковых детенышей — «черненьких», которых еще называли «щенками».

«Молодые котики до июня месяца ползают только по камням, не спускаясь в воду, но в июне сходят и между камнями плещутся водой. Когда щенок несколько подрастет, матка несет его недалеко от берега и бросает в море, плавая сама около него. Между тем, щенок старается выползти на берег, и если выйдет, то матка снова, зубами ухватив, тащит и спускает на воду, продолжает сие каждый день...»⁵⁵

Были, конечно же, и рассказы о «земных зверях» на Кадьяке, куда направлялись корабли. Прежде всего о громадных бурых медведях — таких же больших, как и те, что водятся на Камчатке, таких же спокойных и миролюбивых⁵⁶. Но самое важное место в вечерних разговорах занимали главные обитатели Кадьяка — люди, о нравах и обычаях которых уже давно ходили легенды.

...Фантазии, фантазии, фантазии. Вполне возможно, что найденные в будущем архивные документы позволят точнее представить, как проходила долгая зимовка на Командорах. О следующей зимовке — кадьякской — известно больше.

ГЛАВА 7

Подходящее местечко, ничего не скажешь. Здесь можно построить город на сорок тысяч жителей.

Джек Лондон. Время не ждет

...И я снова послал человека к врачу, заклиная, во имя Бога, вспомнить о каком-нибудь лекарстве или хорошем средстве. Поскольку сам он тяжело болен и слаб, пусть сообщит, какое же снадобье или лекарство мне применить для исцеления команды. На это врач дал ответ: вся надежда на Бога, а сам он ничем помочь не сумеет.

Йенс Мунк. Плавание. XVII в.

Гористый Кадьяк должен был напоминать промышленникам Камчатку — те же горы с заснеженными вершинами, то же множество громадных крабов. Этот остров более 170 километров длиной и шириной около 90 километров Шелихов надеялся превратить в опорную базу промысловой деятельности своей компании.

Могло ли это осуществиться? Да, если на острове были удобные стоянки для судов, а они действительно имелись; если бы здесь удалось найти материалы и для стро-

ительства жилья и строительства кораблей — а северная часть острова была лесиста; да, если отношения между русскими и местным населением станут вполне дружественными.

Добиться этого путем переговоров Шелихов хотел — с этого и начинается его деятельность на Кадыяке. Но уповать только на переговоры не приходилось, — судя по всему, племена кадыякской ветви эскимосов находились на той стадии развития, когда начинает выделяться племенная знать и межплеменные войны становятся желанным способом обогащения и добычи славы. Воинственность, «геройский дух» и одновременно жестокость и вероломство, изощренное боевое искусство и «дипломатический» опыт создания временных племенных союзов — все это ощутили на себе команды судов, до Шелихова приходившие на Кадыак и отогнанные местными жителями — к о н я г а м и. До сих пор установить с ними мирные отношения не удавалось. Удастся ли на этот раз? А если не удастся?

Позже, по возвращении в Сибирь в 1788 году, один из участников шелиховской экспедиции, лекарь сержант Мирон Бритюков, подаст донос на Шелихова, обвиняя его во многих прегрешениях. К этому любопытному документу и причинам его появления мы еще вернемся. Пока же заметим, что никто из писавших о Шелихове не воспринимал этот донос с полной серьезностью, согласно оценивая его как клевету. Но, по крайней мере, одно событие, описанное Бритюковым, можно рассматривать как имевшее место. По словам сержанта, сразу после прибытия на Кадыак Шелихов собрал команды обоих судов и заявил о своем праве «казнить и вешать» любого из работных людей. По словам Бритюкова, все «убоялись» и признали за компанейщиком такое право, решив, что Григорий Иванович наделен «уполномочиями от Высшей власти», но какими именно — держит в «важном секрете»¹. В интерпретации доносчика Шелихов со-

вершил страшное преступление, присваивая себе, купцу (!), власть, которой обладали правоохранительные органы Российской империи.

Этот эпизод подавался Бритюковым, в отличие от других пунктов доноса, без всяких оговорок, — доносчик, вероятно, был уверен, что его слова могут подтвердить свидетели.

Но не из-за патологической же жажды власти Шелихов заявил о том, что он волен решать, кого «качать», а кого «миловать»?! Естественный ответ — для того, чтобы установить жесткую дисциплину. Можно было прощать Измайлова и его «шайку» там, где людям противостояла лишь одна враждебная природа. На Кадьяке предстояла борьба с суровыми природными условиями и наверняка с ка д ь я к ц а м и. Самовольство и самоуправство одного или нескольких могло обернуться бедой для всех. Дисциплина, ружья и пять двухсполовинойфунтовых пушек — вот то, что должно было обеспечить успешное завершение промысла в случае неудачи переговоров.

О пребывании на острове Григорий Иванович довольно подробно рассказал в «Записке странствованию». Напомним основные сюжеты этого рассказа, уточняя и дополняя его данными, почерпнутыми из «книг» и других документов.

Уже на следующий день по прибытии были отправлены две разведывательные партии. Первая — на двух байдарках, на северо-запад, другая, так же на двух — на юго-восток. И той и другой удалось вступить в контакт с аборигенами. Один коняга даже приехал в гавань, где стояли шелиховские корабли, где рядом с журчащим ручьем уже закладывалось поселение.

Эта гавань получила название Трехсвятительской в честь «семейных» святых Григория, Иоанна и Василия, сохранивших галиот в долгом и сложном плавании. Теперь эти святые становились покровителями основавшегося на кадыкских берегах поселения.

Казалось, и впрямь это покровительство имело место,— на смену мореходной удаче приходит удача коммерческая: на следующий день в гости к русским на трех байдарках прибыли еще три аборигена. Был начат меновый торг. Однако из дальнейших событий (как их описывает Григорий Иванович) явствует, что эти трое были разведчиками.

7 августа Шелихов отправил четыре байдарки для исследования острова и поиска промысловых угодий, и посланные на второй день обнаружили в 40 верстах от Трехсвятительской гавани своеобразную крепость, в которой собралось множество вооруженных аборигенов. Это был вдавшийся в море утес-кекур высотой 5—7 саженьей, на котором были построены какие-то «хижины». Попытки завязать переговоры и «склонить» коняг к торговле оказались безуспешными: промышленникам было приказано под угрозой смерти «отдалиться от берегов» и впредь больше не появляться возле Кадьяка.

Получив эти известия, Шелихов отправился на переговоры сам. Он пишет, что «начал было уговаривать коняг... чтобы... склонились бы к дружественному обхождению», обещал «одарить их из вещей, весьма ими любимых» — в знак того, что русские пришли «не для каковых либо ссор и беспокойств». В ответ с кекура полетели стрелы. Коняги вновь категорично потребовали, чтобы пришельцы ушли, грозя в противном случае смертью. Это не было пустой угрозой. Шелихов знал, что на Алеутских островах в результате кровавых стычек погиб не один промышленник, порой гибла и целая команда вместе с кораблем. Но возможность именно такого поворота событий была предусмотрена заранее.

Можно с полной уверенностью говорить, что Шелихов, отправляясь из Трехсвятительской гавани к кекуру, вместе с «работниками» (как он сам пишет) захватил с собой пушки. Напротив «крепости» коняг был сделан укрепленный лагерь. В полночь 12 августа лагерь подвергся

внезапному нападению, которое, однако, было отбито без потерь за четверть часа. Убедившись, что внезапность не принесла успеха, кадьякцы решили дожидаться подкреплений, чтобы напасть одновременно и на лагерь напротив кекура, и на суда в гавани. Об этом русские узнали из рассказа бежавшего в лагерь алеута, некогда попавшего к конягам в плен. Характерно, что кадьякцев очень привлекали доски, из которых были сделаны русские корабли.

По словам Шелихова, ничего другого не оставалось, как предупредить готовившееся вторично нападение, напав первыми. Поскольку засевшим на кекуре ружейная стрельба не вредила, пришлось прибегнуть к пушкам.

За «артподготовкой» последовала стремительная атака. «Книга выдачи припасов...» сохранила имена особо отличившихся из команды шелиховского галиота. «Егор Михайлов Баранов... в приступе на приступной кекур взошел неустрашимо первой»; «отличности показал» Нестор Осипович Бакуринский, геройствовал и Афанасий Семенович Лисенков².

«Крепость» на утесе была взята.

Григорий Иванович в «Записке» явно приуменьшает потери противной стороны («нельзя однако ж думать, чтобы не было при сем несколько из них убито»), утверждая, что пушки стреляли по камням и строениям на кекуре более для устрашения. И наоборот — число врагов явно преувеличено — 4000 («книга» называет другую цифру — 2 тысячи)³. Былинностью веет и от называемого Шелиховым количества взятых в плен — тысяча. «Записка» говорит о том, что большая часть пленных — 600 человек — была отпущена сразу, остальные приведены в гавань.

Откажем в правдивости цифрам. Разместив 400 человек враждебных кадьякцев рядом с кораблями, Шелихов должен был забросить все дела по организации поселения и поиску промысловых угодий, чтобы охранять

и кормить пленников. Впрочем, как бы ни были завышены или занижены все цифры, суть дела не меняется. Одержана важная победа, которая позволила закрепиться на Кадьяке и продолжать усилия по установлению обоюдных выгодных связей с конягами.

Пленные были поселены неподалеку от гавани, в 15 верстах, а чтобы обезопасить себя, русские взяли у них 20 аманатов. С этой группой кадьякцев русские станут все более тесно сотрудничать, как писал Григорий Иванович, «стараясь довести их ласковостью, угощениями и подарками до миролюбия», одновременно втолковывая, что «они чрез дикость свою собственного своего лишаются покоя, убивая друг друга».

Установление дружеских отношений с «кадьякскими племенами» растянулось на всю зиму. Особенно поначалу русские страдали от внезапных ночных нападений «в ветренное и дождливое время». Не решаясь напасть на поселение в Трехсвятительской гавани, коняги беспокоили разведывательные партии, посылаемые на байдарках вдоль берега.

Осложнялось все тем, что хороших переводчиков у Шелихова не имелось. Наречие взятых с Уналашки толмачей-алеутов отличалось от диалекта алутик, на котором говорили кадьякцы⁴. Только по мере овладения языком коняг удалось достичь договоренности о мире со всеми местными племенами.

Григорий Иванович справедливо приписывает успех своей «дипломатии» тому, что многое в быту русских казалось аборигенам чудом, и тому, что русские стали щедро делиться с ними этими чудесами. Строительство домов, огородничество, снасти и приемы более продуктивной охоты и рыболовства, баня, новые для коняг лакомства (кроме пряников, у русских были даже леденцы!), одежда и, что очень важно, оружие*. Его, правда,

* «Почитали они чудом скороспешное строение у нас домов,

было строжайше запрещено давать аборигенам, однако пришельцами оно использовалось, чтобы охранять кадьякские племена от набегов алеутов и жителей материка — индейцев. «Так привлек их к себе сердца, что они, наконец, назвали меня своим отцом», — пишет Шелихов. И пусть в этой фразе изрядная доля преувеличения, она отражает главное — первое русское поселение на Кадьяке получило возможность существования.

Попробуем себе его представить.

Из плавника и леса, привезенного с северной части острова, были выстроены один-два дома и баня. Часть промысловиков была расселена в полуземлянках и «юр-

потому что они над одною своею хижиною трудятся, отесывая доски заостренными железцами несколько лет, — потому почитают они оные великой цены стоящими. Невежество их так велико, что они, когда мы во времена темных ночей выставляли бывшей у меня Кулибинской фонарь, думали, что то было солнце, которое мы похищали, приписывая и мрачность дней причиною оное. Мне прискорбно было видеть таковую умов их грубость. И для того не долго оставяя я их в сем заблуждении, но старался, сколько можно, изъяснить им, что сие есть дело такого же человека, как и они, с тою только разницею, что они ничего не будут знать до тех пор, пока не будут мирны и заимствовать от нас обычай и род жизни.

Я показывал им способность и выгоды российских домов, платье и употребление пищи. Они видели труды моих работных, когда они копали землю на огороде, сеяли и садили семена; по созрении плодов я велел им оныя раздавать, но они, употребляя их, ничего, кроме удивления, не изъясляли. Многих я велел кормить изготовленную работными моими для себя пищею, к чему они крайнюю чувствуют охоту. Таково мое с ними поведение час от часу более их ко мне привязывало, и они, не зная, чем угодить мне, приводили великим множеством детей своих в аманаты тогда, когда я и не требовал их и когда они не нужны мне были; но я, чтобы не оставлять их в неудовольствии, многих принимал, а других, одарив приличными для них вещами, отпускал...

...И в самом деле, такое я сделал в них о том впечатление, что они захотели и просили меня, чтобы всех тех, которые будут приходить на их остров, я отгонял, поручая при том себя в мою защиту, обещаясь слушать меня и во всем мне повиноваться⁵.

тах», обложенных дерном. В домах были слюдяные окна, печи по-белому, дощатые полы, нары, приподнятые над полом на полметра. Рядом с сениями строился туалет, через сени был ход в амбар, где хранились припасы, товары и корабельное имущество. Сами корабли были вытащены на бревнах-«покатах» на берег. Мачты, блоки, канатные снасти, паруса — все «до последней каболки» (т. е. веревочки) было убрано. Над кораблями были сделаны специальные навесы, «чтоб капля на палубу дождевая и снеговая не попала».

Кроме того, строились «нетеклые» сараи для хранения байдар и байдарок. Все эти строения были обнесены «плетневой крепостью». В этом огороженном пространстве аборигенам было запрещено находиться по ночам⁶.

К сожалению, каких-либо зарисовок Трехсвятительского «жила» — селения 1784—1785 годов — не имеется. Есть, правда, «Вид шелиховского поселка», относящийся к началу следующего десятилетия, но он показывает гавань, пережившую незадолго перед тем цунами и землетрясение. Берег значительно опустился, дома перестроены и какой-либо крепости уже нет. Впрочем, тип построек здесь тот же, что и в шелиховское время⁷.

Окажись в этом селении осенью 1784 года, мы были бы поражены пестротой людских типов.

Кадьякские женщины с татуированными подбородками и шеями, в парках до пят, уналашкинские и местные «мужики» с костяными плашками в носу и губе, с раскрашенными лицами, русские — в цветных шелковых и хлопчатых с шелковым воротом рубахах, в нанковых штанах, в куртках из лис и куниц или цельнокожаных, застегивающихся на крючки. Вероятно, у каждого построенного или строящегося дома, подле каждого корабля стоят часовые с ружьями. Кто-то с трубками — табак курили несколько русских, тянулись к нему и аборигены; многие туземцы постоянно жуют живицу и сплевывают.

Осенью в гавани лишь изредка собираются все участ-

ники экспедиции. Разведывательные партии постоянно в разъездах, кроме того, продолжается заготовка мяса, жира, рыбы, причем из селения запрещено удаляться в одиночку. Но зимой собирались все.

В «Записке» Шелихов упоминает, что зима принесла с собой цингу.

Одним из первых в конце 1784 года умер Алексей Парной, в начале января — кузнец Данил Мирочников, в феврале — бывший передовщик (он был снят с должности после пьянки Измайлова на Командорах) Павел Симачев, потом — Никифор Кузьмин, Терентий Красильников, Иван Козлов, Михайло Сабинин (один из участников «измайловской шайки»)⁸. Шелихов пишет, что и «оставшиеся сильно ослабевали». Известие о болезни среди русских разнеслось по Кадьяку и всколыхнуло былые надежды на уничтожение пришлых среди части коняг. Однако, по словам Григория Ивановича, «доброжелательствующие» аборигены, «не ожидая дальнейших наставлений», разогнали заговорщиков, приведя в Трехсвятительскую гавань их главарей, которых здесь стали содержать под стражей⁹.

Но цинга оказывалась страшнее военных действий. Можно представить, как молил Григорий Иванович Бога дать ему возможность продержаться до весны, — весной цинга ослабевала, к тому же он мог рассчитывать на овощи, семена которых были захвачены из Охотска. Пока же от цинги пытались спастись питьем вместо чая «зеленой травы соков» — отваров, надеясь, что этим «скорее кровь очищается».

Образ жизни достаточно здоровый — труд на свежем воздухе, теплая постель под крышей (на нары настилали медвежьи и оленьи шкуры, укрывались одеялами, сшитыми из лисьих и бобровых мехов, на пол стелили еловые ветки), парная — как профилактическое и лечебное средство (вероятно, побывал в русской бане и кто-нибудь из коняг). Березовые веники заменялись травяны-

ми метелками, прикреплявшимися к деревянным ручкам. Увы, как раз в бане произошел несчастный случай с работным Григорием Колодешниковым — «упала каменица» и он был «прыском обжегнен». Ослабленный цингой организм не смог справиться с ожоговым шоком, и Колодешников умер¹⁰.

Если бы не цинга...

Люди уже не надеялись на помощь врача и прибегали к самым неожиданным средствам. Двое промышленников стали жертвами «профилактического лекарства», предложенного Терентием Красильниковым. Обнаружив у себя признаки болезни, Демид Коновалов и Андрей Стрижнев стали курить смесь табака и киновари. Эффект однако оказался обратным — «адская смесь», вероятно, спровоцировала простуду, организм, ослабленный недостатком витаминов, не смог сопротивляться — 28 февраля умер Стрижнев, 10 марта — Коновалов¹¹.

Мы знаем лишь о потерях в команде шелиховского галиота, а ведь умершие были и в экипаже «Симеона и Анны». К весне Шелихов стал приходить в отчаяние. Еще немного, и он останется без доброй половины людей.

9 апреля он отправил одного из своих промышленных за подмогой. На Шумагинских островах, в паре сотен верст от Кадьяка, зимовала какая-то промысловая артель. Посланный отправился туда в сопровождении большого числа (в «Записке» — 1000(!)) «мирных коняг»¹². Но к счастью, помощь не понадобилась: прошло немного времени, дни стали заметно теплее, и цинга стала ослабевать*.

* Объясняется это тем, что авитаминоз связан не только с отсутствием зелени в рационе, но и увеличением потребности в витаминах в морозы. «Даже кратковременные физические нагрузки в сочетании с низкой температурой окружающей среды могут привести к дефициту витамина С в организме», — указывает специалист по проблеме выживания человека в экстремальных условиях В. Волович¹³. Отступление холодов упрощает борьбу с цингой.

С весны должны были оживиться и связи с аборигенами. Коняги, пережив март — самый голодный для них месяц, — начинают заниматься охотой. Шелихов предлагал им сотрудничать, предлагал вместе поискать новых промысловых угодий. Ранее это было не очень возможно, — разведывательные партии кадьякцев подвергались нападениям ищущих легкой добычи и боевой славы воинов других племен. Сейчас, под охраной русских, вооруженных огнестрельным оружием, можно было отправляться и в дальний поиск. Уже 2 мая из Трехсвятительской гавани ушла на материк первая разведывательная партия. Она состояла из 52 русских, 11 алеутов и 110 «мирных коняг». Целью было — «узнать выгоды и описать все нужное», познакомиться с тамошними обитателями.

Очевидно, ближе к концу мая были проведены огородные работы. Русские посеяли ячмень, просо, горох, бобы, тыквы, морковь, горчицу, свеклу, картофель, репу и ревень (последний тогда считался действенным лекарственным средством вроде женьшеня). Чернозем, который был не редкостью на Кадьяке, позволял надеяться на урожай.

Надо думать, что, кроме крупной поисковой партии, отправленной на материк, Шелихов, как и в прошлом году, посылал вдоль побережья небольшие группы рабочих на байдарках. Параллельно шло дальнейшее строительство в гавани, чинились снасти.

Характерно, что описывая события 1785 года, Григорий Иванович в «Записке» предельно краток, — он будто спешит поскорее перейти к описанию зимы и к событиям следующего года. Записи в «книге выдачи припасов» показывают, о чем он умолчал в официальном отчете, — среди промысловиков чуть не произошел форменный бунт, одним из главных зачинщиков был промышленный Иван Холщевников.

7 июля под вечер Шелихов обнаружил, что каютное окно на «Трех Святителях» разломано, а из каюты похи-

щены какие-то вещи. На галиот были призваны «старосты»-передовщики с обоих кораблей и промышленники из команды «Симеона» — «для засвидетельствования». Розыск похищенного растянулся на двое суток, потому «как того дня при гаване люди были не все». На следующий день, когда Шелихов спустился в трюм галиота и сказал находившимся там промышленникам «здравствуйте» — «в ту самую секунду» Иван Холщевников, Семен Кузнецов, Дмитрий Басов, Василий Горин и некоторые другие рабочие «без всякой благопристойности, с великою переменой лица, великим азартом, с раздражением» подступили к Григорию Ивановичу с целью «злое умышление учинить». Холщевников, «по научению прочих... к возмущению касался». Хуже всех повел себя Дмитрий Басов, который «закричал во все горло, говоря с противностию и поношением», за что и был Шелиховым бит.

Ситуация как-то разрешилась, когда сразу же после этой стычки на галиот прибежали промышленные с «Симеона» во главе с их мореходом, Дмитрием Бочаровым¹⁴.

Во всей этой истории множество темных мест. Неясны причины возмущения, непонятно, кем именно была взломана каюта, как были наказаны бунтовщики. Глухо упоминается лишь о том, что один из них, промышленный с «Симеона» Уляев, признался, что заговор этот «ко вреду компаньону Шелихову» сложился уже давно.

Поводы для недовольства, бесспорно, имелись. Например, Шелихов категорически запретил промышленникам продавать вещи друг другу, а в случаях нарушения запрета добивался возврата проданного бывшим владельцам¹⁵. Была запрещена и индивидуальная торговля с аборигенами, которая могла помешать нормальному развитию дружеских отношений русских и кадьякцев. В частности, Шелихов строго-настрого запретил продавать кадьякцам более другого их интересовавшие ножи и копыя. Однако многие промысловики считали, что как раз эта торговля и могла принести столь желаемую русски-

ми пушнину, добыча которой шла к тому времени не очень успешно¹⁶.

Среди промышленных явно имелись сторонники применения силы по отношению к аборигенам*. Недовольство было вызвано и тем, что в Трехсвятительской гавани постоянно находилось немалое число аманатов и пришлых коняг, которые кормились за счет «общества», из компанейского котла, точнее, котлов. «Котлы большие на такое количество едаков употребляются на варение пищи почти день и ночь, кои и с огня не сходят, а от сего не мало их уже и прогорело». Конечно, расход захваченного из Охотска провианта увеличивался ненамного — основу «корма» составляла рыба, но беспрерывное рыболовство изнашивало сети и вело к непомерному расходу общего компанейского имущества — «на неводы прядева тонкого»¹⁷.

Вероятно, не всеми одобрялось и установление Шелиховым запрещения «с иноплеменницами блудного воровства», штрафы, налагаемые на тех, кто обижал коняг не то что «делом», но даже и «словом»¹⁸.

И все же Григорий Иванович располагал мощным доводом, привлекавшим людей на его сторону и утихомиривавшим всякое недовольство. Как бы ни приходилось тяжело участникам его экспедиции, никто из них не погиб от рук враждебно настроенных аборигенов. А ведь шелиховские промысловики хорошо знали, что бывали случаи, когда промысловые артели на Алеутах гибли до последнего человека¹⁹.

В начале декабря в гавани собрались все работные. Не хватало лишь части людей, посланных весной на материк. Они, по возвращении на Кадьяк, основали на северной оконечности острова еще один поселок — Карлуцкое «жило» — и остались там на зимовку²⁰, 11 декабря

* «И всегда боролся с работными моими, рвавшимися к ссоре», — писал Григорий Иванович в «Записке»²¹.

был проведен «сход», где обсуждались все «больные» вопросы. Самым главным было то, что успех промысла зависел от его расширения, а «для разведывания во внутрь кинайских диких народов и обозрения губ (бухт.— Л. С.) и по земле Америке» «малая сила» экспедиции («Михаил» так и не подошел!) была «важно обессилена» убылью людей, умерших от цинги и прочих болезней.

«Сход» обсуждал два предложения. Первое — вернуть «с убытком и без совершенно начатого нами дела компании». Второе — «предохраняя компанейский капитал, соблюдая благопристойность и свои каждый интересы», продолжать пребывание на Кадьяке. Победили сторонники второй точки зрения. Было решено снарядить к маю будущего года галиот с тем, чтобы 12 человек отправились на нем в Охотск для вывоза всей добытой промысловиками и купленной у аборигенов пушнины. В ту же самую навигацию судно должно было вернуться на Кадьяк с вновь нанятыми людьми, пополнением провизии и необходимыми материалами и товарами²².

После схода, зимой, продолжились разведывательные плавания на байдарах вокруг Кадьяка и по островам: было основано еще одно «жило» на северной оконечности Кадьяка — в гавани, которая позже получит название Павловской. Здесь имелся хороший еловый лес для судовых работ. Уже при Шелихове из него начали «делание шлюпок»²³.

Зима прошла спокойнее предыдущей. О смерти людей, связанной с цингой, нигде не упоминается. Очевидно, сказалось наличие овощей, посаженное «родилось наилучшим образом». И напротив, Шелихов пишет в «Записке», что «американских и островских жителей с разными церимониями и просто,— ежедневно приезжало несравненно более первой зимы». Расширялись «дипломатические контакты», и русские не упускали случая показать свое дружеское расположение²⁴.

25 февраля Григорий Иванович наконец получил из-

вестие о судьбе «Архистратига Михаила», вторично зимовавшего на Уналашке.

Известие было получено от поисковой партии, находившейся в Катмайском заливе на полуострове Аляска. Туда прибыли обессиленные от холода и голода промысловики, которых мореход «Михаила» штурман Олесов отправил на байдарках на Кадьяк. Отправлял он 30 человек, но шестеро «от холода и недостатка пищи» погибли в пути, а позже еще пятеро²⁵.

Мы обнаруживаем характерную для Григория Ивановича неспешность в принятии решений. Лишь 19 марта он дает инструкцию Дмитрию Бочарову, по которой тот должен отправиться в «троелючных байдарках» в сопровождении «мирных коняг» на Уналашку, чтобы подготовить «Михаила» к плаванию. Бочаров должен был нанять в дополнение к остаткам команды «Михаила» уналашкинских алеутов и попытаться договориться о найме русских рабочих из числа промышленных, выезжающих с Алеутских островов в Охотск²⁶. Последнее не должно нас особенно удивлять. То или иное судно могло оказаться в ситуации, когда провиант и боеприпасы иссякли, но добытых мехов уже хватало компанейщику (купцу, владельцу компании) для восполнения затрат и получения некоторой прибыли. А вот доли простого промысловика еще не хватало, чтобы заплатить подушную подать и долги. Поэтому рабочие и могли наниматься в другие компании здесь же, на островах, не возвращаясь в Охотск.

Шелихов хотел нанять более 60 человек для пополнения промысловых артелей, обосновавшихся на материке и островах поблизости от Кадьяка, и для команды «Михаила».

Бочаров получил от него секретное распоряжение на случай, если сам Шелихов не прибудет на Уналашку, принять командование над «Михаилом» и отправляться в поиск неизвестных островов, «делая найденным

островам и берегам матерой земли опись». Понятно, почему предписание Бочарову держалось в тайне — пока не было ясно, что за обстановка в команде «Михаила», как пройдет смещение Олесова. В любом случае в распоряжении компании вновь оказывалось не два судна, а три. Григорий Иванович, справившийся с проблемой враждебности кадьякцев наличными силами, мог еще больше расширять район поиска новых земель, новых угодий. Теперь он мог пустить в ход все свои резервы. Имелись ли у него таковые? Вроде бы раньше о них ничего известно не было.

Если дополнить данные «Записки странствованию» внимательным прочтением опубликованных А. И. Андреевым документов, чего не сделал ни один биограф, то станет понятно, что, отправляясь на Алеуты, отдавая себе отчет в рискованности своего предприятия, Шелихов подстраховывал себя. Он понимал, что часть людей может погибнуть от цинги и вооруженных стычек и тогда даже возвращение в Охотск будет неразрешимой задачей. Нанять новых людей в Америке в шелиховское время было делом весьма непростым. Что же делает Григорий Иванович? Он заранее договаривается со своим бывшим компаньоном Павлом Лебедевым-Ласточкиным. В случае необходимости Шелихов получал право распоряжаться добывавшими зверя на Алеутах лебедевскими промышленниками как своими собственными. Эта договоренность была соответствующим образом оформлена, и среди прочих документов, которые Шелиховым были захвачены, имелось «Письмо господина Лебедева о вверении всей компании в опеку [Шелихова]»²⁷. Поредевшие экипажи шелиховских кораблей весной 1786 года были пополнены и лебедевскими промышленниками, что позволило осуществить будущие исследовательские плавания.

Нужда в резервах ощутилась буквально сразу после отправления Бочарова. В Трехсвятительскую гавань прибыли двое посланных из селения на северной оконечно-

сти острова, они привезли еще более дальние известия — с «матерой земли». В свое время в Кенайский залив «для обозрения» и «для торгу» была послана небольшая партия под началом Степана Секорина. В тамошних местах начальствовал тоен с острова Шуеха, союзный русским. У него и его родников и должны были остановиться Секорин «с товарищи». Однако тоен вместо оказания гостеприимства убил посланных, товары присвоил и стал собирать воинскую силу²⁸.

Шелихов не медля отправил на остров Афогнак, расположенный напротив Шуеха, две партии — одну из российских людей, другую из кадьякцев и алеутов, чтобы выстроить крепость и разбить силы «изменившего тоена». Это было тем более важно, что «остров Афогнак и противулежащий Америки берег изобилует наилучшими гаванями, земля плодородна, рыбы, птиц, разных родов великое множество, луга покрыты травой и пажитями, леса годные для строения судов на Шуехе и американском берегу и другия для хоромного строения нужные».

Уже 19 мая Шелихов получил известие, что тоен Шуеха был разбит, а кроме крепости, на Афогнаке была заложена и крепость на берегу Кенайского залива, на Кенайском полуострове²⁹.

К началу 20-х чисел мая, согласно постановлению декабрьского «схода», галиот «Три Святителя» был готов к отправлению в Охотск. 20 мая были подписаны контракты с работными, перешедшими к Шелихову из других компаний. Пополнение команды «Трех Святителей» — это мещане из Великого Устюга и Соли Вычегодской, цеховые (ремесленники) из Енисейска и Иркутска, крестьяне из Яренска, Великого Устюга, Красноярска и Киренска, «ильинский (?) купец», алеут и «иркутский ясашной» (вероятно, бурят)³⁰. Наверное, столь же разношерстно была пополнена и команда «Симеона».

Старшим на Кадьяке — «главным правителем» — был оставлен Константин Самойлов, енисейский купец, руко-

водивший промысловыми партиями шелиховских компаний еще в 70-е годы³¹.

22 мая «Три Святителя» вышли в море. Однако кроме 12 русских промышленников, самого Шелихова и его семьи, на борту было около сорока кадьякцев «обоего пола», в основном детей,— те, кто захотел «видеть селения русские», и те, для кого Шелихов собирался организовать в Иркутске специальное училище³².

Еще во время первой зимовки Григорий Иванович в своем общении с конягами начал «вводить их в познание о книгах, и обещевая выучить и детей их... нашол некоторых охотников». В «Записке» он пишет: «Должно отдать народу сему справедливость в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъезду моего столько выучились по-русски говорить, что без нужды можно их разуметь». В заведенном Шелиховым в Трехсвятительской гавани училище осталось 25 ребятишек. К. Самойлов получил указание в отсутствие Григория Ивановича прилагать старание к тому, чтобы «российской грамоте здешних обитателей детское училище умножить»³³.

Логика Шелихова вполне понятна: «без совершенных переводчиков никакого установления сделать невозможно», к тому же, через книжное просвещение кадьякцы приобщались к русскому образу жизни. И книга оказалась на Кадьяке более действенным средством «умиротворения», чем обычно применявшееся европейцами в «переговорах» с «дикими» — оружие!

Итак, с небывалым еще экипажем на борту галиот отправился в Охотск. Но тут же, едва отойдя от Кадьяка, Шелихов увидел на горизонте паруса «Архистратига Михаила». Корабли сошлись, произошла официальная замена Олесова; «Михаила» было предписано отправить через некоторое время к острову Афогнак, в гавань, где была поставлена крепость³⁴. Затем «Три Святителя» двинулись далее.

...Постепенно скрывались за горизонтом кадьякские сопки и на их фоне — паруса «Архистратига Михаила». Измайлов вел галиот прямо на юг. Перед выходом с Кадьяка было принято решение идти к Камчатке мористее Алеутской гряды, чтобы дойдя до «45 градусов широты и по той линии плыть прямо на запад» для поиска каких-либо неизвестных островов³⁵. 26 мая галиот лег на поисковый курс, и... на следующий день ветер стих. Трое суток стоял штиль, нарушаемый небольшими порывчиками, наконец подул ровный северный ветер, «Три Святителя» продвинулись на запад, а 4 июня ветер прекратился. На следующий день задул, но уже совсем не с нужной стороны.

Начались мучения команды, среди 12 русских стала открываться цинга. «По нещастию,— писал Г. Шелихов,— ветры непрерывно почти все лето дули между юго-западом и западом», планы поиска пришлось оставить, галиот все сильнее отклонялся к Алеутской гряде, и к исходу первой недели июля оказался среди островов. 19 июля галиот бросил якорь около Горелого острова, где простоял сутки, пополнив запасы воды, затем двинулся дальше, вдоль островов, борясь с продолжающимися противными ветрами. Особенно тяжело пришлось дважды: когда галиот уже находился в видимости камчатского берега, где корабль петлял целую неделю, и второй раз уже в самой близости Курильской гряды. Здесь, после суточной стоянки у острова Шумшу, войдя в Охотское море, «Три Святителя» потеряли из-за поднявшегося штормового ветра почти неделю.

Трудно сказать, удалось бы вообще завершить плавание, не будь на борту «американцев». Они «всю на судне матрозскую работу исправляли», с их помощью на Шумшу удалось наполнить 40 бочек питьевой водой. Однако на Курилах не удалось запастись провизией. В конце концов, отчаявшись достичь напрямик Охотска, Измайлов 7 августа подставил западному ветру левый борт и повел

галиот к камчатскому побережью, к устью Большой реки.

Можно представить, как на рассвете 8 августа, когда стали гаснуть необычайно сильно мерцавшие звезды, мореход озабоченно поглядывал на розовую кайму над облаками,— следовало ожидать новой перемены погоды.

Тем не менее галиот благополучно достиг устья, и Шелихов на байдаре отправился на берег, чтобы пополнить запас провизии. Наверное, что-то было куплено сразу и байдара возвратилась к «Трем Святителям». Григорий Иванович остался на берегу с двумя работными «для покупки свежей рыбы». Но погода резко переменялась — тут задул восточный ветер.

Если шторм, обрушившийся на галиот неделей раньше, не пускал в Охотское море, а потом в Охотск, прижимал корабль к Курильским островам, то теперешний ветер был попутным.

Попутный ветер должен был существенно облегчить жизнь измученным мореплавателям, избавив их от необходимости производить частую смену галсов — подставлять ветру поочередно то левый, то правый борт, двигаясь в нужном направлении зигзагом — в лавировку. Но прежде чем развернуться к ветру кормой и помчаться на всех парусах в Охотск, нужно было проделать эти лавировочные маневры, чтобы вновь приблизиться к устью реки, отправить байдару за Шелиховым и продержаться вблизи берега до ее возвращения. Представим, как Григорий Иванович, поднявшись к стоявшему над устьем реки маяку, в немалом беспокойстве наблюдает за тем, как «Три Святителя», сорванные с якоря, удаляются, затем разворачиваются носом к берегу, пытаются к нему приблизиться, делают один поворот, другой, третий и почти не приближаются. Представим, как затем Шелихов видит судно, описывающее дугу, как оно поворачивает кормой к устью и начинает стремительно удаляться. Он понимает, вздыхает и крестится. «Слабость здоровья людей... ла-

вировать не позволила», — напишет он потом в «Записке странствованию»³⁶.

Но нет худа без добра.

Накяв бот, Шелихов преодолел 33 версты вверх по течению и добрался в Большерецк. Здесь у местных жителей он купил было три лошади, чтобы ехать верхом по побережью в Охотск, как узнал о том, что на следующий день после прихода «Святителей» к устью Большой реки в Петропавловскую гавань зашел английский корабль. По слухам, англичане собирались пробыть там недели три. «Любопытство узнать о месте, откуда корабль пришел, о причине его путешествия, да и не откроется ли через то какого-либо для нас полезного сведения, принудило на время отменить поездку в Охотск»³⁷. Добравшись через несколько дней в Петропавловск, Шелихов заключил выгоднейшую сделку с английским купцом Уильямом Питерсом.

Шелихов встретился с англичанами 23 августа. Выяснилось, что их корабль «Ларк» («красного дерева обит латуною, о двух мачтах, 28 парусов, по килю 65 [футов], с 12-ю... пушками»)³⁸ принадлежит Ост-Индской компании, желающей завести «в Камчатке торг». Просьба об этом была изложена в письме к «Камчатскому начальнику», которое было вручено капитан-исправнику Нижнекамчатской округи барону И. Штейнгейлю. Последний дал разрешение на торговую сделку между Шелиховым и англичанами, стремившимися продажей части груза оправдать свой рейс из Бенгалии. Переговоры об этой сделке продлились два дня. И. Штейнгейль был в них переводчиком. В конце концов Шелихов приобрел около тридцати ящиков чая, 300 пудов риса, более полутора пудов сахара, немалое количество китайских тканей, корабельной смолы и веревки для изготовления снастей, «47 анкером водки иностранной»³⁹. Всего Шелихов должен был заплатить 6611 рублей; из этой суммы налич-

ными он внес тысячу, а на оставшуюся часть были выданы векселя для оплаты в Москве.

Три дня — с 29 по 31 августа — Григорий Иванович и его камчатский приказчик, рыльский купец Федор Выходцев, принимали от англичан «сторгованный товар». Разноязычная команда — в ней были англичане, индийцы, китайцы, португальцы, «арапы» — доставляла на берег тюки и бочонки. 3 сентября Шелихов простился с капитаном «Ларка», условясь, что корабль вновь придет в Петропавловск следующей весной⁴⁰. На тяжелогруженных лодках-батах, толкаясь против течения шестами, Шелихов и его люди поднялись по реке Аваче до водораздела. Далее лодки волоком перетаскивали к верховьям Большой реки, вновь загрузили и двинулись вниз по течению в Большерецк.

Столица Камчатки встретила Шелихова собачьим лаем* и мычанием коров (куры были здесь редкостью, не слышно было и кукареканья). С сегодняшней точки зрения это небольшой поселок: бревенчатые, крытые соломой дома. Но кроме комендантского дома, казенных кладовых и амбаров, кроме «госпитального дома с лекарской светлицей», кроме жилищ и хозяйственных построек обывателей, здесь было десятка полтора казенных и «партикулярных» — частных лавок. В Большерецке осуществляли свои торговые операции купцы из Тотьмы, Вологды, Великого Устюга и сибирских городов⁴¹. Чай, сахар, рис, ткани — все, что было приобретено у англичан, можно было продать в Большерецке с немалой для себя выгодой.

Покупателя удалось найти без труда. Груз купили приказчики тотемских купцов Пановых. Шелихов заработал на этой сделке сколо трех тысяч рублей⁴². В деньгах он выиграл на самом деле еще больше. Векселя, вы-

* Белые и черные собаки — их на Камчатке с весны до осени хозяева отпускали, чтобы они сами искали себе корм.

данные Питерсу, так и не были предъявлены к оплате. Гораздо позднее Шелихов узнает о том, что спустя несколько дней после выхода «Ларка» из Авачинской губы на английский корабль обрушился жесточайший шторм. В районе Командорских островов «Ларк» потерпел крушение, и из всей команды спаслись лишь двое португальцев⁴³. Они выбрались на Медный остров, где их и обнаружило одно из русских промысловых судов. Эти двое — «Иозеф Анатолий Иоанниус» и «Асарап Якпардасий (на деле же он был бенгальцем)» были привезены в Иркутск, где жили некоторое время. Окончательная судьба их неизвестна⁴⁴.

Получив возможность не оплачивать свой долг англичанам, Шелихов проиграл в другом. Надеждам на установление твердых торговых связей с Ост-Индской компанией не удалось осуществиться. Впрочем, как компанейщик, ведущий добычу пушнины на севере Тихого океана, Шелихов как раз был заинтересован в том, чтобы иноземные корабли пореже появлялись здесь. Позже сам Григорий Иванович в донесении иркутскому генерал-губернатору сообщит о том, что узнал из бесед с У. Питерсом. «Их компании (Ост-Индской) 1785 года был корабль в наших границах... торговались с дозволения Российской державы или нет, мне неизвестно с американцами (здесь — с индейцами.— Л. С.) и в самое короткое время... 800 с лишком морских бобров [а] сверх того, думаю, немало и земляных (водящихся на суше.— Л. С.) зверей выменяли»⁴⁵.

Но обо всем этом Шелихов будет размышлять позже. Сейчас, в сентябре 1786 года, он радуется выгодной сделке и торопится в Охотск, куда уже, скорее всего, пришел его галиот.

Слово оппоненту. Где же описание громадной, поражающей воображение добычи, которую должен был доставить шелиховский корабль с Кадьяка? Беллетри-

сты пишут, что «Три Святителя» привезли пушнины на два миллиона рублей!

Р. С. Стал бы Шелихов рисковать грузом ценою в 2 миллиона рублей, стремясь пересечь на корабле с ненадежной командой беспокойное Охотское море? Будь этот груз столь велик и ценен, Григорий Иванович явно постарался бы после прихода к Камчатским берегам доставить его в Охотск более надежным — сухопутным путем. Да и с Кадьяка галиот ушел бы не со столь маломощным экипажем. Но как узнать об истинных размерах добычи?

«Книги» шелиховского галиота содержали несколько обескураживающие сведения. Расчеты с работными, произведенные после «первого выхода», т. е. первого рейса «Трех Святителей» с Кадьяка в Охотск, показывают, что большинство нанятых по контрактам после раздела не только не получило больших денег, но даже не смогло рассчитаться за взятый вперед провиант, вернуть деньги, полученные из кассы компании, для уплаты подушной подати, для отсылки семьям в родные места, для взносов-пожертвований церкви⁴⁶.

Не будем пока спешить с обвинением Шелихова в сверхэксплуатации. Небольшая величина паев, пришедшихся на долю каждого при разделе, непогашенные задолженности промышленников легко объясняются в том случае, когда мы примем во внимание реальную стоимость добытой и доставленной в Охотск пушнины. К счастью, в нашем распоряжении есть источник, называющий эту цифру. Это «Календарь Российско-Американской компании», составленный в начале XIX века, но рассказывающий и о событиях более ранних. В части VI «Календаря» с названием «О количестве судов», приводятся данные о том, какие корабли находились во владении шелиховских компаний, сколько рейсов каждый из них совершил и какова стоимость доставленного в Охотск груза.

«...[судно] «Трех Святителей»; отправлялось 3 раза, вывезло в 1785 году [пушнины] на 56 000 рублей в 1789 на 300 000 рублей...»⁴⁷

Эти две столь отличающиеся цифры говорят нам о многом.

Преуспевать шелиховская компания станет лишь с 1789 года, и то характер преуспевания почти не выйдет за рамки, привычные уже для купцов-торговцев пушной Иркутска. Ни тогда, ни сейчас, в 1786 году, не могло быть в Иркутске ажиотажа по поводу возвращения Шелихова. Биографы совершенно напрасно описывают зависть и возбуждение иркутян, вызванные якобы баснословной величиной партии мехов⁴⁸. Если слухи и сплетни и стали распространяться, то вызваны они были тем, что галиот пришел в Охотск без хозяина на борту, тем, что вернулась не вся флотилия, а лишь один корабль из трех, тем, что на нем была необычная — «смешанная» команда и т. п. Если и были пересуды о величине добычи, то они касались того, что она оказалась неожиданно невелика.

Но скорее всего Шелихов постарался сохранить в тайне, сколько чего было «упромышлено» его работными. Он прекрасно понимал, 56 тысяч рублей — цена не такой уж маленькой партии. Случалось, что суда возвращались с Алеутов с гораздо более скромной добычей. Но скромнее были в таких случаях и размеры купеческих предприятий (один корабль, небольшая команда и пр.). Шелиховская экспедиция как раз и отличалась изначально широким размахом. А вот количество добытых мехов этому размаху на первый раз совсем не соответствовало*.

* Косвенным свидетельством являются и слова самого Г. И. Шелихова: «Ныне на сие первое лето пышных товаров достаточно не заготовлено» — «Записка, какого рода план быть должен в разсуждении торговли в Камчатке с англичанами» (1787 г., апрель)⁴⁹.

Конечно, не будет ошибкой считать, что и в 1786 году Григорий Иванович был абсолютно уверен — поселения в Трехсвятительской гавани и других местах, где постепенно разворачивался промысел, принесут в самом ближайшем времени громадные прибыли. Но это — только после того, как оставшиеся на Кадьяке будут срочно «подкреплены» провизией, различными материалами, людьми. Сейчас же приходилось думать не об организации своего триумфального въезда в Иркутск, а о том, где раздобыть денег на «подкрепление».

Разумеется, если бы груз, доставленный с Кадьяка, действительно стоил два миллиона рублей, Шелихов с легкостью получил бы кредит для закупки всего необходимого, и принял бы этот кредит не задумываясь — будущие расчеты с кредиторами никакой проблемы не представляли бы. На деле ситуация была весьма сложной.

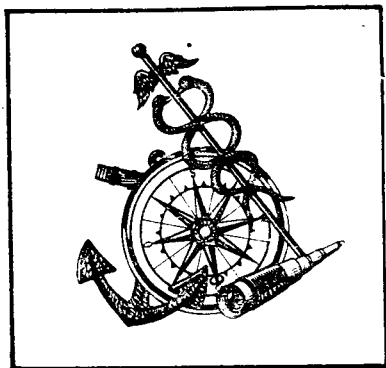
Не приходится думать, что Шелихов имел достаток наличных, свободных денег. Груз, прибывший на галиоте в Охотск (если Измайлов довел корабль благополучно), еще необходимо было реализовать. Продавать пушнину в Охотске не имело смысла. Такая продажа — продажа по низким ценам — грозила убытками. Необходимо было везти меха в Иркутск и дальше, туда, где за них можно было получить настоящую цену, — в Кяхту.

В Кяхту?

Увы, на выгодную кяхтинскую конъюнктуру можно было лишь надеяться. Наверное, уже высадившись в устье Большой реки, Шелихов узнал о том, что в 1785 году китайцы прервали торговлю с Россией и совершенно неясным являлся вопрос о сроках ее возобновления⁵⁰.

Представляя положение, в котором Шелихов оказался в 1786 году, нельзя не обратить внимания — даже серьезные исследователи полагали, что возвращался он из Америки, «чрезвычайно довольный успехом дела и прошедшего плавания»⁵¹. На деле в ближайшее время его

жизнь — это постоянная озабоченность и страшная спешка. Удержаться на Кадьяке можно было только благодаря «подкреплениям», а возможностью отправить их быстро и в необходимом объеме он не располагал. В дальнейшем обнаружатся документы, где содержались обвинения Григория Ивановича в скупости, в том, что он продает свои товары в Охотске и на Камчатке по заведомо завышенным ценам, такими же высокими ценами поставляет промышленникам своей же компании припасы (те, что сверх обусловленного контрактом довольствия)⁵². Ни в коем случае не оправдывая подобную практику, отметим, что для Шелихова в ближайшие два-три года она была вынужденной. Судьба шелиховского предприятия зависела от сэкономленных, взятых в долг, вырученных за проданные товары и пр. денег, от того, сможет ли Шелихов снабжать поселения на Кадьяке необходимым. В 1786—1787 годах положение компании, вероятно, было особо критическим.

КОМПАНЬОНЫ, ИХ ПОКРОВИТЕЛИ И НАГРАДЫ: ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ГЛАВА 8

Еду я все еще по пустыне и долго буду ехать: дни, недели, почти месяцы. Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь.

И. А. Гончаров. Фрегат
«Паллада»

Уже через четыре дня после приезда в Большерецк Григорий Иванович отправляется в дальнейший путь. Он едет верхом и в начале октября, преодолев 400 верст, достигает Тигильской крепости. К этому времени уже существенно похолодало, было принято решение дожидаться, пока замерзнет северная часть охотского моря, чтобы по льду добраться в Охотск. Полтора месяца Шелихов прожил в Тигиле¹. И как же тяжело далось ему это полуторамесячное ожидание!

Тигильская крепость была перестроена десять лет назад. Казенные постройки — цейхгауз (склад военного имущества), баня, пороховой погреб, «казенный дом о четырех покоях» и частные строения — были обнесены земляным валом и стоячим деревянным палисадом. По углам крепости были поставлены бастионы, имелось и

«двое проезжих ворот», закрывающихся на «створни з деревянными поперешными затворами»². Здесь Григорий Иванович заготовил припасы в дорогу, купил собачью упряжку и нарты.

Это были «чукоцкие» нарты, «все части которых связаны ремнями. На ходу они скрипят, изгибаются во всех сочленениях и кажется, что вот-вот развалятся, но на самом деле очень прочны и выдерживают нешуточные удары о торосы или заструги»³. 18 ноября Шелихов погрузил на нарты запас провизии, юколу для собак и двинулся по замерзшей реке Тигиль к Охотскому морю.

Не один путешественник описывал езду на нартах... ..Скрип снега под полозьями, крики «Кх, кх!» (влево) и «Подь, подь!» (вправо), глухое ворчание собак, бегущих за коренником, свист бича — вот основная гамма звуков, которые будут раздаваться с утра и до вечера каждый день, исключая пережидания пурги.

Почти два с половиной месяца потребовалось Шелихову, чтобы добраться в Охотск. Он приехал туда 27 января, а уже 8 февраля вместе с Натальей Алексеевной отправился в дорогу⁴, рассчитывая к весне прибыть в Иркутск. На собаках, оленях, лошадях и даже быках ехали Шелиховы почти безо всякого отдыха. В Якутске они провели всего один день и поспешили по льду замерзшей Лены на юг.

— В «Записке странствованию» Григорий Иванович напишет о том, что в пути пришлось претерпеть «несказанные трудности и опасности». Что это? Вероятно, это известные со слов повторивших путь Шелихова писателей-путешественников ночевки прямо на снегу при 40-градусных морозах, снежный ураган-пурга, западни-наледы — промоины, образующиеся в речном льду под действием береговых ключей. Об остальном можно лишь гадать. Это нелегкий путь и для сильного мужчины, а ведь Шелихов ехал с Натальей Алексеевной. Сошлемся на свидетельство И. А. Гончарова, семьдесятю годами позже воз-

вращавшегося после плавания на фрегате «Паллада» почти тем же путем, что и Шелихов после плавания на Кадьяк: «... все это в краю, который слывет безымянной пустыней! Он пустыня и есть. Не раз содрогнешься, глядя на дикие громады гор без растительности, с ледяными вершинами, с лежащим во все лето снегом во впадинах, или на эти леса, которые растут тесно как тростник, деревья жмутся друг к другу, высасывают из земли скудные соки и падают сами от избытка сил и недостатка почвы. Вы видите, как по деревьям прыгают мелкие зверьки, из-под ног выскакивает испуганная редким появлением людей дичь. Издалека доносится до ушей шум горных каскадов, или над всем этим тяготеет такое страшное безмолвие, что не решаешься разговором или песнью будить пустыню, пугаясь собственного голоса»⁵.

Конечно, не надо думать, что весь путь от Охотска до Иркутска пролегал среди совершенно дикой природы. Это был пустынный, но обживаемый край с постепенно умножающимся населением, жители южной части которого с каждым годом все успешнее «упражнялись в хлебопашестве». Из Охотска в столицу губернии шел почтовый тракт, пусть еще малооживленный, но благодаря расставленным на всем его протяжении почтовыми станциями обеспечивавший путников ночлегом, едой, сменными лошадьми. Редкие и необустроенные поначалу, за Якутском станции «учащались», путешествие начинало проходить в более или менее сносных условиях.

Но Григорию Ивановичу не до отдыха, не до комфорта. Он только увеличивал скорость. И было из-за чего.

Из упоминавшегося уже письма Петра Лагутина, полученного в Охотске, Шелихов узнал о том, что оставленный им в Иркутске приказчик Андрей Наумов в отсутствие хозяина «находился в великом пьянственном распутстве», растратил около 2 тысяч рублей и был сменин с помощью иркутских купцов — знакомых Шелихова —

другим человеком. Из письма Лагутина узнал Григорий Иванович и о том, что в Охотске конкуренты-купцы и местные чиновники попытались изъять некоторые его товары и деловые бумаги. Нужно было раз и навсегда пресечь повторение подобного, найти управу на обидчиков у губернских властей. Торопило Шелихова и известие о «непорядочности» еще одного его приказчика — Петра Мыльникова, посланного в Москву. Мыльников поручений хозяина не выполнил, московскими делами Шелихова занимался его компаньон — Иван Ларионович Голиков, но до конца они так и не были доведены⁶.

Скорей, скорей в Иркутск!

Шелиховы прибыли в губернский город 6 апреля⁷.

Если бы Григорий Иванович не «отстал» от своего галиота, они могли бы поспеть на торжества с пушечной пальбою, балом и маскарадом по поводу открытия Иркутской городской думы — органа самоуправления горожан всех сословий⁸. Расширение прав иркутян было лишь одной переменной в городской жизни.

В отсутствие Шелиховых ощутимо изменился облик Иркутска. Бурно шло строительство. Тесноватые деревянные постройки заменялись новыми домами — каменными и более просторными деревянными. Выделялся законченный в годы шелиховского путешествия каменный гостиный двор (по проекту знаменитого архитектора Кваренги)⁹, здания Наместнического правления, уголовной палаты, дом генерал-губернатора.

В эти годы — во второй половине 80-х — приезжие начинают сравнивать Иркутск с Петербургом¹⁰. Возможно, такое сравнение пришло на ум и Григорию Ивановичу, — оживление на улицах, экипажи чиновников, офицеров, купцов. Над городом возвышались купола и колокольни двадцати церквей (самая красивая — Крестовоздвиженская — встречала въезжающих в Иркутск со стороны Байкала по Заморской улице). Несколько школ, склады-магазины, госпиталь, оспопрививательный дом и дома

для престарелых, более полутора тысяч «домов обывательских»¹¹ и даже каменное двухэтажное здание библиотеки¹². Ранее все строения были разбросаны весьма хаотично, но новый генерал-губернатор приказал горожанам произвести перестройки в своих усадьбах с тем, чтобы улицы города приобрели геометрическую прямолинейность. Теперь формирование уличных линий должно было происходить за счет фасадов. Хозяйственные постройки переносились по приказу губернских властей вглубь дворов.

Новым, вникающим во все хозяином города и всей губернии был Иван Варфоломеевич Якоби¹³. Как и Шелихов, он не был сибиряком. Якоби-отец, генерал Варфоломей Валентинович (швед по происхождению), был отправлен из Петербурга в Забайкалье в 1740 году. Долгое время он командовал тогдашними восточносибирскими пограничниками — Якутским полком, штаб которого находился в Селенгинске. Немного позднее отец вызвал в Сибирь младшего сына Ивана и, согласно дворянскому обычаю тех времен, записал «малолетка» в полковые списки. Начинается военная карьера Ивана Варфоломеевича. Через две недели после определения в воинскую службу он был сделан капралом, через 34 дня — сержантом, менее чем через год его производят в прапорщики. В 50-х годах отец дважды включал сына в состав посольства в Пекин, а в 1762 году Якоби-сыну было поручено сформировать свой собственный полк. Этот получивший название Селенгинского полк принял участие в походах первой русско-турецкой войны в 1770-х годах; полковник сумел отличиться, был ранен и, минуя очередные чины, произведен в генерал-майоры. После войны И. В. Якоби был назначен Екатериной II на должность астраханского губернатора, в 1782 году сделан уфимским генерал-губернатором, а еще через год перемещен на ту же должность в Иркутск. Генерал-губернатором он пробыл здесь с 1784 по 1788 год.

6 апреля Шелиховы приехали в Иркутск, а 13 апреля Григорий Иванович подал доношение генерал-губернатору. Шелихову понадобилась всего лишь неделя, чтобы передохнуть с дороги, оглядеться и подготовить почву для обращения к Якоби. Основные свои проблемы в Америке и здесь, в Сибири, Шелихов надеялся разрешить с помощью губернских властей.

Шелиховская компания нуждалась в провианте, снастях для кораблей и различных материалах для «подкрепления» оставшихся на Кадьяке, еще больше — в деньгах для покупки всего необходимого и для найма людей, а нормальное отправление компанейских дел здесь, в Сибири, требовало действенной защиты от произвола чиновников Охотска, Камчатки, Якутска¹⁴. Расчет на то, что все это можно получить от губернских властей, Шелихов построил, уповая, что генерал-губернатор столь же заинтересован в существовании такой компании, как и ее владельцы.

Григорию Ивановичу было хорошо известно, что за труды по распространению российских владений на востоке, за объясачивание островных аборигенов царское правительство поощряло купцов-компанейщиков¹⁵. Приятель Шелихова Павел Лебедев-Ласточкин был награжден золотой медалью за усилия по завязыванию торговых отношений с японцами¹⁶. Не были равнодушными к купеческой деятельности на Тихом океане и предшественники Якоби — губернаторы Ф. Немцов и Ф. Кличка, в бытность которых и стал на ноги Григорий Иванович¹⁷. Но теперь ситуация была иной.

Во-первых, деятельность шелиховских работных постепенно переросла обычные рамки промысловых вояжей. У других купцов на первом месте была корысть — добыча, промысел. На островах они задерживались, но предполагали рано или поздно вернуться в Охотск или на Камчатку. В усилиях Шелихова на первый план все ошутимее выходит труд по планомерному к у л ь т у р н о м у

освоению, и даже не отдельных островов, но всей северной части бассейна Тихого океана.

Во-вторых, если и раньше иркутские губернаторы занимались вопросами обеспечения безопасности восточных рубежей государства, то теперь этот вопрос становится более острым, чем когда-либо, — все чаще и чаще в северных водах Тихого океана появляются военные корабли «морских держав»¹⁸.

В 80-е годы защитой России с востока было вынуждено заняться и правительство Российской империи. В Петербурге для отправки на Тихий океан снаряжались это время две экспедиции¹⁹, о чем Якоби знал. Но знал он и другое — как бы ни сложилась судьба этих экспедиций²⁰ (отправятся — не отправятся, достигнут благополучно своей цели или нет), за иностранное вторжение в пределы громадной Иркутской губернии отвечать придется не санкт-петербургским министрам, а ему, Ивану Варфоломеевичу, иркутскому генерал-губернатору²¹. Для упрочения же безопасности границ можно использовать и купца-компанейщика.

В другое время и с другим человеком, может быть, Шелихову не пришлось бы надеяться на предоставление помощи. Однако Якоби-сын, как и Якоби-отец, не был сторонником выжидания в отношениях с другими странами. Как и Варфоломей Валентинович, он считал, что ни в коем случае нельзя спускать любые нарушения границ и правил торговли, что при случае можно не постесняться пригрозить соседям и применением военных сил²².

Предложения, направленные на усиление России на востоке, должны были прийти И. В. Якоби по вкусу.

Кто мог дать Шелихову сведения о новом для него иркутском генерал-губернаторе? И кто мог подготовить последнего к восприятию довольно объемной подборки бумаг, которые представил для рассмотрения Шелихов?

Один из возможных каналов — не последнее лицо в

«Иркутском правительстве» Иван Лукьянович Долгополов, иркутский городничий.

Отвлечемся от привычных, школьных представлений, навеянных сочинениями и устными ответами на уроках литературы. Городничий гоголевского «Ревизора» — чиновник николаевской Руси, прогнившего сверху донизу государства крепостников, болеющий лишь за то, как бы сохранить свое место.

Не будем, разумеется, противопоставлять «хороших» городничих екатерининской эпохи «плохим» городничим более позднего времени. В частности, взятки с одинаковой охотой брали и те, и другие. Но надо все-таки представить, что такое городничий в крупнейшем городе Сибири, региона, где по сути не было помещиков.

Прежде всего он возглавлял местную управу благочиния и имел под своим началом городскую полицию. С помощью полиции городничий однако не только поддерживал порядок — «добронравие», но и осуществлял судебские функции (в том числе и взыскание долгов), проводил рекрутские наборы и даже (несколько позднее, в начале XIX века) кампании по подписке на книги и журналы. Через управу благочиния объявлялось о торгах, заключались контракты на подряды и откупа, осуществлялся контроль за мерами и весами²³. В Иркутске — торговом центре — городничий играл немаловажную роль именно в жизни купечества. Разумеется, любой из крупных иркутских торговцев был заинтересован в установлении «добрых отношений» с Долгополовым. Но Шелихов здесь преуспел особенно — он породнился с городничим, став крестным отцом его сына²⁴,

Через Долгополова или кого другого Шелихов в короткий срок получил информацию о Якоби и сумел сделать так, чтобы бумаги о деятельности его компании легли на генерал-губернаторский стол.

Это был комплекс материалов. Кроме доношения, где описывались плавание на Кадьяк и пребывание на остро-

ве, где содержалась просьба «воззреть» представляемые бумаги, здесь были «журнал» (вероятно, «Записка страствованию»), инструкция, данная К. Самойлову, оставшемуся за главного на Кадьяке, инструкция об исследовательском плавании Д. Бочарова, инструкция о возможной торговле на Камчатке с англичанами, карты плавания, карты островов и пр.²⁵

Вероятно, все это было рассмотрено не без благосклонности, и через несколько дней к Якоби пошла новая бумага — еще одно доношение, от 19 апреля (далее мы станем называть его «вторым доношением»)²⁶. Содержавшееся здесь описание деятельности компании было довольно кратким, конспективным, предварявшим несколько просьб (просьб в первом доношении не было).

Во-первых, о том, чтобы «начальникам тамошнего края» (Охотска, Якутска, Камчатки) было указано не делать никаких препятствий Шелихову и его сотрудникам, чтобы тамошнее начальство не имело права контролировать отправление судов (под видом контроля вымогались взятки и поборы), задерживать для этого корабли, что приводило к убыткам Шелихова и увеличению конкурентоспособности его соперников-купцов.

Второе — просьба о выдаче из охотских казенных складов-магазинов в долг «снастей смоляных 150 пуд., провианта 800 пуд.».

Третье — просьба о губернаторском и «монаршьем» обнадеживании оставшихся на Кадьяке.

Четвертое — просьба «сделать запрещение прочих держав судам как в торге, так и в промысле».

Второе доношение — как бы пробный шар. В нем просьбы Шелихова существеннее, чем обычные просьбы купцов-компанейщиков, но ненамного. А последняя выглядит как хитрый расчет Шелихова на то, что генерал-губернатор прямо или косвенно признает: он не располагает военными силами, чтобы не допускать иностранные суда торговать и охотиться в местах, уже занятых

русскими. А признав это, спросит Шелихова, что здесь может предложить его компания.

Не станем выдумывать волнующие сердце встречи Шелихова и генерал-губернатора, иначе может получиться нечто в духе «Семнадцати мгновений весны». Но как бы то ни было, а после знакомства с вторым доношением Якоби приказал Григорию Ивановичу подготовить «программу-максимум» — развернутый перечень того, в чем нуждалась компания для нормальной деятельности. Шелихов такой документ подготовил — это «Записка Г. И. Шелихова о привилегиях его компании»²⁷,

Здесь была повторена просьба о передаче всей полностью контроля над деятельностью компании иркутскому генерал-губернатору («яко хозяина губернии, а далее ни у кого»), содержалась просьба о разрешении заводить в новооткрытых землях фабрики, заводы и хлебопашество. Для дальнейшего разворачивания промыслов, поисков и строительства новых поселков просил Шелихов позволения нанимать для работы в компании любого желающего, начиная с «американцев» и «курильцев» и кончая русскими, обладателями просроченных паспортов и «неоплатными должниками», — уплату всех задолженностей компания брала на себя.

Говорилось в «Записке о привилегиях» и о «крайне нужном... к обороне и защищению» выделении для компании ста человек «людей военнотружущих и дисциплину сведущих». Но имелись в виду далеко не одни простые солдаты. Шелихов просил, чтобы среди них были канониры, пушечные литейщики, медники, оружейные мастера (которых компаньоны хотели выбрать в Туле), якорные мастера, матросы, корабельные плотники и знающие горную науку офицеры.

И наконец, Шелихов открыто упоминал о затруднениях компании, которые он обдумывал всю дорогу из Охотска в Иркутск: «...опромышленные товары лежат на немалотысячную сумму без всякого употребления, по слу-

чаю закрытия Кяхтинского торго». Отсюда просьба — о ссуде из казны 500 тысяч рублей на 20 лет с процентами, и, что, естественно, памятуя о скромных успехах в деле поиска охотничьих угодий,— просьба о сдаче в аренду казенного корабля из Охотского порта.

Все эти предложения и просьбы Якоби обдумывал до поздней осени. Почему же так долго?

Тому были причины. В это самое время шла подготовка правительственных экспедиций. В августе 1785 года Адмиралтейство по указу Екатерины II начало снаряжение «Секретной Северо-восточной экспедиции», участники которой сушею должны были прибыть в Иркутск, а оттуда, разделившись на две группы, выехать к побережью Ледовитого и Тихого океанов, чтобы построить в двух местах корабли и начать изыскания. Кроме собственно научных задач, перед Северо-восточной экспедицией ставились задачи политические — в ходе исследовательских плаваний нанести на карты точные границы российских владений на востоке²⁸. Вторая экспедиция готовилась с декабря 1786 года непосредственно для защиты «права ... на земли, российскими мореплавателями открытые»²⁹. Несколько военных кораблей, совершив кругосветное плавание, должны были начать крейсерство в «Восточном море», изгоняя из русских владений все иностранные суда³⁰.

Если военная эскадра для кругосветного плавания летом 1787 года еще готовилась, то участники первой, «секретной», экспедиции уже находились в Якутске и Охотске, вероятно, в пути разминувшись с Шелиховым. Возглавляли экспедиционный отряд бывший помощником астронома экспедиции Дж. Кука и принятый на русскую службу Джозеф Биллингс³¹ и лейтенант Гаврило Андреевич Сарычев³².

Работа людей Биллингса—Сарычева началась в конце 1786 года, и губернские власти, выполнявшие указ Екатерины II, всемерно ее поддерживали. Однако, как упо-

миналось раньше, Якоби сомневался в успехах экспедиции.

Собственно, первые сомнения в исходе экспедиционных плаваний у генерал-губернатора, возможно, пробудились при первом знакомстве с прибывшими в Иркутск командирами экспедиции — им было немногим за 20³³. К тому же главный из них — Биллингс — мог производить впечатление человека, «который не столько думал о выполнении воли монаршей и о пользах отечества, сколько о своеугодливости»³⁴. (Заметим, что, обращаясь с просьбой о зачислении на русскую службу, он недвусмысленно дал понять, что прежде всего интересуется его меховая торговля.³⁵) Косвенные свидетельства указывают на то, что экспедиционное начальство вело себя заносчиво³⁶.

Будущая деятельность высокомерных молодых людей (вспомним об извечном плохо скрываемом соперничестве флотских и сухопутных офицеров!) могла показаться пожилому генералу, имевшему за плечами и боевой и управленческий опыт, журавлем в небе. Шелихов с его кораблями, уже стоящими в Охотске и Трехсвятительской гавани, с уже привлеченными под «скипетр российской Державы» кадьякцами — вполне жизнеспособной «синицей в руке»...

И все же в течение лета Якоби мог ждать известий о том, как идет подготовка к экспедиции. Если хорошо, то тогда, наверное, и не имеет большого смысла поддерживать купеческие начинания. А если плохо? Не располагая текстами донесений, которые генерал-губернатор, бесспорно, получал, сошлемся на письма Шелихову его знакомых, — подготовка шла «ни шатко, ни валко»*.

* Письмо Г. Шелихову от П. Лебедева-Ласточкина: «...худая постройка у экспедишных ... хотя встают рано, а делают мало...» В письме отмечалось плохое питание работных и «многие теснения». «Стыдится бы надо таким строителям!» — заключает свою оценку деятельности командиров экспедиции П. Лебедев-Ласточкин в другом письме³⁸.

Еще больше укрепить Якоби в идее поддержать все начинания Григория Ивановича должны были известия о весьма скромных результатах исследовательского плавания людей Биллингса из устья Колымы (было пройдено на пути к Мысу Дежнева не более 80 км). Об этом же напишет Шелихову его будущий сотрудник и ближайший помощник купец Александр Баранов: «...отправились из Усть-Колымы 10 июля, но за встретившимися будто льдами возвратились вспять... вот каковы казенные произведения! Я думаю, с нашими бы промышленными лучше тут успеть можно. У нас на Белом море и со льдами управляться умеют промышленные и на оных плавают и так бы (как Биллингс и его подчиненные.— Л. С.) легко ч а с н ы й ч е л о в е к не оставил предприятых намерений в п о л ь з у г о с у д а р с т в а клонящихся...»³⁷ Подобная мысль о том, что деятельность частных (более опытных и более заинтересованных) лиц на Тихом океане для страны будет полезнее наспех организованных государственных экспедиций, не могла не возникнуть и у иркутского генерал-губернатора.

Но еще раньше, чем руководители экспедиции проявили слабые стороны своего командирства, к поддержке предложений Шелихова генерал-губернатора подтолкнуло совершенно неожиданное обстоятельство.

Летом в Иркутске появился странноватый человек, говорящий по-английски, но при случае умеющий объясниться и по-русски. У него был паспорт из Санкт-Петербургского губернского правления и подорожная петербургского почтамта, в которых значилось: Джон Ледиард, «американский дворянин». Называл он себя «американским полковником» и рассказывал, что принимал участие в последней экспедиции Джеймса Кука, когда корабли англичан заходили на Алеутские острова и на Камчатку. Теперь же он собирался на каком-нибудь русском судне попасть на Аляску, а оттуда посуху добираться в цивилизованные места³⁹.

Иностранец производил впечатление человека, пытающегося всеми правдами и неправдами раздобыть как можно больше сведений (в том числе и секретных) о русском присутствии на Тихом океане — точные данные о военных силах, крепостях и пр. Он пытался войти в контакт с сибирскими чиновниками и еще настойчивей добивался встреч с купцами, занимавшимися тихоокеанским пушным промыслом.

В середине августа он договорился о беседе с Шелиховым. «С жарким любопытством» он выспрашивал о местах, где побывали шелиховские промышленные и, что не могло бы не насторожить любого, — о том, где и кем были установлены государственные знаки России.

Чтобы обнадежить своего собеседника, рвавшегося в Русскую Америку, Шелихов обещал на следующий год отвезти его туда на своем корабле. Но после встречи написал подробную записку о содержании своего разговора с Ледиардом и подал ее генерал-губернатору⁴⁰.

Сами по себе расспросы и «выведывания» Ледиарда не могли не настораживать, еще сильнее настораживало то, что Биллингс и Ледиард были знакомы и последний не скрывал, что рассчитывает на содействие начальника «с е к р е т н о й Северо-Восточной экспедиции»⁴¹.

В конце концов Якоби пригласил к себе «американского полковника» и убедился в справедливости написанного Григорием Ивановичем. Более того, генерал-губернатору пришлось сдерживать свое возмущение, когда «американец сей, изворотясь проворно в своем разговоре», заявил, что берега, открытые и осваиваемые русскими, давным-давно заняты англичанами и что «там разных европейских народов около десяти тысяч находится»⁴².

Генерал-губернатор не стал препятствовать Ледиарду, отправившемуся в Якутск, где находились руководители «секретной экспедиции». Однако в Якутск и в столицу были посланы курьеры. Первый — с приказом не пускать подозрительного иностранца дальше Якутска, второй —

с запросом, что делать с человеком, который «весьма нетрудно стать может... послан сюда для разведывания о положении здешних мест со стороны английской державы».

Чтобы не возвращаться к Ледиарду, скажем, что по приезде в Якутск он был окружен заботами коменданта Маркловского, который даже снабдил иноземца теплой одеждой, но... не позволил уехать из города ни на север — к Колыме, ни на восток — в Охотск. Дошло до того, что Ледиард вспылил и пытался вызвать коменданта на дуэль⁴³.

Тем временем в Якутск приехал Биллингс со своими подчиненными и узнал в «американском полковнике» капитана морской пехоты, действительно участвовавшего в куковской экспедиции. Биллингс взялся его опекать и в начале 1788 года поехал вместе с ним в Иркутск якобы по своим экспедиционным делам⁴⁴. Здесь, впрочем, Ледиарда ждал указ Екатерины об аресте и высылке из России.

Ледиард был выпровожен за пределы России в следующем, 1788 году, но еще до завершения этой истории, после того как Якоби в беседе с ним убедился в подозрительности намерений «американского полковника» встретиться с Джозефом Биллингсом, генерал-губернатор вызвал Шелихова и объявил ему, что составил специальный рапорт на имя императрицы, где поддерживает предложения и просьбы, изложенные Григорием Ивановичем в первом и втором «доношениях». Объявлено было также о том, что Григорий Иванович должен и сам отправиться в столицу, поскольку «может быть иногда нужен будет для каких-либо объяснений странствования и его поступков»⁴⁵.

Два момента выделяются во «Всепоподданнейшем рапорте» Якоби. Он писал императрице, что хотел бы дать указания Шелихову перестроить крепости на Кадьяке и соседнем острове Афогнаке по представленным черте-

жам с тем, чтобы эти крепости и третья—та, которую Шелихов должен будет построить на «матерой земле» Америки, стали опорными пунктами для «флотилии сюда (в «Восточное море». — Л. С.) идущей». Предприятие Шелихова приобретало отчетливо выраженный военный характер.

Естественно, должен был возникнуть вопрос — почему бы самим военным не заняться строительством крепостей, почему не поручить одну крепость — Шелихову, другую — другому купцу? Это был весьма важный вопрос, поскольку предоставить Шелихову государственную поддержку и, как он просил, привилегии в сравнении с другими купцами, означало отказаться от принципа неограниченной свободы торговли, который был провозглашен Екатериной II. У Якоби был (как он полагал) сильный аргумент, сводившийся к следующему: Шелихов нашел «ключ» к американцам, ему одному они доверили начальство над собой. А без содействия американцев невозможно предотвратить «похищения плодов российских приобретений», неизбежные ввиду ожидаемых вторжений чужих кораблей. Поэтому надо поддержать одного Шелихова, «дабы не допустить подлое корыстолюбие и невежество [других купцов], раздражать сии народы... и разстроить столь благоуспешное и сходное с мыслями Вашего Величества»⁴⁶.

Итак, деятельность Шелихова принесет государственную пользу и будет иметь значение оборонное; во-вторых, поддержка других купцов наряду с Шелиховым в конечном итоге только нанесет урон успешно начатому делу.

...Шелиховские предложения и просьбы генерал-губернатор обдумывал до поздней осени. Но еще в мае он дал предписание «отпустить на отправляющееся... к Кадьяку судно до 500 пуд из Охотска ржаной муки и на 300 пуд из тамошних такелажных вещей до мелких оснасток принадлежащих». Все это давалось Шелихову в долг⁴⁷.

Весной Шелихов заключил контракт, по которому в Америку должен был отправиться на смену достигшему, вероятно, преклонных лет Константину Самойлову «македонский грек» Евстрат Иванович Деларов. Инструкцию Деларов получил в первых числах мая. Ею предписывалось подготовить «Трех Святителей» к выходу до 20 июля 1787 года. Шелихов отдавал себе отчет в том, что на Кадьяке положение с провизией, снаряжением и пр. угрожающее. Поэтому он указал, что даже в том случае, если не удастся завербовать необходимое число рабочих и если караван из Иркутска с различными припасами не прибудет, все равно выходить в море, «хотя в половине груза» и «несмотря на то, с малым числом [людей] следовать непременно в Америку, дабы подкрепить там компанию нужными хотя мало припасами»⁴⁸.

Деларов еще плыл по Лене в Якутск, а в Охотске уже началась подготовка «Трех Святителей» к вояжу. Этим занимались родственники Григория Ивановича — Сидор Андреевич и Василий Иванович (младший брат) Шелиховы. С грехом пополам (по их молодости и неопытности в корабельных делах «работники стали волю брать и не слушать»), совместными усилиями Шелиховы-младшие справились с задачей. Были заменены киль и мачта, а затем корабль был благополучно спущен на воду⁴⁹.

Галиот под началом Измайлова пошел на Кадьяк, правда, позднее, чем намечалось, — 20 августа⁵⁰. Но Деларов так и не сумел нанять людей — в Трехсвятительскую гавань было доставлено лишь 7 человек, да и то, как указано в одном из документов, алеутов. «Имущества» же — «припасов товарных и продовольственных» — была привезена лишь часть⁵¹.

Известие об отправке «Трех Святителей» на Кадьяк должно было несколько успокоить Григория Ивановича — самая первоочередная проблема частично разрешалась. Оставались, однако, еще более серьезные. И теперь, как

ему было указано генерал-губернатором, следовало отправляться в Санкт-Петербург.

Григорий Иванович выехал из Иркутска в начале декабря⁵². В дополнение к тысячам верст от Охотска нужно было преодолеть 5 821 версту, отделявшую столицу губернии от столицы государства. И вновь он ехал вместе с женой. Детей на сей раз с ними не было*.

С 1783 года существовала дорога Тобольск—Петербург, проходившая через Пермь, Вятку, Вологду⁵³. Скорее всего Шелиховы добирались именно ею, а не более длинным путем через Москву,— первые письма из Иркутска Григорий Иванович получил в Петербурге уже в начале февраля. Дорога по выезду за Уральский хребет давалась нелегко. Хотя в тот год санный путь здесь установился в середине ноября; когда после больших снегопадов ударили сильные морозы,— в декабре начались оттепели, «а иногда и дождь, чем снегу большую половину согнало и дорогу испортило». Это тепло продолжалось и в новом, 1788 году⁵⁴.

О втором совместном пребывании Шелиховых в Петербурге известно несколько больше, чем о первом. Правда, и сейчас мы не знаем, где они останавливались, как и с кем проводили свободное время. Но судя по новым корреспондентам Шелихова, круг его знакомств и знакомств Натальи Алексеевны пополнился «немаловажными персонами». Но — по порядку о том, что известно из разных документов.

Прежде всего Шелихов должен был встретиться со своим компаньоном. Почему не с компаньонами?

Надо думать, оба Голиковы — Иван Ларионович и

* Авдотья под присмотром Василия Ивановича была оставлена в Охотске, когда Шелиховы начали свое спешное путешествие на собаках⁵⁵. В Иркутск ее привезли только в декабре 1788 г.⁵⁶ Летом 1788 г., когда Шелихов был в Петербурге, дочери Анна, Катерина и Евдокия передавали ему поклоны из Иркутска⁵⁷ Имя Миши Шелихова больше в документах не встречается...

Михаил Сергеевич из писем знали о том, что шелиховский галиот вернулся с небольшой добычей, что компания срочно нуждается в притоке новых капиталов. Знали, наверное, и о том, как Якоби отреагировал на шелиховские доношения. Однако иркутские известия Голиковы восприняли по-разному. Михаил Сергеевич заинтересовался бы положением дел в компании лишь в том случае, если бы «Три Святителя» доставили пушнины по крайней мере на сумму, вдвое большую, и то если бы меха можно было быстро сбыть с рук. М. Голиков крайне нуждался в деньгах. Дело в том, что в 1783 году, когда флотилия компании вышла из Уракского устья, капитан второго Оренбургского батальона взял на откуп поставку вина в Тобольск, Березов, Тару, Омск и Каинск. Но обстоятельства сложились не в пользу откупщика, — не зря предупреждал его в стихотворном послании Державин: «непостоянство — доля смертных». Вино с заводов М. Голикова стало поступать с перебоями, и власти Тобольской губернии начали предъявлять обоснованные претензии к откупщику. Он обратился в Сенат с просьбой о предоставлении льгот, но получил отказ. Винный откуп оборачивался громадной неустойкой⁵⁸.

Уже в 1787 году Михаил Сергеевич «оставил все дела, вышел из компании по причине взыскания с него доимки в казну»⁵⁹, а 27 января 1788 года в возрасте 41 года умер, не выдержав переживаний⁶⁰. Известна стихотворная эпитафия с надмогильного памятника М. С. Голикову на Больше-Охотском кладбище:

Для пользы сообщества достаток истощая,
Землеискания честь Россов умножая,
Соорудил суда, с Охотских кои вод
Нашли в полночную Америку проход
На медной дске чертеж им оных мест оставлен,
Чем Голикова труд и общников прославлен...⁶¹

Сказанное в эпитафии относится скорее к общникам, компаньонам, а точнее — к Григорию Ивановичу. Покой-

ный же в компании участвовал средствами и, в отличие от Григория Ивановича, не трудился в Охотске и на Кадьяке.

Оставался второй шелиховский компаньон, занимавший к этому времени пост городского головы в Курске, Голиков-дядя — Иван Ларионович. Как и Шелихов, он прибыл в Петербург. Их встреча скорее всего произошла во время девятина со дня кончины Михаила Сергеевича⁶². Разговор не мог не начаться с сетований на судьбу, уготовившую их товарищу безвременную смерть. Поговорили они и о том, как переменялся торговый Петербург, обсудили новое большое и красивое здание Гостиного двора на Невском проспекте, где шла оживленная торговля одновременно в нескольких сотнях лавок⁶³, было обсуждено падение цен на меха и объявления, появившиеся в газетах о продаже меховых шуб из «американской» пушнины «дешовою ценою»⁶⁴. И хотя закрытый в 1785 году Кяхтинский торг (а это обстоятельство и приводило к затовариванию мехового рынка), должен был, как считали купцы, возобновиться не сегодня-завтра, постепенно накапливающиеся запасы пушнины могли сбить цену и там. Григорий Иванович предложил не дожидаться, пока китайцы вновь станут торговать мехами в Кяхте, везти пушнину в китайские порты⁶⁵. Отсюда и необходимость расширять деятельность компании, благо — местные иркутские власти заинтересованы в ее процветании.

Отношения между компаньонами были непростыми, но в настоящий момент Григорий Иванович, наверное, сумел воодушевить И. Голикова — ведь за их совместное предприятие выступал прямым ходатаем всемогущий генерал-губернатор, лицо, подотчетное лишь одной императрице, ею и назначаемое.

И вот, вероятно, по указанию Якоби, компаньоны составляют совместное прошение на имя Екатерины II. Здесь повторяется то же, что Шелихов писал в бумагах,

поданных иркутскому генерал-губернатору, правда, еще настойчивее проводится мысль о том, что вся деятельность «компанейщиков» направлена на приведение земель «под высокую державу» императрицы и для «предупреждения покушений других держав» «...острова (освоенные Шелиховым.— Л. С.) не только от внутренних возмущений безопасны, но и в случае могущих быть от иностранных держав неприязненных покушений, можно на сильной отпор от них без сомнения надеяться». Конкретнее была сформулирована просьба о ссуде в 200 тысяч рублей, компаньоны рассчитывали получить ее вполне «естественным образом» — из специально учрежденного в 1786 году Заемного банка⁶⁶.

И рапорт Якоби, и прошение компаньонов по указанию Екатерины II были переданы для рассмотрения в тогдашнее министерство торговли — Коммерц-коллегию, где и были изучены Комиссией о коммерции. Последняя выразила согласие со всеми представленными предложениями — от купцов и от генерал-губернатора⁶⁷. Далее бумаги пошли еще в одну, более высокую инстанцию — Непременный Совет. Этот совещательный орган при самой Екатерине II, состоящий из высших сановников государства, не давал своей резолюции больше месяца. Компаньоны ждали.

Чем было заполнено ожидание? Первое, что приходит на ум, — прогулки по Петербургу, напоминавшему в то время не только выставку архитектурных шедевров, но и большую строительную площадку. Повсюду возводились новые красивые каменные дома и дворцы, улицы перестраивались — выпрямлялись, широкие мостовые и тротуары возле дворцов каждое утро очищались от снега⁶⁸; первые наполнялись экипажами, вторые — разнообразной пестрой публикой, особенно в центре города, на «большой Перспективе» — Невском проспекте. Вообразим, как Шелиховы, побывав у памятника Петру⁶⁹, про-

ходят мимо Адмиралтейства, выходят на Невский, где магазины, магазины, магазины...

Как раз в екатерининское время, как писал современник, иностранные купцы «завели во множестве английские и французские, немецкие и голландские магазины, сверх того, магазины для женских уборов, модные, мебельные и прочие»⁷⁰. Где-нибудь на углу Невского и Морской взгляд Натальи Алексеевны не мог оторваться от стеклянного шкафчика, висящего на стене рядом с дверью в лавку⁷¹; в шкафчике купец выставлял такое, о чем только могли мечтать провинциальные красавицы. И Наталья Алексеевна мечтательно вздыхала, и Наталья Алексеевна просительно теребила мужний рукав, и Наталья Алексеевна, конечно же, ласково и умильно заглядывала мужу в глаза. (Забыты, забыты тяготы американского путешествия, зимовок, трудного пути из Охотска в Иркутск!)

Что-то покупалось, но нередко Григорию Ивановичу приходилось говорить: «Все покупки — после высочайшего указа о привилегиях компании».

Надежды на благополучный исход дела имелись, да и росли с каждым новым знакомством. Время ожидания в Петербурге Григорий Иванович тратил не без пользы — вероятно, тогда он и познакомился с будущим вице-президентом Адмиралтейств-коллегии Григорием Григорьевичем Кушелевым⁷², с директором Морского корпуса, адмиралом Иваном Логиновичем Голенищевым-Кутузовым⁷³, с представителем могущественного семейства Демидовых — Никитой Никитовичем Демидовым⁷⁴, с прокурором Сониным⁷⁵.

Понятно, что петербуржцев привлекала колоритная фигура открывателя дальних стран, американских островов. Добрый десяток лет Америка и американцы были у всех на языке — читатели по газетам внимательно следили за перипетиями борьбы против Англии ее восставших колоний⁷⁶, в книжных лавках продавались публика-

ции путевых дневников россиян, плававших к «островам между Азией и Америкой», громадной популярностью пользовались описания быта и нравов «диких американцев» — аборигенов Нового Света⁷⁷, ну а в магазинах все легче можно было найти американские товары, даже такие, как «наилучший» вирджинский табак, «который годен для нюхания и курения»⁷⁸.

Расширяются и торговые связи Шелихова. Он знакомится, например, с англичанином по имени Джеймс Шмит⁷⁹.

«Яков Андреевич Шмит», — как его называли, — далеко не последняя фигура в торговой жизни Петербурга; он был одним из тех, кто мог по праву считать себя продолжателем дела отважного Ченселора, во времена Ивана Грозного пробившегося сквозь льды в Архангельский порт и положившего начало торговым отношениям Англии и России.

Петербургская контора компании «Эдвард Джеймс Шмит и сыновья», равно как и другие конторы английских купцов, занималась ввозом и вывозом товаров. Ее годовой оборот, в зависимости от конъюнктуры и купеческой удачи, колебался в пределах 15—30 тыс. Сравнивая этот объем торговли с суммами оборотов других петербургских контор купцов-англичан, можно говорить о том, что Шмит занимал среднее положение между такими фирмами, как «Томсон Питерс Бонет» с годовым оборотом до полутора миллионов рублей, и мелкими торговцами⁸⁰.

Квартира Шмитов была на Малой Морской (ныне ул. Гоголя)⁸¹. Здесь Григорий Иванович обсуждал коммерческие дела с хозяином, Наталья Алексеевна — дела дамские с хозяйкой.

...В апреле, 6 числа, Непременный Совет, наконец, рассмотрел «Доклад Комиссии о коммерции о новооткрытиях компаниею Голикова и Шелихова островах». Резолюция была положительной! Совет согласился со всеми

предложениями. Более того, Совет посчитал необходимым наградить купцов «сверх медалей, шпаг и похвальных грамот ... чинами», а ссуду в 200 тысяч рублей дать не из Заемного банка, а из тобольской казенной палаты (в долг на 20 лет) без процентов⁸².

Теперь не хватало главного — указа императрицы.

Направленные твердой рукой иркутского генерал-губернатора, имея одобрение Коммерц-коллегии, Непременного совета и, наконец, поддержку новых петербургских знакомых, компаньоны наверняка преисполнились радужных надежд. Но шло время, миновал апрель, затем май, июнь, июль, август. Шелихов, разумеется, уже не находил себе места. Лишь в начале сентября проносятся слухи, что компаньоны не получают ни просимых привилегий, ни ссуды, ни сотни военных для крепостей на Кадьяке и «матерой земле Америки». Единственное, что им будет дано, — шпаги, золотые медали «с портретом Ея Величества» для ношения на шее и похвальные грамоты «с изображением всех ... к добру общему подвигов и благонамеренных деяний»⁸³.

В конце сентября подтвердилось то, что в начале месяца Шелихов узнал через своих «доброжелателей» — петербургских знакомых. Компаньоны были вызваны в Сенат, где им был зачитан указ: грамоты, медали, серебряные шпаги — и никакой реальной поддержки⁸⁴.

Для Шелихова это было тяжелым ударом. Смягчило его лишь то, что в двадцатых числах июня он получил письмо от своего компаньона по другой компании Павла Лебедева-Ласточкина: «...о судне Георгии нашем известие есть, что они попали на остров хороший...»⁸⁵ «Св. Георгий» под предводительством морехода Прибылова вышел в море еще в 1781 году. Действительно были открыты богатейшие лежбища морских бобров и котиков⁸⁶. Но об этом станет известно во всех подробностях после возвращения «Георгия» в Охотск в следующем, 1789 году. Сейчас Шелихов мог лишь утешать себя весьма смутными

надеждами. Реальностью было то, что американским поселениям грозит остаться без существенных подкреплений, да и все коммерческие дела оказываются на грани катастрофы.

Деньги на первоочередные нужды были получены путем уступки Джеймсу Шмиту 6 паев — 2 в «Трех Святителях», 2 — в «Михаиле», 2 — в «Симеоне»⁸⁷. Осенью, сожалея о потерянных почти впустую месяцах, Шелиховы покинули столицу⁸⁸.

Часть осени они провели в Рыльске. След этого пребывания — запись в «обывательской книге» (в «Книгу» записан сам Григорий Иванович — «собственных кораблей хозяин», производящий «торг оптовый», его жена и три дочери, но нет упоминаний об отце Иване Афонасьевиче и о сыне Михаиле Григорьевиче⁸⁹).

В Рыльске Шелихов «жительства не имел», но приобрел место под дом — «в первой части в 3-м каменном квартале, наугольное»⁹⁰.

Построил ли этот дом Григорий Иванович? Даже если и построил, то жить здесь ему было некогда, его жизнью теперь — и в большей степени, чем в прежние времена, становилась д о р о г а. Сегодня — Рыльск, завтра — Москва, послезавтра — Иркутск, потом Охотск, опять Иркутск, снова Москва, Петербург и опять Иркутск. Такой образ жизни определялся и новым вариантом соглашения с Иваном Ларионовичем Голиковым. Соглашение было подписано в Москве, куда Шелиховы приехали в конце ноября⁹¹. Надо думать, после несчастного для компаньонов сентябрьского сенатского указа Иван Ларионович стал с гораздо меньшим воодушевлением и доверием относиться к идеям своего сотоварища. Дело, впрочем, до открытого конфликта на сей раз не дошло, свои «щоты» компаньоны разрешили, и 3 декабря был подписан новый контракт, в котором определялись материальные и организационные обязательства участников «Северо-Американской морской компании» — так впредь

будет официально именоваться шелиховско-голиковское предприятие⁹².

Шелиховы задержались в Москве до января следующего года. Задержка была связана с тем, что Наталья Алексеевна ждала ребенка. Разумеется, Григорий Иванович хотел сына, наследника. Но 21 декабря жена родила ему дочь, которую назвали Александрой⁹³.

Вместо сына — дочь. Вместо реальной поддержки американских начинаний — серебряная шпага да медаль на шею. Кяхтинский торг по-прежнему закрыт, гарантий от вымогательства местных чиновников и «насильств» купцов-конкурентов, как и раньше, нет. Нет и средств, без которых невозможно «упрочиться» на островах и «матерой земле Америки». Трудно сказать, насколько близок был Шелихов к отчаянию, но вряд ли радостным было возвращение его домой, в Иркутск⁹⁴.

И опять дорога — версты, версты...

Слово оппоненту. Все у вас какие-то недомолвки, недосказанности! Нет, чтобы прямо и ясно написать: Екатерина II была немкой, из рода захудалых провинциальных германских князей. Русское все ей претило, вот она и отказала русскому человеку!

Р. С. Еще в 1948 году А. И. Андреевым был опубликован любопытнейший документ: «Замечания Екатерины II на доклад Комиссии о коммерции по итогам обсуждения предложения И. Якоби, Г. Шелихова и И. Голикова»⁹⁵. (Ох уж эти знаменитые пометы императрицы на полях представляемых ей материалов! Самое знаменитое — на книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — «бунтовщик, хуже Пугачева», за которым, естественно, последовал однотипный приговор «казнить смертию, а имянно... отсечь голову», лишь после долгих колебаний замененный на бессрочную ссылку в Сибирь.)

Замечания на доклад и перечеркнули все грандиозные планы компаньонов.

Просьба о ссуде: «Подобный заем, похоже на предложение тово, который слона хотел выучить говорить через тридцатилетний срок и, быв вопрошаем, на что такой долгой срок, сказал: либо слон умрет, либо я, либо тот, которой мне денег дает на учение слона».

Просьба о ста солдатах — «Военные люди в Сибирь равно нужно; сто человек там то, что тысячи здесь».

Просьба о привилегиях — «Сим исключительным торгом... открылось бы стоглавому чудищу (монополии.— Л. С.) паки дорога по частям вкратся в России». И вообще — иронизировала императрица — «в новых открытиях великие нужды, ибо хлопоты за собою повлекут...»

Чем же объяснить это исключительное непонимание сути предложений, сулящих бесспорную государственную выгоду? Не станем же мы сводить к немецкому происхождению Екатерины — ведь русскими не были ни швед Якоби, ни член комиссии о коммерции немец Миних, активно поддерживавшие шелиховские предложения.

Однако поддержка Шелихова иркутским губернатором неожиданно обернулась во вред компаньонам. Как раз в то время, как бумаги после рассмотрения комиссией пошли в Непременный Совет, в феврале 1788 года императрице был зачитан донос на Ивана Варфоломеевича и началось «дело Якоби», которое разбиралось несколько лет подряд. Иркутскому генерал-губернатору было предъявлено более двухсот (!) обвинений, в том числе и такие серьезные, как организация вооруженных провокаций на китайской границе и казнокрадство в особо крупных размерах. Этим «делом» в качестве статс-секретаря Екатерины II среди прочих должностных лиц будет заниматься Гаврила Романович Державин. В конце концов «за некоторые небольшие погрешности» Якоби был учинен выговор и все обвинения были с него сняты, но в 1792 году⁹⁶; в 1788 же году Якоби был отрешен

от должности и вызван в Петербург. Компаньоны лишились мощной опоры.

Впрочем, это не полное объяснение.

Комментируя просьбу о займе 200 тысяч рублей, императрица написала: «а в казне теперь нет денег никаких»⁹⁷.

Бюджет Российской империи в царствование Екатерины II сводился нередко с дефицитом, и недаром после смерти императрицы государственный долг достиг огромной тогда суммы 200 миллионов рублей золотом⁹⁸. Но именно в 1788 году нужда в средствах была как никогда велика — в прошлом году началась вторая русско-турецкая война и, судя по всему, предстояло воевать и с северным соседом — шведским королем.

Сошлемся на В. О. Ключевского, писавшего, что один из немногих случаев, когда Екатерина II потеряла самообладание и публично обнаружила свой страх, — это момент получения известия об объявлении турками войны в 1787 году⁹⁹. Может быть, страх и заставлял ее дрожать над каждым солдатом и над каждым рублем?

И еще. Родившийся в елизаветинскую эпоху, выросший и мужавший в екатерининское время Шелихов свои грандиозные планы предложил на рассмотрение в высшие инстанции в пору, когда императрица уже переставала играть роль просвещенной государыни, усердной ученицы Вольтера и Монтескье, распространяющей свободумыслие среди своих подданных. Напротив, не только прямое вольнодумство вроде радищевского, но и стремление к общественной деятельности, независимой или малозависимой от правительственной бюрократии, эффективность внегосударственных мероприятий, оттенявшая неспособность и бездеятельность государственных чиновников, стали казаться ей опасным подрывом государственного авторитета¹⁰⁰. Это — объяснение жесточайших преследований просветителя Н. И. Новикова, это — еще одно возможное объяснение абсолютно отрицательной

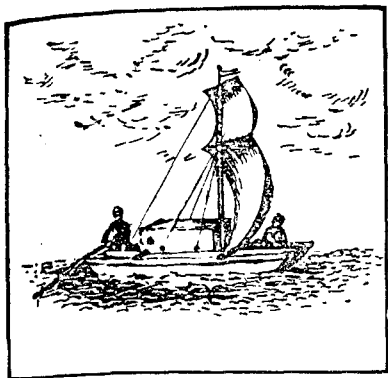
позиции по отношению к делам и планам шелиховской компании.

Итак, приговор императрицы: «Многое распространение в Тихое море (Тихий океан.— Л. С.) не принесет твердых полз».

Это — в опубликованных А. И. Андреевым «Замечаниях императрицы» в сборнике «Русские открытия в Тихом океане», на странице 282. Однако через несколько страниц — на 290-й и 291-й мы прочитаем шелиховское доношение преемнику Якоби, новому иркутскому генерал-губернатору И. А. Пилю: «крепостицы» выстроены, торговля и обзаведения распространяются на американском материке и на Курильских островах, корабли благополучно крейсируют и даже предполагается исследовательское плавание в Ледовитый океан, и все это «собственным коштом», без всякой государственной помощи!

Как же так — еще совсем недавно Шелихов возвращался в Иркутск, преисполненный тоскою и разочарованием, а тут бодрый тон и даже отказ от просьбы в ссуде: «...касательно тогдашней нашей просьбы о ссуде денежной суммою оную оставляем, а надеемся при помощи божеской изворачиваться...»¹⁰¹

Одной ли «помощью божеской» обусловлено преуспевание компании?

ГЛАВА 9

...К счастью, народы Земли не только воевали, но и сотрудничали, жили в мире. А иначе когда бы они успевали растить хлеб и скот, ковать орудия труда и быта, строить каналы, корабли, храмы и хижины? К международному антагонизму мы почему-то более внимательны, чем к свидетельствам дружбы и мирного сотрудничества народов, без которого мир давно бы погиб.

В. Белов. Лад

Как нередко бывает, поиск ответа на один вопрос неожиданно приводит к появлению многих других вопросов!

...Где, как не в бумагах министерства коммерции, стоило искать недостающие сведения о том, как Григорий Иванович, находившийся в начале 1789 года в сложнейшем положении, сумел обойти непреодолимое, казалось, препятствие — отказ императрицы? Об этом направлении поиска стоило думать еще и потому, что объемный корпус документов фамильного архива тогдашнего главы Коммерц-коллегии князя Александра Романовича Воронцова в немалой части был опубликован и доступен се-

годня без каких-либо командировок¹. Это многотомное издание удобно в работе благодаря имеющимся в конце каждой книги указателям. Достаточно, раскрыв перечень фамилий, найти искомую — например, «Шелихов» — и смотри себе указанную страницу.

Упоминания Григория Ивановича в воронцовских бумагах действительно были, но в любопытнейших документах — в письмах, которые писал Воронцову б у н т о в щ и к х у ж е П у г а ч е в а — Радищев. И что же случилось?

8 сентября 1790 года Александр Николаевич Радищев был отправлен из Санктпетербурга в свое вынужденное путешествие. Полтора месяца назад он, приговоренный к смертной казни, составлял завещание и просил близких простить и забыть его. Но теперь, хотя и в кандалах, он возвращался к жизни и постепенно обретал способность воспринимать, анализировать, сопоставлять.

В Нижнем Новгороде кандалы сняты. Он начинает писать письма: «...разум мой может иногда заниматься упражнением; когда я стою на ночлеге, то могу читать; когда еду, стараюсь замечать положение долин, буераков, гор, рек; учусь в самом деле тому, что иногда читал о истории земли; песок, глина, камень привлекают мое внимание...»² Это — поначалу; по его словам, он вновь обретает свое существо. Но проходит время, и уже снова «разум испытывает свои силы», начинается работа — открытие Сибири, «приобретение безпристрастных о здешней стране сведений»³. Проследуем за «путешественником поневоле».

Весной 1791 года Радищев добирается в Тобольск. В письме, написанном 8 мая, он впервые упоминает имя Г. И. Шелихова. Характеристика, бесспорно, отрицательная. Возможно, это связано с негативной оценкой Радищевым самой сферой деятельности Шелихова — добычи пушнины и торговли ею. «Торговый промысел, отнимающий у земледелия руки, которые могли бы посвятить

Григорий Иванович Шелихов (1748—1795)

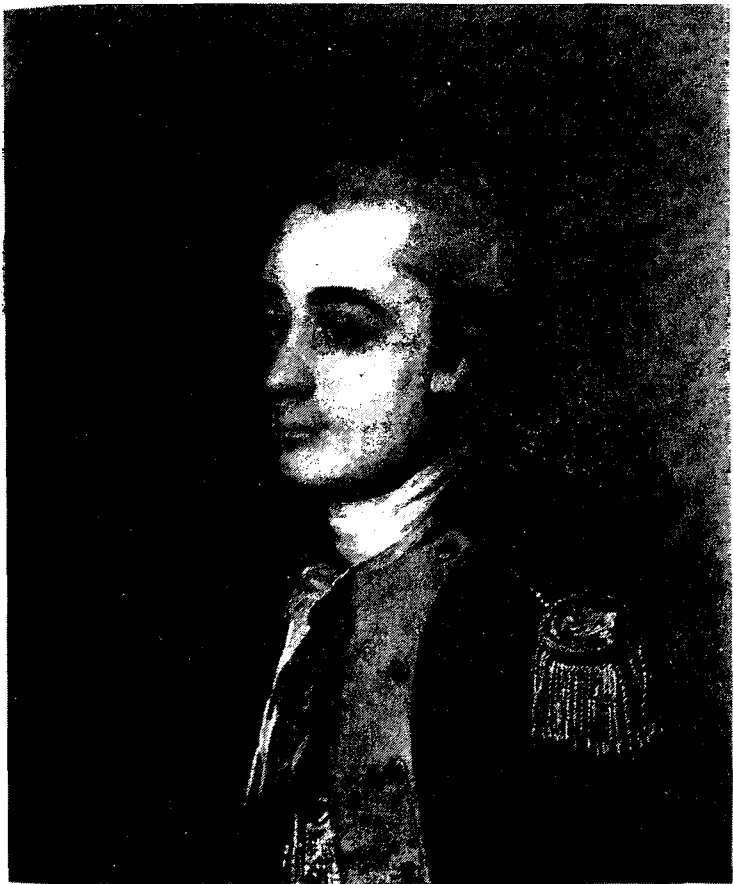
*Вид г. Иркутска. Нач. XIX в. Акварель из коллекции
П. И. Пежемского (Иркутский краеведческий музей)*

Вид Охотска. Первая пол. XVIII в.

Князь Григорий Александрович Потемкин (1739—1791)

*Самюэл Бенгам. Портрет неизвест. рус. художника.
Сер. 80-х гг. XVIII в. (хранится в Англии)*

*Вид Павловской гавани на о. Кадьяк. Нач. XIX в.
Русское поселение, основанное в нач. 90-х гг. XVIII в.
А: Барановым*

*Вид поселения в Трехсвятительской гавани о. Кадьяк
(после землетрясения)*

Вид Охотска. Конец 80-х — нач. 90-х гг. XVIII в.

Вид Ново-Архангельска. Сер. XIX в.

Г. И. Шелихов на о. Кадьяк, как его представляли себе беллетристы.

себя ему, грабительский промысел, душащий в сердце человека зачатки жалости... задернем занавесу! И не обманывайтесь: царек Шелихов попросил солдат не напрасно. Мне говорили — и это сказывают достоверно, — что и полковник Бентам дал ему сто человек из своего батальона для продолжения его завоеваний»⁴.

Почему «царек»? Что за полковник Бентам? Что за солдаты? Почему промысел пушнины «душит в сердце человека остатки жалости»? Если действительно все это попало в письмо Радищева с чужих слов — кто же был его информатором?

Проходит время, и Радищев приезжает в Иркутск. В одном из иркутских писем А. Р. Воронцову снова Шелихов. На сей раз тон упоминания совершенно нейтральный. Речь теперь идет о непосредственном знакомстве. «Я познакомился здесь с Шелиховым, который только что возвратился из Охотска, куда он направляется каждую весну встречать свои суда, возвращающиеся из Америки. Вы Ваше сиятельство знаете его... Вместе с полковником Бентамом он построил и оснастил корабль для торговли с Америкой; этот корабль недавно затонул, и Шелихов платит из собственных средств жалование капитану англичанину»⁵.

Новые вопросы. Что за полковник, который строит корабли? Почему утонул корабль и что это за корабль? Что необычного в том, что Шелихов платит жалование капитану своего корабля? И главное, что заставило Радищева изменить свое резко отрицательное мнение?

В переписке с Воронцовым Шелихов упоминается еще один раз — уже с оттенком некоторой благожелательности. «Могу сказать, что смерть Шелихова также огорчила меня», — пишет Радищев в июне 1796 года из Илимска, перед этим сообщив о смерти другого своего знакомого — ученого естествоиспытателя Эрика Лаксмана. Радищев продолжает о Шелихове: «Я отнюдь не сужу о его нравственных качествах, но могу сказать, что это был

человек любезный. В общем я был довольно счастлив в моих сибирских знакомствах...»⁶

«Счастлив» — и в знакомстве с Шелиховым? Но что это за нравственные качества, о которых Радищев не берется судить? Какие любезности или услуги (в оригинале, написанном по-французски, стоит слово *serviable*) оказывал Шелихов «бунтовщику хуже Пугачева»? Может быть, доставка писем, которые, разумеется, Радищев не мог доверять почте? Если какие-то услуги Шелиховым оказывались, то как часто он бывал в Илимске (месте ссылки Радищева)? И естественно возникающий вопрос: а как Шелихов относился к Радищеву? Может быть, он читал «Путешествие» (или даже имел его экземпляр)?

Надо помнить — о Радищеве существует огромная литература, но несмотря на неслабеющий интерес ученых к его творчеству и биографии, о связях дворянского революционера с рыльским купцом каких-либо подробностей не выяснено⁷. А ведь характер упоминаний Шелихова в радищевской переписке говорит о том, что и автор письма и адресат прекрасно представляют, о ком и о чем идет речь. И в самом деле — Радищеву, служившему в 1788 году в Санкт-Петербургской таможне, были, наверное, знакомы грандиозные планы купца Шелихова. А. Р. Воронцов, президент Коммерц-коллегии, должен был лично познакомиться с Григорием Ивановичем в то время, когда бумаги Шелихова и Якоби находились на рассмотрении в его министерстве.

Но вот что любопытно — в точности так же, как о ком-то хорошо знакомом, упоминают и о полковнике Бентаме. Уже то, что полковник командует не полком, а батальоном, уже то, что полковник, командир сухопутного подразделения, строит корабль, требовало бы пояснения — в том случае, если бы о Бентаме Воронцов слышал впервые. А здесь, очевидно, случай иной. Но если основа для знакомства Шелихова и Радищева

все-таки имелась, то что связывало Шелихова и Бентама?

С этого вопроса и началось еще одно направление наших поисков — «бентамовское», как бы побочное. Постепенно становилось ясно, что обнаруживающиеся сведения стоят времени и усилий, затраченных в читальных залах библиотек и архивов. И выяснилось, что полковник Сэмюел Бентам был одним из любопытнейших людей той эпохи⁸. Круг его русских знакомств — блестящие вельможи, бесстрашные полководцы, талантливейшие ученые. Его знакомство с Шелиховым произошло еще в 1782 году. Но начать нам придется с еще более раннего времени.

...Во второй половине XVIII века и в первой половине следующего — XIX во всех европейских странах громадный интерес вызвали труды правоведа-философа Иеремии Бентама. В его работах выдвигались, в частности, прогрессивные для своего времени идеи буржуазной свободы⁹.

Напомним, что воплотить их в жизнь удалось только ломая яростное сопротивление старого, отживающего феодального строя, — потребовались революционные волны, прокатившиеся по Европе в 1820-х, 30-х, 40-х годах. Конечно, если сам Иеремия Бентам считал себя революционером, то лишь «революционером мысли». Однако в его многословных, запутанных трудах содержалось ядро, ставшее одним из источников английского утопического социализма, который в свою очередь послужил потом одним из источников марксизма¹⁰.

Труды Бентама неплохо знали в России и, что весьма характерно, их изучали декабристы¹¹.

Иеремия Бентам имел младшего брата — Сэмюела. Философский склад ума и кабинетный образ жизни старшего был противоположностью практическому уму и деятельному образу жизни младшего. Первый своими трудами делал вклад в подготовку политического переворо-

та (от феодализма к капитализму), второй — в подготовку промышленного переворота (от мануфактурного — к машинному производству).

В детстве — домашнее обучение, в ранней юности — учеба в Вестминстерской школе, успехи в гуманитарных дисциплинах радуют отца, желавшего, чтобы правоведом стал и второй сын. Но юноша Сэмюел наперекор родительской воле делает свой выбор — в пользу практического обучения, он становится учеником на верфях.

Понятно, почему его влекло кораблестроение. Морской корабль — чудо технической мысли той эпохи, то же, что в наши дни — космический корабль. Работать в этой области престижно, интересно, патриотично.

Вполне возможно, что из него мог бы вырасти Джеймс Уатт в области кораблестроения. То, что современники отмечали в изобретателе паровой машины, — знание итальянского, немецкого, французского, участие вместе с ведущими учеными страны в химико-физических изысканиях, глубокие познания в истории древности, законодательстве, искусстве, внимательное чтение философских сочинений, страстное увлечение поэзией и музыкой¹², — во многом было свойственно и Сэмюелу Бентаму. Однако Уатт обладал известной свободой творчества, чего не было ни на королевских верфях, ни в британском Адмиралтействе, где царили рутина и интриги. И хотя практическая подготовка в соединении с теоретическими знаниями сделала из Бентама-младшего первоклассного специалиста, его изобретения и предложенные им усовершенствования корабельных устройств, как и он сам, оказываются не ко двору.

Конечно, с точки зрения тупоголовых чиновников, любой новатор неудобен. Только потом, когда начнутся войны с революционной Францией, в Адмиралтействе произойдут перемены, а сейчас Бентаму пришлось искать себе другое применение. К счастью, его интересы инженера не замыкались узкими границами.

Вторая область человеческой деятельности, где соединение теории и практики поразительно ярким и весомым результатом, — заводское производство. Не найдя себе применения в кораблестроении, Бентам решает горное дело, металлургию — рудничное и заводское в целом. Местом «учебы» должна стать Россия, являвшая в это время по выплавке и продаже железа и других металлов остальные государства¹³.

Россия притягивала к себе, слухи о «дикости» русских пугали. Накануне отъезда Сэмуел Бентам «тренируется» — спит на полу¹⁴.

В Россию он прибывает в 1780 году. Ему всего 23 года, главная часть его багажа — сотня рекомендательных писем, которые, как он считает, помогут ему совершить путешествие в Сибирь, где находятся самые крупные рудники и заводы. И он не ошибся. Познакомившись с рекомендацией его как «любителя химии и естественных наук, едущего путешествовать в Россию¹⁵», ему оказывают поддержку академик Леонард Эйлер, вице-президент адмиралтейств-коллегии граф И. Г. Чернышев и английский посол Дж. Харрис¹⁶. Бентам знакомится с академиком Палласом, снабдившим его списком шахт и заводов, которые необходимо посетить в первую очередь. В конце концов, получив новые, петербургские рекомендации, Бентам с секретарем и слугой отправляется на Урал. Дорогой он учит русский язык.

Несколько месяцев он проводит на нижнетагильских заводах, на строгановских соляных копиях, в новоучрежденном административном центре — городе Перми, в Уральском имении Г. Походяшина, ближайшего сотрудника просветителя Николая Ивановича Новикова. Множество впечатлений и поездок не мешают его книжным занятиям, — в багаже путешественника новейшая научно-техническая литература¹⁷.

Но вот Бентам покидает Урал и спешит на юг Сиби-

ри — к нерчинским горным заводам и к Кяхте. Кроме горного дела, его занимают минералогия и этнография, транспорт и торговля, он старается познакомиться со всем, что попадает в поле его зрения, и со всеми людьми, которые встречаются на пути. Уже возвращаясь из Нерчинска, весной 1782 года он останавливается на два с половиной месяца в Иркутске.

После пребывания в Кяхте, знакомства там с китайскими и русскими купцами полученные сведения о прибыльности меховой торговли не могли не подтолкнуть англичанина к мысли о том, что и он мог бы включиться в одно из торгово-промысловых предприятий. Эта мысль только укрепилась, когда С. Бентам остановился в Иркутске¹⁸.

Город предстал в его глазах своеобразным центром организации промысловых вояжей к тихоокеанским островам. Здесь иркутские и иногородние купцы нанимали работных людей, отсюда в Охотск отправлялись припасы и снаряжение для кораблей, сюда же привозилась и «упромышленная» пушнина. Активный интерес к промысловым плаваниям на Тихом океане проявлял и тогдашний иркутский губернатор Франц Николаевич (а точнее, Франтишек Миколаш) Кличка, по происхождению сын крестьянина из Чехии¹⁹. По долгу службы губернатор, генерал-поручик Кличка, вникал в дела подготовки и проведения купеческих «вояжей», а как человек, не чуждый научных занятий (он был членом Вольного экономического общества), готовил к публикации отчеты мореходов о плаваниях и открытиях на Тихом океане²⁰.

Бентам узнал и еще одну сторону деятельности Клички в Иркутске — просветительскую. По инициативе губернатора здесь была в прошлом, 1781 году открыта школа для «обывательских» детей. Сэмуел Бентам стал свидетелем того, как школа переезжала в новое, специально для нее построенное здание²¹. Кличка же выступил и инициатором открытия в Иркутске публичной библи-

отеки — второй публичной библиотеки (после Тульской) в русской провинции²².

О целях, которые он преследовал, Франц Николаевич писал в правилах пользования библиотечными книгами ясно и определенно: «...просвещение жителей отдаленнейшей части сей [Российской] империи... дабы каждый и всякий мог пользоваться чтением для исправления сердца, для просвещения ума и питания духа...»²³

Сам Кличка купил в Петербурге книги, в том числе и знаменитую Французскую энциклопедию, с тем чтобы пожертвовать их для фондов открывающейся «Иркутской книгохранительницы», а среди иркутян была проведена кампания по сбору для нее средств.

В кампании этой приняли участие иркутские чиновники, духовенство, ремесленники, купцы и прежде всего — купцы-«компанейщики». Приняли в ней участие Шелихов и «Самойло Бентам, английский путешественник»²⁴.

Лишь предположительно можно говорить о том, что Григорий Иванович уже тогда обсуждал с Бентамом идеи каких-либо совместных экспедиций, ну а в том, что промысловая деятельность на Тихом океане обсуждалась, — сомнений нет. Бентам писал в Англию, что совершенно посвятил себя сбору информации о «камчатской торговле» — имея в виду скупку пушнины²⁵. Впрочем, и английский путешественник, и рыльский купец каждый на ближайшее время имел свои планы. Пока пути их расходятся. Шелихов отправился в Охотск готовить свое американское путешествие. Бентам вернулся в столицу, где через некоторое время получил возможность поступить на русскую военную службу; его патроном стал президент военной коллегии светлейший князь Григорий Александрович Потемкин.

Трудно представить историческую личность с более противоречивой репутацией, чем этот всемогущий фаворит Екатерины II. Восторженная оценка прогрессивных

реформ русской армии, подготовивших блистательные победы А. В. Суворова, и обвинения в пустом тщеславии; дань Потемкину — прозорливому основателю и ныне процветающих городов на юге России и безапелляционные оценки его как пустого растратчика государственных средств.

Чего в нем все-таки больше — положительного или отрицательного? Современные ученые убедительно доказывают — первого все же больше. В недавней публикации ленинградского ученого Александра Михайловича Панченко от Потемкина отведено одно из главных обвинений — в мистификации, в стремлении ввести в заблуждение общественное мнение. Укоренившееся в русском языке выражение «потемкинские деревни» — не что иное, как миф, — доказывает Панченко. На самом деле слухи о том, что все поселения, сооружения и даже «магазины с прекрасными серебряными вещами» перевозились с места на место, чтобы создать видимость бурной преобразовательной деятельности Григория Александровича, — это слухи, распространявшиеся соперниками Потемкина при дворе и иностранными дипломатами, заинтересованными в ослаблении руководства военного ведомства России²⁶.

Итак, Бентам был представлен Потемкину. Последнего заинтересовала вся информация, которую англичанин собрал в Сибири, в Иркутске, но особенно та, что касалась тихоокеанской промысловой деятельности. Григорий Александрович даже обязал Бентама во время аудиенции, которую дала англичанину императрица, обсудить с Екатериной II именно эту тему. Увы, разговор пошел в ином русле, и тихоокеанские дела были до времени Потемкиным оставлены, а Бентама он решает привлечь к сотрудничеству уже не как эксперта по сибирским вопросам, а как специалиста-кораблестроителя²⁷.

Потемкин и кораблестроение? Конечно! Ведь в качестве генерал-губернатора Новороссийского наместничества он отвечал и за его южные морские — черномор-

ские границы. В имени Потемкина в Могилевской губернии для снабжения черноморского флота были построены «фабрики» по производству корабельного имущества — парусов, канатов, снастей, мачт и даже верфь для небольших судов. Бентам предложил «учинить эти фабрики на лучший манер»²⁸. В августе 1784 года Потемкин, учитывая «основательность взглядов» англичанина, приглашает его на пост директора-управляющего. Поскольку речь идет о снабжении военно-морского флота, Сэмюелу присваивается чин подполковника и дается в подчинение мушкетерский батальон²⁹.

Заметим, что солдаты и офицеры Бентама должны были, по мысли Потемкина, стать неким военно-морским инженерным подразделением, — патрон обязывал подполковника подготовить его людей «для употребления на флоте»³⁰.

На фабрики корабельного имущества в город Кричев к Сэмюелу в гости приезжал его старший брат. Здесь, в Кричеве, Бентам построил несколько кораблей для знаменитого путешествия Екатерины II в Крым, состоявшегося в 1787 году³¹.

А как же Сибирь, Тихий океан, Шелихов?

В 1785 году, казалось бы, ситуация меняется так, что Бентам вот-вот отправится в свое второе путешествие за Урал, — Потемкин в дополнение к своим прочим обязанностям секретным указом императрицы был назначен ответственным за безопасность восточных границ России и, как в случае с Новороссийским замещением, — одновременно сухопутных и морских, тихоокеанских³². А это — строительство кораблей на побережье «Восточного моря», исследовательские плавания, гидрографические изыскания и попутно — организация промыслов. Но увы, черноморские дела были в тот момент важнее. Строительство флота далеко до завершения, а в воздухе все явственнее припахивало порохом — надвигалась вторая русско-турецкая война. Еще более занятым в Кричеве Бентам

оказался в связи с путешествием Екатерины II на юг России, в частности, для плавания по рекам он построил судно любопытнейшей конструкции — с изгибающимся корпусом³³.

«Кричевский период» завершился для Бентама открытием военных действий в августе 1787 года. Неожиданно в его военно-инженерном искусстве возникла острая необходимость. Дело в том, что во время первой же крупной морской операции черноморский флот попал в жестокий шторм и на время потерял боеспособность. Теперь против турецких кораблей потребовалось вооружать чуть ли не все, что только могло держаться на воде³⁴. Поставить пушки на маломерные суда — задача, которой пришлось заниматься херсонским корабелам и мастерам; одним из тех, кто возглавил работу, был Бентам. Задача эта была решена успешно³⁵.

Через некоторое время он начал принимать и непосредственное участие в морских сражениях. Начальники и соратники Бентама — адмирал Николай Семенович Мордвинов³⁶, принц Шарль Нассау-Зиген, знаменитый американский капитан Поль Джонс³⁷.

Сражения на море стали более ожесточенными после того, как в 1788 году турки усилили свой флот, пришедший на помощь осажденному русскими войсками Очакову. И хотя Днепровская флотилия постоянно пополнялась, неравенство сил было разительным. Очевидцам приходило на память сравнение — Давид и Голиаф³⁸. К счастью, исход борьбы был тот же, что и в библейском сказании. Решающие сражения происходят на суше и на море. Русская пехота под командованием Суворова сбросила в воды Лимана мощный турецкий десант, высадившийся на Кинбурнской косе, а флотилия сумела нанести серьезнейший урон турецкому флоту. В итоге русские установили контроль над Лиманом, подготовив тем самым возможность решительного штурма Очакова. За участие в боях Бентам был награжден боевым орденом

Св. Георгия III степени и произведен в чин полковника.

Но вместо того, чтобы думать о стремительной военной карьере, вполне для него возможной (мало ли было иностранцев, достигших высших воинских званий в русской армии), он просит Потемкина о переводе за Урал. И вот еще до конца войны получает в свое командование два батальона, дислоцированных в Сибири. Потемкин, вероятно, предоставляет полковнику определенную свободу действий, но «главная цель» Бентама была его патроном «обращена на Камчатские обстоятельства»³⁹.

Чтобы понять эту глухую формулировку, встреченную в одном из документов, нужно вспомнить о секретном указе, обязавшем Потемкина заниматься «Восточным морем», нужно учесть то, что готовившаяся для кругосветного плавания эскадра военных кораблей вместо похода в Тихий океан приняла участие в морских сражениях русско-шведской войны на Балтике и восточные рубежи России остались без военного прикрытия с моря⁴⁰. Напомним, еще до того, как Россия оказалась втянутой в 80-е годы одновременно в две войны, турецкую и шведскую, морские державы — Англия, Франция, Испания — стали проявлять повышенный интерес к северной части Тихого океана, той, которая уже давно была открыта и осваивалась русскими.

В 1789 году Бентам вместе с несколькими офицерами, русскими и англичанами, служившими под его началом, отправляется в Сибирь. Самый первый рапорт, который он представил Потемкину, свидетельствует, что полковник обнаружил для себя совершенно неожиданное препятствие — медлительность действий секретной Северо-восточной экспедиции. «Англичанином, пребывающим в Камчатке (Дж. Биллингсом.— Л. С.) комиссия ему препорученная, еще далеко не приведена ко окончанию». Бентам написал, что опасается того, что его изыскания, проводимые одновременно с изысканиями экспедиции Биллингса—Сарычева, приведут к выполнению одной и той же ра-

боты дважды или к «нанесению неприятности и помешательства»⁴¹. Поэтому полковник задержался в Западной Сибири.

Его подчиненные — это Третий мушкетерский батальон, дислоцированный в фортах, форпостах, редутах и крепостях, составляющих Иртышскую укрепленную пограничную линию. В Ямышевской крепости находился штаб батальона, а по соседству, в форпосте Коряковском, Бентам обнаружил верфь для небольших судов и построил на ней повозку-амфибию для своих исследовательских путешествий⁴². Пока эта повозка готовилась, Бентам побывал в Тобольске, откуда при содействии местных властей и прежде всего губернатора А. В. Алябьева (отца композитора, автора знаменитого романса «Соловей») отправил экспедицию вниз по Иртышу, а затем Оби. Задачи ее: «...узнать обстоятельно повсюду глубину реки Оби [и] сыскать из числа рек, впадающих в Карский залив, удобнейшую к судоходству» с тем, чтобы разведать удобный путь для транспортировки товаров из Сибири в Архангельск, откуда они могут уже морем доставляться в Европу. Экспедиция эта должна была также определить место для перевалочного порта на побережье Карского моря⁴³.

Затем Бентам на своей повозке-амфибии выехал в «киргизские степи», к верховьям рек Нуры и Ишима (район нынешнего Целинограда); в пути делались картографические изыскания, велись поиски различных руд. По возвращении из поездки в степь Бентам вновь поехал в Тобольск. Это было связано и с делами по «обской экспедиции», и с тем, что англичанин пришел в полный восторг от этого города. Уточним, в восторг не от архитектуры — Тобольск только что пережил грандиозный пожар 1788 года, — но от его жителей. «Здесь, в Тобольске я могу общаться с людьми, не чуждыми философии, талантов, дружелюбия, с такими, каких я с трудом мог найти в столице»⁴⁴.

Где-то в начале 1790 года Бентам наконец отправляется к своему другому батальону — Екатеринбургскому полевому, дислоцированному по границе с Китаем в Забайкалье. Штаб его находился в крепости Кударинской.

Туда он едет в сопровождении своих старых и новых подчиненных. Старые — офицеры, служившие на Черном море и еще раньше — в Кричеве. Новые — это взятый Бентамом из гарнизона крепости Петропавловской (в Казахстане) капитан Гаврила Лилингрен и сержант Николай Смирнов — из Тобольских губернских рот^{45*}.

Примерно в конце января Бентам в Иркутске. Отсюда он пишет Потемкину подробнейший рапорт о своих изысканиях — проведенных и только предполагаемых. Рапорт датирован 14 февраля 1790 года, а тремя днями раньше, 11 февраля рыльский купец Григорий Иванович Шелихов обращается с доношением к Иркутскому генерал-губернатору Ивану Алферьевичу Пилю. Основные идеи шелиховского доношения по сути повторяют программу действий Бентама, которая изложена в его рапорте к патрону. Они же были включены и в рапорт на имя Екатерины II, составленный Пилем 13 февраля.

Ядро программы полковника и предложений рыльского купца было одно — речь шла об экспедиционных предприятиях. Предусматривалось исследование Арктики: Бентам предполагал «обозреть и наложить на карту... Северного моря (Северного Ледовитого океана.— Л. С.)»; шелиховского предложения в рапорте И. Пилея выглядели так: «крейсировать одним судном из Кадьяка на северный полюс». Затем Шелихов предполагал «другим судном и из устья так названной реки Лены ... протянуться и обойтись ... Чукоцкой мыс», то есть выйти в Тихий океан через Берингов пролив в его северную часть, кото-

* Поэт Н. Смирнов — сын крепостного, пытался бежать за границу, был схвачен; окончательный приговор, определенный ему Екатериной II, — отдача в солдаты.

рую русские называли тогда Северо-Восточным (или Восточным) морем. Бентам формулирует задачи такого плавания: «открыть неизвестные острова» на Северном и Северо-Восточном морях. Третья экспедиция, предполагавшаяся Шелиховым: «...третьим судном, направив курс на острова Курильские... коснуться самой цели Японского государства, узнав естественное положение граничных мест его, приблизиться чрез то к начальному возобновлению тамо миролюбивой его связи, а в случае и завести торговлю». В программе Бентама этому соответствует краткая формулировка: «открыть торг с Япониєю»⁴⁶.

Случайное совпадение? О нем можно было думать, если бы не дальнейшие совместные действия полковника, англичанина на русской службе, и русского, рыльского купца, живущего в Иркутске.

Весной 1790 года команда солдат Екатеринбургского полевого батальона — примерно 80 человек, под началом подпоручика Джеймса Шилдза и прапорщика Ивана Черепанова двинулись в Охотск, чтобы построить там три корабля, а затем, погрузившись на них, отправиться на Кадьяк. Сам Шилдз имел квалификацию тиммермана — корабельного плотника, навыками корабела обладал как минимум еще один англичанин, находившийся в команде сержант Карл Шорт. Туда же, в Охотск, должны были поехать еще несколько подчиненных Бентама, два англичанина — Ричард Апсал и Сэмюел Томас, ранее служившие на флоте, и русские офицеры — Кирилл Федорович Казачковский, Илья Иванович Звегинцев и другие⁴⁷.

Это в основном молодые, но уже весьма сведущие люди, имеющие опыт дипломатических переговоров (как Лилингрен), кораблестроительных работ (как Шилдз), боевой опыт (как Казачковский, награжденный за «мужественную неустрашимость») и обширные знания в различных областях. Можно сослаться на данные формулярного списка капитана Андрея Иванова, служившего у

Бентама еще в Кричеве: «Читать и писать по российски умеет, а сверх того обучился еллиногреческому, французскому, италиянскому языкам, гистории, географии, артиллерии, фортификации, алгебрии, рисовать и фиктовать»⁴⁸. Для Бентама и Шелихова, предполагавших наладить внешнеторговые связи, знание участниками будущей экспедиции нескольких языков было принципиально важным*.

Итак, начинается реализация «восточного проекта» — комплекса мероприятий, в которых должны решаться задачи культурного освоения тихоокеанских островов и северо-западного побережья Америки, а одновременно — проблемы налаживания русско-японских торговых связей через японские порты, русско-китайских — через порты Китая. Для Шелихова этот «проект» обладал особой важностью — как мы помним, Кяхтинский торг по-прежнему был закрыт, теперь же намечались перспективы сбыта скапливавшейся на его складах пушнины. Участвовать в промыслах и торговле желал и Бентам. Однако совершенно очевидна государственная важность «проекта», который значительно упрочил бы русские позиции на севере тихоокеанского региона.

Договоренность Бентама и Шелихова предполагала, что солдаты и офицеры Екатеринбургского и Третьего полевых батальонов придут на Кадык не столько для охраны построенных Шелиховым крепостей и не столько «для завоеваний» (как утверждали слухи, которые услышал в Тобольске Радищев), сколько для «размножения» мореплавания — там предполагалось завести верфь. И надо сказать, что на первом же судне, построенном подчиненными Бентама на Кадыке, был поднят государственный в о е н н о - м о р с к о й, «Андреевский», флаг России⁴⁹.

* Характерно, что, обнаружив в Иркутске двух бывших членов экипажа «Ларка» — португальца и бенгальца, Бентам немедленно попытался добиться зачисления их в свои батальоны⁵⁰.

Можно видеть: в своем сотрудничестве Шелихов и Бентам находили выход из многих сложностей. Шелихов — из того положения, в которое поставил его отказ Екатерины II выделить 200-тысячную ссуду, необходимую, в частности, для строительства новых кораблей, и солдат для обеспечения безопасности русских поселений. Бентам же получал возможность, не теряя времени и не пересекаясь с экспедицией Биллингса—Сарычева, заложить основу для дальнейших «полезных открытий». И русскому и англичанину сотрудничество давало возможность обойтись без субсидий казны⁵¹.

Объяснение поворота событий для Шелихова в благоприятную сторону не сводится лишь к установлению деловых контактов с Бентамом. Ситуация начала меняться после возвращения в Охотск судна «Святой Георгий Победоносец»; большая часть паев в нем принадлежала Лебедеву-Ласточкину, а 13 паев — Григорию Ивановичу⁵².

Прибыв летом 1789 года в Охотск, он убедился в правдивости известий, о которых писал ему в Петербург компаньон, мореход «Георгия», — Герасим Логгинович Прибылов действительно открыл два острова с богатыми лежбищами пушных зверей. Долгий промысел, длившийся восемь (!) лет, завершился, и корабль вернулся с грузом мехов, оцененным в 258 тысяч рублей⁵³. Но, к радости Шелихова, кроме «Георгия», в Охотск под командой Дмитрия Бочарова 26 июля пришел и галиот «Три Святителя», доставивший пушнину, добытую уже после отбытия Григория Ивановича с Кадьяка. Груз на галиоте был еще богаче — на сумму более чем в 300 тысяч рублей⁵⁴.

Правда, вместе с мехами галиот доставил неприятные новости.

27 июля 1788 года на острове произошло землетрясение, да такое, что «думали — скоро ли земля провалится, не можно было на ногах стоять». Люди еще не пришли

в себя после подземных толчков, как на берег обрушился цунами — сначала одна волна, потом другая. «В то время всякий человек искал место, чтобы спасти себе жизнь». К счастью, обошлось без жертв — оказалось то, что галиот в это время находился в исследовательском поиске и в Трехсвятительской гавани, людей было мало. Тем не менее поселению был нанесен страшный урон — вода смыла все посевы, унесла слой плодородной земли, огород местами оказался погребен выброшенной галькой, а местами изрыт промоинами. Весьма дурно было то, что гавань, совсем недавно удобная для стоянки судов и размещения береговых строений, потеряла часть преимуществ — «место наше при гаване против прежнего стало ниже».

Хотя от цунами пострадало компанейское имущество, Шелихов несколько утешился, узнав, что если некоторые из русских попытались воспользоваться бедствиями и присвоить себе кое-что из вещей, то кадыякцы, напротив, помогали собирать разнесенное водой по острову⁵⁵. Были бы отношения с островитянами нормальными, остальное приложится...

Несмотря на «наводнение», на Кадыяке припасов и провизии пока хватало, поэтому Шелихов подрядился на своем галиоте доставить на Камчатку в навигацию 1789 года, кроме своих товаров, еще и казенный груз, что также упрочило его финансовое положение и улучшило отношения с местным начальством⁵⁶. Не дожидаясь отправления галиота, он с привезенной пушниной выехал в Иркутск, предварительно распорядившись о проведении капитального ремонта старого судна «Иоанн Предтеча», которое должно было вновь отправиться в промысловый вояж. Этот корабль давней постройки был куплен И. Л. Голиковым при участии Григория Ивановича еще в 1779 году. О ходе ремонта охотский приказчик Шелихова Иван Левыкин будет регулярно сообщать хозяину: была снята вся обшивка, заменены носовой и кормовой

штейни, ребра-шпангоуты, палуба, каюта. Ремонт шел успешно⁵⁷.

Разумеется, деловая активность Шелихова зависела не только от наличия кораблей, не только от промысловых успехов, но и от того, сумеет ли «компанейщик» удачно сбыть пушнину. Как мы помним, кяхтинский торг был по-прежнему закрыт. И тут Шелихов попытался найти новые возможности экспортной продажи пушнины, используя знакомство и деловые отношения с английским купцом Джеймсом Шмитом. Шесть паев в Северо-восточной компании, проданных Шмиту, сделали англичанина лицом, заинтересованным в ее процветании. По договоренности с Григорием Ивановичем Шмит написал своим «приятелям» в Англию, Данию, Голландию с просьбой принять для продажи там или для «обмену на походные, здесь в России товары» привезенных из Америки «бобров»⁵⁸.

Итак, к началу партнерства с Бентамом Шелихов чувствовал себя гораздо увереннее, нежели в момент получения отказа в правительственной субсидии. И это партнерство становилось для него не столько тактическим ходом купца, оказавшегося в затруднительном положении, сколько началом нового этапа деятельности его компании.

Партнерство сулило новые грандиозные возможности. И кроме планов, изложенных Шелиховым иркутскому генерал-губернатору, а Бентамом — Потемкину, и русский, и англичанин уже начинают обдумывать проекты еще более масштабные. Бентам, например, предполагал, используя шелиховские поселения в качестве опорных баз, организовать экспедицию вглубь неисследованных земель американского континента⁵⁹.

Но до этого было еще далеко. Необходимо было полностью «легализовать» уже начавшуюся э к с п е д и ц и ю. Ее организаторы (употреблявшие именно такой термин) прекрасно отдавали себе отчет в том, что их мероприя-

тия, хотя и не требуют государственных расходов, но в силу своей глобальности нуждаются в государственной санкции. Предполагали они и то, что еще скорее документов, подтверждающих санкционированность их действий, потребуют местные чиновники⁶⁰.

Чтобы получить утверждение «восточного проекта», а следовательно и соответствующие указы для сибирской военной и гражданской администрации, Бентам вместе с капитаном Лилингреном выезжает в ставку Г. А. Потемкина, в Яссы⁶¹.

Можно думать, что Григорий Александрович одобрил сотрудничество своего подчиненного со своим тезкой — в феврале 1791 года Лилингрен написал об этом Шелихову: «Дело наше Его светлость изволил одобрить, строение судов, не останавливая, продолжать»⁶². Однако необычайно глобальные планы требовали не только санкции президента Военной коллегии, но и более высокой — Екатерининской «резолуции» «о экспедиции повеления».

Весной 1791 года Бентам отправил к Шелихову Лилингрена с тем, чтобы «производить суда ко окончанию». Лилингрен возвращался несколько окрыленным — всех, кто по приказу Потемкина находился «для полезных открытиев» при Бентаме в Сибири, произвели в очередные чины⁶³. Что касается самого Бентама, то он использовал предоставленную ему в данный момент возможность взять отпуск и побывать на родине, где он не был уже одиннадцать лет⁶⁴. Решение вполне понятное: чтобы добиться «повеления о экспедиции», требовалось время. Сотрудничество с Шелиховым уже наполовину легализовано — с мая 1791 года находившиеся на Охотском побережье подчиненные полковника по указу из Военной коллегии числятся «в известной господину полковнику Бентаму экспедиции»⁶⁵.

Но проходят дни, недели, месяцы, и вот уже в Лондон пересылают давно написанные письма Шелихова и офицеров Екатеринбургского батальона: «...и не знаю,

где Вы находитесь, да и в каких благоприятных по намерениям Вашим к пользе общей успехах Вы есть...»⁶⁶ «...отправление оных судов в море ... состоит от успехов Вашего приезда...»⁶⁷

Ответа нет.

Проходит время. Участники уже начавшейся экспедиции все еще не теряют надежды на возвращение ее начальника. В декабре 1792 года Лилингрен пишет Шелихову: «Здесь я получаю разные слухи. Некоторые пишут, что он через Венецию ехал в Петербург, чему уже и свершица надлежало. К тому пошла пустая молва, что он получил какое-то наследство миллиона на полтора и, занявшись сим, не будет в Сибирь. Я знаю, что наследство ево следует от отца ево ... К тому же имеет он роднова брата, которому конечно хозяйство поруча, прожектов своих не оставит, ибо ево ничто не веселит и удовольствия столько не приносит, как прожекты. А бес того он никакими сокровищами не доволен. Прожектов же нигде столько изобрести нельзя как в Сибире»⁶⁸.

Однако полковник (а в 1793 году он был произведен в следующий чин — бригадного генерала) в Сибирь так и не вернулся. Встретиться вновь Бентаму и Шелихову не довелось.

Слово оппоненту. И было из чего сыр-бор разводить! Раз не вернулся, значит пресловутый «восточный проект» стал фикцией, еще и не родившись. А раз так, то зачем вообще было так много писать о Бентаме. Похоже, что встреча с ним совершенно незначительный и не заслуживающий особого внимания эпизод в биографии Григория Ивановича. А у Вас об этом целая глава! Зачем?!

Р. С. «Современный архивист ... отпирает большую стальную дверь архивохранилища (войти в которую имеет право только и исключительно работник этого архива, да и то не каждый, а потом идет мимо многих и мно-

гих стеллажей, стоящих рядами. Проходы между стеллажами узки. На полках стеллажей ... прямоугольные картонные коробки (чтобы уместился бумажный лист достаточно большого формата — такой, например, каким был лист гербовой бумаги, на котором писались прошения и доклады).

Этих коробок (картонов, как их называют) не полтора десятка, а десятки тысяч. Личный или семейный архив занимает — в зависимости от того, насколько он пощажен временем, от объема деятельности фондообразователя (человека, которому принадлежали эти бумаги при его жизни.— Л. С.), от того, сколько десятилетий охватывают материалы архива... Лампочки горят высоко под потолком ... у каждого стеллажа, чтобы можно было прочесть надпись на картоне...»⁶⁹

Вещественные следы поступков, событий, успешно законченных и незавершенных предприятий — в темных или выцветающих, в бисерных, изящных или крупных корявых чернильных строчках прошений, доношений, рапортов, промеморий, верноподданнейших докладов, отчетов, доносов, бумаг чистовых, заверенных печатями, порою переплетенных в сафьяновые папки с золотым тиснением названий или черновых, небрежных, почти не читаемых. Все это — до поры недвижимое, молчащее — в тиши и покое архивохранилищ. Но вот Вы заполняете бланк требования, дежурный работник относит его заведующему отделом использования документов, оттуда оно попадает к работникам хранения, архивист открывает стальную дверь — и через день в читальном зале Вы размышляете над принесенными бумагами о том, насколько правильно избрано направление поиска. Добавилось ли что-то к той картине прошлого, которая воссоздается по деталям, темным, неясным намекам, удастся ли уловить смысл диалогов, которые вели между собой люди и ведомства давно ушедшей эпохи?

▲ Но только не спешить! Не спешить откладывать в

сторону документы, на первый взгляд малозначные, не содержащие, казалось бы, равным счетом ничего, кроме пустой бюрократической фразеологии.

Только не отчаиваться, когда след, обещавший так много, вдруг обрывается. Обрывается, потому что некто— пятьдесят, сто, сто пятьдесят лет назад решил, что нет смысла хранить тот или иной комплекс документов, поскольку в них ничего существенного не содержится.

«Милостивый Государь! Князь Петр Андреевич! Возвращая при сем Вашему Сиятельству ящик и связку с бумагами, бывшими у меня, по рассмотрении, имею честь донести, что бумаги эти, писанные преимущественно на английском языке и отчасти на французском и русском, принадлежали, вероятно, полковнику Самуилу Бентаму, служившему под начальством князя Потемкина-Таврического и содержат в себе большую часть дела, записки, письма, проекты, счета и проч. по кораблестроительной части, по управлению казенными и частными фабриками в Сибири и на юге России, по службе Бентама в Белорусском мушкетерском батальоне и пр. По времени же относятся к 1780—90 годам. Привести эти бумаги в систематический порядок я считаю излишним трудом и бесполезною потерю времени (разрядка наша.— Л. С.), так как по мнению моему, оне не заключают в себе особенной важности, в каком бы то ни было отношении, ни интереса...

С отличным уважением и совершеннейшею преданностью имею честь быть

Вашего Сиятельства всенижайший слуга А. Тимофеев.

24 марта 1860 г.»⁷⁰

«Князь Петр Андреевич», адресат этого письма,— не кто иной, как поэт П. Вяземский, друг А. С. Пушкина и... владелец знаменитого фамильного собрания документов — Остафьевского архива, куда попали бумаги его

отца Андрея Ивановича, служившего под началом Г. А. Потемкина. В Остафьевский архив попали бумаги и других Вяземских, в частности, Александра Алексеевича Вяземского, в 80-х годах XVIII века занимавшего пост главы сенатских ведомств — генерал-прокурора Сената. Князь Александр Алексеевич наряду с возглавлявшим Коммерц-коллегию А. Р. Воронцовым, по долгу службы был одним из тех, кому пришлось рассматривать доношения Шелихова и Якоби. После нашего обращения к материалам Воронцовского архива сведения о шагах, предпринятых Шелиховым, было логично искать и в делах архива Остафьевского — архива Вяземских.

И вот нашлось — письмо Тимофеева, чиновника Археографической комиссии — учреждения, ведущего организацию выявления, научного описания, хранения старинных рукописей и старинных книг. (Стоит заметить, что Археографическая комиссия Академии наук в советское время воссоздана и активно работает.⁷¹)

Невозможно сегодня понять, как смог археограф вынести столь безжалостный приговор бентамовским бумагам (сказалась черта национального характера — лень и нелюбопытство?)⁷²: «не заключают в себе особенной важности, в каком бы то ни было отношении...» (!)

Таким образом, документам, отразившим дела и свершения Шелихова, не повезло уже второй раз. В первый раз, когда зять Шелихова, «Михаил Михайлович Булдаков после смерти тестя употреблял все средства собрать в Устюге записки бывших Американских компаньонов, но доброе желание его осталось без успеха: родственники их считая бумаги сии ничтожными, истребили оныя»⁷³.

Так представляют собою материалы, к которым мы обращаемся в девятой главе, «особенную важность» или не представляют? Может, «истребить» ее, главу, где и о Шелихове-то совсем мало?

Но вот к чему нас привела девятая глава: Екатерина II,

императрица, решает, что государство не должно поддерживать частное, купеческое предприятие Шелихова. Вопреки ее мнению такая поддержка, однако, начинает оказываться. Бентам и его подчиненные — люди, находящиеся на государственной службе. Патрон Бентама, Потемкин, также государственный деятель, президент Военной коллегии.

Дела купеческие, частные, начинают становиться делами государственными.

Р. Р. S. На конец 80-х — начало 90-х годов XVIII столетия приходится перелом в государственной политике России. Как раз в это время, когда каким-то еще не вполне для нас ясным образом решается судьба шелиховского предприятия (с участием государства или без?), политические перемены, произошедшие в Новом Свете, начали зеркально повторяться в старом. В 1788 году по одну сторону Атлантики народные избранники завершают голосование, принимая конституцию Соединенных штатов Америки — буржуазного, демократического государства. Летом следующего, 1789 года по другую сторону океана в свой путь к демократии устремилась Франция. Эти события далекими для россиян не казались.

Уже после первых побед американских фермеров над наемными войсками английского короля и еще до того, как в штурме Бастилии наряду с французами примут участие несколько русских, Александр Николаевич Радищев напишет оду «Вольность», вдохновенную движением против тирании:

...а мы здесь страждем!

Того ж, того ж и мы все жаждем...⁷⁴

Чтобы России — и быть без власти монархической?! Чтобы помещикам — и без крестьян, без «крещеной собственности»?! Помилуй Бог! Какое имеет право этот таможенник заявлять эдакое от имени всех? Далеко не

в се этого хотят в России. И прежде всего не желает этого Она — первая помещица страны.

Узнав о приговоре Радищеву (отрубить голову!), российская общественность была потрясена — за что? За книгу, которую мало кто прочел! Правда, хорошенько поразмыслившей, успокоившейся императрицей первоначальный приговор был смягчен и заменен ссылкой в Сибирь. Но и эта мера в то время выглядела неоправданно жестокой.

Что это? Скорее всего — страх.

Сравним два портрета, написанные с разрывом в двадцать лет. На первом — очаровательная черноволосая женщина, молодая, с пытливым пристальным и чуть ироничным взглядом — Екатерина в 60-е годы. На втором — полная пожилая дама с пудреной прической; взгляд тяжелый, надменный, властный. Нет, конечно, ни в одном из парадных изображений императрицы, выполненных в последний период ее жизни, невозможно прочесть что-либо, похожее на выражение страха, боязни. И какой живописец посмел бы допустить такое. Однако страх был! Вспомним описанную Ключевским реакцию Екатерины на известие о том, что Турция объявила России войну. Императрица боялась уже тогда, в 1787 году, ну а дальше известия о событиях в Париже, затем на стол ложится «Путешествие из Петербурга в Москву», об авторе которого после прочтения книги Екатериной «говорено с жаром и чувствительностью»⁷⁵. Итог — «казнить»!

Были и другие, кроме страха перед революцией и внешним врагом, причины крутых перемен в политической линии Екатерины. Одна из них — «домашняя опасность», исшедшая из «малого двора», двора великого князя Павла Петровича.

Екатерина, совершив в 1762 году государственный переворот, отстранив от власти законного императора Петра III (а затем и санкционировав его убийство) — узурпировала власть. Формально до наступления совершенно-

летия прямого наследника она имела право на императорский престол,— переворот был объяснен неспособностью Петра III управлять, которая привела якобы к «ниспровержению» порядков, «составляющих ценность всего нашего Отечества»⁷⁶. Не будем вдаваться в подробности того, насколько это не соответствовало действительности. Главное в данном случае, что с момента наступления совершеннолетия сына мать должна была уступить ему корону. Однако Екатерина не отдала престол в 1772 году достигшему совершеннолетия Павлу, а через десять лет вообще решила лишить его права на престолонаследие. Вместо сына императором должен был стать внук — великий князь Александр Павлович (будущий император Александр I).

Павел с его гатчинскими войсками и «малым двором», по свидетельству современников, лишь вызывал насмешки Екатерины. Но сохранились и другие свидетельства: мать боялась решительных шагов со стороны сына. Недаром в России была запрещена бессмертная трагедия Шекспира — отец, убитый при содействии матери, сын, лишенный законной власти,— пьеса оказывалась более чем прозрачным намеком на «российские обстоятельства»⁷⁷.

Современный исследователь, описывая конец екатерининского царствования, отмечает, что «императрица теряла чувство политической реальности: ей мерещились якобинские или масонские эмиссары, собирающиеся якобы покушаться на ее жизнь»⁷⁸. Чувством панического страха можно объяснить жесточайший удар, который Екатерина в 1792 году обрушит на известного книгоиздателя Николая Ивановича Новикова и круг его знакомых. По мнению императрицы, ими затевался заговор, направленный против нее, Екатерины. Заговор, в который было намечено вовлечь великого князя Павла Петровича.

Великий князь, ненавидящий свою мать (и было за

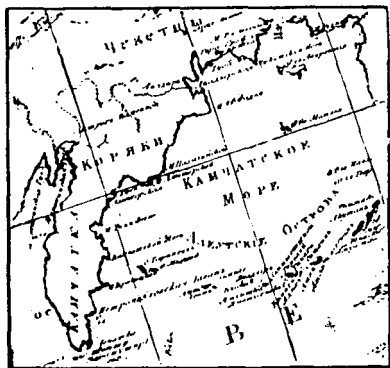
что!), воспитывался Н. Паниным как будущий конституционный монарх⁷⁹. Великий князь мечтал продолжить преобразовательную политику прадеда — Петра I, мечтал о расширении российской торговли, о военных реформах, об укреплении российского флота, о расширении российских пределов⁸⁰.

«Распространение в Восточное море не принесет твердых полз», — решает Екатерина и отказывает Шелихову. Иначе думает Потемкин — и возникает «восточный проект».

Иначе думает и великий князь.

Выйдя в океанские просторы, Шелихов оказывается, сам, может быть, того не ожидая, в океане политики. Судьбы его предприятия начинают в немалой степени зависеть от расстановки политических группировок.

КРУШЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

ГЛАВА 10

*Буря мрачна с тучами, с дождями.
Волны плещут, гром гремит над нами.
Бедствие свершилось —
мачты преломились,
руль оторвало, бушприта нет.
Все оторопели,
«Аврал» — заревели,
Глядь мы на карту — нас на мель несет.
Ночь темнеет, молния блистает,
Сердце стонет, смерти ожидает.
Страх нами владеет; волны разъяренные
жестко бьют.
Стали на мель, корабль разбивает.
Трещат челны, вода натекает.
Что делать, скажите, скорей помогите —
Шлюпок, барказов, катеров — нет!
Жизнь, надежда — совсем исчезает.
Тьма, несчастных море покрывает,
смерти нет препоны,
нет нам обороны,
сгибли, пропали — кричат везде.*

Стремглав волны в корабль ударяют.

Бьют о камень, доски отлетают.

На бок корабль клонит — то о камень стукнет.

Тут поколебает и твердый дух.

Старинная матросская песня

Еще раз перелистаем наши записи, выписки, заметки, просмотрим блокнот с пометами, сделанными па вы- ставках и в картинных галереях.

...Предраассветная седая, но уже почти растворившаяся мгла,— ее с неожиданной точностью передает фактура старинного гравюрного листа — шершавая поверхность, серый оттенок бумаги. «Туманный» фон, тонкие контуры фигур, предметов, деталей пейзажа: слева — нагромождение скал, справа — горизонт плоской степи, в центре — остановившиеся кареты, лошади под седлами, люди, застывшие в скорбных позах с воздетыми и заломленными руками, а у колес, на подушках,— тот, с кем было связано столь много надежд, столь много планов.

По описаниям очевидцев, все так и произошло, как изобразил почти двести лет назад художник Скородумов в своей гравюре «Смерть князя Потемкина в Бессарабской степи»: 5 октября 1791 года на дороге из Ясс в Николаев приступ малярии, удушье, недолгая агония.

Была ли эта смерть катастрофой для «восточного проекта»? И да, и нет. Конечно, требовавшее поддержки на государственном уровне начинание остается без такого патрона, который мог добиться от все более осторожничающей Екатерины «об экспедиции повеления». Надо думать, что как глава военного ведомства Потемкин сумел бы убедить императрицу в том, что после побед над турками российское могущество не ослабнет, выделив малую толику сил и средств для подкрепления успешно начатого дела.

А оно действительно началось. Еще за год до прихода в Иркутск известия о смерти князя солдаты под коман-

дованием подпоручика Джеймса Шилдза устроились на зимовку в домиках на берегу Охотского моря, рядом со стапелями, на которых из нарубленного в верховьях Урака леса были заложены корабли¹. Корабли для экспедиции.

В сентябре 1790 года Шелихов побывал в Охотске и оставил инструкцию-«наставление» своим приказчикам: «... команде господина полковника Бейтана (!) на постройку судов гвоздье железное сколки у нас есть, отдайте... Парки оленны, торбоса, сутуры отдайте прапорщику для команды сколки он потребует, но берите денежные расписки. Денег же на необходимые надобности, то есть на подряд рыбы и протчаго до 1 500 ру[блей] давайте под расписки; смотря по успешности судовой работы давайте и более денег...»² Так на своеобразном «хозрасчете» стали строиться отношения шелиховской компании и подчиненных Бентама. Делу не препятствовали и местные власти.

Трудно сказать, что именно подействовало на сибирских чиновников — осведомленность о «высочайших милостях», оказанных И. Голикову и Шелихову (шпаги, похвальные грамоты), мундиры ли солдат и офицеров команды Екатеринбургского батальона (заметим, изрядно пострадавшие за время таежного перехода)³ или имя Потемкина. Скорее всего все вместе. Шилдзу и его людям оказывается содействие. Охотский комендант, например, одалживает подпоручику лодку, выделяет в помощь солдатам, малосведущим в строительстве судов, трех человек из штата Охотского порта — корабельного мастера и двух плотников. Хотя поначалу Шилдз пришел в ужас, столкнувшись с совершенно «дикими» для англичан условиями — ранние дожди и холода, требующие ремонта дома, где разместилась команда, требующие перекладки печи; маломерный лес, не очень-то подходящий для кораблестроения, и т. д. — однако в конце концов работа закипела⁴.

Между тем время шло, и Шилдза (а наверное, и самого Григория Ивановича) все сильнее тревожило отсутствие более определенных, чем «одобрение» Потемкина, санкций Петербурга на дальнейшую деятельность команды. Окончательная «легализация» экспедиции должна была узаконить предполагавшуюся отправку солдат на Кадьяк и решить вопрос о снабжении их провиантом. Последняя проблема летом 1791 года приобрела особенную остроту.

Приехав в то лето в Охотск, Шелихов получил письмо с острова Уналашка. В нем сообщалось о крушении в прошлую навигацию шелиховского галиота «Три Святителя», который должен был доставить на Кадьяк новое подкрепление провизией, снаряжением, людьми⁵.

Позже мы вернемся к обстоятельствам гибели «Святителей», а пока отметим: после крушения галиота Григорий Иванович оказался перед необходимостью изыскивать новые и экономить старые «фонды». Вероятно, более жестко был поставлен вопрос и о снабжении солдат, живших рядом с верфью в Уракском устье. Это, а кроме того, и опасения чиновничьего произвола⁶ заставляют подчиненных Бентама все сильнее беспокоиться — где же командир*? В ноябре 1791 года Гавриил Линдгрэн, деятельный участник подготовки экспедиции, уже прямо заявляет в письме к Бентаму: «...если Вы не изволите приехать к весне, то команда наша поворотитца к батальону, а Шелихов должен воспользоватца [построенным] судном и тем сей прожект кончитца...»⁷

Вряд ли можно думать, что Григорий Иванович был рад перспективе «пользоваться» кораблями — смысл «восточного проекта» не сводился к одному лишь расширению

* К тому же у подчиненных Бентама были и «служебные» причины испытывать нетерпение, — командир Сибирского корпуса, куда входили батальоны, не отпускал в Охотск офицеров, находившихся в Тобольске⁸.

масштабов кораблестроения. Шелихову было крайне необходимо продолжение сотрудничества с военными. Так же как Джеймс Шилдз, Илья Звягинцев, Кирилл Казачковский, Ричард Апсал, Сэмюел Томас и другие «чины» Екатеринбургского и Третьего батальонов, Шелихов с нетерпением ожидал известий о возвращении Бентама. Вместо них буквально через две-три недели после того, как Лилингрен отправил свое письмо, пришло сообщение о смерти Потемкина⁹.

Однако повергнуть Шелихова в полнейшее уныние это известие уже не смогло. Именно теперь «восточный проект», кажется, начинал обретать неожиданную поддержку, которая, с точки зрения Григория Ивановича, вполне могла бы компенсировать утрату содействия влиятельнейшего тезки — Григория Александровича Потемкина. Еще раз заглянем в копию ноябрьского письма Лилингрена Бентаму: «... к Шелихову из Петербурга пишут, что воля есть Его Высочества Наследника видеть его, к чему он (Шелихов.— Л. С.) и збирается...»¹⁰.

Шелихов и будущий император, прославившийся своим сумасбродным антидемократизмом Павел I?

Поначалу кажется совершенно неожиданным, совершенно фантастическим это сочетание двух имен, тем более невозможное, что к делам Шелихова был причастен Потемкин, которого, по отзывам мемуаристов, Павел ненавидел. Известно, что, воцарившись, он приказал перезахоронить Потемкина с обрядом ошельмования.

И все же Лилингрен не фантазировал. Наследник не только мог интересоваться Шелиховым, но просто-напросто не мог не проявить интереса к делам «Колумба русского», и не только потому, что им не заинтересовалась императрица, мать великого князя.

Павел, как и до него отец, император Петр III, а еще ранее Петр II, имел идеал, которому подражал и к которому стремился. Это Петр I — Петр Великий, Преобразователь России. Ему подражают в XVIII столетии мужчи-

пы-императоры династии Романовых, подражают как в быту (табак, неумеренность в питье, окружение себя выходцами из неродовитых дворян и пр.), так и в сферах несравнимо более серьезных, политических. Эта подражательность направлена на то, чтобы продолжить петровские преобразования, сделать Россию еще более европейским государством. (Увы, образец для дальнейшей «европеизации» выбирался далеко не самый удачный — провинциальная, во многом отстающая уже и от России Пруссия!) Преобразовательная деятельность наследников Петра порою принимала некие пародийные формы, и, как в случае с Павлом-императором, реакцией современников были не уважение, а сложное чувство — смесь страха, ненависти и... смеха¹¹.

Пародия возникала и вследствие безудержности, — наследники Петра буквально ставили существовавший до них порядок с ног на голову. Объяснение этому отчасти в том, что преобразования их проходили в духе безжалостной ликвидации последствий «женского правления». Как и сам Петр, сменивший на престоле царицу Софию, Павел и его предшественники-императоры получали императорский титул после женщин (Петр II — после вдовы Петра I, Екатерины; Петр III — после дочери Петра, Елизаветы).

Многое в этих преобразованиях носило символический оттенок. Именно символом было позорящее Потемкина перезахоронение, но сам Потемкин, по мысли Павла, в данной церемонии символизировал екатерининское царствование — с коррупцией, падением нравов и падением армейской дисциплины. При жизни же Потемкина и при жизни Екатерины взаимоотношения губернатора Новороссии и великого князя не были открыто враждебными¹². В некоторой степени их скорее нужно считать обыденно-деловыми — оба они занимали государственные должности одного ранга. Они были президентами

двух важнейших коллегий — Военной и Адмиралтейств-коллегии.

Еще в 1762 году Павел производится в чин генерал-адмирала* и в этом чине номинально возглавляет Адмиралтейств-коллегию. Фактическим ее главою был вице-президент граф Иван Григорьевич Чернышев. Но постепенно Павел все более вникает в проблемы морского ведомства, и хотя специалистом в морском деле он так и не стал, интерес к делам флота и морским путешествиям носил у него вполне осознанный характер.

Павел не скрывал, что считает свою мать виновницей того, что военная мощь России совершенно не соответствует ни возможностям государства, ни нуждам внешней политики. Последняя же, согласно идеям Павла, должна продолжать линию Петра, — России нужны новые и новые «окна в Европу». В дальнейшем император Павел I попытается закрепится в Средиземноморье, и... в тихоокеанском регионе¹⁴.

Не вдаваясь в подробности того, как складывались и тем более реализовывались павловские внешнеполитические концепции, отметим главное: Павел подражал Петру Первому, вполне «по-прадедовски» считая необходимым «фундаментом» внешней политики сильные армию и флот. Отсюда — новый вариант петровских потешных преображенцев: «потешные войска» великого князя в Гатчине, которые должны были впоследствии стать (и стали!) ядром новой, «европеизированной» русской армии. Отсюда и другое подражание прадеду — сегодня уже малоизвестные «потешные морские силы» в той же Гатчине. С ними наследник проводил на гатчинских озерах учебные баталии и высадки десанта. Участники и коман-

* Чин этот не был выдуман специально для великого князя, ранее при Елизавете и Петре III главой Адмиралтейств-коллегии был генерал-адмирал князь Михаил Михайлович Голицын¹³.

диры этих баталий — Сергей Плещеев* и будущий вице-президент Адмиралтейств-коллегии — адмирал граф Григорий Григорьевич Кушелев¹⁵.

Интерес к флоту, морю, морским дорогам и открытиям естественен в человеке, стремившемся подражать Петру I. И таким же понятным станет для нас внимание Павла к купцу Шелихову, если мы вспомним о том, что Петр I рассматривал торговлю как столь же важное для «пользы и интереса государства» занятие, как и военную и гражданскую службы¹⁶.

«Воля есть Его Высочества наследника видеть его...»

Но вот ведь вопрос — а состоялась ли эта встреча?

Увы, однозначного ответа дать невозможно. Упоминания о ней должны были встретиться в документах архива великого князя. Но если бы этот архив сохранился, так же как Воронцовский или Остафьевский! В ЦГАДА, в госархивных фондах — лишь небольшие по объему подборки писем¹⁷, а остального — переписки с родственниками и людьми его, павловского, окружения, бумаг гатчинских военных канцелярий, черновых писем самого наследника — нет. «Шелиховский след» в великокняжеском архиве не обнаруживается по причине отсутствия последнего. Удастся, впрочем, обнаружить другое — малозаметный, правда, «павловский след» в бумагах Шелихова.

Нет, разумеется, было бы нелепым надеяться, что найдется подборка писем к Шелихову самого великого князя. Ни он сам, ни высшие чины его флотского окружения не стали бы снисходить до постоянной личной переписки с купцом. Но шелиховская информация к Павлу, бесспорно, приходила. Один из каналов — «нижний этаж» — управляющие, приказчики приближенных наследника.

* Сергей Плещеев был одним из самых близких друзей Бен-тама в России¹⁸.

Заглянем в выписки из документов «шелиховского архива»: «...Бумаги послал я к Григорию Григорьевичу..., он обещал их предъявить Его Высочеству, ибо те сего достойны...»¹⁹. Адресат письма — Шелихов, следовательно, «бумаги Ваши» — бумаги Шелихова, автор письма — Иван Тимофеевич Смирнов, управляющий адмирала Григория Григорьевича Кушелева. Об адмирале можно узнать из авторитетной дореволюционной «Военной энциклопедии». В ее 14-м томе рассказывается о том, что Кушелев в течение 1779—1786 годов находился в отставке, а затем был зачислен в свиту великого князя «как искусный в рисовании и черчении планов»; он сопровождал Павла в бытность его во время войны со шведами в финляндской армии, в 1788—1790 годах «приобрел исключительную его доверенность и большое влияние»; кроме того, Кушелев — автор трудов по организации флота²⁰.

И еще несколько страниц в наших выписках. На сей раз речь в них идет о том, что Григорий Иванович предпринял, узнав о доносе сержанта охотской портовой команды Мирона Бритюкова.

Бритюков выполнял обязанности лекаря на «Трех святителях» во время путешествия 1783—1786 годов, выполнял их довольно дурно, с «небрежением», что, вероятно, и послужило поводом для конфликта между сержантом и «компанейщиком». Когда в Якутск прибыли участники Северо-восточной секретной экспедиции, Бритюков подал ее командиру И. Биллингсу донос, где обвинял Шелихова в превышении полномочий, в жестокостях по отношению к кадьякцам и пр.²¹ Каких-либо санкций к Григорию Ивановичу ни со стороны центральных, ни со стороны местных властей применено не было²². Узнав о «клевете Бритюкова», Шелихов обратился за помощью к петербургским защитникам. Через Никиту Никитича Демидова и его управляющего Гаврилу Ловягина о проблемах Шелихова было доложено адмиралу Ивану Логгиновичу Голенищеву-Кутузову и прокурору Адмиралтейств-колле-

гии Лаврентию Андреевичу Сониному²³. Это все то же флотское окружение великого князя. Особенно близок Павлу занимавший в 1789 году пост директора Морского кадетского шляхетского корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов, в 60-е годы бывший одним из воспитателей наследника²⁴.

Итак — «бумаги», которые Шелихов передавал на рассмотрение Павла, могли быть обращениями с просьбой о заступничестве, а могла в них содержаться и текущая информация о шелиховских делах. Так, в одном из сохранившихся перечней карт открытых и освоенных шелиховской компанией островов и берегов «матерой Америки», предназначенных для отправки в столицу, половина — карты, выполненные для великого князя^{25*}.

Надо думать, что первые попытки «Колумба русского» установить контакты с окружением наследника и найти в нем опору тихоокеанских предприятий относятся к тому времени, когда Екатерина отказала Шелихову в финансовой и военной помощи. Не случайно после возвращения в 1788 году из Петербурга, отправляя «Трех Святителей» с подкреплениями на Кадьяк Григорий Иванович «оснастил» каюту галиота изображениями Павла. И не случайно вождь одного из аборигенных племен в заливе Якутат, куда заходил галиот, просит (?) «естамп» с портретом Павла «для незабвенной памяти о Великом Российском наследнике»²⁷. На первый взгляд, логичнее было бы раздавать аборигенам портреты царствующей

* Вполне возможно, что будущие находки выявят интенсивный характер двусторонней переписки между Шелиховым и окружением наследника. Пока же отметим любопытный факт — 1791 г. И. Т. Смирнов прислал Шелихову модель корабля, «по которой построенное судно довольно будет вмещать в себя груза, не большого числа потребует снастей, а особливо служителей, которых не более осьми человек иметь нужно»²⁶. Памятуя о ярко проявившейся страсти Павла-императора вмешиваться буквально во все дела, можно предположить, что инициатива отправки модели Шелихову принадлежала самому великому князю.

императрицы, однако Шелихов уже «сделал ставку» (по вине самой Екатерины) на ее сына.

...К весне 1791 года для Григория Ивановича все вроде бы складывалось как надо: Потемкин дело «одобрил и строительство судов велел не останавливая продолжать», миновались тревоги и волнения из-за «клеветы Бритюкова» — на помощь пришло павловское окружение. Поддержка Потемкина и заинтересованность великого князя внушали уверенность в будущем.

Но впереди — катастрофы. Известие о крушении «Трех Святителей». Смерть Потемкина. Волна арестов в Москве и Петербурге. Весной 1792 года был арестован, а затем тайно, без публичного суда препровожден в страшную крепость-тюрьму Шлиссельбург Николай Иванович Новиков. Причина арестов — в том, что императрица подозревала круг знакомых и единомышленников книгоиздателя Новикова в заговоре с целью «уловить» князя — подчинить его своему тайному влиянию, а затем возвести на престол, устранив ее, Екатерину, от власти²⁸.

Особенно подозрительными в глазах императрицы должны были выглядеть люди, подобные архитектору Василию Баженову, принадлежавшие к новиковскому кругу и одновременно вхожие к Павлу²⁹. Таким, например, был Сергей Плещеев³⁰.

Весть о дальнейшем повороте екатерининской внутренней политики в сторону реакции (напомним, что за год до событий 1792 года был арестован и сослан Радищев), несомненно, повлияла на решение С. Бентама не возвращаться в Россию, к своим батальонам. Пока мы не можем судить, насколько решающим было это известие в его выборе (в Англии у него возникло множество интересных «прожектов») ³¹, мы можем лишь гадать о степени близости Бентама к Новикову и его кругу. Доподлинно, однако, известно о знакомстве англичанина с ближайшим помощником Новикова — Г. М. Походяшиным³² и о дружбе, которая связывала Бентама и С. Плещеева³³.

В любом случае, в ситуации 1792 года возможности Шелихова обращаться к Павлу за поддержкой (прямо или через вторые, третьи руки) оказались существенно ограниченными.

1792 год...

Екатерина вряд ли изменила свое мнение о том, что «распространение в Восточное море не принесет твердых полз». Влиятельные лица, считавшие иначе, сейчас уже не могли помогать Григорию Ивановичу. Положение Шелихова, наверное, можно сравнить с положением промышленников, плывших на «Трех Святителях» с подкреплениями к Кадьяку и потерпевших крушение на Уналашке.

Судьба вроде бы повернулась к Шелихову спиной. Сможет ли он выиграть и эту партию, которая казалась теперь совершенно проигрышной? Скажутся ли его умение находить выход из тупиковых ситуаций и его способность находить талантливых партнеров и сотрудников?

Вернемся к содержанию письма, полученного им с Уналашки, из лагеря потерпевших кораблекрушение.

* * *

...Неприятности начались сразу.

После отправления галиота 19 августа 1790 года «Охотской рейды» бури и «противные погоды» — сильные ветры противного направления — долго не позволяли приблизиться к Курильской гряде. Когда же корабль был готов покинуть Охотское море и лечь на курс, ведущий к Кадьяку, выяснилось, что качка повредила большую часть бочек, — запас пресной воды настолько сократился, что без риска плавание продолжать было уже невозможно. Однако на Курилах запастись водой не удалось — ветер, волнение не позволили пристать. Галиот отправился дальше, но не на Кадьяк, а на Уналашку, где и было решено запастись «сколько можно свежим кормом» и во-

дой — жажда одолевала тем более, что во время долгого плавания в пищу шла солонина, «люди уже скучали несколько от соленого».

Неблагоприятные «погоды» вмешались и здесь. Зайти в одну из удобных освоенных гаваней с надежными якорными стоянками не удалось. После безуспешной борьбы с ветром было принято решение поворотить в ближайшую — Кошигинскую бухту, мелководную, с каменистыми обрывистыми берегами, плохо защищенную от опасных осенних штормов. 30 сентября был брошен якорь; вечером люди распределились на завтрашние работы: кому на добычу «свежего корма», кому — за водой, однако ночью ветер, дувший из горловины бухты, усилился, на мелководье бухты стали ходить волны, якоря «поползли», перестали удерживать судно. Галиот понесло на берег, и он стал биться о каменистую мель. Перекатывавшиеся через палубу волны сбили люки, ударами о камни проломило обшивку в одном, другом, третьем месте. Будь берег пологим, корабль, освобожденный от груза, можно было бы подтянуть выше кромки прибоя и, переждав непогоду, вновь спустить на воду. Но берег поднимался круто вверх каменными уступами. Громадные волны с пенными гребнями разбивались о глыбы, лежавшие у самой воды, об эти глыбы било злополучный корабль, разбивались тюки и бочки, которые вода вымывала из разваливающегося трюма. Волны «растаскивали по бухте» припасы — погибли «леденец, провизия, мелочи платные (одежда. — Л. С.), посуда». Лишь часть груза удалось спасти, переправив его на берег «на веревках». Потом, когда непогода успокоилась, обломки «Трех Святителей» были выловлены и из них немедленно стали строить байдары и жилье — барабары (шалаша) и юрты. Началась вынужденная зимовка на Уналашке³⁴.

Невезение, сопровождавшее «Святителей» во время плавания, и несчастный его финал могли поколебать и самый твердый дух. Однако дальнейшие события пока-

жут, что люди, преодолевая противодействие стихий, продолжают делать все для выполнения главной задачи — доставить подкрепление на Кадьяк. Организатором спасательных работ, подготовки и проведения зимовки, переправы спасенных припасов и людей в поселения на Кадьяке оказался прирожденный лидер, решительный и мужественный человек. Это был Александр Андреевич Баранов, с чьим именем будут связаны многие славные страницы в истории Русской Америки.

Купцу из северного русского города Каргополя А. Баранову в 1790 году было 44 года. К этому времени он уже имел опыт широкомасштабных, но не очень удачных торговых операций, развернутых им от Кяхты до Камчатки. Вместе с ним в сибирской торговле принимали участие его брат Петр Андреевич и сын Аполлон. К 90-му году финансовые дела Александра Андреевича пошатнулись³⁵. Правда, оставалась еще приносившая прибыли фабрика стеклянных изделий, но доходы от их продажи были слишком малы, чтобы поправить положение*.

15 августа 1790 года в Охотске Шелихов и Баранов скрепили подписями договор, по которому Александр Андреевич обязывался быть «на берегах и заселениях Американских при распоряжении и управлении Северо-Восточною компаниею... Главным Правителем». К «должности его относилось» прежде всего: «людей содержать во всегдашнем движении и трудах, старатца о доставлении тем (т. е. трудами.— Л. С.) свежей и здоровой пищи и пития, а притом от слабости и сна удерживать». Далее в контракте говорилось о системе инструкций и отчетов,

* Это была Тальцинская фабрика под Иркутском, основанная в 1784 г. А. Баранов владел ею совместно с известным естествоиспытателем Эриком (Кириллом) Лаксманом (финном по происхождению). Стекло изготовлялось по новейшей прогрессивной технологии, разработанной ученым. Лаксман заменил поташ, на производство которого пережигались рощи и целые леса, минеральной щелочной солью³⁶.

о «недопущении обид и раздоров з дикими» и т. д.

Условия определения Баранова на службу в Северо-восточной компании были достаточно для него привлекательными: доля в добытой пушнине, доля в «коммерции с иностранцами», доля в найденных «металлах и минералах».

Из своей доли доходов Баранов по этому договору должен был выделить некоторую сумму для оплаты своих двух помощников. Один был найден еще до выхода «Святителей» из Охотска. Это был тотемский мещанин Иван Кусков — впоследствии правитель русской колонии в Северной Калифорнии — Форта Росс. Второго Александр Андреевич собирался подобрать из промышленных, находившихся в кадьякских поселениях³⁷.

В письме с Уналашки, после описания несчастий с галиотом, Баранов сообщил Шелихову и о дальнейших событиях. «Зиму препроводили в чувствительной скуке, — писал он далее, — а паче, когда погода никуда не выпускала».

Каждый ясный день Баранов использовал для того, чтобы походить по окрестным местам с ружьем. Это делалось для пополнения запасов провизии — «ради птиц», и для того, чтобы «разсматривать природу местоположения». Результатом таких вылазок стали находки каких-то минералов, целый ящичек которых был послан в Охотск. Могли среди них быть и полудрагоценные камни — не случайно в письме содержалась просьба прислать на Кадьяк «гранильщика».

Вместе с людьми зимовку пережили и животные, которых везли на Кадьяк. Правда, одна корова пропала во время шторма, «голову о клетку ударивши». Чуть было не потеряли и вторую — она попала в капкан, поставленный на лисицу, но в конце концов «вылежала и теперь здорова и жирна». Жирны были и свиньи, одна из которых, как писал Баранов, «скоро будет мать детям, супружница борова». Хуже было с птицей — «куры все

в разбитие пропали, волнением перебило, одну спасли и жила всю зиму, но орел похитил, окаянный»³⁸. Эта одинокая курица жила в юрте Баранова. Снег, пурга, нежилой шорох льдин и куриное квохтанье,— невольно вспомнится Аввакум, чье семейство во время забайкальского трудного путешествия было спасено курицей-несушкой: «...а та птичка, одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала»³⁹.

Зимовка на Уналашке не была столь многотрудной, как экспедиция стрельцов воеводы Пашкова, в которой принял вынужденное участие протопоп Аввакум. Не была она и в полном смысле робинзонадой,— на острове, кажется, зимовали и другие промышленники, в гости в лагерь потерпевших кораблекрушение могли приходиться и уналашкинские алеуты. Но долго, мучительно долго тянулось время, пока наконец не пришло тепло и с судном одной из промысловых компаний — купца Орехова — Баранов не отправил в Охотск весть о судьбе шелиховского галиота. Он описал крушение, зимовку и рассказал о своих планах на ближайшее будущее. Это — отправка на старых, спасенных в шторм и новопостроенных байдарах части людей на Кадьяк; это задуманное им строительство на Кадьяке нового судна, «побольше бывшего (т. е. «Трех Святителей». — Л. С.) для транспортов к Охотску»; это — идея исследовательских плаваний: «...до европейских заселений [испанских — в Калифорнии] побывать, а потом уж обратиться на север»⁴⁰.

Но он пишет в Охотск и о том, без чего реализовать планы будет трудно: «нужное (материалы и припасы.— Л. С.) к весне следует прислать, не замедлить». Задержка в отправке помощи на Уналашку как раз кажется неизбежной. Именно теперь шелиховские планы утрачивают определенность.

И тут — «не было бы счастья — несчастье помогло».

Одновременно с тем, как Шелихов терял своих высоких покровителей, все больше и больше уставал ждать потока дивидендов от вложенного в Северо-восточную Американскую компанию капитала Иван Ларионович Голиков. Отношения между компаньонами испортились. В одном из писем Баранову (1792) Григорий Иванович упоминает: «...у нас опять старова хуже ссора завелась...»⁴¹ Позже, описывая историю торговых предприятий мужа, Наталья Алексеевна напишет, что, стремясь разрешить денежные споры с И. Л. Голиковым, Григорий Иванович обратился к каким-то заступникам в Петербурге, нашел у них поддержку и после того, как «последовало монаршьё повеление, чтобы Голиков ... расплатился», в том же, 1792 году в столице Шелихов получил от компаньона желаемый расчет⁴².

Так значит, в конфликте компаньонов Екатерина встала на сторону Шелихова? Зная ее отношение к шелиховским планам, можно было бы предполагать другое — например, то, что императрица вообще не будет вмешиваться в отношения между владельцами компании. Кто же оказал протекцию рыльскому купцу? В ситуации 1792 года, когда лица, пытавшиеся установить связь с великим князем, казались императрице подозрительными и опасными, помощь Шелихову вроде бы не могла прийти со стороны павловского окружения?!

Действительно, в этом случае протектировал Шелихову не Павел Петрович.

...«Сиятельнейший граф! Милостивейший Государь! Простите великодушно смелость, которую я приемлю, чтобы изъявить Вашему Сиятельству мое глубочайшее высокопочитание и не положите гнева, что я в многотрудных и важных Вашего сиятельства упражнениях, которые занимают все драгоценные часы времени Вашего, Вам скучаю...»⁴³

Важна, важна, ох, как важна была витиеватость, которой начинается это письмо Григория Ивановича; витие-

ватость, граничащая с неприличным пресмыкательством, — иначе к адресату этого письма не обращались и вельможи, ибо он — последний фаворит стареющей императрицы, Платон Александрович Zubov, граф, а потом «светлейший князь, генерал-фельцейхмейстер, над фортификациями генеральный директор, главнокомандующий флотом Черноморским, Вознесенской легкой конницы и Черноморского казачьего войска командир, генерал-от-инфантерии, генерал-адъютант, шеф Кавалергардского корпуса, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор, член Военной коллегии, почетный благотворитель Императорского воспитательного дома и почетный любитель Академии художеств».

П. Zubov, молодой человек (ему немногим более 20), и Екатерина II, ей уже за 60...

Сошлемся на уничтожающую характеристику, которую дает Zubovu современный исследователь: «...жадный, спесивый, лишенный элементарного ума и такта, он пытался руководить государством, до предела усиливая в стране реакцию: перлюстрация писем, цензура, преследования всякого проявления мысли, взятки и циничское нарушение всех законов фаворитом и его многочисленными клеветами, которые расхищали Россию, как завоеванную страну — таковы были черты его внутренней политики»⁴⁴. По свидетельству современников, Екатерина, напротив, считала его обладателем блестящего ума, гениальным политиком⁴⁵. Но не ум, а молодость и не лишенная приятности наружность после смерти Потемкина сделали Zubova человеком, от которого зависело решение буквально любого дела.

Шелихов каким-то образом нашел подход к «сиятельнейшему», который, помимо всего прочего, интересовался еще и торговлей. В письме, написанном осенью 1793 года, Григорий Иванович еще раз благодарит Zubova за милость, которой он «уже имеет удовольствие пользоваться в бытность в Питербурге»⁴⁶. Пресмыкательная витие-

ватость, но без нее с всесильным Платоном Александровичем невозможно: «Нет лутчаго для меня удовольствия, как искать способы к засвидетельствованию моего Вашему сиятельству усерднейшия преданности, взамен того за милости мне показанныя (разрядка ваша.— Л. С.), благодарения, которое не в силах я достоительно изобразить, как только что я самую жизнь мою посвящаю в волю и угождение Ваше»⁴⁷.

Дела государственные...

Тогда, в 1792—1796 годах, до смерти Екатерины, ход их во многом зависел от решений, принимаемых П. А. Зубовым. Вероятно, обращение Шелихова к фавориту рано или поздно должно было произойти. Может быть, конфликт с Голиковым ускорил это обращение.

И вот в 1793 году Непременный совет рассматривает рапорт иркутского генерал-губернатора И. А. Пиля, содержащий просьбу Григория Ивановича — выделить для отправки в Америку из числа сосланных в Сибирь нескольких человек, «знающих кузнечное, слесарное, медиковальное и медилитейное мастерства и десять человек мужского пола с женами для заведения хлебопашества в приличных местах матерой Американской земли и на Курильских островах»⁴⁸. Протекция Зубова приносит свои плоды — просимое Шелихову дается⁴⁹. Просьба эта — своего рода пробный шар. Шелихов «не весьма большаго желает от правительства вспоможения»⁵⁰.

В 1793, 94-м, 95-м годах вновь он чувствует под ногами твердую почву. Имея поддержку в Петербурге, он может продолжать свои усилия по расширению промышленной деятельности, может основывать новые и новые поселения на островах и американском материке.

Разумеется, думать, что все волнения позади, что полосу крушений совершенно миновала, Шелихов вряд ли мог. Благоволение фаворита — опора зыбкая, малонадежная. Вот если бы он сумел добиться того, о чем хлопотал в 1787—1788 годах, — стать главою купеческой

компании с монопольными правами на промысел и торговлю в Тихом океане, компании, состоящей под покровительством самой императрицы...

Но Григорий Иванович уже обжегся на молоке, дует и на воду, не спешит. В его письмах к фавориту каждый раз содержится просьба о «единовременной» протекции, в которой он апеллирует к патриотизму Зубова, к его «патриотическому любопытству»⁵¹.

Карты «из Америки» доставляются теперь не только великому князю (осторожные контакты с павловским окружением не прекращаются), но и Зубову⁵².

Р. С. Не дожидаясь возгласов придирчивого оппонента, поспешим заметить, что, конечно же, с сегодняшней точки зрения, потеря Шелиховым опоры в лице Потемкина или в лице великого князя не выглядит роковой катастрофой. То, что известно о шелиховских делах 1791—1792 годов, может показаться даже бесспорным процветанием. Активность его торговых и промысловых предприятий несколько не снижается.

Даже самый начальный импульс в реализации незавершенного «восточного проекта» дал Шелихову немало. Корабли, строившиеся командой Екатеринбургского полевого батальона, были в конце концов спущены на воду. Первым в море отправился «Северо-Восточный Орел», предводительствовал на нем строивший корабли Джеймс Шилдз. С поручиком, как и с тремя остальными англичанами (прапорщиком Карлом Шортом и рядовыми Скоттом и Борсли — они станут матросами), была достигнута договоренность об участии их в дальнейших делах по кораблестроению и промыслу пушнины⁵³. Итак — увеличился флот компании, несколько восполнился недостаток в кораблеводителях, возникли (с помощью Шилдза) перспективы заведения судоверфи на Кадьяке.

Так же благополучно, как на море, выглядят, на первый взгляд, и шелиховские сухопутные дела. Если гля-

деть на них нашими глазами — глазами людей, привыкших к тому, что широкое оповещение о заслугах человека (посредством печати, ТВ, радио) тождественно его успеху и благополучию.

В 1791 году в Петербурге поступила в продажу напечатанная на средства купца Василия Сопикова книга под названием «Российского купца Григория Шелихова странствование с 1783 по 1787 год [...] с географическим чертежом, с изображением самого мореходца и найденных им диких людей». Это было не что иное, как расширенное (буквально несколькими малообъемными вставками) издание «Записки странствованию», которую Григорий Иванович четыре года назад представил тогдашнему иркутскому генерал-губернатору И. В. Якоби⁵⁴.

Известность, популярность, значительность?

И к тому же новая удача, — открывается кяхтинский торг. Теперь американские меха вновь можно будет с немалой выгодой продавать китайцам. В начале 1792 года московский приказчик Шелихова Федор Шемелин пишет хозяину: «Колико, милостивый государь приятнейшия Ваши уведомления об открытии Кяхты причинили радости в сердцах давно ожидавших нетерпеливо сего счастливого события ... ! Сколь приятно было смотреть у нас на бирже тревогу сердечную: все любопытствуют, все благословляют Бога, все друг друга благодарят — только и видно было, что поклоны и объятия. Вот, батюшка, благополучная теперь Кяхта принесла нам какие чувствования!»⁵⁵

И как следствие — некоторое укрепление финансовой основы компании, — Григорий Иванович добился заключения контракта с Иркутской казенной палатой на перевозку спиртного из Якутска в Охотск. Доставку этой «важной» государственной клади он должен был осуществлять в 1791—1793 годах, получая за это существенную сумму⁵⁶.

Однако все эти успехи в условиях крепостнической

России могли быть с легкостью перечеркнуты произволом местных чиновников.

Через полтора десятилетия иркутский губернатор Трескин будет в упоении своей безнаказанности изыматься над купцами, их близкими, взимать с них огромные поборы, даже отправлять в ссылку⁵⁷(!).* Мог ли опасться Шелихов чего-то подобного? Безусловно, мог. Нередкими были случаи, когда у следовавших в Охотск или из Охотска купцов силою отбирали лошадей, оставляя путников прямо на дороге, между двумя почтовыми станциями⁵⁹. Как раз во время путешествия 1783—86 годов чиновники и купцы-конкуренты Григория Ивановича в отсутствие хозяина вламывались в его амбары, изымали деловые бумаги, нарушая «святая святых купца» — коммерческую тайну⁶⁰.

Не менее опасным для купца, ведущего широкомаштабные торговые операции, было, когда чиновник, в буквальном смысле используя свое служебное положение,

* Казалось бы, что такого — гонения на местных толстосумов, эксплуататоров?! Но губернаторские «акции» существенно подрывали процесс укрепления рыночных связей, сдерживали социально-экономическое развитие Восточной Сибири и шире — государства в целом. К тому же поборы, террор (одно от другого неотделимо) касались почти всех слоев населения — мелкого чиновничества, духовенства, жителей городского посада и крестьян. Мемуаристы оставили ярчайшие описания «карательных рейдов», которые производили в уездах Иркутской губернии подручные губернатора: «Окруженный всегда казаками, вроде опричников Ивана Грозного, Лоскутов (исправник Нижнеудинского уезда) возил с собой орудия казни: розги, палки и плети... Не было пощады ни полу, ни возрасту, ни состоянию здоровья. Старики и дети, девицы и беременные женщины, больные и хилые... все равно подвергались мучению...»⁵⁸ История губернаторского произвола в Иркутске еще не изучена. Бесспорно одно — произвол происходил при попустительстве высших властей государства; он продолжался в течение тринадцати лет (с 1806 по 1819). Гонения не коснулись наследников Шелихова благодаря тому, что промысловая деятельность тогда уже была взята под «высочайшее покровительство», а контора компании была переведена в столицу.

сам принимался за торговлю. С подобным случаем пришлось столкнуться Шелихову в 1792—1793 годах. Отправленный городничим в Нижне-Камчатск В. Н. Воеводский, накупив товаров и используя для их доставки казенный транспорт, с помощью воинских команд «рассеял» товары среди местного населения, государственным же служащим раздал их принудительно с последующим вычетом жалования. У потенциальных покупателей просто-напросто не осталось свободных денег для покупки чего-либо у купцов, прибывших на Камчатку на курсирующем между Охотском и Большерецком судне. Чтобы ликвидировать всякую возможность конкуренции со стороны традиционно торговавших на Камчатке купцов, Воеводский запретил под страхом жестокого наказания и своим подчиненным — русским, и камчадалам покупать у купцов на деньги и в долг⁶¹.

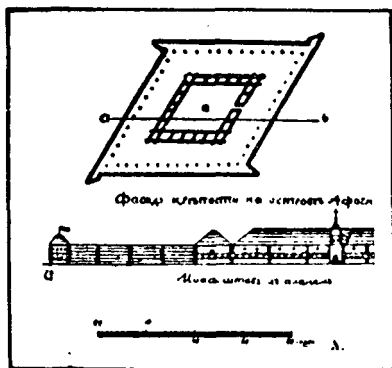
Незаконная конкуренция, реальная неопределенность правового положения*, риск, связанный со сложными погодными и навигационными условиями, непредсказу-

* Можно вспомнить инцидент с надворным советником Ф. Рейнеке, отказавшимся выплатить П. Лебедеву-Ласточкину и Г. Шелихову 3 тыс. руб. по векселю⁶². (Сведений о каких-либо серьезных санкциях по отношению к неплательщику-дворянину и чиновнику найти не удалось.) Не раз и не два в тогдашней России официально существующее вексельное право расходилось с «обыденным правом», и власти сквозь пальцы взирали на «обиды, чинимые купечеству».

В 1794 г. Шелихов в письме к своему кяхтинскому приказчику, выдвинувшему план новой торговой операции, пишет о ненадежности торговой конъюнктуры в Петербурге: «...хотя купить и будут охотники, но денег не заплатят. Не токмо великие люди, но и самый двор не имеет из торгующих доверия и кредита и все вообще купцы не отпускают из лавок товара без денег, а от входящих к лавкам, в лавках бегают и лавки запирают, ибо что ни потребуют, то все отпущенное без денег пропадает, отчего многие торгующие не только уже раззорились, но и вовсе погибли от русского «завтра» и от того, что и на двор пускать не станут, а коль дело дойдет, то и на свете не будет. Посудите, любезный друг, кому же лестно вдавать себя таким опасностям?»⁶³.

емые, из-за недостаточной развитости рыночных отношений скачки конъюнктуры — все это обычные для купца-компанейщика опасности. Риск ощутимо возрастал по мере расширения масштабов деятельности купца. Вот тут бы ему и обратиться в страховую компанию! Но найти что-либо подобное в ту эпоху в России было невозможно. Понятно, что жизнеспособность шелиховской компании обуславливалась удачным подбором верных и талантливых сподвижников (каким, например, оказался А. Баранов). Гарантий же устойчивости своего дела Шелихову приходилось искать в личных связях, в самом высоком покровительстве.

СТРОЙТЕСЬ,
ЗДАНИЯ,
В ЧАСТЯХ
НОВА СВЕТА!

ГЛАВА 11

*Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно носят воды
И с пеною песок мутят...*

Г. Державин.
К первому соседу

«...Дом был немаленький — десять метров длиной и четыре шириной. Сначала археологи очутились в бывшей кухне. Посреди нее когда-то стояла печь, о чем можно было догадаться по фундаменту, состоящему из бревенчатой рамы, заполненной камнями и морским песком. Рядом археологи нашли несколько угольков. Их отложили, чтобы отправить потом в лабораторию на радиоуглеродный анализ*. День за днем ученые «обживали» кухню. И вот из плотной массы смолистого стланика, утрамбованного в грунт, они извлекли топор с топорщиком...

* Радиоуглеродный метод датировки основан на измерении содержания в материале изотопа «углерод-14». Этот изотоп, содержащийся в тканях растений или животных, после смерти живого организма начинает распадаться, образуя обычный углерод.

А изба, оставленная когда-то человеком, продолжала удивлять и радовать археологов. У стенки, напротив печи, подобрали веселку для вымешивания теста и деревянную лопатку, которой хозяйки вынимают из топки готовый хлеб; нашли деревянную ложку и нож с костяной рукояткой. Из кухни археологи перешли в сени, разделявшие строение на две половины. Во второй комнате сохранилось несколько досок от пола и остатки бревенчатых лаг. Чувствовалось, дом рубили хорошие плотники: подгоняли друг к другу кривобокие витые стволы единственного на Уруп пригодного для строительства дерева — каменной березы. Каждый ряд сруба мужики сажали на длинные шпунты. Инструмента у них было достаточно, и всякого. Археологи нашли потом на соседней площадке раскопа, частично и в черте дома, деревянные и медные линейки, угломер, тесла, сверла. По-хозяйски, основательно обживались на Уруп русские первопроходцы. У дома была пристройка, в которой содержался скот»².

Уруп? А при чем здесь Уруп — один из южных островов Курильской гряды, не имеющий отношения к Новому Свету?

Да, мы знаем, что еще в 70-х годах Шелихов поспешил выйти из компании, которая была основана им совместно с П. Лебедевым-Ласточкиным для промысла на Курилах и заведения торговли с Японией. Но теперь, в начале 90-х годов, он вновь предпринимает попытку основать постоянное поселение там, где лишь временами жили промысловые партии. Данные современных советских археологических раскопок показывают, что обосновывались здесь столь же прочно, как и на Кадьяке.

Вспомним, «восточный проект» предполагал одновременное решение трех проблем: во-первых, поиски (вплоть до Северного полюса!) новых земель, новых островов с новыми промысловыми угодьями, для чего было необхо-

димо увеличивать флот Северо-восточной компании, расширять кораблестроение; во-вторых, окончательное улучшение положения поселенцев на Кадьяке и «матерой земле Америки», создание «тыловой базы» поиска промыслов; в-третьих, «направив курс на острова Курильские... коснуться самой цели Японского государства... приблизится... к начальному возобновлению миролюбивой его связи, а в случае и завести торговлю»³.

Торговые планы одной «японской коммерцией» не ограничивались.

В феврале 1790 года Шелихов писал иркутскому генерал-губернатору: «А потом, по близости и с Курильской землицей... ученим опыт ко вступлению коммерцией с островами близ китайских берегов, каковы суть Формоза (Тайвань), Макао и протчие»⁴. В число «протчих» входил ни мало ни много — остров Ява! Позже, осенью 1794 года, в очередном рапорте иркутскому генерал-губернатору, Григорий Иванович уточнит свои намерения относительно этой третьей части «восточного проекта»: «Сужу я, что необходимо нужно распространить мореплавание наше по Тихому океану далее нынешних пределов, то есть, чтоб с приобретаемыми на Курильских и Алеутских островах и материке американском сокровищами (пушшиной.— Л. С.), так как, частью и самых российских произведений (с русскими товарами.— Л. С.), ездить в Кантон, в Макао, в Батавию (Джакарту на о. Ява.— Л. С.), в Филиппинские и Марианские острова, а оттоль привозить в Америку и на Алеутские острова нужное для одежды, из бумажных материй, для пищи, как то: сорочинское пшено (рис.—Л. С.) и протчие жизненные вещи, для сооружения судов полотна на парусы бумажные (хлопчатобумажные.— Л. С.) и веревки...»⁵

Воедино связывались задачи поиска промыслов, добычи пушнины, ее переработки и хранения перед отправкой на продажу, наконец, сбыта пушнины и снабже-

ния промысловиков, меховщиков, кораблестроителей и мореходов всем необходимым.

Три направления деятельности по реализации «восточного проекта». Треугольник. Сумеет ли Шелихов замкнуть все его стороны? А «замкнуть» было необходимо — сам Григорий Иванович в том же рапорте писал, что сколько бы ни было его рвения пополнить в Америке число русских промысловиков, «умножить» выгоды для местных племен своей торговлей и передачей инструментов и навыков владения ими — если все это будет происходить только для доставки в Россию пушнины, а из России всего нужного, то из всех усилий и «без внешнего сообщения с другими народами» ничего иного не выйдет, «кроме единой славы, что Россия обладает многими островами и частью американского материка»⁶.

Первая попытка «замкнуть» треугольник «восточного проекта» была предпринята сразу после того, как Шелихов и Бентам наметили в феврале 1790 года программу его реализации: на уракской верфи предполагалось строить три корабля, один из которых — для плаваний на юг. Но именно в южном направлении действовать оказалось сложнее всего.

Для того чтобы завязать с японцами торговые связи, нужно было обойти запрет посещения европейскими судами японских портов, который был наложен правительством Токугава Изэмицу еще в 1639 году. Вероятно, Бентам, а с ним и Шелихов рассчитывали при содействии Потемкина получить разрешение отвезти на родину потерпевших крушение на Алеутских островах японских моряков, доставленных в 1789 году в Иркутск⁷. Возвращение японцев в Японию — прекрасный повод для установления дружественных контактов! Однако уже в конце лета — в начале осени 1791 года, еще до смерти Потемкина, вопрос о плавании в Японию решился совсем не так, как этого хотелось бы Григорию Ивановичу. Неожиданным противником планов Шелихова—Бентама ока-

зался Эрик (Кирилл) Лаксман — компаньон А. Баранова и добрый знакомый Шелихова*.

У Лаксмана существовал свой собственный план экспедиции в Японию, по характеру не только дипломатической и торговой, но и научной, и именно он и был одобрен Екатериной II после того, как академик привез из Иркутска в столицу одного из японцев и добился для него аудиенции у императрицы.

Главою будущей экспедиции должен был стать младший сын Эрика Лаксмана (от первого брака) Адам, в то время исправник в Гижигинской крепости на берегу Охотского моря, с помощью отца приобретший немалый опыт в астрономии, метеорологии, ботанике и пр. В Японию экспедиция должна была отправиться на казенном судне, а не на купеческом, как задумывал Шелихов⁹.

Наталья Алексеевна потом напишет, что отношения между Лаксманом и Шелиховым испортились после того, как Шелихов отказался дать Эрику Густавовичу в долг некую сумму¹⁰. Насколько точно названа причина ссоры пока данных не имеется. Впрочем, законопослушный Лаксман считал, что только государство могло осуществлять шаги по установлению торговых контактов. Не одобрял Лаксман и стремления Шелихова полностью взять японскую торговлю в свои руки. В письме секретарю Екатерины А. А. Безбородко, ведавшему внешнеполитическими делами, Лаксман бросил: «...рыльский купец имянитой гражданин Шелихов... и ныне монополитическим (монополистическим.— Л. С.) оком взирает на будущую первоначальную японскую торговлю. А мне кажется, что сии первые шаги предприяты должны быть с

* В пользу дружественных отношений, существовавших какое-то время между Лаксманом и Шелиховым, говорит то, что последний выполнял поручения Лаксмана, приобретая для ученого астрономические инструменты в Петербурге⁸.

великодушною предосторожностию, то есть, сходственно с волею Ея величества...»¹¹

Несмотря на конфликт с Лаксманом, Григорий Иванович все же смог принять участие в экспедиции, хотя и косвенное.

Вначале все даже шло к тому, что ему придется предоставить свое судно для плавания Адама Лаксмана к японским берегам. Третье судно для «восточного проекта» — «Доброе предприятие св. Александры», хотя и позднее, чем предполагалось, но было почти закончено. К концу 1791 года не была завершена лишь его оснастка. Поначалу, ввиду отсутствия подходящих казенных кораблей, иркутскими губернскими властями было решено приобрести «Предприятие» у Шелихова и использовать его для плавания в Японию¹². Однако Эрик Лаксман, Адам Лаксман и судоводитель, назначенный в экспедицию, штурман Ловцов «за малостью и неудобным расположением каюты» признали «Предприятие» неподходящим, и корабль, уже купленный для экспедиции, был возвращен Григорию Ивановичу^{13*}. Было ускорено строительство казенной бригантины «Екатерина», которая и отправилась в Японию. Но отправилась она ... имея на борту шелиховского приказчика Ивана Григорьевича Поломошного с партией шелиховских товаров для пробного опыта торговли¹⁴.

В целом экспедиция Адама Лаксмана кажется успешной — потерпевшие кораблекрушение японцы были возвращены на родину, и японские власти выдали «письменный вид» — разрешение представителям России на ежегодное посещение порта Нагасаки с дипломатическими и торговыми целями. Но дальнейшие события доказали

* Дополнительным объяснением возврата назад купленного у Шелихова корабля может являться и то, что вторым судоводителем в экспедицию был назначен Олесов, с которым Шелихов разругался после блужданий «Архистратига Михаила» во время путешествия на Кадьяк в 1783—1786 гг.

правоту Шелихова, считавшего, что решающее слово в налаживании русско-японских торговых отношений должно остаться за частной инициативой, и неправоту Эрика Лаксмана, считавшего эту проблему сугубо государственной. Русский корабль не пришел в Нагасаки ни на следующий год, ни позже¹⁵. Неповоротливый механизм государственной крепостнической бюрократии так и не сумел использовать выгоднейшую ситуацию. Через десять лет после возвращения в Охотск «Екатерины» наследникам Шелихова придется заново решать задачу «установления первоначальной торговли с Японией»¹⁶.

Итак, начала торговли с японцами тогда, в 90-х годах, положено не было. Как и раньше, ни Шелихов, ни любой другой русский купец не имел права продавать в Нагасаки пушнину и покупать там рис для промысловых «заселений» на Алеутских островах.

И вновь Григорий Иванович начинает действовать «по-шелиховски» — постепенно, поэтапно решая поставленную задачу. Не вышло с торговлей в портах Японии — попробуем организовать ее рядом, на Курилах, куда могут привозить свои товары японцы. «Опорная база» на Урупе поможет обойтись без очередных нижайших прошений на имя императрицы, которые к тому же могут вызвать ее жесткий запрет. А чтобы организовать такую базу, вполне достаточно будет протекции Платона Зубова.

«База»? Не впадаем ли мы в грех о с о в р е м е н и в а н и я смысла событий двухсотлетней давности? Пожалуй, нет, ибо Курило р о с с и я — это и торговая фактория, и земледельческое и огородническое хозяйство, которое, по мысли Шелихова, будет снабжать кадьякские и прочие промыслы «своим хлебом». Две выписки. Одна из протокола заседания Непременного совета

Вспомним протокол заседания Непременного совета (28.09.1793): «...просит он... десять человек мужеска пола с женами для заведения хлебопашества в приличных местах матерой Америки и на Курильских островах...»¹⁷ Дру-

гая выписка — об экспедиции на о. Уруп: первые находки отряда археологов во главе с В. и О. Шубиными — пролежавшие в земле без малого добрых двести лет зерна проса...¹⁸

Заметим, для Курилороссии уже существовал образец — Кадьяк с его «хлебопашеством и компанейским заселением». Об этом и напишет потом Наталья Алексеевна, объяснив, что «на 18 Курильском острове, недалеко от Японии ... дабы по времени и с сею страной завести торговую связь», было основано Шелиховым поселение такое же, как на Кадьяке¹⁹.

Но и там, на севере, дела складывались столь же не просто, как и на юге.

* * *

В нашем распоряжении два ручейка сведений о том, как жила и крепла Русская Америка — так в самом скором времени станут называть Алеутские и другие острова северной части Тихого океана, громадное пространство полуострова Аляска и узкую полосу (в десять миль) берега, протянувшуюся до 55° северной широты. Первый — все тот же «шелиховский архив», остатки фамильных бумаг и деловой переписки Григория Ивановича, рассеянные ныне по различным хранилищам. Второй — небольшая часть документов этого же «шелиховского архива», которые опубликовал в самом начале 60-х годов прошлого века П. А. Тихменев в приложении к многостраничному «Обозрению образования Российско-Американской компании».

Об этой публикации уже шла речь во «Втором предисловии». Но не лишним будет вспомнить: автор «Обозрения» — это один из героев гончаровских путевых очерков «Фрегат «Паллада», «добрейший Петр Александрович», отвечавший за питание на корабле, вызывавший незлобные насмешки товарищей по плаванию своей неуемной заботливостью об экспедиционных припасах и ра-

ционе. Дотошность и вьедливость Тихменева сказалась в том, что к 774 страницам самого «Обозрения» было добавлено 358 страниц переписки Шелихова и его сподвижников и других документов. Нарисованная в тексте книги картина многотрудной и не менее многоуспешной деятельности русских в Америке стала, в свете приложенных документов, еще более детальной, красочной.

Впрочем, как уже было говорено в «Предисловии», недоставало этой картине, нарисованной тогда, в прошлом столетии, существенного — ясности и четкости. Кое-что сегодня оказалось возможным прояснить, привлекая архивные материалы.

...После того как, потерпев крушение в Кошигинской бухте острова Уналашка, Баранов и его промышленники пережили «скучную» (тяжелую.— Л. С.) зимовку, весной 1791 года была организована на байдарках переправа части людей на Кадьяк. Затем оттуда Баранов отправил корабль «Архистратиг Михаил» «для снятия с Уналашки людей и протчаго, оставшего от разбития»²⁰. Потерянные же при кораблекрушении припасы были частично восполнены, когда на Кадьяк зашло судно экспедиции Биллингса. Промышленники приобрели (в кредит — расчет, вероятно, должен был произвести в Охотске сам Шелихов) два пуда пороха, семь пудов свинца, пуд дробы, олово, кремни и пр.²¹ Обо всем этом сообщалось Григорию Ивановичу.

Письма Баранова в Охотск могут напомнить нам знакомые с детства страницы жюльверновского «Таинственного острова» — все более прочно встающее на ноги хозяйство оторванной от «Большой Земли» группы людей. Здесь переживание за огород и пашню, беспокойство о небольшом стаде, здесь и поиски полезных ископаемых, и пробные плавки металла, и использование подручных средств вместо привычных материалов (например, изобретенного Барановым состава для обмазки судов вместо корабельной смолы). Но не потерять бы за этой обыден-

ной экзотикой робинзониады сути дела! А это — преодоление все новых и новых, порой совершенно неожиданных препятствий.

Прибыв на Кадьяк, Баранов понял, что после землетрясения Трехсвятительская гавань утратила все преимущества и необходимо искать новую якорную стоянку для кораблей компании и место для основного «компанейского заселения». «Старая наша гавань совсем стала безнадежно к пребыванию людей», — писал он²². Выбор пал на небольшую бухту в северо-восточной оконечности острова.

«С северной стороны довольно высокая гора и много других возвышенностей, кои все безлесны, но весной покрываются тучною травою, в восточной части ... местами еловые рощи, зеленея, украшают равнины...»²³ Равнины — место для огородов и «опытов хлебопашества», еловые рощи — материал для строений. Гавань, куда переселились промышленники Баранова, была названа Павловской^{24*}.

Переселение решило не все проблемы. Новое место было неудобно для кораблей. «В гавани едва ли может поместиться более пяти судов, и то с нуждою ... грунт хорош, но во время зимы нередко случаются столь сильные порывы ветров из-за гор, что обрывает швартовы и бросает суда на банки»²⁵.

Удобная якорная стоянка была найдена уже на материке.

Неправильно было бы думать, что удобная бухта нашлась случайно. Уже с 1788 года корабли шелиховской компании каждое лето курсировали «в пространстве та-

* Зная о контактах Шелихова с окружением великого князя, можно с уверенностью говорить, что название гавани было выбрано не случайно. К тому же в этом выборе совершенно явственен символ — Россия двумя ногами встала на восточном и западном побережье Тихого океана — Петропавловск на Камчатке и заселение в Павловской гавани на Кадьяке.

мошного моря» в поисках новых земель и новых промысловых угодий²⁶. По прибытии Баранов попытался сделать все, чтобы расширить этот поиск, — ни на самом Кадьяке, ни вокруг него богатых промыслов не имелось²⁷.

Новые острова, бухты и заливы, мели и рифы — все это наносилось на карты²⁸. Исследования, казалось бы, можно было вести и вести, тем более что вдобавок к «Симеону» и «Архистратигу Михаилу» — кораблям компании — на Кадьяк пришло построенное на уракской верфи новое судно «Северо-восточный Орел». Мореходами на нем были отставной прапорщик Родионов²⁹ и «Яков Егорович Шильц» — подпоручик Екатеринбургского полевого батальона Джеймс Шилдз³⁰.

Но, судя по письмам Баранова, Главный правитель американских промыслов компании скоро сделал неприятное открытие — «Симеон» и «Михаил» обветшали и плавания на них стали слишком рискованными³¹.

Другим препятствием изыскательства оказалась убыль людей. «Орел» доставил лишь троих вновьзаконтрактанных работных, в то время как из находившихся на Кадьяке десять «умерло разными смертями», восемь утонуло на байдаре, которую «нанесло течением» и сильным ветром на каменистую мель, а полтора десятка человек были «больными, дряхлыми и старыми»³². Может быть, в другое время прибывший в Америку Главный правитель спокойно обошелся бы и наличными силами, но теперь у Баранова нашлись причины для серьезных опасений, связанных с нехваткой рук.

Уже в конце 80-х годов у небольших промысловых поселений шелиховской компании, на материковой части Америки по берегам Кенайского залива, в соседях появились промышленники компании П. Лебедева-Ласточкина³³. Люди обеих компаний мирно уживались, счастливо избегая ссор и конфликтов. Но так продолжалось лишь до 1791 года, пока в августе в Кенайский залив не пришло судно компании Лебедева-Ласточкина «Георгий

Победоносец». Его мореход, он же начальник артели, Григорий Коновалов объединил всех лебедевских промышленников под своим началом и... открыл подлинную войну против шелиховских промышленников³⁴.

Коновалов начал с грабежа шелиховских складов сушеной рыбы, он стал отнимать пушнину у промышленников шелиховской компании, затем — жен у алеутов, находившихся в дружественных отношениях с шелиховскими людьми, дело дошло до открытых угроз применения оружия. Баранов описывал подобные случаи в письмах к Григорию Ивановичу: «... они (люди Коновалова.— Л. С.) подлинно остановились вблизи под нашей артелью в шестидесяти человеках русских и несколько иноверцев ... начали уже поступать неприятельски, русково нашева Котельникова, посланного для промысла бобрового ... захватя под стражу; иноверцев (алеутов, которые были вместе с ним.—Л. С.) перехватав байдарки и в тех, что было: стрелки (гарпуны.— Л. С.), лафтаки (выделанные шкуры.— Л. С.) и протчия отняли, самих тех били и изувечили, и кои не могли спастись бегством, перевязав, побрасали в байдары и увезли с собою»³⁵.

Опасность возникла и с другой стороны.

Во время одного из исследовательских походов вытянутая для ночлега на берег байдара с 16 русскими и самим Барановым подверглась внезапному нападению. Александр Андреевич так описывал этот случай: «... в самую глубокую ночь перед зарею окружило нас множество вооруженных людей и со всех сторон начали колотье и резание иноверцев и нас (русских.— Л. С.) подкололи тут двух бросившихся со сна...»³⁶ По описанию Баранова, часовые не успели поднять тревогу, потому что нападавшие «под мрачностью ночи» подобрались к самым палаткам. «Долго мы стреляли из ружей без успеха,— писал далее Баранов,— ибо одеты они были в три, в четыре ряда деревянными и плетеными куйками (панцирями.— Л. С.) и сверху еще прикрывались лосиными пре-

толстыми плащами, а на головах со изображениями лиц разных чудовищ претолстые шишаки, коих никакие ни пули, ни картечи наши не пробивали и они подлинно в темноте страшнее самых адских чертей нам казались»³⁷.

Нападавших удалось остановить лишь после того, как в дело вступила пушка, а отброшены они были, только когда на помощь подоспел десант с находившегося, по счастью, совсем близко «Симеона».

Одного из нападавших, получившего серьезную рану, удалось захватить, и с его слов выяснилось, что Баранов и его люди подверглись нападению отряда воинов индейского племени тлинкитов, которое год назад потеряло несколько человек в результате внезапного же нападения эскимосского племени чугач. Хотя тлинкиты довольно быстро поняли, что перед ними лагерь русских, а не их врагов, от мысли совершить ночной набег не отказались, надеясь на богатую добычу и желая «испытать сил своих»³⁸.

В ночном бою Баранов потерял двух русских и девять человек из числа бывших с ним кадьякцев. Но опасность отнюдь не миновала. По слухам, тлинкиты встали твердою ногою на тропу войны и собирались, набрав подкреплений, разгромить чугач, а затем приняться за русские артели в Кенайском заливе.

Междоусобицы русских, междоусобицы аборигенов, а вдобавок к ним еще один повод для тревог — опасность «посторонних покушений».

В том же «походе» Баранов встречался с англичанами, прибывшими к берегам Аляски на двухмачтовом корабле для того, чтобы «меняться с американскими народами» — то есть покупать меха у аборигенных племен. Уже одно это (конкуренция!) могло настораживать. Но кроме того, капитан английского корабля «присваивал приобретение» аляскинского побережья «Англии и трудам известного капитана Кука»³⁹.

Через некоторое время примерно в тех же местах по-

явился «для торговли с дикими» еще один английский (или американский?) корабль⁴⁰, а потом, уже в следующем году, в северной части «Восточного моря» еще один, который Шелихов посчитал «по всем признакам более французским, чем английским»⁴¹. Большой интерес к берегам Аляски стали проявлять и испанцы — в 1791 году в северные тихоокеанские воды пришли три испанских корабля⁴².

Флот! Флот! И не просто торговые несколько неуклюжие галиоты с высокими для большей вместительности бортами, а корабли для изыскательских плаваний, настолько же способные перевозить грузы, как и дать отпор любому врагу — сухопутному или морскому, — вот в чем остро нуждалась шелиховская компания.

Расширение кораблестроительства было одной из задач, которую инициаторы «восточного проекта» предполагали решить в первую очередь (напомним, три корабля, строившиеся на уракской верфи). Но условия Охотска и его окрестностей, отсутствие или плохое качество материалов для судостроительных работ еще в 1789 году побудили Григория Ивановича наказывать тогдашнему Главному правителю компанейских поселений в Америке, Е. Деларову, сделать попытку договориться с корабельным плотником экспедиции Биллингса и построить на Кадьяке «судно... фут в восемьдесят пять»⁴³. Позже, в 1791 году, отправляя на Кадьяк «Северо-восточного Орла», Шелихов уже категорично указывал Баранову: «Мы ныне посылаем вам железа, снастей и парусов на одно судно, которое при помощи Шильца вы можете соорудить, и, пользуясь таким благоприятным случаем, еще двум или трем судам разной пропорции положить основание, доведя их строение до того, чтобы они уже не требовали мастера...»⁴⁴

Но к «сооружению» судна приступить, несмотря на всю в нем нужду, оказалось возможным лишь через некоторое время. Подыскать место, удобное для заведения

верфи, означало прежде всего найти корабельный лес. На Кадьяке же рос неподходящий сучковатый ельник⁴⁵. К тому же требовалось время, чтобы срочно подготовить транспорт с добытой пушниной для отправки в Охотск. Не прекращая промыслов и заготовки «корма» для работников будущей верфи, необходимо было и охранять промышленников от «злодейских действий» лебедевских приказчиков и возможных нападений индейцев.

Баранов снарядил в Охотск «Симеона», надеясь, что оттуда будет прислано все необходимое — в том числе ткань на одежду обносившимся промышленникам и военное снаряжение. «Колчуг или пансырей сколько можно более прислать не оставьте,— писал он Шелихову,— и ружья со штыками весьма нужны в опасных случаях, сколько-нибудь гранат и побольше пушки; две ис старых совсем негодныа...»⁴⁶ Главное же, что было необходимо,— людские подкрепления.

«Северо-восточный Орел» под командованием Шилдза тем временем стал крейсировать вдоль побережья Аляски, производя изыскания, а кроме того, прикрывая своими пушками партии шелиховских промышленников⁴⁷.

Таким образом, к строительству нового корабля приступили только в 1793 году.

...В Москве в фондах Центрального государственного Военно-исторического архива в полковых списках удалось обнаружить сведения об офицерах и солдатах, привлеченных Бенгамом и Шелиховым к делам «восточного проекта». Там же хранится одна из зарисовок Воскресенской гавани Чугацкого залива, сделанная через год после основания верфи: очищенная от елей полоса берега (еще кое-где торчат пни), на которой поставлен бревенчатый частокол с двустворчатыми воротами, из бойниц торчит пара небольших пушек, под охраной пушек — дома и хозяйственные постройки; рубленый из крупных бревен пятистенный дом своими шестью окнами и две-

рю обращен прямо к воде, над строениями возвышается смотровая вышка...

Впрочем, для рисовальщика дома — не более чем фон, декорация главного события, которое он стремится запечатлеть, — для нас смысл его разъясняет подпись: «Вид спуска фрегата Феникса в Воскресенской гавани 1794 года»⁴⁸.

Фрегат!! Этот термин упоминается не в одном документе. Но без рисунка из Военно-исторического архива не очень-то верилось, что кораблестроение в Русской Америке началось с особо быстроходного для тех времен трехмачтового корабля с обтекаемой подводной частью, с корабля, имеющего одну батарейную палубу, на которой размещалось обычно 20—40 пушек, с корабля без каких-либо надстроек и с невысокими бортами. Маневренные, быстроходные фрегаты в морских сражениях XVIII века действовали вне строя линейных кораблей, стремительно атакуя противника и уходя от ответного огня; выполняли они и обязанности судов-разведчиков, могли осуществлять свободный поиск противника в одиночном плавании,⁴⁹ — словом, играли ту же роль, что крейсера в первую и вторую мировые войны. И вот такой к р е й с е р построен в Воскресенской гавани?

Мастерство корабелов Шелихова вызывало сомнение уже в начале прошлого века. В записках лейтенанта Давыдова (он стал действующим лицом мюзикла «Юнона» и «Авось» Рыбникова-Вознесенского) пренебрежительно заявляется: «На судно поставили три мачты, дабы сказать только, что компания имеет трехмачтовое судно, каковые здесь вообще величаются фрегатами»⁵⁰.

Но, зная о том, насколько сложной была обстановка вокруг американских поселений шелиховской компании, вряд ли можно и допустить, что Шилдз и его подчиненные станут строить обычный купеческий транспортный галиот.

На рисунке тот момент, когда корабль с временной

мачтой впервые спущен на воду; общее веселье — на борту моряки со шляпами в руках, в бухте, на волнах, — весельные лодки русских и байдары с алеутами в треугольных ритуальных шапках, на берегу маленькая пушечка, поставленная на колесный лафет, — из нее, вероятно, и салютуют спуску.

На корабле, на временной мачте, а также на кормовом флагштоке и на носовой горизонтальной мачте — бушприте — подняты русские военно-морские флаги (андреевский и гюйс)⁵¹; по бортам видны крепления для снастей, поддерживающих мачты, — вант-путенсы; их три, следовательно, и мачт у корабля будет тоже три. Наконец, по бортам открыты отверстия для пушек — пушечные порты. Их на одном борту — 10; значит, всего «Феникс» имел не менее 20 пушек.

Выстроенный корабль был, без сомнения, в о е н н ы м кораблем. Можно с доверием относиться к сохранившимся его описаниям: «74 футов (более 22 метров) по килю... двухпалубное... грузу поднимает до 15 тысяч пудов»⁵². Однако «Феникс» не был тогда единственным пополнением флота компании. Пока в Воскресенской бухте подпоручик Шилдз, сержант Шорт, матросы Скотт, Борсли и русские работные трудились на первой в Русской Америке верфи, на верфях рядом с Охотском русские корабли «привели ко окончанию» еще два судна компании. Шелихов снарядил их к выходу в море. Положение Баранова и его подчиненных должно было существенно упрочиться. И не только за счет увеличения компанейского флота.

В августе 1794 года Григорий Иванович писал из Охотска Баранову: «Отправляя к Вам в ведение два новые судна, построенные при здеишем порте, одно 63-х футовое двухпалубное и двухмачтовое, именуемое «Трех Иерархов», а другое 51-футовое, двухмачтовое и однопалубное «Святой Великомученицы Екатерины» ... имею довольный повод поздравить Вас с гостями, кои на тех

судах к вам отправлены. Гости сии суть: священно-архимандрит Иоасаф с братиею...»⁵³

На «Трех Иерархах» (т. е. «Трех Святителях») и «Екатерине» в кадьякские поселения и «артели» доставлялись людские подкрепления — более 120 вновь законтрактованных рабочих⁵⁴, в Якутске для охраны поселений были отлиты 3- и 4-фунтовые пушки, которые затем и были доставлены на Кадьяк⁵⁵. Прибыли на остров и люди в невиданных в Америке черных монашеских одеяниях.

В письме к Баранову Григорий Иванович писал о том, что духовная миссия во главе с Иоасафом отправляется «для проповеди слова Божия в Америке и просвещения тамошних народов в вере христианской»⁵⁶, но с архимандритом было договорено и о том, что члены духовной миссии возьмут на себя задачу «умиротворения» отношений между подчиненными Баранова и лебедевскими людьми⁵⁷. Шелихов прибегал к посредничеству монахов отчасти потому, что не располагал «ничем верным и доказательным от кого и каким образом неустройства те (междоусобицы.— Л. С.) произведены»⁵⁸, отчасти, потому, что... являлся совладельцем лебедевской компании*.

Насколько безоблачными были отношения между компаньонами? Письма Лебедева-Ласточкина, адресованные одновременно и Григорию Ивановичу и Наталье Алексеевне, письма, писанные им в конце 80-х годов, вроде бы указывают на особо теплые и дружеские отношения. Павел Сергеевич пишет о том, что «истосковался» без писем от Шелиховых, что ожидает их «приятных писем», называет Григория Ивановича «другом и братом», пишет, что «за все» к нему, Лебедеву-Ласточкину, «благодарности», приносит «чувствительную благодарность»⁶⁰.

* Из 90 паев лебедевской компании 13 принадлежали Шелихову, и это заставляло его удваивать присущую ему осторожность и осмотрительность в решении острых проблем⁵⁹.

Но горячий и даже в чем-то подобострастный тон можно объяснить не столько дружбою, сколько стремлением Павла Сергеевича опереться в сложной для него финансовой и правовой ситуации того времени* на столичные связи Шелихова.

Другие же документы, напротив, заставляют предполагать, что отношения между компаньонами не выходили за рамки сугубо деловых.

Подобно многим «рыцарям первоначального накопления», Павел Сергеевич имел темное прошлое, отчасти известное Шелихову⁶¹. Невоздержанный в словах и поступках, он мог пускаться во все тяжкие, да так, что его приходилось в буквальном смысле сажать на цепь. Хулиганствующий хозяин вполне мог служить примером для творящих бесчинства на Аляске промышленников**.

Однако Шелихов не только не разорвал в 90-е годы отношений с Лебедевым-Ласточкиным, но даже вернул в Америку арестованного Барановым и доставленного в Охотск главного (главного ли?) инициатора «злодейств» лебедевских работных — передовщика Коновалова⁶³. А вместо того, чтобы безоговорочно поддержать Баранова и довериться Александру Андреевичу в деле разрешения межкомпанийских споров в Русской Америке, Шелихов доверил роль судьи архимандриту Иоасафу.

Стремление Григория Ивановича не допустить разрыва с Лебедевым объясняется, пожалуй, тем, что сотрудни-

* Эта ситуация связана с трудностями Курильской экспедиции и отказом местных чиновников платить долги Лебедеву-Ласточкину.

** Вот, например, описание его «подвигов» в Якутске, в феврале 1791 г.: «... зайдя к прокурору Богдановичу, ево прибил, жену обругал всячески, служанке делал насилие, а прилучившегося уездного казначея прибил, изодрал верхнее, так и нижнее платье. А напоследок как по просьбе хозяина пришли ис полиции взять под караул, но он полицмейстера, равно и ходоков перебил, однако взят и посажен на стенную цепь...»⁶²

чество рыльского именитого гражданина с якутским купцом было одной из основ расширения деятельности в северном направлении. Вспомним, «треугольник» «восточного проекта» имел, кроме «южной» — курильской и «восточной» — кадьякской, еще и «северную» сторону. Здесь предполагались поисковые плавания — розыск новых земель с промысловыми угодьями вплоть до Северного полюса.

Подготовка самостоятельно (раз не удалось сотрудничество с Лаксманом) экспедиции на Курилы, увеличение флота и упрочение положения кадьякских поселений — все это, конечно, требовало напряжения сил и финансов. Отказываться от союзника, пусть даже такого ненадежного, каким, вероятно, был Павел Сергеевич, Шелихов не мог.

«Северное направление» — это не только 13 паев в лебедевской компании. Это и совместная с бывшим шелиховским приказчиком Евстратом Деларовым компания для промыслов на Алеутских и «северных» островах (Шелихову принадлежало $\frac{3}{4}$ пая в судне, которое чуть было не отправилось в Японию, — «Добром намерении Св. Александры») ⁶⁴; это и основанная Шелиховым для «исследования обеих сторон берегов Американского мыса противулежащего Чукоцкой земле» Северная компания ⁶⁵. Ей были приданы отремонтированные корабли «Михаил» и «Симеон».

...Последовательно, шаг за шагом, Шелихов реализует идею «восточного проекта». Он ищет опору своим множественным предприятиям везде, где только возможно. Он не порывает с таким ненадежным союзником, как Лебедев-Ласточкин; он осторожно пытается добиться большего покровительства со стороны Платона Зубова (недалеком Прибыловские острова, названные по имени открывшего их в 1786 году морехода Прибылова, были переименованы Шелиховым в Зубовские ⁶⁶), он не оставляет усилий упрочить могущие оказаться в самом ближайшем

будущем такими необходимыми связи с окружением великого князя и непосредственно с ним самим*.

После того как на север ушли «Михаил» и «Симеон», была подготовлена для отправки партия курильских поселенцев и на Кадьяк отплыли «Три Святителя» и «Екатерина», положение дел Григория Ивановича кажется достаточно выигрышным. Начинают сказываться сочетание шелиховской настойчивости, умения мыслить масштабно с осторожностью и непрерывными усилиями по упрочению деловых связей. Деятельность Шелихова по созданию Русской Америки обретает более или менее четкую санкционированность со стороны губернских властей. На Кадьяк, к Баранову, Григорий Иванович послал полученную им инструкцию иркутского генерал-губернатора. В ней заключалась целая программа — от строительства городов (!) с церквями и хлебными складами для нужд русских и аборигенов до мер по распространению среди «американцев» русской культуры⁶⁸. На деле в этой инструкции-«ордере» говорилось о том, что было давно задумано Шелиховым и уже осуществлялось его сотрудниками. Однако теперь этой деятельности, «освященной» наместническим повелением, препятствовать уже никто не имел права.

«Мне кажется,— писал Баранову в августе 1794 года Григорий Иванович, указывая на необходимость основать город в более теплом месте, на американском материке к юго-востоку от Кадьяка,— что дома для поселян строить лутче такие, чтоб была белая изба, сени с чуланом и холодная горница или кладовая в одной связи. ...При

* И здесь Григорий Иванович достигает определенных результатов. «.. письмо Ваше, г. Шелихов, я получил,— писал к рыльскому купцу наследник Российского престола в 1793 г.— и весьма благодарен присылкою карт, как Курильских островов, так и путешествия поручика Лаксмана в Японию, за что Вас благодарю и желаю Вам доброго успеха. С благорасположением моим пребуду на всегда (разрядка наша.— Л. С.) благосклонным...»⁶⁷

сочинении плана сему заселению оставьте вы приличных три или четыре места, на коих бы со временем можно было воздвигнутьobelisks в честь российских патриотов...»⁶⁹

Прекрасно понимая, что последнее слово останется за властями, Григорий Иванович все же предлагает и название для этого города: «...наименовать селение сие, пока дальнейшее от начальства последует повеление, в честь российской славы С л а в о р о с с и е ю...»⁷⁰

...Восточное море, Курилороссия, Славороссия — мечты и надежды превращаются в явь.

Так, в своеобразном сотрудничестве с государственными властями России и одновременно — вопреки их противодействию шелиховские усилия ведут к тому, что «российское могущество» начинает прирастать новыми землями.

Слово оппоненту. Картина может показаться убедительной, но зачем Вам понадобилось выпячивать связи Григория Ивановича с Зубовым, с Павлом? Беллетристы-то, которых Вы так критикуете, правильнее пишут — как честный патриот, Шелихов должен был с негодованием отвергать всякое низкопоклонство. У Филиппова, например, Биллингс советует Шелихову назвать новые острова, открытые Прибыловым, островами Платона Зубова, а Григорий Иванович недоумевает: «При чем здесь Зубов?», отвергает предложение назвать их именем «полюбовника» Екатерины⁷¹. Да вообще, кому нужен вот такой Шелихов, сотрудничающий с силами зла — с крепостническим государством, с этими екатерининскими фаворитами, с полубезумным сыном императрицы — Павлом? Вот беллетристы, те как раз и создают образ, нужный для воспитания молодежи на положительном примере. Ведь Шелихов-то русский, и бороться должен прежде всего с иностранным засильем, со всеми этими Лаксманами и их приспешниками, должен опираться на

народ. А у Вас? Какой-то бандитизм среди русских промышленников! И вообще непонятно, что же сам-то Григорий Иванович? Где его новые путешествия в Америку, где его молодецкие подвиги — труд вместе с работными, воинские поединки с аборигенами, когда он проявляет благородное великодушие к побежденным им соперникам? Где его крутое обращение с иностранцами, стремящимися захватить русские владения в Америке?⁷²

Р. С. Просматривая в читальном зале одну за другой беллетризованные биографии Григория Ивановича, вдруг открываешь между ними нечто общее. Что это, как не вариации одного, хорошо знакомого образа — Левши?! Самородный, самобытный организаторский и коммерческий талант выходца из русской провинции бьется в былинных схватках с англичанами и немцами, поддерживается (увы, не слишком рьяно!) хорошими царедворцами и прогрессивными деятелями, но так и не может реализовать себя — крепостники мешают! И все это очень даже всерьез, безо всякой иронии и завуалированной сатиры.

Лесковское «баснословие» частью читающей публики могло восприниматься (а воспринимается и сегодня!) как «поддержка теории о сверхъестественных способностях народа русского», на деле же являясь злой и меткой сатирой как раз на эту же самую теорию⁷³. Беллетризованные биографии Шелихова — «левши от коммерции» — пишутся иначе, крупными мазками, они не оставляют у читателей каких-либо сомнений в превосходстве «таланта народного» над злохитрым Западом с его не менее злохитрыми и пагубными для России теориями и науками. А на фоне такого Шелихова становится совершенно очевидно стремление всех, за редким исключением, дворян продать родину оптом или в розницу.

Черты иного Шелихова рисуют архивные документы. Правда, поначалу вызывает удивление, насколько архивные данные могут не соответствовать представлению о Шелихове как о былинном персонаже.

«Братец Федор Петрович,— писал Г. Шелихов своему кяхтинскому приказчику Ф. П. Шегорину в 1793 году, перечисляя покупки, которые было необходимо для него сделать, и давая поручение купить семена «разных китайских растений» — ... в числе сих семян не надо забывать хлебных, овощных, фруктовых и цветных (цветочных.— Л. С.). Сии вещи крайне мне нужны, ибо я имею обязанность доставлять их, чтобы услужить отечеству, так как я член Российского Экономического общества...»⁷⁴

«Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства» было образовано в Санкт-Петербурге в 1765 году, имея целью «все полезные и новые в земледелии и экономии, чужестранными народами поныне изобретенные, и опытами уже изведенные материи, прилежно собирать и сообщать любезным своим согражданам. Также [...] подробно узнать внутреннее состояние здешних провинций, открыть их недостатки и изыскать полезные к отвращению тех недостатков средства»⁷⁵. Членами общества были академики и вельможи, русские помещики и иностранные естествоиспытатели. Но чтобы и Шелихов?!

...Документы «ВЭО» (по крайней мере часть их) находятся в Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве. Сами документы хранятся в бывших зданиях сената и синода, читальный же зал архива — в соседнем, примыкающем к синоду особняке, где в 1825 году жил австрийский посол, тесть декабриста Н. Трубецкого, у которого Трубецкой нашел временное убежище вечером 14 декабря. Каменные львы на крыльце, парадная лестница вестибюля, просторный читальный зал с великолепно отреставрированным плафоном — росписью на потолке. Впрочем, работать в читальном зале ЦГИА приятно не только в связи с его «историческими стенами», это богатейшее собрание документов крайне удобно в пользовании благодаря постоянной готовности любезно

прийти на помощь исследователю досконально знающих свои фонды архивных работников.

Так был ли в действительности Григорий Иванович членом ВЭО?

Фонд 91 — фонд Вольного экономического общества, к сожалению, не имеет подробной описи. «Журнал 1766 года», «Журнал 1767 года» — дела с короткими, ничего не говорящими о содержании названиями...

Есть, правда, именной указатель, но радость по поводу его обнаружения длится недолго. В нем, оказывается, не все, кто имел отношение к деятельности общества, а лишь авторы представленных на конкурс сочинений. Хотелось бы заняться просмотром всех дел подряд, но ведь их — несколько тысяч. Сплошной просмотр дел одного объемного фонда может позволить себе исследователь ленинградец. Этой роскоши нет у выезжающего в короткие командировки сибиряка.

И все же маленькая зацепочка в описи нашлась.

Дело № 503 — «Реестр господам членам Вольного Экономического Общества». Ежели не тщеславие, не стремление поднять свой авторитет в глазах промышленников двигали Григорием Ивановичем, объявившем себя членом общества, то в списке-реестре обязательно окажется его фамилия.

И вот заказанное дело приносят в читальный зал.

...На сей раз это даже не подлинные документы XVIII века, а рулоны позитивной фото пленки, на которые они пересняты. С коробкой микрофильмов в руках начинаем «перебирать» аппараты для чтения микрокопий. У одного не включается лампа, у другого неплотно прилегает рамка, у третьего — слишком слабое увеличение... Работать с документами удобнее, чем с пленкой, и глаза устают не так сильно. Но — микрокопия удлиняет жизнь оригиналу.

Реестр составлен по хронологическому принципу — каждый год в дело подшивались новые страницы с переч-

нем вновь принятых в общество. На всякий случай начинаем бегло просматривать списки за 60-е, 70-е годы, затем все медленнее, все внимательнее — за 80-е, 90-е. Имя Шелихова в реестре отсутствует.

Итак, он самозванно, «для пущей важности», причислил себя к обществу экономистов, естествоиспытателей, натуралистов, агрономов — профессионалов и любителей! Итак, беллетристы правы, рисуя Шелихова эдаким лапотным увальнем-самородком, напоминающим Левшу?

Каков соблазн — свернуть пленку, уложить ее в алюминиевую «диафильмовскую» коробочку, ее — в картонный футляр с круглыми ячейками, сдать все это, не оправдавшее надежд, работнику читального зала для отправки назад, в подземное хранилище. Тем более что времени — в обрез, надо спешить с просмотром других документов. Но... опять щелкаем выключателем, вновь оживает «микрофот», еще раз смотрим реестр с самого начала: медленно, медленно, еще медленнее. Выписываем тех членов ВЭО, с которыми мог иметь контакты Шелихов.

В 1774 году в общество принят Г. Потемкин, в 1777 — иркутский генерал-губернатор Ф. Кличка, через десять лет после него — Александр Андреевич Баранов, в 1794 году — Платон Зубов...⁷⁶

Список заканчивается. Шелихова в нем нет.

Впрочем, на пленке после 3—4 пустых кадров еще несколько не замеченных раньше страниц — какие-то неразборчивые черновики, а вслед за ними еще один список. Он короткий, небрежный, и заголовок у него другой: «Корреспонденты». Номером восемнадцатым «1793 года, апреля 9» внесен в него «госп. рыльский купец Шелихов»⁷⁷.

...Нет, иным должно быть наше отношение к Григорию Ивановичу! Не невежда, кичливо называющий Кука и других западных мореплавателей «кукишами»⁷⁸, не

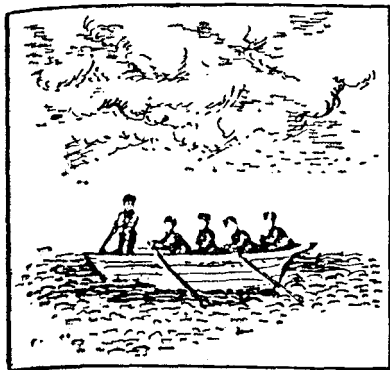
одиночка, воюющий за свою мечту — Славороссию со всем не понимающим его окружением, воюющий по наитию, без какой-либо тактики и стратегии, — он, вероятно, другой, более близкий к современному типу деятельной личности, чем можно было предполагать.

...В 1794 году он, член-корреспондент ВЭО, отправляет действительному члену ВЭО А. А. Баранову для посадок на американской «матерой земле» почти 60 пудов ржи, более 10 — пшеницы, по нескольку пудов ячменя, овса, гороха; посылает семена гречихи, конопли, «ретки, моркови, репы, брюквы, свеклы, разных капуст и огурцов, дынь, арбузов, разных салатов, шпинату, портулаку, петрушки, селлери (сельдерея.— Л. С.), постарнаку, луку и многих других»⁷⁹. В этом списке вроде бы естественным выглядит отсутствие картофеля, — он в России окончательно прижился в середине следующего, XIX века. Но в Русской Америке «картофели» уже «хорошо плодятся»⁸⁰, для посадок в Славороссии картофель может быть взят с Кадьяка.

«4 телки, 2 козла и 5 козлук, 3 барана, 4 овцы, жеребенок и кобылка» — все это вдобавок к небольшому стаду, имевшемуся на Кадьяке, было отправлено в Русскую Америку тогда, в 1794 году, а кроме того, корабли доставили туда и «хлебопахотные орудия»...⁸¹

Новый 1795 год сулил новые надежды.

НАДЕЖДЫ И — КРУШЕНИЕ?

ГЛАВА 12

Благодарю я вас, от доброго сердца трудящихся в порученных всем работах и душевное удовольствие чувствую, видя [...] успехи трудов ваших к славе Отечества и к чести российского народа!

А. Баранов. Речь, обращенная к промышленным. Май 1794 г.¹

Нам мешают два обстоятельства — недоступность документов, свидетельств и уже не раз поминавшаяся привычка представлять наших предков, отталкиваясь от школярских стереотипов. Публикации сегодняшних толстых журналов точно подмечают: «Оглядываясь на прошлое нашей страны, мы привыкли выстраивать шеренгу мелких чиновников, как две капли воды похожих на Башмачкина, делить русских помещиков на собакевичей, маниловых и коробочек, судить русское купечество по пьесам Островского»². О «жительствовавшем» двести лет назад в Иркутске «именитом гражданине Шелехове» судить нужно скорее по меркам нынешнего века. Что необходимо современному х о з я и н у? Компетентность, чувство нового и способность рисковать, умение чувствовать ситуацию, распознавать вдруг возникающие проблемы,

ему нужно быть готовым к любым изменениям ранее выработанных схем, он должен, разумеется, и уметь подбирать сотрудников под стать себе... Вновь и вновь приходится убеждаться — все это у Григория Ивановича было.

Б о д р с т в у ю щ и й — таков смысл греческого имени Григорий, издавна наличествовавшего в святцах, имени, выбранного для крещения мальчика, родившегося в провинциальном Рыльске в 1748 году. Теперь, к середине 90-х годов, этот смысл, кажется, должен был приобретать буквальность: Шелихову вряд ли хватает времени на сон и отдых — хозяйство его огромно и не перестает разрастаться.

Организатор и главный владелец Северо-восточной и Северной американской компаний, акционер других купеческих промысловых предприятий на Тихом океане, глава крупнейшего торгового дела (у него имелись по меньшей мере четыре крупные конторы — в Кяхте, Иркутске, Петербурге и в Москве), — будь даже сутки вдвое длиннее, с каждым днем с возрастающими управленческими сложностями справляться было все труднее.

Как же Шелихову это удавалось? Прояснят ли что-либо архивные и библиотечные выписки?

* * *

«...Иван Григорьев Паломошный... в вояже находился при компанейских всех товарах и припасах порядочно и честно был хорошо; худых дел, лености, разврата за ним не прилучено... Демид Ильин Куликалов... смирной, усердной, доброй человек... Иван Федоров Чинявин... доброй человек и усердной для компании...»³

Перелистывая выписки из «Книги выдачи припасов», отразившей чрезвычайные происшествия во время путешествия 1783—1786 годов — пьянство Измайлова, буйство промышленников, нерадивость лекаря, — обнаруживаем и весьма положительные характеристики. Но фамилии отраженных в «книге» «усердных и добрых» участ-

ников путешествия вновь встречаются в более поздних документах, — это постоянные и деятельные помощники воплощения в жизнь планов Григория Ивановича, его опора. Именно И. Паломошный был отправлен Шелиховым с Ловцовым и Лаксманом в Японию для «опыта торговли» и выяснения возможностей и впредь поддерживать торговые отношения, затем он будет артельщиком в Русской Америке⁴. Возглавит в будущем артель на Прибыловых островах Демид Куликалов⁵. Не раз будут встречаться в деловой переписке имена других «усердных» участников плавания 1783 года. Хозяйственность и ответственность людей станет фундаментом процветания и безопасности промысловых поселений. Из писем Баранова к Шелихову известно, что на Кадьяке разворачивалось производство вещей, в покупке которых были заинтересованы «американцы». Изготавливались, например, медные и латунные котлы — этим, кроме починки собственно компанейской посуды, занимался Петр Чеченов⁶. Алексей Шапошников «точил табакерки и надобные для иноверцев вещи довольно хорошо», мало того, — он отлил два колокола в несколько пудов для строящейся на Кадьяке церкви⁷.

Здесь шелиховские промышленники наладили производство кирпича, проводили «опыты изготовления скипидара», нашли руду и пробовали выплавлять железо⁸.

Свой металл, свои кирпичи, своя посуда, а к этому — свои картошка, репа, капуста... Постепенно проблема снабжения «посельщиков» становится не столь хлопотной для Шелихова, как раньше, руки освобождаются для других дел.

Может быть, еще в большей степени, чем таланты, разум, мастерство лучших шелиховских промышленных, нормальному «течению дел» способствовало то, что во все виды деятельности компании уже в 80-е годы были вовлечены «американцы» — алеуты, кадьякцы, жители полуострова Аляска.

Как Шелихову это удалось?

«Защищая же их людьми моими от набегов из других мест диких [народов], сделал им понятие, как приятно жить в покое; ибо после сего не отваживались неприятели их делать на них нападения», — писал Шелихов в «Записке странствованию»⁹. Тут же он описал, как использовал привычную не только в Сибири, но, как оказалось, и здесь, в Америке, систему заложников-аманатов — «...и они (взрослые кадьякцы. — Л. С.)... приводили великим множеством детей своих в аманаты»; из числа этих детей Григорий Иванович отобрал 25 человек наиболее смысленных, которых стал учить грамоте¹⁰.

Еще раз подчеркнем, практика заложничества используется Шелиховым как повод заполучить детей кадьякцев для обучения («принимая [детей] от них под видом сомнения в верности их...»¹¹).

Обучать местных детей грамоте?

В этом не было чего-то принципиально нового. Нужно в толмачах-переводчиках и старание установить добрососедские отношения заставили еще в 1749 году купца Шергина открыть для курильцев школу на одном из островов Курильской гряды (о. Шумшу)¹².

Начинает Шелихов традиционно — с обучения грамоте, а продолжает по-иному.

В письме от 30 августа 1789 года он писал на Кадьяк: «...грамоте, петь и арихметике учить более мальчиков пожалуйте, старайтесь, чтобы со временем были из них мореходы (судоводители. — Л. С.) и добрые матрозы; так же и мастерам разным учить их надобно, особенно плотничеству»¹³.

О чем здесь идет речь? О том, что сложившаяся постепенно на протяжении десятилетий модель взаимоотношений (вполне дружественных, кстати) аборигенов и русских, когда последние сотрудничают с алеутами в традиционных для них морских промыслах — «звериных» и «рыбных» — уже не устраивает Григория Ивановича.

Решить проблему взаимоотношений с поначалу враждебно настроенными кадьякцами он собирается, включив «американцев» в русскую хозяйственную систему, подготовив их к этому путем распространения в Америке с помощью книг духовной культуры, ремесел, навыков земледелия, огородничества.

«...Книг учебных, горных, морских и протчих множество к вам пришло...», — пишет он на Кадьяк¹⁴, заказав к тому времени своему приказчику в Москве пособия по медицине, руководства по механике, арифметике, геометрии, тригонометрии, физике¹⁵. В деловой переписке не раз упоминается об этих книгах — о том, как они покупаются, как отправляются в Сибирь для дальнейшей отправки в Америку: «...а будет не отправлено, — пишет Шелихов своему приказчику о «горных книгах» и «житии Петра Великого» — то немедленно ко мне в Иркутск при обозе чьем или верной хорошей оказии, поспеши пожалуй отправить»¹⁶.

«Следы» этих книг и других, купленных и посланных в Америку в 1794 году, — об отправке книг «классических, исторических, математических, моральных и экономических» писал тогда Шелихов Баранову¹⁷ — обнаруживаются в описях имущества Кадьякской церкви, сделанных в начале XIX века. Это как раз те издания, о которых упоминается в шелиховских письмах*.

Маловероятное, на первый взгляд, существование «детского училища» на Кадьяке подтверждается некоторыми свидетельствами. Самое из них интересное — находяща-

* «Российские азбуки», «Руководства к чистописанию», «Тригонометрия», «Арифметика», «Правила для учащихся» и пр. Наряду с «Грамматикой Российской Ломоносова» здесь были и книги по географии, физике (например, «Электрические опыты»), химии. К «горным книгам» могут быть отнесены «Минералогия» и «Металлургическая химия», к «экономическим» — «Флоринова Экономия», «Экономический магазин», «Городской и деревенский садовник», «О земледелии» и пр. Есть в описи и несколько томов «Деяний Петра Великого»¹⁸.

яся среди документов «шелиховского архива» четвертушка листа бумаги, разграфленная карандашом. На этом листочке неуверенно выведенными буквами крупно повторена — и каждый раз другим почерком строка: «Закон христианский научает нас». Писавшие указали и свои имена «...Карлудцкого жила Атунока, а по крещении Роман... Ирикского жила Каязимр, а по крещении Семен... Тугидацкого жила Каугей, а по крещении Петр... Карлудцкого жила Кауток, а по крещении Степан. Это — своеобразная «контрольная работа» ребятишек, учившихся в шелиховском «детском училище»¹⁹.

Обнаруживаются и следы пребывания в Иркутске тех кадьякских детей, которые в 1786 году выехали с Шелиховым в Охотск, чтобы «быть в Иркутске». Позднее шелиховский приказчик Мыльников сообщал в Петербург находившимся там Григорию Ивановичу и Наталье Алексеевне: «Алеуты привезены в последних числах августа. Живут здоровы, мальчики учатся очень изрядно и кажется, что с великим понятием. Я раз видел их, приглашенных на балу Михайла Михайловича (иркутский губернатор М. М. Арсеньев.— Л. С.) и оне делали собранию удовольствие по своим обычаям производить при вокальной музыке свой танец»²⁰.

Доставившие в Иркутск образцы «вокальной музыки» и алеутской хореографии кадьякские дети наряду со «словесной грамотой» стали постигать музыку европейскую.

«Дети пишут прилежно и учитель их радуется», — сообщала находившемуся в 1789 году в разъездах Шелихову жена²¹. Азбука и письмо были постепенно освоены, и началось обучение «на музыках играть». Обучал мальчиков музыкант-поляк²², вероятно, один из тех, кто был взят в плен, как когда-то Беньовский*.

* Мемуарист Калашников называет среди музыкантов, живших в это время в Иркутске, ссыльного поляка Савицкого²³. Не он ли был учителем ребятишек, привезенных с Кадьяка?

Легко представить сцену в доме губернатора, куда были привезены нарядившиеся в национальную одежду маленькие алеуты (ага,— купец решил блеснуть экзотикой, «рекламируя» перед властями свое предприятие!), но плохо вяжется с нашим обыденным представлением о старой Сибири сцены уроков музыки.

И все же нельзя считать эти уроки лишь прихотью толстосума, стремящегося поразить бескультурных сибиряков своим меценатством. Шелихов не бросал вызова иркутянам, не нарушал иркутских традиций, он следовал этим традициям.

Встречавшееся уже сравнение Иркутска со столичным Петербургом вызвано и таким, невозможным на первый взгляд, но описанным мемуаристами и историками увлечением сибиряков XVIII столетия, как театр и музыка. Казачий хор, хор архиерейский, хор солдатский и даже — хор полицейских; театр, оркестры и отдельные музыканты, которые давали концерты и играли на балах и маскарадах; хоровая музыка Бортнянского, фонвизинский «Недоросль» и опера А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» — все это было столь же обычным в жизни иркутян, как и чай жулан, и витимская белка²⁴.

Некоторые мемуаристы специально выделяют иркутские военные оркестры. По словам И. Сиверса — аптекаря в Иркутске, — начальство находившихся в губернии частей «ни на день не оставляет без упражнения свою полковую музыку и достает для нее из России время от времени новейшие ноты»²⁵. Любопытно, что кроме традиционных духовых инструментов, в этих оркестрах были и смычковые*.

* Знаменательный факт — одну из лучших «полковых музык» в Сибири имел Екатеринбургский полевой батальон, батальон Бентама, Шилдза, солдат, строивших корабли шелиховской компании. В 1790 г. тобольский губернатор А. Алябьев просил Бентама отправить на время в Тобольск батальонных музыкантов: «... нужна мне крайняя в музыкантах, а у вас в батальонах есть

Итак, нельзя считать случайным упоминание виолончели в списке товаров, которые московский приказчик Шелихова отправлял своему хозяину в Иркутск²⁷, и не стоит особо изумляться, обнаруживая в письмах Натальи Алексеевны к мужу сообщения о том, что «Фетка с Евришкой играют на флейтах хорошо, а трое — Епишка, Атаку и Петрушка — на скрипках изрядно»²⁸. (Увы, экзотическая национальность будущих музыкантов не спасала их от педагогических приемов той эпохи — Шелихову сообщалось и о том, что «Андрюшка тупо на басу учится и учитель уже ево драл два раза, и если понятным еще вдаль не будет, намерен ево оставить и более не учить»²⁹.)

Григорий Иванович явно стремился перенести в Русскую Америку то, что существовало в Сибири, в Иркутске. «Детское училище» на Кадьяке учреждалось по образцу школы, открытой в начале 80-х годов в Иркутске³⁰. С иркутской почвы пересаживалось им европейское музицирование. Библиотека создавалась в подражание той, в основании которой он сам принимал участие («Иркутская книгохранительница»³¹). И так же как в существовавших с середины XVIII в. Иркутской и Нерчинской навигацких школах³², на Кадьяке начали готовить будущих мореходов, в 1792 году два кадьякских мальчика стали участниками экспедиции Лаксмана в Японию — «для практики в навигации», а еще семеро тогда же упражнялись в мореходной науке в плаваниях в «Восточном море» на компанейских судах³³.*

духовая и сказывают довольно хороша...» Но кроме духовых инструментов, солдаты играли и на скрипках. Тогда же, в 1790 г., находившийся в отъезде Бентам получил известие о том, что оркестранты его батальона усердно репетируют, но нуждаются в струнах, поскольку струны, продающиеся в Иркутске, плохого качества и постоянно рвутся²⁶.

* Григорий Иванович не устанет напоминать Баранову и позднее: «... на Ваше благоразумие и полагаюся, с тем, что вы не оставите чрез приобучение молодых американцев к мастерству

Не будем преувеличивать новаторство, гуманизм и бескорыстие Шелихова. Многое делалось и раньше. До него промышленники начинали обучать на островах детей аборигенов своему языку и своей грамоте. Еще в 40—50-е годы участники тихоокеанского зверобойного промысла «старались привязать к себе способных мальчиков-алеутов, учили их русскому языку, грамоте, крестили, давая им русские имена, и вывозили ненадолго на Камчатку и в Охотск, чтобы показать Россию»³⁵. Но надо помнить: то, что предпринималось Шелиховым, предпринималось прежде всего купцом, отнюдь не ставившим свои купеческие интересы на второе место. Но действовал Григорий Иванович все-таки более необычными, чем было принято до него, методами и с необычным для своего времени размахом. Ему было мало обучить языку и письму,— взаимное отчуждение русских и аборигенов, столь не схожих между собой во внешности, трудовых навыках, в целом — в образе жизни; отчуждение, так мешавшее прибыльной торговле и пушному промыслу, он стремился преодолеть, включив тихоокеанский регион в сферу действия хозяйственной системы Сибири и ее духовной культуры; теснейшее сотрудничество русских и аборигенов должно было стать и средством решения управленческих проблем.

Но в этом случае от русских требовалось больше, чем уметь добывать пушных зверей. Они должны были стать носителями знаний.

Не случайно у всесильного фаворита Платона Зубова Шелихов просил (и выпросил!) для отправки в Америку «из присылаемых в Иркутскую губернию за вины на поселение» — посельщиков — мастеровых и хлебопашцев³⁶, а одновременно с ними и «духовную свиту» — мо-

плотнишному, столярному и кузнешному и другим нужным, умножить число мастеровых, поелику все вообще американцы приспособные на море матрозы, коим нужно толко преподавать практические знания, а особливо, что принадлежит до компаса»³⁴.

нахов, которые не только должны были крестить местные племена, но и мирить между собой русских, заниматься воспитанием и первых и вторых, стать в Русской Америке учителями и библиотекарями и даже геологами и металлургами!*

* * *

...1795 год сулил новые надежды на расширение и укрепление шелиховских предприятий. Для Шелихова многое менялось к лучшему. Во главе министерства коммерции был поставлен сенатор Гаврила Романович Державин³⁷, знавший о планах «именитого рыльского гражданина», а вполне вероятно, и самого Григория Ивановича, уже более десяти лет. Как мы помним, Державин в свое время соседствовал с шелиховским компаньоном капитаном Михаилом Голиковым; позже, будучи секретарем Екатерины II, он занимался и изучением сибирских проблем³⁸. Но, что было для Шелихова еще важнее, Державин был в какой-то степени близок окружению великого князя — жена Гаврилы Романовича была дочерью кормилицы Павла³⁹.

Обнадеживали перспективы кяхтинского торго — увеличился спрос на шкуры морских котиков. Шелихов надеялся, что в 1795 году китайские купцы закупят от

* С прибытием миссии присланные Шелиховым книги, находившиеся в главном промысловом поселении и «по артелям», должны были быть собраны в одно книгохранилище и переданы главе миссии, архимандриту Иоасафу — для учета, приведения в порядок и выдачи желающим. Другой монах, отец Макарий, высказал особенное желание учительствовать. Шелихов писал Баранову в 1794 г. о необходимости «возделывать металлы» из железной и медной руды: «...какие построить плавильные печки, и все прочее учредить, получите вы наставление от отцов Иювеналия и Стефана, яко в горной и заводской науке искусных», — оба монаха, «служившие в горных заводах», знали «науки математические» и дали Шелихову обещание помогать с «экономическими заведениями»⁴⁰.

тридцати до ста тысяч шкур и что в дальнейшем величина закупки этого меха возрастет до двухсот тысяч. Тогда же распространились слухи, якобы китайские власти запретили своим подданным покупку пушных товаров у кого бы то ни было, кроме русских⁴¹.

Григорий Иванович обдумывал очередную просьбу, с которой собирался обратиться к графу Зубову, вероятно, набрасывал черновики письма; его он напишет и отправит в апреле — «...о испрошении... необходимо потребных мореходцев, судостроителя и прочих до верфи художников, коим компания будет щедро платить...» Опиет в ход шли изыски словоплетения: «...в уповании на благодеяние Ваше... прошение мое повергаю прозорливому Вашему Сиятельству рассмотрению, покровительству и представительству, которое единое может только составить помощь трудящейся на пользу Отечеству Американской компании, носящей уже плоды Ваших патриотических благодеяний...»⁴²

В конце концов Шелихов обратился с прошением в Иркутское наместническое правление с просьбой выделить из портовых команд «4-х человек, знающих штурманское искусство», «судостроительного мастера, искусном по лутчим манерам окопировывать суда», боцмана и якорного мастера — таких, которые «могут искусством своим обучить либо способных из молодых американцев, либо других»⁴³. Как только рапорт о просьбе Шелихова, поддержанный иркутскими властями, пошел на рассмотрение в сенат, Григорий Иванович отправил письмо Зубову. Та поддержка, которую он получал от фаворита раньше, позволяла и теперь рассчитывать на благополучный исход дела.

Уверенность в будущем вселили и известия от Баранова.

Баранов писал: «...впервые северная страна (полуостров Аляска и земли к северу, к реке Юкон.— Л. С.) разведана и описана с перешейком, приведена в подданство

российское... надеюсь и далее по матерой [земле] сделать открытия...»⁴⁴

И далее: «...железные руды обысканы в довольном количестве... железо выковано, а потому и надежда открыта к заведению такового завода [железоплавильного и железоделательного производства] с полною экономией государственною, промысловые выгоды в новых местах, по оскудению первобытных (найденных в 80-е годы.— Л. С.) [промыслов] открыты и новую ветвь выгод отечества обнадёживают в тех [промыслах] и торговле с народами матерой Америки. В постройке повсюду произведен и производится новой прочной и лучшей вид...»⁴⁵

Он писал и о том, что «порядок наблюдается», но не одним им — Баранов не мог одновременно быть сторожем компанейского имущества и его же «расходчиком», «не доверять же никому — дело невозможное»⁴⁶. Главный правитель компанейских поселений в Америке Александр Андреевич Баранов поступал, как и Шелихов, — не без разборчивости вверял дела своим людям.

...1795 год сулил новые надежды. Нес он с собой и тревоги.

О чем размышлял Шелихов, засиживаясь допоздна над бумагами и отчетами, трясаясь в седле, вглядываясь в воды, медленно проплывающие мимо борта лодки? Представить это можно, перечитав письма, пересылавшиеся из Иркутска в Охотск, Кяхту, Москву, Петербург и обратно.

Он беспокоился: китайцы перестали покупать пушнину у всех, кроме русских, но одновременно поползли вниз цены на пушнину внутри самой России — увеличился завоз мехов в Петербург англичанами⁴⁷.

Он прикидывал, как скажутся на реализации его планов повороты европейской политики. Из Петербурга шли слухи о предстоящем разделе Польши: «хотят всю без остатку на три части... а короля оставить жить на жало-

зании, но в каком месте ему жить — еще неизвестно»⁴⁸.

Он опасался возможности появления у берегов Русской Америки чужих кораблей, которое чревато и открытым вооруженным нападением, и вмешательством в запутанные отношения между промысловыми компаниями, и внедрением в торговлю русских с «американцами». По-прежнему серьезных государственных сил — военных кораблей, воинских частей, мощных крепостей с хорошо обученными гарнизонами не имелось на берегах и у берегов «Восточного моря».

Ломал голову Григорий Иванович и над тем, как быть с англичанами, фактически находившимися на службе компании, получавшими от нее жалование и премии за строительство кораблей, за участие в поисках и промыслах⁴⁹, но формально продолжавшими числиться в списках Екатеринбургского полевого батальона⁵⁰. Неоднократно уже Шилдз порывался отправиться назад, «к батальону», и каждый раз Баранов уговаривал его остаться⁵¹. Вот и теперь англичанина упросили «еще построить два небольших из елового леса судна: шебеку или полугалеру для следования [Баранову]... с духовными особами по американскому берегу, а другое для обозрения и описания северных берегов Америки»⁵². В итоге задержка офицеров могла обернуться большими неприятностями со стороны военного ведомства.

Можно думать, что еще одной причиной шелиховских тревог была смена наместников. В начале 1795 года иркутский генерал-губернатор Иван Алферьевич Пиль, поддерживавший своими рапортами и доношениями просьбы и планы Шелихова, защищавший Григория Ивановича в конфликтных ситуациях (например, в деле с доносом М. Бритюкова), был сменин Людвигом Тимофеевичем Нагелем и уехал из Иркутска⁵³.

Были и другие, не столь важные причины для волнений.

Волновала Григория Ивановича судьба очередной

крупной партии книг, отправленной на Кадьяк (известно, что в ней были среди прочих изданий Генеральная карта Российской империи, Пространные катехизисы, руководство к архитектуре)⁵⁴. Волновала и задержка его столичными приказчиками выполнения нескольких поручений, касавшихся, в частности, приобретения шпалер и картин. Надо думать, это был не первый заказ такого рода. Уже упоминалось, что раньше шпалеры — настенные ковры с многоцветным изображением, которое могло быть и античным сюжетом, и сложным орнаментом, — Шелихов присылал для своего дома в Охотск. Теперь, в 1795 году, знаменитая шпалерная фабрика Акимова выполняла еще один шелиховский заказ на «образа»⁵⁵. Кроме того, из Петербурга должны были доставить в Иркутск портреты великой княгини Елизаветы Алексеевны и великой княжны Александры Павловны (жена сына Павла Петровича — Александра Павловича, в будущем Александра I, и его сестра). Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы члены императорской фамилии позировали нанятому Григорием Ивановичем художнику — заказ предполагал изготовление копий уже существовавших портретов. Но каких! Скопировать надлежало портреты, находившиеся в Эрмитаже, а они могли стать доступными летом, после отбытия двора «на дачу» — в Сарское село⁵⁶.

Из всех проблем — больших и малых — одна стояла особняком.

«Бочаров с приходу доныне пьет, да и впредь лутчаго не ожидаю; вытрезвить никак его не могу...»⁵⁷

«...Чистой водки или спирту Прибылой (мореход Г. Л. Прибылов. — Л. С.) на море без остатку так же проглотил целую флягу...»⁵⁸

Особенно мешало винопитие «компанейским работам» в Охотске — «компанейские работныя и мастеровыя, пропивая свое имение и ту плату, которую за их труды компания им производит, вдаютца в толикие распутства в

самую рабочую пору, что нет почти никаких способов от того их воздержать»⁵⁹. Краткость летнего времени, немногочисленность сухих и ясных дней «без обыкновенного и всегда почти идущего дождя» и густых туманов делали потери рабочего времени предельно болезненной проблемой.

Вероятно, еще в 80-х годах Шелихов начал избавляться от пьяниц (отдельные свидетельства этого в документах встречаются)⁶⁰. Теперь, в 90-х, он до конца проникается тем, что даже самая прибыльная продажа спиртного неминуемо обернется громадными убытками из-за пьяных буйств рабочих-русских и рабочих-«иноверцев». Обращаясь в 1794 году к иркутскому наместнику с просьбой разрешить ему учредить новый порт на охотском побережье в устье реки Ульи, более удобный, чем Охотск, он просит и о запрете продавать там вино. Только так, по его мнению, будет возможно «удержать рабочих в добром порядке».

Весьма характерная просьба в устах того, кто в 70-е годы выполнял обязанности приказчика винного откупщика, а позже и сам участвовал в государственных винных делах!

Стоит отметить, что наследники Григория Ивановича не сразу, но все-таки в конце концов пошли на запрет винной торговли в Русской Америке. Официальный запрет на продажу спиртного был принят в 1846 году⁶¹. Сохранился лишь обычай выдавать рабочим рюмку водки несколько раз в год по праздникам⁶².

Вернемся к шелиховскому предложению. В XVIII веке доход от продажи водки в основном поступал в государственную казну. Ограничить винную продажу означало сократить приток денежных поступлений, чего губернские власти, бесспорно, допустить не могли. Поэтому Шелихов, просивший о запрете торговли спиртным, обещал компенсировать сумму, которую в таком случае недополучала бы Казенная палата Иркутска⁶³.

...В 1795 году Шелихову было на что надеяться, было из-за чего беспокоиться, тревожиться, волноваться. И все же дела компании входили в ту стадию, когда он уже мог торжествовать.

Семь лет назад императрица отказала ему в поддержке, считая русское «распространение в Восточное море» глупой химерой.

В 1788 году Екатерина отказала «людьми военнотружущими и дисциплину сведущими снабдить до ста человек». Она отказала выделить для русского постоянного поселения: «пушечных литейщиков, медников, и фурмовщиков... оружейных мастеров... из Тулы двух, якорных мастеров двух, землемера одного, знающего горную науку офицера... [который] может вести и описание натуральной истории». Она отказала выделить корабельных плотников и матросов, отказала — «к просвещению пришедших народов в греко-кафолическое исповедание... двух священников и дьякона».

Во многом было отказано тогда, семь лет назад⁶⁴. Но Шелихов сумел добиться своего. Русская Америка становится реальностью, правда, не благодаря Екатерине II, а вопреки ей! Постепенно поселения в Америке становятся даже более благоустроенными, чем Охотск⁶⁵.

Можно думать, что теперь, в 1795 году, Шелихов пытается представить, как именно Баранов и его рабочие — русские и «американцы» — воплощают в жизнь еще недавно отправленные на Кадьяк указания, о которых он, Григорий Иванович, напоминал в своих письмах: «...и селение расположить выгоднее и красивее... в плане и в натуре сделайте вы площади для публичного собрания, улицы хотя не очень длинные, ибо можно провести оные от площадей в несколько рядов, но широкие сделайте... деревья приходящиеся по улицам пред домами и в огородах оставьте, не вырубая для красоты и воз-

духа..., батареи две или три постройте башнями красивыми и на оных поставте Российской большой герб; ежели же в том же месте будет у вас заведена и корабельная верфь, то во оной поставте и флаг российской...»⁶⁶

Наверняка он мечтал в недалеком будущем увидеть все это собственными глазами. Но не увидел.

Еще идут к адресатам написанные Григорием Ивановичем письма — путь неблизкий — через пространства тайги и тундры, через океан. Еще только получают в Русской Америке написанные им год назад (!) инструкции: «...весьма желательно нам, чтобы прочнее ярморку учредили Вы на американском мысу, лежащем прямо (напротив Чукоцкой земли). На сем мысу чукчи у американцев более получают отъемом, нежели торгом. А ежели Вы хорошо в сем месте расположитесь и американцев приласкаете, то, думаем, польза хорошая будет»⁶⁷. Только обустроившиеся в новых «заселениях» люди раздумывают, как лучше приступить к выполнению шелиховского поручения — искать «скрывающиеся в земле натуральные редкости».* В Русской Америке многое летом 1795 года только начинается и налаживается. Но в хлопотах

* Прочитируем предписание Шелихова правителю Предтеченской компании И. Ф. Попову (компания — «контрольный пакет акций» ее принадлежал Григорию Ивановичу — разворачивала деятельность на Прибыловых островах и северо-западной оконечности Аляски): «Прикажете всем работным ... наиприлежнейше трудитесь примечать... есть ли какие выкидные или в земле скрывающиеся натуральные редкости, как то: хорошие разнovidные и прозрачные каменя..., морские раковины, удивительные животные, растения морские и земные, рыбы и прочее, что видеть случится, то редкое из сего того собирая, сушив или иначе сохранив, а растения закладывая в книжки между листов, при высылке судна присылать нам сюда с описью, где сысканы... Так же делать примечания и о воздухе, какие ветры когда дуют постоянно или когда иные воздушные перемены бывают, как рано становится весна, лето, осень и зима, в какое время каким бывает по местам привал рыбам речным и морским и в каком количестве». Попов получил «Предписание» 24 июня 1795 г.⁶⁸

этого летнего, самого «горячего» времени года сотрудникам Шелихова невдомек, что Григорий Иванович уже не прочтет их писем-отчетов, не ответит на вопросы, не даст наставлений. И лишь в 1796 и 1797 годах придут письма от «русских американцев», в конце концов узнавших о смерти Шелихова. Раньше об этом станет известно его сибирским сотрудникам, написавшим в Иркутск: «...лишились мы нашего отца и милостиваго покровителя, а особливо я — несчастной бедняк, лишился всей моей надежды и покровительства, — писал Наталье Алексеевне из Якутска Петр Лагутин, — к кому я приду теперь и кто мне поможет и совет даст... Здесь все добрые люди как глас трубный говорят и сожалеют... Я здесь теперь где ни пойду, везде ноги подламываютца и тьма в глазах представляется...»⁶⁹

Столь бурное выражение соболезнований нельзя считать признаком неискренности. Благополучие компаний и людей, состоящих в компанейской службе, конечно же, находилось в огромной зависимости от организаторских способностей, деловых качеств, торговой интуиции, контактов и связей Шелихова. Под ногами людей, и не предполагавших о возможности пенсий, бесплатного медицинского обслуживания, профсоюзов — всего, что сегодня, в XX столетии, обеспечивает социальную защиту, — внезапно разверзлась бездна. «Восточный проект», так много обещавший, оказывался безжалостно перечеркнутым смертью Григория Ивановича. Ужас шелиховских сотрудников тем более понятен из-за неожиданности и неестественности кончины.

В своем прошении о защите и покровительстве овдовевшая Наталья Алексеевна напишет Екатерине II: «Посреде толико важных для него упражнений, при полном здоровье своем и средних летах жизни своей [муж мой] в минувшем июне месяце заболел простудною горячкою, продолжавшеюся 25 дней и наконец лишившею его жизни»⁷⁰.

Две с половиной недели, в которые шелиховский дом жил, переходя от надежды к отчаянию, от отчаяния к надежде, когда все домашние и сам больной старались не думать о возможности рокового исхода, но вновь и вновь должны были возвращаться к предположению о худшем... Слишком тяжелым оказался недуг.

В комментариях к современному изданию шелиховской «Записке странствованию» и дневникам мореходов Измайлова и Бочарова советский историк Борис Петрович Полевой приводит слова анонимного иркутянина, бывавшего, вероятно, в эти дни в доме Шелиховых и ставшего свидетелем болезни хозяина: «...сделалась чрезвычайная боль в животе и такое воспаление, что он, дабы хотя на мгновение утолить огонь, можно сказать, глотал льду по целой тарелке»⁷¹.

Что это было? Прободение язвы? Скоротечная форма рака?

Человеку, каждый год по несколько месяцев проводившему в дороге и бездорожье, голодавшему, питавшемуся порой кореньями и гнильем, а вне дороги часто переживавшему обычное для наших дней, но необычное для той эпохи состояние болезнетворной нервной перегрузки — стресса, немудрено было заболеть тем, что не всегда одолевает и сегодняшняя медицина.

Измученного болью Григория Ивановича не могли не терзать мысли о том, что болезнь рушит с таким трудом возводимое здание «восточного проекта». Мучительность этих мыслей усугублялась сознанием, что от судьбы предприятия зависела судьба остающейся без хозяина семьи.

30 июня 1795 года Шелихов пишет прошение на имя императрицы, где просит об оказании покровительства жене и детям с тем, чтобы утвердить Наталью Алексеевну наследницей по всем промысловым и торговым делам⁷². Если болезнь вызывала столь жестокие припадки,

как описывал анонимный свидетель, то понятно, почему прошение составлено в первые же дни ее.

...Шелихова не стало 20 июля 1795 года...

Слово оппоненту. Но как же с той гипотезой, что Шелихов, попав в затруднительное финансовое положение, отравился?! И как же с другой гипотезой, что Шелихов был отравлен? И ни к чему это обильное цитирование! Вместо цитат лучше бы пересказали одну из последних публикаций — статью Юлии Моисеевны Радченко, где очень подробно и внятно рассказано о том, что дела Шелихова в 1795 году явно ухудшились, к тому же разразился конфликт с женой, которая, отравив мужа, уехала в Москву, а для того чтобы прикрыть свое темное деяние, поставила на могиле Шелихова монумент стоимостью в 11 760 рублей⁷³. Обычные купеческие нравы!

P. S. Еще раз повторим — два обстоятельства нам мешают: нехватка или недоступность свидетельств — документов, второе — склонность судить о прошлом, исходя из предельно упрощенных представлений.

Как строятся рассуждения в статьях, подобных статье Ю. М. Радченко? Берется одна, но сенсационная идея (Шелихов отравлен женой!) и под нее «подгоняются» реальные факты и факты, дополненные в ы д у м к о й. Чтобы объяснить конфликт между супругами, Наталья Алексеевна делается «красивой девицей видного сибирского рода Резановых, принесшей мужу и приличный капитал, и немалые связи среди местных денежных людей»⁷⁴, — неровней Григорию Ивановичу. Симптомы болезни преподносятся как симптомы отравления, отъезд Натальи Алексеевны из Иркутска — как бегство мужеубийцы и т. п.

Но ведь это — «легкость невероятная», которая не описывает прошлое, а использует прошлое в своекорыстных целях. Основа — Шелихов, его смерть, памятник на

его могиле — реальная, но к ней пристроено то, что не выдерживает всякой критики.

Родственные связи с дворянами Резановыми возникли лишь после того, как Николай Петрович Резанов женился на одной из дочерей Григория Ивановича и Натальи Алексеевны, что было бы невозможно, будь невеста и жених кровными родственниками. Не является доказательством запутанности дел Шелихова в 1795 году крушение «Трех Святителей» — корабль разбился четырьмя годами раньше. Не доказывают этого и ссылки на шелиховские прошения. Например, слова «штат пришел в упадок» относятся не к сокращению числа промысловиков его компании, а к штатной (военной) команде Охотского порта.

Неудачна попытка доказать отравление Григория Ивановича ссылкой на воспоминания сибиряка-декабриста Штейнгейля. Мемуарист пишет лишь о том, что в 80-е годы ходили слухи о неверности Натальи Алексеевны и что эти слухи, в свою очередь, могли стать почвой для слухов о том, что Шелихов был отравлен. Декабрист и не скрывает, что записывает все рассказы о «Колумбе русском» с чужих слов, через многие годы⁷⁵.

Итак, версия об убийстве требует подтверждения данными других источников. То же можно сказать и о гипотезе самоубийства.

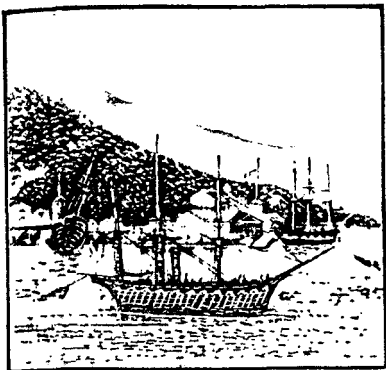
Это предположение выдвинул упоминавшийся уже Б. П. Полевой, посчитав симптомы, описанные неизвестным иркутянином, признаками отравления. Причины самоубийства? Их историк увидел в резко ухудшившемся положении компании из-за падения (?) цен на пушнину в Кяхте. Однако со слов Шелихова известно противоположное — спрос не падал, а наоборот, увеличивался! Все факты говорят об укреплении (пусть медленном) положения русских, шелиховских поселений в Америке, о расширении флота, о том, что в столице по-прежнему есть высокие покровители, на чью поддержку можно было

опираться. Стоит согласиться с А. И. Алексеевым, писавшим: «Жизнелюбивый, побывавший в трудных жизненных ситуациях, хороший семьянин, пользовавшийся поддержкой сибирских властей почти во всех начинаниях, Г. И. Шелихов не мог решиться на такой шаг [как самоубийство]»⁷⁶. И, наверное, не случайно после 1795 года не последовало какого-либо сокращения деятельности шелиховских предприятий. Дело о было поставлено на крепкие ноги, и такой опасности, которая грозила бы катастрофой, не было.

О полной ясности причины смерти Шелихова трудно говорить, не проведя эксгумации*, не собрав новых свидетельств о том, что происходило в трагические летние дни 1795 года, когда в минуты ослабления боли Григорий Иванович вновь и вновь задавал себе вопрос о том, что станет с его наследством. Во всяком случае, ни гипотезу об убийстве, ни гипотезу о самоубийстве признать убедительной невозможно.

* Современные криминалистические исследования разрешили даже такую загадку, как смерть Наполеона. После эксгумации выяснилось: император, сосланный на остров Св. Елены, умер от мышьяка.

НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДНИКИ

ГЛАВА 13

*В грядущи времена о нас
Вспомнят ли когда потомки?
Дела велики, славны, громки
Слезу исторгнут ли из глаз?*

А. И. Клушин, 1793 г.¹

Дело отцов должно продолжать сыновьям.

Мог ли надеяться Шелихов на то, что его предприятие попадет в надежные руки? Снова заглянем в выписки из документов «шелиховского архива».

В 1793 году, в марте, находившийся в Петербурге Григорий Иванович получает из Иркутска очередное письмо жены. Оно необычно пригиской: «...покорно просим... купить для нас четыре книги: Первую — Всеобщую географию, вторую: Пространную российскую географию с картами, третью: Краткую географию российскую, четвертую, называемую Атлас с картами. Все сие нам для учения. Хотя мы оное учим, однако у нас книг нет этих»^{2*}

* Возможности учиться в Иркутске имелись. Надо вспомнить об открытой тут почти одновременно с публичной библиотекой

Просьба о книгах, имевшая 5 подписей: Анна, Катерина, Авдотья, Александра «и сын Василий Шелихов», не могла не порадовать отца — интересы детей оказывались связанными с его собственными. Но всерьез рассчитывать на то, что все дети станут его помощниками, Григорий Иванович не мог. На дочерей надеяться особенно не приходилось — рано или поздно они должны были выйти замуж, покинуть дом. Сын? Его имя в том письме не стоит принимать всерьез — до того, как он сможет стать опорой семье, еще очень, очень далеко.

В письмах Натальи Алексеевны мужу немало ярких и трогательных деталей, относящихся к детям.

«...о Вашинке (!) весьма печалюсь и не знаю, как ево беречь от воспы, потому что здесь ходит сердитая на детей воспа...

...просит Вас Сасинька одне сережечки маленки золотые...

...и Васинька всегда твердит: «Куда маменька, тятенька уехал, меня бедного оставил...

...Васинька у нас бегаёт и просит у Вас сапогов модных петербургских, шляпу модную, чулок шолковых и на бекешу притвор золотой...»⁶

Увы, о сыне здесь, в письмах Натальи Алексеевны, упоминается наряду с младшей дочерью как о совсем маленьком ребенке. Дальнейшие поиски позволяют уточнить дату рождения Василия Григорьевича — самого

«градской школе». О ее выпускниках в 1778 г. говорится в бумагах городской думы: «...выходящие ученики, умеющие читать и писать во опществе занимаютца по городovým службам с таким понятием, которое без затруднения отправлять должность их позволяет»³. В дальнейшем школа была преобразована в Иркутское Главное народное училище, где в 1795 г. мы находим 116 учеников и преподавание иностранных языков, в том числе японского⁴. Знаменательно, что в 1792 г. иркутские купцы обратились к губернским властям с просьбой об открытии здесь класса бухгалтерии⁵ (неизвестно, правда, удалось им этого добиться или нет).

младшего* в семье. К моменту смерти отца ему было лишь четыре года⁷. Рассчитывать на него как на наследника дела не приходилось.

Не приходилось возлагать надежды и на родственников. Младший брат Василий Иванович в Сибири и дядя Федор Петрович в Москве хотя и были, особенно первый, связаны с деятельностью компании, но организационными талантами, коммерческой сметкой и тем более способностью устанавливать деловые контакты не обладали.

Ф. П. Шелихов так и не расторговался, капитал его не превысил минимальной суммы, которая позволяла ему лишь держать лавочку и более или менее безбедно жить в Москве¹⁰. Вряд ли он и предполагал, что сможет быть чем-то полезен в деле управления предприятиями своего племянника (по возрасту Григорий Иванович был старше¹¹). Другое дело — родной брат, Василий Иванович. Он — п р е д п о л а г а л.

В 1795 году 35-летний Шелихов-младший выполняет обязанности приказчика Северо-Американской компании в Охотске: торговал, закупал пушнину, принимал участие в организации строительства и ремонта кораблей, снаряжал промысловые команды, отправляющиеся из Охотска на восток, в океан¹². Вот, казалось бы, на кого и положиться; вот кому и передать семейное предприятие!

В самом конце 1795 года, несмотря на все конфликты и ссоры, неизменно остававшийся шелиховским компаньоном И. Л. Голиков получил письмо из Иркутска.

* В майских письмах 1794 г. упомянута среди «детей наших» Наталия⁸. 5 сентября 1794 г. у Шелиховых родилась еще одна дочь — Елизавета. Роды были тяжелыми, и, вероятно, ребенок родился слабым. Позже, уже после смерти мужа, Наталья Алексеевна в самом начале 1796 г. родила второго сына — Григория⁹. Однако имен последних, младших детей — Елизаветы и Григория Шелиховых в документах 1797 г. и более поздних уже не встречается.

«Милостивый государь, Иван Ларионович! Кончина покойного моего брата родного понуждает мене вступить в распоряжение опцаго моего с ним капитала и дел опцей с Вами компании. Хотя прежде и не имел я случая иметь с Вами переписку, покорнейше прошу Вас явить ко мне Вашу благосклонность, а я, продолжая дела мои с Вами, почтуса быть Вам во всегда нелицемерным... Василий Шелихов. 24-го октября 1795 года»¹³.

Самодовольное заявление Василия Ивановича о том, что он вступает в распоряжение компанией, опережало, однако, события. Как раз в то самое время, когда Голиков узнавал о своем новом партнере, в шелиховском доме составлялся важный документ.

Это было своеобразное гарантийное письмо, в котором фиксируется, что, получив «на поминование души брата и во уважение кровной ... с ним связи» сумму в несколько тысяч рублей, Василий Иванович обязуется отказаться от попыток добиться опекуна над имуществом компании и тем более «никогда ничего в надел не желать»¹⁴.

Нельзя не признать, что для судеб шелиховского «восточного проекта» такой оборот событий являлся благотворным. Хотя Василий Иванович был вовлечен в дела брата еще в конце 70-х годов, он так и не приобрел необходимого опыта в торговых сделках. Он и в 90-е годы мог покупать товары по неоправданно высоким ценам, ссылаясь при этом на отсутствие навыков коммерции¹⁵. Имелось в биографии Шелихова-младшего и темное пятно. В 1787 году он стал виновником непредумышленного убийства¹⁶. Смог бы он возглавить дело? Вряд ли.

Другим своим родственникам, также причастным к компанейским делам, например, Сидору Андреевичу Шелихову*, Григорий Иванович доверять мог еще меньше.

* Г. Давыдов описывает случай, когда Сидор Андреевич, прославившийся в Охотске и на Камчатке своей феноменальной ску-

Предсмертное письмо, с которым обратился к императрице Григорий Иванович, настолько же утрирует драматизм ситуации, насколько и отражает его.

Шелихов написал неправду о том, что, «лишась своих родителей, кроме Бога и вашего величества яко Мать Отечества», не имеет покровителей (цокровители-то имелись!), но одновременно с этим он писал и о вполне реальной угрозе раздела компанейского имущества по требованию родственников или «сторонних»¹⁹. Попади компания в руки неопытных и малосведущих людей, крах шелиховских планов был бы неминуем. Столь же неизбежен был этот крах и в случае раздела компании.

Обращаясь перед смертью к императрице, Шелихов просит считать своею наследницею жену с детьми.

Частые разлуки, которыми изобилвала семейная жизнь Шелиховых, для нас оборачиваются благом. Не будь этих разлук — не было бы и переписки мужа с женой, не было бы тех (известных, правда, в небольшом числе) писем, что дают возможность составить самое общее представление о наследнице Григория Ивановича. Впрочем, первоначальное знакомство с этими письмами несколько ошарашивает открывающейся обыденностью, заземленностью характера переписки.

Обычные домашние хлопоты вроде перекладывания печей...

Детские болезни и меры сбережения детей...

Постоянные просьбы жены купить — «на голову хороших модных уборов, как там [в Петербурге] носят, и две нитки самого лутчаго и крупнаго жемчугу, да табакерку хорошенькую»...

...купить — «шелку итальянскаго, самого лутчаго, разных цветов для шитья...»

постью, не заплатил сколько следует печнику и тот сложил на отпавляющемся в Америку судне печь таким образом, что вскоре на корабле вспыхнул пожар¹⁷. О нечистоплотности Сидора Андреевича в денежных делах имеются и другие свидетельства¹⁸.

...купить — «два куска ситцу, не так цветного, два одеяла тканья не так велеки для детей...»

...купить — «перчаток женских шелковых, большой плат бумажный, турецкой», страусиных перьев (!)...

...купить — «шляпок модных последней моды, бархатных, французских с золотыми кистями и перьями...»

...перстеньки шерловые (т. е. из черного турмалина — полудрагоценного камня), сережки, сапожки, нитки, бу-
сы...

Но наряду с этим, наряду с пылкими изъявлениями любви и описаниями тоски, вызванной разлукой, в письмах и трезвая информация о полученных «японских картах и планах о деньгах», упоминается пересылка копий необходимых документов шелиховским покровителям в Петербург, упоминается самостоятельная продажа и зрядная (т. е. с выгодой) китайских товаров, встречается описание торговой конъюнктуры в Иркутске и т. п.²⁰

Надо думать, жизнь Натальи Алексеевны в доме с «флигельными покоями» и «летником» — летней постройкой во дворе (к сожалению, пока неизвестно, где этот дом находился) — отличалась от навеянных знаменитой картиной Кустодиева сегодняшних представлений о времяпрепровождении купчих.

Другие документы, отразившие последующие события, только укрепят нас в мысли: передача компании жене не была со стороны Григория Ивановича жестом отчаяния. Умирая, он мог надеяться, что дело будет продолжаться.

Сменивший И. А. Пиля на посту иркутского генерал-губернатора Людвиг Тимофеевич Нагель в 1797 году запросил у Натальи Алексеевны сведения о том, как началось шелиховское предприятие и какова его теперешняя судьба.

В комплексе данных, представленных наместнику Н. А. Шелиховой, обратим внимание на список кораблей компании:

«...фрегат «Феникс»...

...«Три святителя»... по конструкции голландских галиотов...

...«Екатерина» по конструкции бригантина...

...«Северный Орел» по конструкции английских галиотов...

...построенные в Америке... малые одномачтовые суда «Пегас» и «Дельфин»...»

Прошло два года со дня смерти Григория Ивановича, но дело отнюдь не пришло в упадок! К продолжающим плавать кораблям старой постройки добавились «находящиеся в Северном отряде», в частности, судно «Николай», законченное «в нынешнем», то есть 1797 году. А в перечне мореходов, кроме «старовояжных», новые судоводители, причем имеющие воинские чины — прапорщика, подпоручика, поручика и даже — «сверх — один иностранец Арнд Подгаж» (из Бремена)²¹. Оказывается, проблема, столь остро стоявшая перед Григорием Ивановичем в 1794—95 годах (см. гл. 12) — укрепление компанейского флота, — находила разрешение благодаря разумным действиям его наследницы²².

Конечно, не надо представлять Наталью Алексеевну эдакой современной «деловой женщиной», управляющейся в одиночку с тысячей сложнейших вопросов. XVIII век — не XX, о возможности женской эмансипации тогда не могли и предполагать. Решение всех проблем компании одной женщине, вдове Григория Ивановича, было не по силам. Однако она счастливо смогла найти людей, чьи звания, таланты, связи сделались опорой начатому Григорием Ивановичем. Ими стали породнившиеся с шелиховским кланом Николай Петрович Резанов и Михаил Матвеевич Булдаков.

В год смерти отца старшей дочери Шелиховых, Анне, было пятнадцати лет. К сожалению, мы не знаем, как именно посватался и получил ее руку Н. П. Резанов — сын председателя Иркутского севостного суда Петра Гав-

риловича Резанова. Брак этот оказывался особенно обещающим благодаря резановским связям в Петербурге. Дядя Н. П. Резанова, Иван Гаврилович, до своей кончины в 1787 году занимал важнейший пост обер-прокурора сената²³. Не полагаясь на деловые качества зятя (к ним поначалу отношение было весьма скептическим²⁴), Наталья Алексеевна, вероятно, надеялась с помощью родни зятя упрочить и расширить петербургские контакты, установленные мужем*. Как и в случае с Резановым, нам неизвестны обстоятельства сватовства М. М. Булдакова к Авдотье (Евдокии) Шелиховой. Поскольку она была младше Анны на четыре года, вряд ли Шелиховы и Булдаковы породнились раньше, чем через несколько лет после смерти Григория Ивановича. Однако знакомство М. Булдакова с шелиховским семейством могло состояться по

* Определенные связи имелись и у самого Н. П. Резанова. Карьера его началась в 1771 г., когда он стал капралом лейб-гвардии Измайловского полка; чин сменяется чином, и в 1784 г. Николай Петрович выпущен в армию капитаном, но через несколько месяцев меняет военный чин на гражданский и служит коллежским асессором в Псковской гражданской палате, затем в Петербургской казенной палате, в Военной коллегии, в Адмиралтейств-коллегии. Его добросовестность отмечена в 1791 г. подполковничьим чином, в следующем 1792 г. он в ведомстве Кабинета Ея Императорского Величества, служит под началом Гаврилы Романовича Державина. В 1794-м, в январе, «по высочайшему соизволению он был послан от господина генерал-фельдцейхмейстера и кавалера графа Платона Александровича Зубова с имянными депешами в Иркутск курьером к иркутскому генерал-губернатору И. А. Пилю. Вот тут и произошло сватовство и помолвка Н. П. Резанова и Анны Григорьевны Шелиховой. Поездка в Иркутск удалась и в служебном смысле, было отмечено, что «возложенные на него препоручения» Н. П. Резанов «исправлял с желаемым успехом» и после пожалования Г. Р. Державина в сенаторы и возвращения Николая Петровича в столицу он был спрошен о том, где хотел бы служить впредь. В определении военной коллегии, данном в ноябре 1795 г., значится: «Подполковника Резанова, по его прошению в воинскую Ея Императорского величества службу принять и определить в Смоленский драгунский полк, считая его при полковнике ... графе Платоне Александровиче Зубове»²⁵.

крайней мере в середине 80-х годов. Именно тогда он, купец из старинного торгового и ремесленного центра Северной Руси, Великого Устюга, стал бывать по торговым делам в Иркутске и Кяхте²⁶. Помощь в делах Булдаков мог оказывать Наталья Алексеевне и до женитьбы.

Коммерческий опыт Булдакова и столичные связи Резановых сыграли не последнюю роль в постепенной реализации планов Григория Ивановича. Способствовало этому то, что в 1796 году умерла Екатерина II и на престоле оказался ее сын, Павел Петрович, сторонник активной политики в тихоокеанском регионе²⁷.

Как мы помним, еще будучи великим князем, Павел благоволил к Григорию Ивановичу. Став императором, он не изменил отношения к шелиховским наследникам. Во многом подражая прадеду, Петру Великому, Павел, как уже было говорено, подражал и в знаках внимания к коммерции и к купечеству. И так же, как Петр I, поддерживал отдельные купеческие кланы, например, Демидовых. Павел I проявлял своеобразную симпатию к Шелиховым. Не станем преувеличивать масштабы и глубину этой симпатии — история недолгого павловского царствования еще темна, малоисследована, — что-то наверняка прояснится и в отношении императора к шелиховскому семейству, отметим лишь один бесспорный факт. В ноябре 1797 года был обнародован указ о возведении «вдовы и детей гражданина Шелихова за заслуги мужа и отца их в дворянское достоинство с предоставлением им права вести торговлю»²⁸. До следующего этапа — учреждения грандиозной монопольной компании для промыслов и освоения Тихого океана, монопольной компании Шелиховых, находящейся под покровительством самого императора, — ждать было недолго. И такая компания была учреждена — Р о с с и й с к о - А м е р и к а н с к а я...

* * *

...В конце 90-х годов XVIII века корабли английского путешественника Джорджа Ванкувера (именно в его честь

и память назван крупнейший город на тихоокеанском побережье Канады) пришли к берегам Аляски. В дневниковых записях мореплавателя не раз и не два встречаются места, где англичанин не может сдержать удивления, а порой и восхищения. Не удерживаемся и мы от этих чувств, обнаруживая, например, упоминание о встрече мореплавателей с русскими промысловыми партиями. «Тут он (участник экспедиции, капитан Пуджет) встретил Григория Пуртова с десятью русскими и девятью стами туземцами с Кадьяка и Кенайского залива, состоящими под его начальством; сей отряд проехал все это великое пространство по океану в маленьких ладьях из шкур, для добытия морских выдр и других животных».

1:90 (!) — таково соотношение сил русских и алеутов, сочетание, возможное лишь в случае ровного, устоявшегося мирного бытия.

Ванкувер записал о встреченных им русских в дневнике: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком они живут между сими грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но благосклонным обращением». Далее он замечает, что русские легко перенимают «обыкновения» алеутов, их пищу, одежду, что потому привязанность и уважение к русским «не легко может быть уничтожена влиянием иностранцев, пожелавших повредить торговле русских»; отмечает он и то, что обучение русскому языку алеутских детей одновременно является «внушением таких правил, которые впоследствии должны послужить в пользу обоих народов»²⁹.

Ванкувер писал не о чем ином, как о ш е л и х о в с к о м н а с л е д и и.

Громадная — полтора миллиона квадратных верст — территория Русской Америки, по мысли Григория Ивановича, и должна была осваиваться согласными и мирными усилиями русских, «туземцев» и детей от смешанных

браков между ними. Не в том, может быть, заслуга Григория Ивановича, что он основал постоянное поселение и начал хозяйственную деятельность, а в том, что шелиховский импульс мирного освоения и стал приводить к замечательным результатам, о которых писал без малого двести лет назад Банкувер, вслед за ним другие путешественники, а затем, уже в наши дни,— авторитетнейшие ученые. «Русские заложили фундамент экономики Аляски. Ее поселенцы сделали первые удачные попытки развития сельского хозяйства. Они начали эксплуатацию лесных и рыбных ресурсов. Геологи ... предприняли исследования минеральных ресурсов, особенно угля, который добывался на полуострове Кенай. Добыча пушнины велась с первых дней русского господства и играла значительную роль на мировых рынках. В последний период русской истории были предприняты меры по охране пушных ресурсов. Сверх того было развито судоходное сообщение вдоль северо-западного побережья Америки, установлены транспортные линии между далекими русскими факториями и прочими поселениями, возникли торговые связи с Викторией, Сан-Франциско и другими центрами»³⁰. Речь идет о том, что было достигнуто Российско-Американской компанией.

С 1797 года начинается постепенное соединение основных купеческих промысловых компаний в одну³¹, и через два года в Иркутске Михаил Матвеевич Булдаков получил письмо, в нем ему и «милой сестре Авдотье Григорьевне» Николай Петрович Резанов сообщил об окончании хлопот по учреждению монопольной компании, которой стал покровительствовать сам император³². Одним из четырех ее директоров был сделан М. М. Булдаков, а компанейские интересы в государственных учреждениях стал представлять «уполномоченный корреспондент» компании в Петербурге — Н. П. Резанов.

Судьба Российско-Американской компании — совершенно особая история, которая заслуживает отдельного

рассказа. Заметим лишь, что именно компанией было подготовлено и проведено первое русское кругосветное путешествие — плавание легендарных кораблей «Нева» и «Надежда», под бело-красно-синим флагом Российско-Американской компании отправлялись в плавание и корабли последующих кругосветных экспедиций. Лучшие русские моряки были причастны к компанейскому мореплаванию. Стоит назвать, кроме самых известных, Ф. Крузенштерна и М. Лисянского, адмиралов Ф. Матюшкина (лицейского соученика А. С. Пушкина) и В. Головнина (автора первого русского историко-географического описания Японии).

Шелиховские предприятия со временем развились в масштабнейшую акционерную компанию с капиталом в несколько миллионов рублей. Уже в XVIII веке при жизни Григория Ивановича деятельность его компании и компаний других купцов шла вразрез с общим хозяйственным укладом страны. В крепостнической России набирали силу капиталистические по своей сути предприятия. Независимо от того, какие цели преследовали организаторы и участники тихоокеанских промыслов, компанейские мероприятия неминуемо, хотя и не напрямую, способствовали разрушению отжившего феодального строя Российской империи. И не вызывает особого удивления то, что через тридцать лет после смерти Григория Ивановича с Российско-Американской компанией оказываются связанными и люди декабристского окружения, и сами декабристы — Сомов, Романов, Беляев, Штейнгейль, Завалишин. Именно в доме № 72 на набережной Мойки у Синего моста, где помещалась контора компании, в квартире К. Рылеева, занимавшего должность правителя компанейской канцелярии, собирались члены Северного общества.

Русская Америка занимала определенное место в планах декабристов. Так, в Калифорнии, в компанейском опорном пункте — форте Росс, предполагалось поселить

выкупленных из крепостной неволи крестьян; отсюда, с западного американского побережья, в Россию должно было начаться распространение передовых взглядов. Эта идея не такая уж фантастическая, как может показаться. В 60-е годы прошлого столетия именно Русская Америка станет одним из каналов поступления в царскую Россию антисамодержавных изданий Герцена³³.

Но — еще раз повторим — это уже другая история.

Слово оппоненту. Понятно, что эта глава получилась совсем короткой: в Ваши задачи не входило рассказывать о Русской Америке в XIX столетии. Но если о русских владениях в Новом Свете известно многое, то о шелиховских наследниках, о сотрудниках Григория Ивановича — почти ничего...

P. S. Сошлемся на упоминавшегося уже советского историка Александра Ивановича Алексеева. В 1975 году он опубликовал книгу «Судьба Русской Америки» — в ней есть и о том, как развивались русские поселения, zaloженные Шелиховым, и о том, как и почему царское правительство продало Аляску и Алеуты в 1867 году Соединенным Штатам.

Итак, о Русской Америке вообще — говорить не будем. Скажем о судьбе шелиховского клана — его родных, его сотрудников.

Благоволение императора Павла I, казалось бы, неминуемо вело к тому, чтоб Шелиховы повторили бурный взлет демидовской фамилии: из мелких торговцев — в светлейшие князья. Возведение в дворянское достоинство, затем, при взятии новообразованной Российско-Американской компании под императорское покровительство — указ о том, чтобы один из директоров в обязательном порядке являлся представителем семьи Шелиховых — «из уважения, что [Григорий Иванович] ...был из первоначальных заводителей сей торговли»³⁴. Стать «вторыми Демидовыми» наследникам его однако не удалось.

Не удалось, следовательно, добиться такого статуса, чтобы иметь решающее слово при определении судьбы шелиховского наследия — Русской Америки.

Дело не в том, что порой безоговорочной поддержки со стороны императора семья не имела (некоторое время против Шелиховых успешно интриговал при дворе конкурент — купец Киселев), и не в том, что сравнительно быстро на российском престоле оказался сын Павла — Александр I.

Думается, серьезнейшим препятствием для возвышения Шелиховых и превращения их в реальную экономическую силу, которая сыграла бы свою роль в развитии страны и в эпоху капитализма, стало распыление средств, отсутствие такого наследника по мужской линии, который продолжил бы начатое Григорием Ивановичем.

Шелихова не стало, когда его сыну было лишь четыре года. Женское воспитание не могло не сказаться на нем. И проявилось оно в том, что наверняка вразрез с желанием матери и четырех сестер, вопреки их увещаниям (а они, несомненно, были) Василий Григорьевич выбирает сугубо мужское, но не связанное с предпринимательством и торговлей дело.

Документы московских и ленинградских архивов сохранили некоторые данные к биографии сына «Колумба русского».

В 1804 году просьбами родственников воспитывавшийся «сообразно его состоянию единственный приемник отца своего» был принят в службу, в Департамент министерства коммерции: «в память такового знаменитого мужа и во ободрение сына шествовать достойно по стопам родителя своего на пользу Отечества»³⁵. Понятно, что говорить о службе 12—13-летнего мальчика всерьез не приходится. И действительно, сразу же юнкеру Шелихову был предоставлен отпуск — он был уволен на время «в дом для окончания наук». В том же году он становится

студентом Дерптского университета (сегодня — Тартуский государственный университет)³⁶.

Учеба мальчика, воспитывавшегося без отца, учеба далеко от дома и семейного надзора, однако, не заладилась. В марте 1810 года В. Шелихов подает прошение об уходе из университета и обращается с другим прошением к тогдашнему министру коммерции, Николаю Петровичу Румянцеву (создателю знаменитого Румянцевского музея — нынешней библиотеки имени В. И. Ленина): «...военная служба есть единственный предмет мой...!»³⁷ — юноша мечтает стать гусаром.

Неизвестно, каких хлопот стоило устройство его дальнейшей судьбы. Нам доступны лишь три письма Василия Григорьевича, из которых видно, что мечта его осуществилась, и которые рисуют нам любопытнейший, хотя и лишь контурный портрет Шелихова-сына. Это письма родственнику и опекуну — мужу сестры, директору Российско-Американской компании М. М. Булдакову³⁸.

Первое — просьба заказать золотое шитье и пуговицы для доломана, гусарского мундира. Второе, написанное три недели спустя, — просьба уведомить командира части, где служит юноша, о том, что М. Булдаков не возражает против женитьбы Василия Григорьевича: «...должен объявить я Вам, что будучи в Петербурге не смел говорить, что влюблен и прошу согласия на женитьбу с девицею Высоцкою, дочерью одного здешнего помещика...»

Третье? Оно настолько ярко характеризует молодого гусара, что стоит его привести полностью.

«Милостивый Государь и Любезный братец!

Письмо Ваше от 22 прошлого месяца я получил, за которое Вас благодарю. Советы Ваши я бы с радостью принял и теперь Вас еще благодарю за оные. Я уже довольно думал о своих обстоятельствах и надежда быть счастливым с тою, которая для меня дороже всего на свете и которую я также любим, не велит оставлять этой

мысли и я непременно должен жениться на той, которая одна может сделать меня спокойным. Вы пишете, что состояние мое не позволяет мне вступить в связи супружества. Я на это Вам скажу, что будучи холост, в полку живя без всякой экономии, гораздо больше издерживаешь, нежели женатой [...] Никогда раскаяние не войдет в мои мысли, но радость будет всегда нам сопутствовать. Думаю, что Вы согласитесь со мною в том, что здоровье свое более всего щадить должно, но сколько постыдных болезней бывает в холостой жизни, которые разрушают тело и безвременно приводят ко гробу. Думаю также, что и в двадцать лет можно мыслить здраво и рассуждать о любовных делах без всякой слепоты. Военное время отнюдь не препятствует счастью человека. Женясь на моей любезной, могу я ее оставить у ее родных, а сам пущусь искать славы в поле. Там или умру или сделаюсь достойным сыном своего Отечества, милым братом сестер своих и любезным супругом милой жены. Скажите, какое чувство, какое усердие может сравниться с чувством воина, который идет противу врагов Отечества, защищая милую жену и родных своих? Ах, конечно, усердие его превзойдет все на свете [...] В Пожарском прекрасно о сем сказано: «приветствия жены и нежны ласки сына с Отечеством тесней спрягают гражданина».

Знаю, что Вы не можете мне противиться, но без согласия Вашего ничего не могу сделать и для того прошу Вас, написать Ивану Семеновичу, что Вы согласны на мою женитьбу и попросите его принять мою просьбу. Надеюсь, что Вы исполните сию мою просьбу. Жаловаться же на Вас я, право, не буду, ибо я уже в таких летах, в которых, не подумавши, не можно ничего предпринимать. Письмо сие посылаю Вам через ештафет, дабы скорее получить от Вас ответ и прошу Вас также, посредством ештафета на мой счет уведомить меня в своих мыслях. Прошу Вас также уведомить меня, под какими номерами состоят мои Акции, ибо я хочу половину ис

оних перевести на имя моей любезной; по крайней мере, пусть остатки моего имения будут разделены с ней, ежели Вы еще будите противиться моему счастью. Пишите ко мне в Гродно, ибо мы теперь с полком стоим уже в самой (слово неразборчиво.— Л. С.). Надеюсь, что скоро получу ответ Ваш на сие письмо мое. Прошу Вас также прислать мне две тысячи рублей денег. Да не задержите ответ.

Впротчем, пожелав Вам здоровья и надеясь, что Вы во всем будите согласны, остаюсь навсегда Ваш покорный слуга и брат

В. Шелихов.

В противном случае Вы дадите ответ Богу, ибо я думаю, что Вы знаете, что любовь имеет свое действие и приводит до отчаяния и признаюсь, что я теперь с нетерпением ожидаю Вашего ответа, он решит все — жить мне и блаженствовать или умереть, я на это решился.

Прощайте.

Письмо, не могущее не вызвать улыбки, а после того, как будет прочтена дата,— еще и вздоха: «Гродно, 1812-го мая 10-го».

Пока письмо шло в Петербург, пока Михаил Матвеевич обдумывал, как же ему ответить пылкому влюбленному, прошел месяц. А 12 июня по старому стилю Наполеон приказал начать переправу через Неман. В составе западной армии, в авангарде, которым командовал легендарный генерал Иван Семенович Дорохов³⁹, в поход выступил Изюмский гусарский полк, в нем и состоял корнет Василий Шелихов.

В его послужном списке отмечено участие в тяжелых арьергардных боях (авангард, не получив приказа отступить, чуть было не оказался отрезанным от остальных русских частей). Участвовал В. Шелихов и в Смоленском сражении.

А потом?

А потом будет жаркий, длинный день 24 августа и поле Бородина. Историки первой Отечественной войны старались во уважение подвигов предков, отстоявших Отчизну, собрать и сохранить, запечатлеть все детали, все подробности больших и малых боев. Увы, нет больше храма Христа Спасителя в Москве, где на каменных досках были вырезаны имена отличившихся солдат и офицеров, но есть другое — многотомное издание «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года». Раскрыв IX том, прочтем «Список Изюмского гусарского полка отличившимся»: ...Бородино: ... корнеты Хоменко, Ш е л и х о в, Лантингаузен во весь сей день находились во фланкерах и распоряжением своим не только удерживали неприятеля, но и делали ему много вреда во время атак...⁴⁰

...Можайск, Малоярославец, Вильна...

Произведен «за отличие» поручиком—октябрь 1812 г.; «При взятии города Вильно, командуя эскадронном много способствовал занятию города, за что и награжден золотую саблюю с надписью «За храбрость»; произведен штаб-ротмистром 1813 года, мая 12-го...

...«битва народов» — под Лейпцигом...

...за рекой Рейном, во Франции...

...каково ведет себя по службе: старательно. Каковы имеет способности ума: хорошие. Каков в хозяйстве: бережлив...

...В 1827 году, согласно собственноручного рапорта Василий Григорьевич сын Шелихов, 36 лет от роду, отставлен из резервных батальонов Астраханского кирасирского полка «подполковником с мундиром, по болезни»*.

* Война перечеркнула романтическую историю любви Василия Григорьевича к «девице Высоцкой»: «... женат на дочери дворянина Григорьева Дарье Герасимовне, имею детей — сына Сергея, дочерей Екатерину и Анастасию...» — так значится в формулярном списке (1827) В. Шелихова⁴¹.

Дальнейшее — в тех документах, которые нам еще предстоит обнаружить. Посетим на равнодушие сына «Колумба русского» к отцовскому делу, отметив, однако, что, не воспитав промышленника и коммерсанта, семья воспитала патриота, подведем итог: прямых потомков, способных стать преемником Григория Ивановича, тех Шелиховых, которые умножили бы наследственный капитал, не оказалось.

И все же повторить путь Демидовых, добиться прочного положения в крепостнической России, а следовательно обеспечить будущность Русской Америки, у шелиховского клана еще были шансы. В начале XIX века происходит возвышение непрямого наследника — Николая Петровича Резанова.

Некогда пользовавшийся самым полным доверием Санкт-Петербургского генерал-губернатора Палена и, как следствие — расположением императора Павла I, Резанов приобрел еще больший вес в придворных кругах после прихода к власти императора Александра⁴². В 1803 году камергер двора, действительный статский советник (чин, соответствующий генерал-майору армейской службы. — Л. С.), Николай Петрович Резанов по указу императора возглавил первую русскую кругосветную экспедицию. Корабли «Нева» и «Надежда» должны были доставить в Русскую Америку подкрепление людьми и припасами, а затем совершить переход к берегам Японии. Н. П. Резанов, являясь уполномоченным корреспондентом Российско-Американской компании (т. е. представителем ее интересов в высших административных кругах России и одновременно — административным контролером над деятельностью компании), шел в плавание еще и как полномочный посол Российской империи — для ведения переговоров в Японии⁴³.

Не останавливаясь на драматических событиях многомесячного морского путешествия небывалого в истории русского флота, не затрагивая хода и исхода перегово-

ров, не рассказывая об интереснейшей деятельности Резанова в Русской Америке, скажем лишь об одобрении императором всего сделанного Николаем Петровичем (среди прочих знаков благоволения Александр I прислал ему брильянтовую табакерку⁴⁴). Но, упрочивший положение Русской Америки, полный новых идей и надежд на их воплощение, спешивший через Сибирь в столицу для утверждения новых планов, в ознаменование учреждения новых предприятий, давший в Иркутске грандиознейший бал⁴⁵, Резанов в Санкт-Петербург прибыть не прибыл. Простудившись в дороге, он вынужден был остановиться в Красноярске, где и умер 1 марта 1807 года⁴⁶.

Андрей Вознесенский в поэме «Авось» приводит слова американского генерала Ван Дерса: «Николай Резанов был прозорливым политиком. Живи Н. Резанов на 10 лет дольше, то, что мы называем сейчас Калифорнией и Американской Британской Колумбией, было бы русской территорией»⁴⁷.

Но Резанову, так же как и его тестю Г. И. Шелихову, не пришлось довести начатое до конца. Вновь повторилось и то, что дел о отца оказывалось не по силам малолетнему сыну: Петр Резанов лишь через пять лет начнет учиться в одном из петербургских пансионов⁴⁸, а в 1807 году он имел шесть лет от роду⁴⁹.

Разумеется, смерть Резанова вовсе не означала того, что шелиховский клан — Наталья Алексеевна, ее дочери, ее зятя, и прежде всего М. Булдаков, ее родственники со стороны покойного Григория Ивановича оказываются отстраненными от дел Российско-Американской компании. В списке компанейских акционеров того времени даже при беглом просмотре сбнаруживаются прямые и косвенные наследники «Колумба русского»⁵⁰. Но хотя М. Булдаков, а позже внук Шелихова — сын Александры Григорьевны — В. Г. Политковский занимали веду-

щие посты в правлении компании*, все большую роль в управлении ее делами играет государство. И не наследники Шелихова, а власти крепостнической, самодержавной Российской империи решат в конце концов судьбу земель и морских просторов, обильно политых трудовым потом простых людей. Повторим: Русская Америка была в 1867 году задешево продана Соединенным Штатам.

* * *

Пытаясь ответить на вопрос, а что же случилось после смерти Григория Ивановича с его родными и близкими**, продолжая библиотечные и архивные разыскания, не раз и не два мы обнаружим россыпи фактов, относящихся и к биографиям сотрудников Шелихова, не состоявших с ним в родстве. Так, вперемешку, и сделаны выписки в рабочей тетради.

Вот запись о том, что Наталья Алексеевна Шелихова

* Михаил Матвеевич Булдаков, женатый на дочери Шелихова Авдотье (Евдокии), был одним из главных директоров Российско-Американской компании в 1801—1824 гг. Талантливый организатор, страстный книголюб (его библиотека, по тем временам весьма немалая, частично сохранилась и находится в фондах краеведческого музея Великого Устюга⁵¹), он пользовался, как и Резанов, определенным расположением членов императорской фамилии⁵². Думается все же, что выходцу из купцов М. Булдакову было не по силам столь же результативно, как это делал дворянин Н. Резанов, отстаивать интересы компании при дворе.

** В 1841—1867 гг правление компании возглавлял внук Шелихова — сын Александры Григорьевны и дослужившегося до чина действительного статского советника Гаврилы Герасимовича Политковского — Владимир Гаврилович Политковский, по образованию военный инженер, одновременно с управлением компанией занимавший видные посты в военной администрации России. Характерная деталь: в апреле 1867 г. Правление компании было внезапно уведомлено о том, что Русская Америка «уступается» Соединенным Штатам, в октябре 1867 г. в столице Русской Америки — Ново-Архангельске — спущен российский флаг, и 25 ноября 1867 г.

умерла в 1810 году в Москве и похоронена на кладбище Донского монастыря⁵³. Несколько страниц здесь заполнено пометами о том, как была предпринята попытка отыскать ее могилу, к сожалению, пока безуспешная.

А вот выписки из журнала Охотской конторы Российско-Американской компании за 1799 год:

«...о свидетельстве построенного на речке Ураке Американской соединенной компании судна Святого Димитрия Мироносца... ластовых судов учеником Николаем Григорьевым, канатного дела десятником Михаилом Дериглазовым, блокового дела десятником Иваном Лифантьевым, десятником же плотницкого дела Дмитрием Старцевым и плотником Федором Романовым.

Во всех частях освидетельствовано и по свидетельству оказалось, что оное судно как плотнишнюю работою, равно такелажною и канатною работою и одинако ж парусами совершенно исправно и к следованию в вояж способно и никакой опасности не имеет, якоря верны, по пробе прочны...»⁵⁵

Начатое Шелиховым продолжалось...

Вот запись, совсем иная по характеру, о том, что в 1818 году во время проведения в Иркутске подписки на «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина один из купцов-подписчиков — Сидор Шелихов⁵⁶.

А вот десятки страниц, заполненные выписками о судьбах людей, некогда участвовавших в реализации планов князя Григория Александровича, купца Григория Ивановича и военного инженера Самойлы Ивановича — планов Бентама—Шелихова—Потемкина.

«скончался член Военно-кодификационной комиссии, состоящий по армейской пехоте генерал-лейтенант В. Г. Политковский»⁵⁴.

Смерть внука «Колумба русского» вполне могла быть связана с серьезнейшим потрясением, которое было вызвано бесцеремонными действиями царского правительства по отношению к Российско-Американской компании.

...Бригадный генерал Сэмюел Бентам вновь прибывает в Россию в 1805 году. На суше и на море англичане, русские и их союзники дерутся с Бонапартом, английские флот, доведенный косностью тупоголовых адмиралтейских чиновников до ручки, значительно уступает французскому⁵⁷. В Британском Адмиралтействе проходит волна новых назначений, начинается скорое внедрение технических новшеств, возникает тогда и идея ускорить модернизацию военно-морских сил тем, что, кроме обычного строительства кораблей из русского леса в Англии, строить их там, где лес растет,— в России. Организовывать это строительство и отправляется в Санкт-Петербург С. Бентам⁵⁸.

Не вдаваясь в подробности выполнения им этой миссии, заметим, что второй русский период биографии сэра Сэмюела ознаменован замечательной деятельностью по созданию П а н о п т и ч е с к о г о и н с т и т у т а .

Речь идет о небывалом для того времени учебном заведении, предназначенном для подготовки технического персонала флота, кораблестроителей, специалистов по производству корабельного оснащения. Воспитанниками института могли становиться с 7 лет дети, «какого б они происхождения или звания ни были». Они должны были жить и обучаться «разным ремеслам и художествам», начиная с «делания физических и оптических инструментов, компасов, парусных полотен и разной одежды» и вплоть до типографского дела. Эта «школа художеств и рукоделий», как она определяется в документах, существовала на принципах самоокупаемости. За обучение и содержание дворянских детей плата вносилась минимальная, дети отцов остальных сословий содержались за счет казны, но содержание и первых и вторых по достижению ими 14-летнего возраста оплачивал уже сам Институт,— изделия учебных мастерских продавались Морскому министерству.

Не удержимся, чтобы не процитировать министерскую

переписку с описанием принципов обучения в Паноптикуме: «...сверх чтения и письма, арифметики и черчения, преподаваться здесь будут физика и математика...» [сверх того предполагается обучение способнейших] «свободным художествам, как то: рисованию, скульптуре, музыке и прочему... а поощрение к трудам и учению производимо будет в них более нравственными побуждениями и наградами, нежели употреблением угроз или наказаний, стараясь рачительно не токмо о сохранении здоровья их, но чтоб они всегда веселы и довольны состоянием своим были, ибо способности и дарования тогда только действуют в совершенной своей силе, когда человек ничем не удручен и не нуждается в житейских потребностях»⁵⁹.

По л и т е х н и ч е с к и й Л и ц е й? Да к тому еще задуманный и открытый прежде Царскосельского, пушкинского Лицея? Впрочем, это предмет совершенно особого исследования.

Грандиозное здание Паноптического института возводилось в тогдашнем пригороде Петербурга — на Охте. Часть преподавателей была русскими, часть англичанами. Но, кроме английских специалистов-механиков, в Паноптикум из Англии прибыли и паровые машины, которые стали приводить в движение станки в учебных мастерских⁶⁰.

К сожалению, Сэмюел Бентам так и не увидел свое детище завершенным. Тильзитский мир, по которому Россия становилась союзницей Франции, сделал невозможным дальнейшее официальное пребывание англичанина в столице России, он возвращается на родину, а к заведыванию Паноптическим институтом определяется занимавший в то время пост начальника Пермских горных заводов М. Логинов, давний знакомый Бентама по его первому путешествию в Сибирь в начале 80-х годов XVIII века⁶¹. Вместе с Логиновым продолжать организацию Паноптикума должен был приглашенный Бентамом

в администрацию института бывший офицер Екатеринбургского полевого батальона Илья Звегинцев^{63*}.

Продолжение сотрудничества Бентама и Звегинцева — случай исключительный, правилом же было то, что участникам шелиховских добрых предприятий судьба не давала вновь сойтись в общем деле.

Так и не увидится больше со своим командиром Джеймс Шилдз, не вернувшийся к батальону и продолжавший строить в Русской Америке корабли и водить их в поисках новых земель. Выключенный российскими властями из военной службы в чине поручика, он был тем не менее зачислен в службу гражданскую — уже в чине коллежского асессора⁶⁴ (чин, соответствующий майорскому), но так об этом и не узнал, — фрегат «Феникс», шедший под его командованием в навигацию 1799 года из Охотска на Кадьяк, потерпел крушение во время шторма; не спасся никто — ни пассажиры, ни матросы, ни мореходы⁶⁵.

Так и не увидится с Бентамом поэт Николай Смирнов, освобожденный англичанином от необходимости тянуть солдатскую лямку в Тобольских губернских ротах и учительствовавший в солдатской школе Екатеринбургского батальона, где дети учили французский по книгам Вольтера и Руссо⁶⁶. Уже после отъезда Бентама и смерти Ше-

* Вряд ли кому-либо известно сегодня о Паноптическом институте. Но дело не в том, что идея его была нереальной, и не в том, что преемники С. Бентама не сумели воплотить ее в жизнь. Через десять лет, после отъезда сэра Сэмуела, в классах, мастерских, на строительстве новых помещений можно было найти почти две тысячи учеников, преподавателей и строителей, состоявших в штате института. Но весной 1819 г. в кузнице вспыхнул пожар, который перекинулся на остальные строения. Практически ничего не уцелело. Сумма убытков была определена весьма внушительной цифрой — 513 000 руб. В ту пору стремления к новациям у императора Александра, по сравнению с первыми годами его царствования, значительно поубавилось. Императорского указания восстановить институт не последовало⁶².

лихова добрый знакомый Григория Ивановича (и одновременно — Радищева!), генерал Осип Новицкий, управлявший Иркутской суконной казенной фабрикой, добился перевода туда Смирнова. Увы, хлопоты бентамовских офицеров, а затем и Новицкого об испрошении Смирнову офицерского чина, так и не завершились успехом. От солдатчины его избавить не удалось. В 1800 году, в 33-летнем возрасте поэт умер⁶⁷.

А вот записи, сделанные после одного из посещений Эрмитажа. Начинаются они с пушкинских строк:

...У русского царя в чертогах есть палата.
Она не золотом, не бархатом богата.
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом,
Но сверху донизу, во всю длину, кругом
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстрокий.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью Двенадцатого года...

Более чем двести портретных полотен помещено в знаменитой Военной галерее Зимнего дворца, с описания которой начинает А. С. Пушкин свое стихотворение «Полководец». Среди генералов — полководцев Отечественной войны 1812 года те, чьи имена известны нам с детских лет: Кутузов, Багратион, Раевский... Но здесь же те, о ком сегодня знают только военные историки: Бахметьев, Чаликов, Марков... С немалым удивлением в этом ряду позабытых ныне героев обнаружим мы и портрет одного из участников «восточного проекта»⁶⁸.

В 1790 году двадцатипятилетним капитаном Кирилл Федорович Казачковский вместе с Бентамом приехал в Иркутск, чтобы отправиться в экспедицию «для полезных

открытиев». К тому времени он уже имел золотой крест и внеочередное продвижение по службе за участие в очаковских сражениях, показав «при штурмовании ретрашамента Гасан-пашинского замка и Ачаковской крепости... мужественную неустрашимость»⁶⁹. Отъезд Бентама, затем смерть Шелихова не дали отважному офицеру принять участие в освоении Русской Америки. Можно представить, с какой досадою он вел через Якутию солдат-кораблестроителей, вынужденных возвращаться с уракского устья, в расположение батальона — Кударинскую крепость в Забайкалье!⁷⁰

В формулярном списке Казачковского теперь уже не экспедиционные поручения, а войны, битвы, сражения...

«...в Пруссии при Браунсберге...

...под Кенингсбергом...

...в Шведской Финляндии...

...1812 года июля 19, командуя правым флангом корпуса... атаковал левый фланг неприятельского корпуса под команду маршала Удино, принудил весь корпус сняться с позиции и отступить...

...1813 года апреля 20... находился в генеральном сражении близ города Люцена, командуя резервом обратил на неприятеля все наши отступавшие войска... в продолжении 5 часов удерживал занятые им деревни, опрокидывая везде сильные неприятельские натиски...

...24 июля 1829 года исключен из списков умершим...»⁷¹

Не вызывает особого удивления то, что среди участников «восточного проекта» оказываются люди, через четверть века осененные вечной памятью двенадцатого года. Не удивит и следующая выписка — копия документа, в котором «сошлись» знакомые нам имена:

«Милостивый государь мой, граф Николай Петрович!

Имею честь препроводить к Вашему Сиятельству записку, доставленную мне от купца и акционера Американской компании Голикова, в которой изволите ус-

мотреть, что наводится сильное сумнение на Главное Правление той компании, что якобы разтрачены капиталы оной. Состоя попечителем дел графа Чернышева, графини Матюшкиной и князя Гагарина, купил я на значную сумму акций для малолетних детей сказанных фамилий, то и беспокоюсь я теперь в веренных мною той компании капиталах. В разсуждении чего и отношуся я к Вашему Сиятельству, яко министру коммерции ... прося уведомить меня, не состоит ли какой опасности, в самом деле, в получении мной от той компании капиталов [...]

Гаврила Державин,
3-го ноября 1804»⁷²

Министр коммерции, граф Николай Петрович, — уже упоминавшийся Н. П. Румянцев; автор письма — первый поэт России начала XIX столетия Гаврила Романович Державин, и после смерти Шелихова человек неравнодушный к промысловой деятельности в тихоокеанском регионе. Ну, а жалобщик — это, конечно же, бывший компаньон Григория Ивановича, курский купец Иван Ларионович Голиков, не раз споривший и конфликтовавший из-за денег с «Колумбом русским», а позже и с его наследниками.

Ровно через год, в ноябре 1805-го, Ивана Ларионовича не станет...⁷³

И еще одна запись в нашей рабочей тетради, относящаяся к самому началу XIX столетия. Пространная, но уж очень яркая! Не удержимся, чтобы не привести ее, пусть не полностью, но хотя бы частично:

«...Мыс святого Ильи. Афогнаки (так для экзотики называются здесь обитатели Кадьяка.— Л. С.) стекаются на морской берег, с которого видны русские суда, бегущия на парусах.

А ф о г н а к: Радость, радость! Видите ли корабль, несущий к нам нашего друга по быстрым волнам синяго моря?

Все, в один голос: Видим, видим! Дайте нам скорее прижать его к сердцу, скорее обнять его колена!

Первый: Уже старейшины пошли к нему навстречу.

Второй: Побежим принять его на мирный берег.

Третий: Окажем ему по возможности наше усердие.

Первый: Подведу ему черного, гладкого соболя, которого я поймал на щастье.

Второй: А я поднесу ему блюдо пшена и скажу ему, — «Ты научил нас удобрять землю, тебе и посвящаю первый плод ея».

Женщина: Чем же нам почтить его? Соберем свежих, душистых трав и устелим ими ложе его.

Другая: А дорогу от пристани до его хижины усыпем прекрасными цветами.

Афогнак: А я до румяной зари проиграю под окном его на свирели, тихонько-тихонько, чтоб не встретить сладкого сна его.

Все: Полетим же братья, подхватим на руки нашего благодетеля!..»⁷⁴

Отсмеявшись над этой безудержной идиллией прямо-таки сыновьих чувств, стоит тем не менее задуматься, почему же редактор журнала, откуда мы выписали эту обширную цитату, поместил статью «Смерть Шелихова», несмотря на то, что написана она приторно густой сладкой водицей. Ведь как-никак журнал — «Вестник Европы» (№ 3 за 1802 год), а редактор — Николай Михайлович Карамзин, названный в пушкинское время первым подлинно русским историком.

Пролистывая журналы рубежа веков — восемнадцатого и девятнадцатого, — убеждаешься, что «Смерть Шелихова» написана вполне в духе исторических сцен — популярного жанра, в котором творили и Озеров, и Коцебу, и Кукольник, и многие другие писатели, знаменитые в свое время и преблагополучно позабытые в наше. Представлявшиеся в театре, эти сцены пользовались немалым

успехом у публики. Но не стоит осуждать за дурной вкус тогдашних зрителей и тогдашних писателей. Чем, например, лучше иные сегодняшние телесериалы?

Что до решения Карамзина поместить цитировавшийся нами отрывок, то, вероятно, дело не только в журналистском стремлении привлечь популярным жанром внимание читателей. Публикация, на наш взгляд, должна была сыграть свою роль в подготовке общественного мнения,— в то время решался вопрос о первой русской кругосветной экспедиции для укрепления российских владений в Америке. «...Николай Петрович Резанов, отправляясь... в качестве уполномоченного от компании (Российско-Американской.— Л. С.) имел... намерение всеми способами содействовать образованию (т. е. просвещению.— Л. С.) отдаленного края. Он предложил свои мысли вельможам, пекущимся о благе народном; они при письмах своих доставили к нему по несколько томов книг на разных языках...» Комплекс документов, касающихся истории Русской Америки, в том числе подготовки и проведения кругосветной экспедиции на «Неве» и «Надежде», был частично опубликован в прошлом веке и переиздан в последние годы⁷⁵. Продолжая начатое Шелиховым дело распространения русской культуры в Новом свете, Резанов организовал сбор пожертвований для «а м е р и к а н ц е в». Вот несколько строк из письма поэта и министра юстиции Ивана Ивановича Дмитриева. В апреле 1803 года он писал Резанову: «М. М. Херасков уже прислал два тома эпических сочинений Кадма и Гармонию и Полидора; завтра отправлю их к вам на тяжелой почте. Карамзин также хотел прислать; чтож касается меня, то я [...] решился отправить мои басни и сказки. Пускай ваши американцы учатся по ним русской грамоте, пока не дойдут еще до риторики...»⁷⁶

Помещенный в карамзинском «Вестнике Европы» отрывок, описывающий «осиротевших» афогнаков, и через

год — поддержка частными лицами и ведомствами государства «человеколюбивого намерения» Резанова «посетить семена наук в недрах народов, отдаленных от Европы и, следовательно, от просвещения»⁷⁷.

Однако некоторые данные не только объясняют идиллию, нарисованную анонимным беллетристом начала прошлого столетия, но в чем-то примиряют нас с его фантазией.

Картины сыновъ ей любви к Шелихову имели, как это ни неожиданно, реальную основу.

Учеными установлено, что довольно скоро, после того как русские промысловые партии стали бывать подолгу на Алеутских островах, между отдельными промышленниками и местными жителями начинают складываться особые дружественно-родственные отношения. Работный становился опекуном какой-нибудь алеутской семьи — помогал в промыслах, делился навыками и сибирскими хозяйственными «хитростями». Это происходило после того, как кто-либо из детей принимал христианство, а кто-либо из русских работных выполнял в обряде крещения роль крестного отца. Опекая и самого ребенка, и его семью, крестный начинал учить их русскому языку и даже грамоте⁷⁸.

Эта практика была в ходу и в шелиховских поселениях. Доподлинно известно, что сам Григорий Иванович крестил по крайней мере одного из маленьких кадьяцев. Мальчика, получившего имя Николай, крестный отец учил «познанию о законе божьем и государевом», снабжал обувью и платьем, вероятно, давал и какие-то поручения по компанейским делам. Отправляясь с Кадьяка, Шелихов наказал остагленному начальствовать в поселении Трехсвятительской гавани Константину Алексеевичу Самойлову не только присматривать за своим крестником, но и «для лутчаго поощрения его в усердии к прибыли компании, всегда отлично его противу других» содержать, обувать и одевать, «чтобы он не пришел в рас-

каание, что нам служил и усердствовал»⁷⁹. Крестников имели и другие участники шелиховского вояжа⁸⁰.

Современные этнографы обратили пристальное внимание на дошедшие до нашего времени сведения о принявшейся в Русской Америке системе полуродственных отношений между крестным отцом — русским и крестником — алеутом и выяснили, что укорениться она смогла в силу того, что подобная система у туземных обитателей Русской Америки существовала давно. В традиционной алеутской культуре было принято, чтобы детей воспитывал не родной отец, а брат матери. Дядя заботился о своем «подопечном» — о его питании, одежде, своевременном и надлежащем обучении. В свою очередь ребенок отвечал за собственное поведение перед покровителем, а достигнув взрослого возраста, должен был проявлять о нем заботу как об отце⁸¹.

Крестники русских, и в действительности питавшие к своим крестным сыновью любовь, скоро, но не поверхностно овладели русской культурой. Они учились в школах, основанных Шелиховым и его преемниками, некоторые из них продолжали обучение в Петербурге. Позже, с 1816 года, дети, показавшие прилежание и способности, могли учиться даже в Петербургской медико-хирургической академии⁸².

Именно дети — дети исконных обитателей Русской Америки, дети повзрослевшие, получившие образование и профессиональную подготовку, ставшие мореходами, корабелями, бухгалтерами, лекарями, учителями и даже священниками — и явились подлинными наследниками Шелихова⁸³.

Пройдут годы. В столице русских владений в Новом Свете будут спущены флаги Российско-Американской компании и Российской империи, взамен их будет поднят государственный флаг США. Наследство Шелихова — русская культура, приспособленная к местным условиям и традициям, — делается для алеутов и других

племен бывшей Русской Америки своеобразным средством групповой солидарности. Тем, что поможет выстоять перед натиском пресвитерианских миссионеров, организовавших кампанию гонений на родной язык, обычаи, традиционные занятия коренного населения.

Вот выписки о смерти А. А. Баранова...

Вот выписки о начале книгоиздательства на алеутском языке...

А вот записи о форте Росс — русском поселении в Калифорнии...

...Судьбы наследников Шелихова, судьба шелиховского наследства...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Откроем сегодняшнюю газету:

«...Что мы знаем об Аляске. Да, пожалуй, ничего.

В Америке живут сотни тысяч русских. Есть русские деревни в Орегоне, целая колония наших земляков близ Сан-Франциско. Но особенно много русских селений на Аляске. В маленьком прибрежном поселке Нинильчака жители прекрасно владеют английским, но между собой говорят только на русском, именно его считают своим родным языком! Еще с XVIII века, когда сюда впервые попали наши поселенцы, бережно хранят они все русские обычаи и обряды.

К слову, американцы не отрицают нашего приоритета в открытии Аляски...»¹

Современные журналисты с удивлением обнаруживают феномен Русской Америки, поражаются жизнеспособности русской культуры в среде алеутов. А она, эта жизнеспособность, порождена традициями мирного сотрудничества в открытии и освоении суровой земли, шелиховскими традициями.

Ценнейший опыт мирных взаимоотношений народов, опыт о б щ е й — одновременно и русской, и американской истории — пропагандируется в наши дни в Канаде, Соединенных Штатах. Этим занимаются общественные организации, подобные «Друзьям форта Росс»; в университете Кингстона издается серия исследований по истории Русской Америки; праздники русской культуры проводятся энтузиастами в бывших русских промысловых поселках; громко отмечалось на Кадьяке двухсотлетие со дня высадки русских в Трехсвятительской гавани. Ну а нам, соотечественникам первопроходцев, нам ли забывать о том, что было начато Шелиховым и продолжено его наследниками?!

«Интереснее того, что было на самом деле, придумать нельзя», — записал когда-то в дневнике Г. Козинцев — режиссер «Гамлета», «Дон-Кихота» и «Лиры», ранее подаривший зрителю фильмы о большевике Максиме. И действительно, многое, что удалось нам узнать, представляется совершенно фантастическим. Вставшие в ряд имена: Потемкин, Зубов, Бентам, Демидов, Державин, император Павел I и — Шелихов — кажутся несоединимыми, но сведены вместе интересом к северным берегам и водам Тихого и Ледовитого океанов, к тем местам, которые сегодня успешно продолжают обживать люди.

Повторим вслед за Даниилом Граниным: «Конечно, подлинность мешала, связывала руки. Куда легче иметь дело с выдуманным героем. Он и покладистый и откровенный — автору известны все его мысли и намерения...»

С нашим невыдуманным героем непросто. О нем мы все еще знаем слишком мало. Трудно с уверенностью предполагать мотивы его поступков, лишь предположительно можно говорить о чертах его характера. Какой он? Решительный и — осторожный? Щедро вкладывающий деньги в свои предприятия и — прижимистый?

Легче с биографией художника, писателя, — духовный мир автора отражен в его произведениях, будь то роман или живописное полотно. Нам же и жизненный путь Григория Ивановича восстановить оказывается очень нелегко. Затруднения постоянны — мало, мало свидетелей! И напротив — загадок по-прежнему множество². Но и детали биографии, и внутренний мир нашего героя откроются несомненно. Кто же говорит, что последняя страница этой книги означает завершение поисков?! Шахты архивохранилищ еще не исчерпаны, а к иным архивам только предстоит подступить.

...Заполнены оставшиеся листки очередной рабочей тетради, — приходит пора начинать новую. И тех, кто желает удачи в дальнейших разысканиях, — к черту!

ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ «Черный тополь» — роман А. Черкасова, изображающий сибирских старообрядцев нравственными уродами и садистами (Черкасов А. Т. Черный тополь: Сказания о людях тайги. М.: Современник, 1982). В том же духе выдержан и другой роман А. Черкасова — «Хмель» (Черкасов А. Т. Хмель: Сказания о людях тайги. М.: Современник, 1975). К большому сожалению, подобные произведения гораздо доступнее читателю, чем книги Н. Покровского или Дм. Жукова, содержащие достоверную информацию о староверах и их месте в отечественной истории.

² Пушкин А. С.— Чаадаеву//Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В X тт. Т. X. М., 1958. С. 598.

ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему Шелихов?

¹ Радищев А. Н. Оснадцатое столетие//Русская поэзия XVIII в. М.: Художественная литература, 1972 (БВЛ). С. 423.

² Ключевский В. О. Сочинения в 8 т. М.: 1959. С. 147.

³ Исторический Вестник — 1895. Сентябрь, раздел «Смесь». С. 807.

⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. Ст. 245—246.

⁵ Курские губернские ведомости. 1893. № 155.

⁶ Григорьев В. С. Григорий Шелихов. М.: Советский писатель, 1956. С. 12, 32, 33, 547. (Роман написан в 40-е гг.—Л. С.).

7 Филиппов Я. Русский Американец//Киносценарии: Литературно-художественный альманах. 1986. № 3. С. 132—150.

8 См.: Хлебников К. Т. Жизнеописание Г. И. Шелихова//Сын отечества, 1838. Ч. 2.

9 Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. СПб., 1823.

10 Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. 1; СПб., 1863. Ч. 2. «Приложение» — опубликованные документы помещены во второй части книги П. Тихменева.

11 Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане: Обзор источников и литературы//Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948; Он же. Первые исследователи Алеутских островов//Исторические записки. Т. 68. М., 1961.

12 Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1968.

13 Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии (кон. XVIII в.— 1867 г.) М.: Наука, 1971.

14 Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л.: Наука, 1975; Она же. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987.

15 Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970; Он же. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.

16 Библиография работ о Русской Америке, затрагивающих порой и факты биографии Г. И. Шелихова, дана в книгах: Макарова Р. В. Русские на Тихом океане...; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1982. Из последних публикаций, затрагивающих историю жизни «Колумба русского», см.: Сергеев М. Д. С Иркутском связанные судьбы. Иркутск, 1983.

17 Марков С. Н. Летопись Аляски. М., 1948 (см. и другие издания).

ГЛАВА 1

Начинаем с анкетных данных

1 Толстой А. К. Полн. собр. стихотворений; В 2 т. Л.: Советский писатель, 1984. Т. I. С. 334.

2 Развернутая характеристика елизаветинской эпохи — Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. Богатая фактологическим материалом, эта книга написана живо и увлекательно.

3 Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века... С. 56.

⁴ Ларионов С. И. Описание Курского наместничества. М., 1786. С. 44, 132—135.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Там же.

⁸ Федоров Ю. И. Державы для... М.: Современник, 1983. С. 9.

⁹ Радченко Ю. «Колумбу русскому...»//Панорама искусств 78. М.: Искусство, 1979. С. 341.

¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1966. Т. 29. Кн. 15. С. 123.

¹¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 18801. Л. 66.

¹² Берг Л. С. История русских географических открытий. М., 1962. С. 279.

¹³ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. I. М.: МГУ, 1985. С. 253.

¹⁴ Реман Г. Макарьевская ярморка//Северный Архив. 1822. № 8. С. 205.

¹⁵ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... СПб., 1785. Т. 3, Кн. 1. С. 130.

¹⁶ РО. С. 207.

¹⁷ Просецкий В. А. Рыльск. Воронеж, 1977. С. 47.

ГЛАВА 2

Купцы Шелиховы

¹ Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 100.

² ЦГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2843. Л. 100.

³ Там же. Л. 152.

⁴ Там же. Л. 102—103.

⁵ Там же. Л. 153.

⁶ Там же. Л. 155.

⁷ Правила работы исследователей в читальных залах государственных архивов СССР.

⁸ ГАКурО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 3890. Л. 22.

⁹ Ключевский В. О. Собр. соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 4. С. 322.

¹⁰ Именно такое требование — покупать и иметь в наследственном владении крепостных высказывали депутаты-купцы в Уложенной Комиссии 1767 года.

¹¹ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 2. Ед. хр. 132. Л. 154.

¹² Федоров Ю. И. Державы для... М.: Современник, 1983. С. 14.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 15. М.: Мысль, 1966. С. 124.

¹⁴ Там же. С. 125.

¹⁵ ЦГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. IV. Д. 179383. Л. 15.

¹⁶ Древняя российская вифлиофика... изданная Николаем Новиковым... Издание второе, вновь исправленное. М., 1791. Т. XII. С. 296.

¹⁷ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... Т. VI. Кн. 4. М., 1786. С. 209.

¹⁸ Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947.

¹⁹ ЦГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. IV. Д. 17938. Л. 1—2; 13, 190б.

ГЛАВА 3

Иркутск

¹ ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 49. Ед. хр. 6500. Д. 1. Л. 155.

² Об этом — Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 106.

³ Петряев Е. Д. Исследователи и литература старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 53. Оспопрививательный дом был открыт в 1772 г.

⁴ О бытовых чертах Иркутска и Иркутской губернии см.: Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947. С. 160.

⁵ Побег Бениовского и его товарищей // Памятники новой русской истории. Ч. 3. М., 1873. С. 334—359.

О материалах, связанных с одним из участников бунта — канцеляристе И. Рюмине — см. Ситников Л. А. Книжные сокровища Сибири. Новосибирск, 1985. С. 7—15.

⁶ Фонвизин Д. И. Собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 370.

⁷ Публикация «Манифеста»: Болебрух А. Г. Послание в Сенат участников волнения на Камчатке в 1771 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск: Наука, 1983. С. 235—243.

⁸ Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (обзор источников и литературы) // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948. С. 5—76; Он же. Первые исследователи Алеутских островов // Исторические записки. Т. 68. 1961; Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII в // Вопросы географии. Сб. 17. М., 1950; Она же. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968.

⁹ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 45.

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ Там же. С. 99, 100—102.

¹² ЦГАДА. Ф. 7 (Госархив, разряд VII). Оп. 1. Д. 2539. Ч. 1. Л. 148.

¹³ См., например, данные в кн.: Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817 (Прибавления). С. 169. Поступления от кяхтинского торгового состава составляли в 1775 г. 38,5% от всех таможенных сборов России; Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. Хабаровск, 1986. С. 177.

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 7 (Госархив, разряд VII). Оп. 1. Д. 2539. Ч. 1—2; там же. Ф. 199. Ед. хр. (портфель) 150. Ч. 5. Д. 21.

¹⁵ ПСЗ. Т. XIX. № 14129.

¹⁶ Записки РГО по отд. этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 443.

¹⁷ Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска... Хабаровск, 1971. С. 70—71.

¹⁸ Цит. по кн. Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 125—126.

¹⁹ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 340. Л. 1; ЦГАДА. Ф. 7 (Госархив, разряд УП). Оп. 1. Д. 2539. Л. 513—514, 516.

²⁰ Это был вернувшийся с о. Уналашка корабль «Павел» под началом морехода И. М. Соловьева. «Павел» находился в вояже с 1770 по 1775 г. Описание плавания см.: Оглоблин Н. Н. Путевые записки морехода И. М. Соловьева // Русская старина. 1892. Т. 75—76.

²¹ Бакай Н. Н. Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири (библиотека Г. В. Юдина). М., 1896.

²² Ленин В. И. ПСС, Т. 55. С. 24.

²³ Утков В. Г. Люди. Судьбы. События. Новосибирск, 1970. С. 47—48.

²⁴ Об этой вологодской находке — РО. С. 33.

ГЛАВА 4

Между Охотском и Санкт-Петербургом

¹ См., например: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.

² АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 12.

³ В 1776 — компании камчатских купцов Луки Алина и Петра Сидорова (корабль «Петр и Павел») (Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 76). В 1777 — компании курских купцов И. Л. Голикова и В. Ситникова (корабль «Андрей Первозванный») (там же. С. 76—77).

⁴ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 33. Л. 3 об—4.

⁵ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1, Д. 314, Л. 38 об.

⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 3 об. 9, 11.

⁷ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 29. Л. 190.

⁸ О женитьбе Г. И. Шелихова делаются самые разные предположения. К вариантам мелодраматичной истории его женитьбы на богатой вдове уже упоминавшимся, добавим еще версию В. Петрова — якобы жена Шелихова была дочерью его компаньона, курского купца И. Л. Голикова (Петров В. Колумбы Российской. Вашингтон, 1971. С. 55) Одно то, что отчество Натальи Шелиховой — Алексеевна, исключает возможность ее прямого родства с Иваном Ларионовичем Голиковым.

⁹ ГАКурО, ф. 184, оп. 4, ед. хр. 20, л. 62.

¹⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. СПб., 1871. Т. 2. — С. 432—430, 472—544.

¹¹ Толченев И. А. Журнал или Записки жизни и приключений. М., 1974. — С. 40.

¹² АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 803, л. 1—2.

¹³ Книги капитальные и приходные Московского купеческого общества 1746—1777. М., 1910. С. 476.

¹⁴ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 803, л. 2.

¹⁵ Таков обычно характер семейной переписки в первые месяцы после свадьбы, однако ранних писем Григория Ивановича и Натальи Алексеевны найти пока не удалось, цитируются же письма, написанные через четырнадцать лет после свадьбы! АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 10—12.

¹⁶ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 117.

¹⁷ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 773. Л. 1; ЦГАДА. Ф. 199. Оп. 1. П. 150. 4. V. Д. 21. Л. 18 об.

¹⁸ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 117.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ Там же. С. 76—77.

²¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 790. Л. 1—10б.

²² Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 77; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 102.

²³ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 77 (сноска 82).

²⁴ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 790. Л. 1 об.

²⁵ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 76.

²⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 33. Л. 1—4 об.

²⁷ Козловский Е. С. Винные откупа и их место в первоначальном накоплении капитала в России // Труды Ленинградского финансово-экономического института. Л., 1947. Вып. 3. С. 281.

²⁸ Об откупах и подрядах в России во вт. пол. XVIII в. см. очерк: Козлова Н. В., Тарловская В. Р. Торговля // Очерки русской культуры. М.: МГУ, 1985. Ч. 1. С. 213—256.

²⁹ И. Л. Голиков родился в 1729 г.— Сайтов В. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. I. С. 623.

³⁰ См., например: Алексеев А. И. Судьба Русской Америки... С. 101.

³¹ Суть поручения мы излагаем по тексту голиковской инструкции «Наставления» — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 33. Л. 1—4 об.

³² Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 79 (сноска 93).

³³ АВПР. Ф. 339. Оп. 888, Д. 33, Л. 3 об.

³⁴ К истории Российско-Американской компании. Сборник документальных материалов. Красноярск, 1957. С. 14; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 79.

³⁵ Там же. С. 119.

³⁶ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 307. Л. 21.

³⁷ 15 февраля 1780 г. См. Саитов В. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 557.

³⁸ Позже, в 1781 г., Иван Афанасьевич обратится в Рыльский магистрат с прошением. В нем он, «мещанин», объявил о желании «быть в купечестве». — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 880. Л. 1.

³⁹ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 56.

⁴⁰ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 880. Л. 1.

⁴¹ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 110.

⁴² Главное же, что невероятно осложняло жизнь купца в русской провинции и тем более в Сибири, — неразвитость внутреннего рынка. «...торговля не только обогащала, но нередко разоряла ее участников. Она требовала риска и не всегда обеспечивала конечный успех. Причина заключалась прежде всего в том, что большие пространства отделяли в Сибири один торговый центр от другого. Эта отдаленность рынков один от другого и вся система передвижения товаров невероятно удлинляли время обращения товаров, а следовательно, и время оборота капитала, вложенного в торговлю. Например, тобольский купец, принимавший участие в торговле с Кяхтой, вкладывал в нее капитал, который мог вернуться к нему не ранее чем через 2—3 года. Но так как издержки по торговле непрерывно увеличивались (оплата пошлин, процентов и пр.), не говоря уже о невероятных злоупотреблениях и взяточничестве сибирских «властей предержавших», то купец должен был иметь на руках сумму денег, почти равную употребляемой на покупку товаров. Большая часть купцов не была в состоянии уплачивать дополнительные издержки из имевшегося у них капитала, поэтому они входили в долги и платили ростовщикам высокие проценты за деньги, взятые у тех на короткий срок. В то время как купец не был еще в состоянии реализовать свои товары в Тобольске или Ирбите с выгодой для себя, он бывал вынужден, чтобы иметь деньги, продать часть своих товаров «за сколько можно» или даже отдать их по собственной цене. В этом случае наживался не купец, а ростовщик» (М.: Кабо Р. М. Города Запад-

ной Сибири. (XVII — первая половина XIX вв.). М., 1949. С. 125.

⁴³ Об этом, например, см. Оглобин Н. Н. Путевые записки морехода И. М. Соловьева // Русская старина. 1892. Т. 75, 76.

⁴⁴ ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 57. Ед. хр. 4785. Ч. 3. Л. 108 об.

⁴⁵ РО. С. 233.

⁴⁶ Об этом в записке, поданной иркутскому генерал-губернатору — ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 56.

⁴⁷ Кузнецова Ф. С. Освоение сухопутных трактов Западной Сибири в XVIII в. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII — начало XX вв. Новосибирск, 1985. С. 20—21.

⁴⁸ Об этом см. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 119—120 (сноска 17).

⁴⁹ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 56.

⁵⁰ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 773. Л. 2 об.—3.

⁵¹ Григорьев В. С. Григорий Шелихов... С. 14, 15, 38.

⁵² Федоров Ю. И. Державы для... С. 20 41—43.

⁵³ Филиппов Я. А. Русский Американец... С. 134—149.

⁵⁴ Текст послания и комментарии — по изд.: Сочинения Державина. [Державин Г. Р. Полн. собр. соч. в 9 т.] СПб., 1864—1883 (под ред. Я. К. Грота). Т. 3. С. 514.

⁵⁵ Русские самородки. Вып. 1. СПб., 1910. С. 102—106.

⁵⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 773. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Л. 3. 10 мая 1779 г. по указанию Г. А. Потемкина Голикову был дан армейский чин капитана за вывоз на поселение в Новороссию 150 семей. Патента на чин он не получил, но в 1780 г. был определен во Второй Оренбургский драгунский полк, в списках которого не значился, лишь номинально считаясь офицером — ЦГВИА. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1148. Л. 190—192.

⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 53. Д. 838/4409. Ч. 13. Л. 158.

⁵⁹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 773. Л. 3.

⁶⁰ Русские самородки... С. 12—13.

⁶¹ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. I—VII. СПб., 1785—1787.

⁶² См.: Рапорт Второго Оренбургского драгунского полка капитана М. Голикова о желании взять на откуп поставку вина (оно должно было изготавливаться на его заводах в Тарском, Исецком, и других уездах) в Уфимское наместничество (1782) — ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 51. Д. 709/4280. Ч. 17. Л. 290; его же рапорт о поставке хлебного вина (водки) в «Тобольскую губернию и Пермское наместничество» (1782 г.) — там же, л. 251; прошение о снятии с него долга и решение (1788) о взыскании с него недоимки в 27 045 руб. — ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 53. Д. 841/4412. Ч. 36. Л. 537, 651; о порядке М. Голикова на перевозку из Исецких хлебных магазинов провианта в пограничные крепости Сибири — ЦГВИА. Ф. 2. Оп. 10.

Д. 1190. Л. 307; о нарушении им условий контракта — там же, д. 1183, л. 543.

По Московскому винному откупу (1773—1783) на М. С. Голикова недоимка достигла суммы в 119 940 руб. Его наследник — племянник Иван Никитович Голиков, дабы не связываться с судом, отрекся от наследства. Проданное московское имущество М. С. Голикова не покрыло всех долгов, осталось еще около 20 тысяч руб., не возвращенных в казну. В конце концов голиковского поручителя от необходимости выплачивать задолженность освободил в декабре 1796 г. Павел I за давностью лет и «тем более в уважение известных [...] полезных успехов, каковые проистекают в заведенной собственным иждивением [...] [поручителя] Северо-восточной Американской компании». Поручителем был Иван Ларионович Голиков — ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 55. Д. 1056/4627. Л. 777, 787, 789, 878.

⁶³ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 78.

⁶⁴ ГАКурО. Ф. 217. Оп. 1. Ед. хр. 3890. Л. 22.

⁶⁵ Толченнов И. А. Журнал или Записка жизни... С. 190—191.

⁶⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 879. Л. 1.

⁶⁷ Там же.

ГЛАВА 5

На краю земли

¹ Лессепс Г. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. М., 1803. Ч. 3. С. 39.

² Описание Охотска в кон. XVIII столетия мы приводим по данным А. Алексеева — Алексеев А. И. Охотск — колыбель Русского Тихоокеанского флота. Хабаровск. 1958. С. 82—85.

³ Марков А. И. Русские на Восточном Океане // Москвитини 1849. № 8. Кн. 2. С. 214—215.

⁴ К истории Российско-Американской компании: Сб. документальных материалов. Красноярск, 1957. С. 27—28.

⁵ Об этом — в тексте контракта, заключенного между Г. И. Шелиховым и Голиковым — ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 78.

⁶ Сафонов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 87.

⁷ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М.: Наука, 1984. С. 98.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 77. Л. 2.

¹⁰ Алексеев А. И. Охотск — колыбель... С. 84.

¹¹ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 100—104.

¹² Там же. С. 101; АВПР. Госархив II-3. 1783 г. Оп. 34. Д. 1. Л. 33. При разделе добытой пушнины выделялось по полпая, мореходу — пай.

¹³ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 879. Л. 1.

¹⁴ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 107, 139.

¹⁵ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 560б.— «...по мнению Шелихова 2-х судов было недостаточно, на свой кошт он построил 3-е».

¹⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 38. Л. 30б.

¹⁷ См. иллюстрацию 31 в кн.: Лебединский М. С. Гравер Петровской эпохи Алексей Зубов. М.: Искусство, 1973.

¹⁸ Виды Петербурга и его окрестностей середины XVIII века. Л.: Сов. художник, 1968. С. 11.

¹⁹ Шишков А. С. Морской словарь. СПб., 1832. Т. 1. С. 33.

²⁰ Об этом — в записке об истории шелиховских предприятий, которую Н. А. Шелихова составила через несколько лет после смерти мужа, отвечая в 1797 г. на запрос иркутского генерал-губернатора Людвиг Тимофеевича Нагеля — ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 560б.

²¹ К истории Российско-Американской компании... С. 13.

²² Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 101—104.

²³ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 38. Л. 10б.— 2.

²⁴ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 104.

²⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 35. Л. 1—10б.

²⁶ См. «Контракт компании московского купца Василия Серебренникова от 15 сентября 1773 года» — Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 164—175.

²⁷ Прошения работных о выдаче денег в зачет будущей платы с указанием того, на что эти деньги нужны, фиксировались в компанейских «книгах».

²⁸ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 881 — «Первая книга судна С. Санкт-Трех Святителей. В рацотах с работными Северо-Восточной Американской компании компаниона Григория Шелихова, идущей с 1783-го по сей 1790-й год». Далее в тексте мы будем называть эту книгу — книгой расчетов.

Примечательно, что аналогичные «книги» существовали и на других судах,— на обороте титульного листа имеется черновая запись: «Вторая книга судна Архистратига Михаила».

²⁹ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. «№ 1783-го года ноября 10 дня. Книга компании рыльского купца Григория Шелихова с товарищи на судне Трех святителей, в которой записывается состоящих на оном судне отличные по компании начиная от морехода и переводщика до последнего работного содеянные и усердные к пользе компании, похвале и награде достойные дела, равным образом от кого произойдут вредные опществу развратные нерадени, дерзкие поступки и сквернословые и по поверенной должности

слабые и нерадивые люди, таковым учиненные наказания и положенные от хозяина в пользу в Охоцком порте в сиротское признание штрафа и отменение от поверенной должности... В одной же книге записывается и то, кто по бытности в вояже от хозяина, что забрал, равно и от кого, что уплаты к хозяину поступило». Поскольку большая часть сведений, занесенных в эту книгу, касается того, «кто, что по бытности в вояже, от хозяина забрал», далее в тексте ссылки на эту книгу как на книгу выдачи припасов. Ее микрофильм — ЦГАОР. КМФ-3/ЗА-5. П. 24.

³⁰ Кук Дж. Третье плавание капитана Джеймса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971. Т. 3. С. 390.

³¹ Там же. С. 395.

³² Там же.

³³ Во время этого плавания Измайлов был штурманским учеником.— ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 68—69 об.

³⁴ Кук Дж. Третье плавание... С. 391.

³⁵ Там же. С. 391—392.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Рюмин И. Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским // Северный Архив, 1822. № 5—7.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Кроме того, на «Трех Святителях» Битюков вел документацию — часть записей в «книге выдачи припасов» сделана его рукой.

⁴¹ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 170.

⁴² ЦГАДА, Ф. 1605. Оп. 1, Д. 292. Л. 1—64.

⁴³ Бродель Ф. Структура повседневности. Возможное и невозможное: Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII в. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. С. 261—262.

Ср.: «Должно согласиться, что в сыром и нездоровом климате умеренное употребление горячих напитков есть одно из лучших средств к поддержанию здоровья. Опыты доказали, что цинга, прежде бывшая здесь (в Русской Америке.— Л. С.) в сильной степени, ныне вовсе неизвестна; и должно полагать, что к тому действуют ром, чай и картофель. Каждый из служащих в сырое время получает в месяц 4 или 5 чарок рому...» — Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирилы Хлебникова. Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985. С. 103 (сноска «д»).

⁴⁴ Бродель Ф. Структура повседневности... С. 256.

⁴⁵ РО. С. 227.

⁴⁶ Всего в экспедиции участвовало 192 промысловика — РО. С. 226 за вычетом команды «Михаила» (62 чел.) и команды «Трех Святителей» (по книге выдачи припасов — 61 чел.) на долю «Семюна» приходится 69 чел.

⁴⁷ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1, Д. 292. Л. 63об.

⁴⁸ Отметки об этом — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 881. Характерно, что Сидор Андреевич Шелихов (о его скупости далее) пожертвовал минимальную сумму.

⁴⁹ Ср.: «Наталья Алексеевна ... объяснила, что она, взяв перед отъездом с проживавшей у ней тетушки клятву не проговориться ... поручила старушке детей как матери.

«— Я за детей спокойна, не маленькие! ... А один уйдешь — как знать, вернешься — меня в живых не найдешь...» — см.: Григорьев В. С. Григорий Шелихов. М.: Сов. писатель, 1956. С. 13.

⁵⁰ Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствование... С. 1.

⁵¹ РО. С. 227.

⁵² Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота... С. 65.

⁵³ Шергин Б. Гандвик — студеное море. Архангельск: Сев.-Западное кн. изд-во, 1977. С. 23.

⁵⁴ РО. С. 193. Нам известен еще один случай, когда купец — глава промысловой компании отправляется в дальнее плавание с женой. Так поступил, в частности, сотрудничавший некоторое время с Г. Шелиховым купец Евстрат Иванович Деларов. — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 96. Л. 1.

⁵⁵ Романов Д. «... не ошибся в ожидании моем» // Вокруг света, 1987, № 8. С. 4—9.

⁵⁶ «... Тут же, к изумлению людей, к ватаге Наталья Алексеевна шагнула. Все ахнули:

— Куда ты, баба?! ... Народ заволновался: — Чумовая... — Скаженная. — Ох, ты, видимое ли дело, — запричитал кто-то в толпе подурному, — беде бы не случиться...» — см.: Федоров Ю. Державы для ... М.: Современник, 1983. С. 30.

⁵⁷ «... В толпе засуетились: Забыли, забыли... Да вот, — мужичонка в драной шапке тряхнул связку лаптей ...

Козлов-Угренин подал начальственный голос: — Лапти ко мне в пакгауз снести. На государево хранение. Всех оглядел с достоинством.

Хапнул-таки, урвал кроху». — Там же. С. 31.

⁵⁸ Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота... С. 92. Сведения, говорящие о том, что Козлов-Угренин не мог быть свидетелем выхода в море шелиховских кораблей — Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 136.

⁵⁹ «Карта меркаторская, показывающая пространство от реки Урака отстоящее в 25 верстах от Охотска до новообретенных островов Кыхтака и других, на которой путешеования положены из трех судов отправленных в 1786-м году торговою Голикова и Ше-

лихова компаниею, одного судна Трех Святителей, на котором был компанейщик Шелехов (!) и возвратился в 1786-м году во Охотскую область. Сии путешествия означены ко островам красною и обратно черною красками. Обсервации деланы штурманом Измайловым» — ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 3. Д. 23757.

ГЛАВА 6

Над картой Измайлова

¹ РО. С. 226.

² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292, л. 63—63об.

³ Там же. Л. 63 об.

⁴ Мэ л в и л л Г. Белый бушлат. Л.: Наука, 1973. С. 145.

⁵ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 40.

⁷ Кроме Щекина, в воровстве водки были уличены: Степан Серкин (там же, 49), Егор Патраков (л. 63 об.), Михаил Кабынин и Филипп Ревякин (там же), Алексей Новоселов (л. 35), Семен Кузнецов (л. 25); замешанными в различных «плутнях» с Измайловым или без него были еще и Николай Власов, Дмитрий Басов, Егор Баранов (там же, л. 16, 19, 22 об.).

⁸ Заглянув в документы, регламентировавшие порядок на русских кораблях в XVIII столетии, убедимся в том, что требования к дисциплине команды и пассажиров были высоки; поддерживать ее было обязанностью «корабельщика или судовщика» (т. е. морехода). — См.: Устав купеческого судоходства по рекам, водам и морям. СПб., 1781.

⁹ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... — С. 54 (сноска 65).

¹⁰ РО. С. 227.

¹¹ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 63 об.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Стивенсон Р. Л. Остров Сокровищ. Черная стрела. М., 1957. С. 91.

¹⁵ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 63 об.

¹⁶ РО. С. 227.

¹⁷ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. С. 179.

¹⁸ РО. С. 227.

¹⁹ Хохлачев В. В. Все о чае. М.: Агропромиздат, 1987. С. 89—92.

²⁰ РО. С. 227.

²¹ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 57.

²² Там же, л. 40.

²³ История предприятий Емельяна Басова изложена в кн.: Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 44—49, 51; см. также: Алексеев А. И. Судьба Русской Америки... С. 39—41.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 27. Трава, за которой на остров отправлялся Штенников, была, вероятно, необходима для коз, имевшихся на борту «Трех Святителей». В 1786 г., отправляясь с Кадьяка в Охотск, Г. Шелихов наказывал сделать «для коз теплые и добрые разные хлевы, а для сена большой сеник» — РО. С. 193.

²⁵ См. об этом популярный очерк Г. Голубева — Голубев Г. Прелюбезные братцы // На суше и на море. М.: Мысль, 1986. С. 182—205.

²⁶ Тед Бенк Второй. Колыбель Ветров. М., 1960. С. 43.

²⁷ Давыдов Г. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. 1. С. 98.

²⁸ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 209.

²⁹ Федорова С. Г. Первое постоянное поселение русских в Америке // Новое в изучении Австралии и Океании. М.: Наука, 1982. С. 228—236.

³⁰ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 96.

³¹ Там же. С. 92.

³² Там же. С. 96.

³³ Там же. С. 95.

³⁴ Сарычев Г. А. Путешествие...

³⁵ Обстоятельное описание алеутов Уналашки и других островов Алеутской гряды см.: Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л.: Наука, 1975; Она же. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987.

³⁶ Сошлемся на более позднее свидетельство адмирала Воина Андреевича Римского-Корсакова. Его описание — взгляд человека, так же как и Шелихов в XVIII в., впервые увидевшего алеутскую байдарку: «[Алеуты] — преинтересное племя, сущие амфибии. Взглянуть на алеута на сухом пути — это худенькое, ледящее, робкое существо; кажется, что еле-еле душа в нем держится, и ходит он и держится как-то крайне жалко и неуклюже. Кто бы подумал, что подобные существа суть самые сильные и ловкие моряки в цивилизованном мире?! Байдарка алеутская... Как вам объяснить ее форму? Всего лучше представить большую рыбу, у которой в спине вырезаны два круглых отверстия, и в них впилились дух человек с ногами и туловищем по пояс. В этом положении «рыба» их возит, а они будто бы только дают ей направление необходи-

мыми лопатками, обделанными в виде копейного острия, подгребом то с одной, то с другой стороны. Скелет этой посуды сделан из самых тонких и легких ободьев, привязанных струною, а потом обшит выделанной сивучей кожей. Для сшивания употребляется дратва из тончайших нерпичьих жил [...] Притом она так легка, что два человека свободно берут ее на плечи и несут на какое угодно расстояние.

В такой-то лодке, в которой непривычный человек и на самой спокойной воде едва сохраняет равновесие, чтоб не перевернуться, алеут выезжает в открытое море, теряет из вида берег, живет днями и неделями. Нельзя сказать, чтобы байдарка могла выдерживать бурю, но двулучная (с двумя отверстиями) с двумя греблями байдарка может выехать в порядочное волнение, если только гребни и заворотни не очень сердиты. Но обыкновенно байдарки выходят в море по две вместе, и если погода разыграется, то обе байдарки связываются рядом. В таком положении они выдерживают какую угодно бурю. На байдарку алеут обыкновенно берет с собою две стрелы с поплавками, которые он бросает с руки, ружье, немного пороху, что нужно для починки байдарки и никакой провизии. Захотелось есть и пить — первый попавшийся тюлень, утка, рыба — все ему стодится, потому что он, если нет случая варить, все что попало ест сырое и кровью утоляет жажду. А впрочем, если алеуту случится и поголодать дня два-три, он и тогда мало горюет, потому что этот народ терпелив в высшей степени». — Римский-Корсаков В. А. Балтика—Амур: Повествование в письмах о путешествиях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980. С. 206—207.

³⁷ Кук Д. Ж. Третье путешествие капитана Джеймса Кука: Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М.: Мысль, 1971. С. 397. «...Они (обитатели острова Уналашка.— Л. С.) по всем признакам самые мирные и спокойные люди из всех мне известных, а честность их может служить образцом для более цивилизованных народов земного шара. Но судя по тому, что я видел у других народов, не состоящих в сношениях с русскими, я склонен думать, что эти качества не природные отнюдь, и я полагаю, что обладают они ими благодаря общению с русскими или, скорее, вследствие подчинения последним».

³⁸ Шамиссо А. Путешествие вокруг света. М.: Наука, 1986. С. 86—87.

³⁹ РО. С. 233.

⁴⁰ Те д Бенк В т о р о й. Колыбель Ветров... С. 37.

⁴¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 47. Л. 10.

⁴² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 307. Л. 25.

⁴³ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 4. Ед. хр. 20. Л. 62.

⁴⁴ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 307. Л. 23.

- ⁴⁵ Об этой эпидемии «горячки» см. Петряев Е. Д. Исследователи и литература старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 53.
- ⁴⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 47. Л. 1—10б.
- ⁴⁷ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 756. Л. 1.
- ⁴⁸ 30 человек из экипажа «Михаила» были отправлены летом 1785 г. на Кадьяк.— РО. С. 240. О судьбе этой партии далее.
- ⁴⁹ РО. С. 197.
- ⁶⁰ РО. С. 241, 197.
- ⁶¹ РО. С. 196.
- ⁵² Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 165, 167.
- ⁵³ Успенский С. М. К востоку от Берингова пролива (По Аляске). М.: Мысль, 1980. С.30.
- ⁵⁴ Там же. С. 31.
- ⁶⁵ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 199.
- ⁶⁶ Успенский С. М. К востоку от Берингова пролива... С. 33.

ГЛАВА 7

Кадьяк

- ¹ ЦГАДА. Ф. 7 (Госархив, Разряд VII). Оп. 1. Д. 2742. Л. 4—7. Донос Бритюкова был опубликован — см.: Памятники Новой Русской истории. Ч. 3. СПб.; 1873.— С. 373—374.
- ² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 22, 4, 7.
- ³ Там же, л. 22.
- ⁴ Краусс М. Я. Языки коренного населения Аляски: Прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 171.
- ⁵ РО. С. 235, 236.
- ⁶ В данном случае мы пытаемся представить промысловый поселок на Кадьяке, используя записки путешественников, зафиксировавших черты быта русских промысловиков и кроме того,— инструкции самого Г. И. Шелихова. См.: Кук Дж. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М.: Мысль, 1971. С. 389, 397, 561; Ванкувер Г. Путешествие в северную часть Тихого океана. Ч. 5. СПб., 1833. С. 257—261; РО. С. 190, 193—194; АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 48. Л. 1—2 об.
- ⁷ См. гравюру в изд. Sauer M., An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia Reformed in the Year 1785 to 1794, narrated from the Original Papers, London, 1802.
- ⁸ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 44. 3, 28, 60, 45, 36, 14.
- ⁹ РО. С. 238.
- ¹⁰ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 30.

- ¹¹ Там же. Л. 50, 66.
- ¹² РО. С. 238.
- ¹³ Волович В. Г. Человек в экстремальных условиях природной среды.— М.: Мысль, 1980. С. 42—43.
- ¹⁴ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 16, 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 2—2об.
- ¹⁶ РО. С. 179, 191.
- ¹⁷ РО. С. 181.
- ¹⁸ РО. С. 180.
- ¹⁹ О случаях гибели целых экипажей промысловых судов от рук аборигенов см.: Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л., 1979. С. 86—87.
- ²⁰ РО. С. 239.
- ²¹ РО. С. 237.
- ²² РО. С. 178—182.
- ²³ РО. С. 239.
- ²⁴ РО. С. 241.
- ²⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 756. Л. 1; РО. С. 240.
- ²⁶ РО. С. 182—185.
- ²⁷ РО. С. 185.
- ²⁸ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 49; РО. С. 240.
- ²⁹ РО. С. 241.
- ³⁰ «По увольнению из своей компании» контракты с Г. И. Шелиховым для работы в команде «Трех святителей» заключили следующие промысловики: великоустюжский мещанин Иван Птицын, «якуцкой ясашной» Дмитрий Татаринов, ильинский купец Михайло Кондаков, великоустюжский крестьянин Федор Катаминов, иркутский цеховой Григорий Семенов, енисейский крестьянин Михайло Балушкин, киринский крестьянин Осип Михалев, красноярский крестьянин Егор Таксин, енисейский цеховой Ефим Березин, красноярский крестьянин Дмитрий Ковригин, яренский крестьянин Никита Зеленин, сольвычегодский мещанин Григорий Каньсин.— АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 882. Л. 11—69; контракт Кондакова и яренского крестьянина Александра Ивакина (вероятно, попавшего в команду «Св. Михаила») опубликован — см.: Шмаков А. Неизвестные письма «Колумбу российскому» // Сибирь. 1980. № 2. С. 121.
- ³¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 790. Л. 2; ЦГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 150. Ч. V. Д. 21. Л. 18 об.
- ³² РО. С. 188.
- ³³ РО. С. 237.
- ³⁴ РО. С. 188, 195.
- ³⁵ РО. С. 242; далее обратное плавание описывается по опубликованной в РО «Записке странствованию» с учетом проложенного на карте Измайлова курса.

³⁶ РО. С. 242.

³⁷ Там же.

³⁸ РО. С. 243.

³⁹ Договор Шелихова с капитаном Питерсом — РО. С. 199—200; описание этой сделки см. также: Штейнгель В. И. Сочинения и письма: В. 2 Т.— Иркутск, 1985. Т. 1: Записки и письма. С. 65.

⁴⁰ Наставления приказчику Ф. А. Выходцеву и список товаров, о доставке которых на Камчатку Г. Шелихов договорился с англичанами.— РО. С. 200—204.

⁴¹ Описание Большерецка.— ЦГАДА. Ф. 7 (Госархив, разряд VII). Оп. 1. Д. 2539. Л. 433—434; см. также: Лессепс Г. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. М., 1801. Ч. 1. С. 74—144.

⁴² РО. С. 244.

⁴³ ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Ед. хр. 988/4559. Л. 2. Людей доставило в Охотск судно купца Панова «Св. Георгий».

⁴⁴ В 1790-м г., обнаружив португальца и бенгальца в Иркутске, сотрудничавший с Шелиховым полковник С. Бентам (см. гл. IX—XI) попытался добиться зачисления их в свою часть, очевидно для вовлечения этих моряков в экспедиционную деятельность.— ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 166. Исход дела неясен.

⁴⁵ РО. С. 213.

⁴⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 881; ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292.

⁴⁷ К истории Российско-Американской компании. Сборник документальных материалов. Красноярск, 1957. С. 20. Заметим, данная публикация содержит немало погрешностей, в частности, в сведениях о плаваниях «Трех святителей» неверно указан год: вместо 1786—1785. Оригиналы опубликованных в Красноярске документов находятся ныне в ЦГАДА (ф. 1605).

⁴⁸ «...В середине марта 1787 года все население Иркутска высыпало на улицы встречать этот пестрый и шумный караван с трофеями трехлетней экспедиции в Америку. Лошади, быки, олени в санях (1—Л. С.) и под выюками бесчисленные собачьи упряжки в нартах, в сопровождении проводников — тунгусов и якутов... — Богатствам счет потеряли! — растерянно говорили иркутяне ...» — см.: Григорьев В. С. Григорий Шелихов. М., 1956. С. 78—79.

⁴⁹ РО. С. 217.

⁵⁰ Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947. С. 96.

⁵¹ Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 108.

⁵² Материалы, отразившие недовольство работных такой практикой, опубликованы — см.: К истории Российско-Американской компании... С. 63—73.

Компаньоны, их покровители и награды императрицы Екатерины II

¹ РО. С. 244.

² Описание Тигильской крепости — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 29. Л. 130 об.—131.

³ Успенский С. М. Живая Арктика. М.: Мысль, 1987. С. 185.

⁴ РО. С. 244.

⁵ Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1959. Т. 3. С. 313.

⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 47. Л. 1—11.

⁷ РО. С. 244.

⁸ Иркутские губернские ведомости. 1860. № 6 (часть неофициальная). С. 7.

⁹ Оглы Б. И. Архитектура города Иркутска XVIII—XIX столетий // Труды НИСИ. Новосибирск, 1958. Вып. 8. С. 11.

¹⁰ Лессепс Г. Лессепсово путешествие... СПб., 1803. Ч. 3. С. 176; John Ledyard. Journey through Russia and Siberia in 1787—89. Ed. S. D. Watrous. Madison, 1966. P. 129; Briefe aus Sibirien an seinen Lehrer den Königl. Grossbritannischen Hofapotheker Herr Brande, den Königl. Grossbritannischen Botaniker Herrn Ehrhart und den Bengcomissaris und Rahtsapotheker Herrn Westrumb, 1796.

В нашей работе был использован перевод книги Сиверса, выполненный В. В. Завалишиным. Машинописный экземпляр перевода передан В. В. Завалишиным для хранения и выдачи читателям в сектор редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР (Новосибирск).

¹¹ Древняя Российская Вифлиофика... изданная Николаем Новиковым... Издание второе, вновь исправленное. М., 1791. Т. XVIII. С. 284—296. Не удержимся и приведем цитату, описывающую вид, открывавшийся приезжим: «...вся окружность города как бы нарочно каким-либо изящным художником обведена горами, одна за другой возвышающимися; а город стоит на ровном месте, и чтобы вид был приятнее, то иныя из тех гор украшены молодым кустарником, иныя отягощены крупным лесом, а иныя наконец преизобилуют различными ягодами и врачебными зелиями, так что прогуливающийся гражданин вне города довольно может усладить свои же чувства. **Видение:** представлением себе как бы некоторого древняго амфитеатра, преемственно возвышающихся гор и созерцанием объявленных на оных предметов. **Вкушение:** рачением и щедростию природы предуготовленным плодами и минеральными водами. **Обоняние:** прикосновением к нежным произростаниям, испускающим из себя по свойству сложения разные запахи. **Слышание:** непринужденным пением разного рода птичек,

журчанием источников и чрез горы тихим движением ветра, нагибающего и поднимающего мягкия ветви» — там же, с. 283.

¹² Здание библиотеки было выстроено в 1781—82 гг. по проекту иркутского архитектора А. Алексеева. — см.: Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 154. Об этой библиотеке, к основанию которой имел отношение и Г. Шелихов, см. главу 9 настоящей книги.

¹³ Данные биографии И. В. Якоби приводятся нами по биографии красноярского историка Г. Быкони — см.: Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — нач. XIX вв. Формирование бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 203—207. Знаменательно, что И. В. Якоби был дедом по материнской линии декабриста Ивана Александровича Анненкова — см.: Воспоминания Полины Анненковой. Красноярск, 1977. С. 5.

¹⁴ РО. С. 205—206.

¹⁵ Уже в 1764 г. 12 купцов-компанейщиков за открытие островов Умнак и Уналашка были награждены золотыми медалями. Такие же награждения были в 1766, 1767, 1768 гг. — см.: Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 139—140.

¹⁶ П. Лебедев-Ласточкин был награжден золотой медалью с портретом Екатерины II и надписью «За полезные обществу труды» после нескольких плаваний на Курилы, первое из которых было организовано им совместно с Г. Шелиховым — см.: Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 94 (сноска 174).

¹⁷ Не кто иной, как Ф. Немцов, весьма способствовал экспедиции на Курильские острова, организованной Лебедевым-Ласточкиным и Шелиховым, — ЦГАДА. Ф. 7 (Госархив, Разряд VII). Оп. 1. Д. 2539. На это дело неоднократные ссылки в кн.: Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 90—95. В свою очередь именно Ф. Кличка был инициатором награждения штурманского ученика Потапа Зайкова за промысловый вояж 1772 г. на Алеутские острова — ЦГАДА. Ф. Госархив. Разряд VII. Оп. 1. Д. 2552. Л. 2, 40б.

¹⁸ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 148—149.

¹⁹ Этим экспедициям посвящен ряд публикаций, назовем наиболее ранние: Соколов А. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 года под начальством Муловского // Записки Гидрографического департамента. СПб., 1848. Ч. VI.; Голенищев-Кутузов Л. И. Предприятие имп. Екатерины II для путешествия вокруг света в 1786 г. СПб., 1840; Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. Ч. 1—2. СПб., 1802.

²⁰ Кругосветная военная экспедиция была отменена из-за начавшейся в 1788 г. войны со Швецией, вторая экспедиция (о ней —

далее) действовала медленно, с потерями людей и материальной части.

²¹ «...Генерал-губернатор, он же главнокомандующий, государев наместник ... «Наместник был поставлен над всеми органами власти и суда и осуществлял надзор за исполнением законов, за учреждениями и должностными лицами. Он имел право вмешиваться в судебные решения, останавливать исполнение приговоров. В его подчинении находились войска, располагавшиеся на территории губернии» — см.: Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 103. Функции местных органов власти в Сибири, деятельность наместнических правлений, введенных по реформе 1775 г., специально рассмотрены в монографии — Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984.

²² См.: Доношения И. Якоби — ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. В прошлом столетии были опубликованы некоторые бумаги И. В. Якоби, отразившие его подход к проблеме поддержания государственного авторитета России во внешнеполитических отношениях — см.: Якоби И. В. Начертание к двойственному умножению пользы... М., 1859.

²³ Рассматривая на обширном документальном материале деятельность в XVIII в. городничих и подчиненной им полиции, В. Рабцевич делает вывод: «Своеобразие функций полиции в Сибири заключается ... в том, что значительная доля ее усилий была направлена на хозяйственные дела» (Рабцевич В. В. Сибирский город... С. 80).

²⁴ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 25.

²⁵ Бумаги эти частично опубликованы — РО. С. 178—206.

²⁶ РО. С. 206—214.

²⁷ РО. С. 223—226.

²⁸ Инструкция, полученная начальником экспедиции Дж. Биллингсом, опубликована — Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса через Чукоцкую землю ... СПб., 1811. С. 143—191.

²⁹ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 151.

³⁰ Там же. Автор ссылается на инструкцию, полученную начальником предполагавшейся кругосветной экспедиции Г. И. Муловским.

³¹ Биографические данные Дж. Биллингса см.: Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев М.: Наука, 1966. С. 70—71.

³² Там же.

³³ Биллингсу было 24 года, Сарычеву 22.

³⁴ Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Т. 1... С. 70. И не случайно, когда стоял выбор, кого принять в состав участников экспедиции в качестве естествоиспытателя, Дж. Биллингс выбрал не заслуженного, глубокого исследователя Эрика Лаксмана, а не-

специалиста — лекаря Мерка. По словам самого Лаксмана, выбор был определен тем, что Мерк своею молодостью и умением мастерски пить грог завоевал ... любовь молодых моряков — см.: Раскин Н. М., Шафрановский И. И., Эрик Густавович Лаксман. Л.: Наука, 1971. С. 141—142 (примечание 48).

³⁵ А. Алексеевым опубликовано письмо Дж. Биллингса, с которым он обратился к Вице-президенту Адмиралтейств-коллегии с просьбой о зачислении на русскую службу. Письмо это весьма примечательно: «...я прибыл в Россию не столько служить Ее Величеству в качестве офицера флота, сколько с надеждой, что я буду использован в какой-либо экспедиции в соседние с Камчаткой моря. Прослужив во флоте 12 лет, из которых пять лет сопровождал знаменитого капитана Кука в его последнем вояже с целью открытия северо-западного прохода между Азией и Америкой, я льщу себя надеждой, что меня сочтут способным открыть торговлю мехами с островами, открытыми во время этого плавания...» — полностью см.: Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев... С. 71.

³⁶ Там же. С. 199. См. также: Русская Тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 774.

³⁷ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 443. Л. 1.

³⁸ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 340. Лл. 1, 16.

³⁹ История Ледиарда освещена в книге: Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. М.: Наука, 1966. С. 283—292.

⁴⁰ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 298. Л. 1—2.

⁴¹ Там же. Л. 2.

⁴² Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений... С. 291.

⁴³ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири... С. 92 (примечание).

⁴⁴ John Ledgard. Journey through. Russia...;

⁴⁵ РО. С. 265.

⁴⁶ РО. С. 257—258. Якоби довольно подробно развивает мысль о вреде, который может нанести конкуренция между компаниями на Тихом океане (там же, с. 258—261).

⁴⁷ РО. С. 264—265.

⁴⁸ РО. С. 219.

⁴⁹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 802. Л. 2об.

⁵⁰ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 53. Л. 1.

⁵¹ К истории Российско-Американской компании... С. 65.

⁵² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 314. Л. 42.

⁵³ Истомина Э. Г. Транспортная сеть Урала в последней четверти XVIII — нач. XIX в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 68, 78—79.

⁵⁴ Толченнов И. А. Журнал или Записка жизни и приключений И. А. Толченова. М., 1974. С. 223.

⁵⁵ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 321. Л. 9.

⁵⁶ 21 декабря — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 1.

⁵⁷ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 1.

⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 53. Д. 837 / 4408. Ч. 21. Л. 158, 161, 689.

⁵⁹ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 56 об.

⁶⁰ Неудачи просто преследовали Михаила Сергеевича в большом и в малом — в Рождество 1787 г. он потерял «на Конной под Невским» свой бумажник красного сафьяна с деньгами и «разными письменными делами». Объявления об этом с просьбой вернуть бумажник за вознаграждение помещались в январских номерах Санктпетербургских ведомостей.

⁶¹ Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствование... СПб., 1791. С. 18—19.

⁶² 27 янв. умер М. С. Голиков, Шелихов был в Петербурге не позднее 7 февр. — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 340. Л. 14—15.

⁶³ Георги И. Г. Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794. С. 105.

⁶⁴ Санкт-Петербургские Ведомости. 1788. № 104.

⁶⁵ РО. С. 286—287.

⁶⁶ РО. С. 268.

⁶⁷ РО. С. 269—279.

⁶⁸ Георги И. Г. Описание... С. 52.

⁶⁹ Памятник Петру был еще совершеннейшей новинкой для Григория Ивановича и его жены — его торжественное открытие состоялось 7 августа 1782 г., и не побывать возле него Шелиховы не могли.

⁷⁰ Георги И. Г. Описание Российско-императорского столичного города... С. 209.

⁷¹ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Пг. С. 205, 208, 209.

⁷² Пост Вице-Президента Адмиралтейств-коллегии граф Г. Г. Кушелев занимал в 1798—1801 гг.

⁷³ И. Л. Голенищев-Кутузов (1729—1802) был предшественником Г. Г. Кушелева — занимал пост Вице-Президента в 1797—98 гг.

⁷⁴ Демидов Никита Никитович (1728—1804), сын Никиты Акинфиевича Демидова — см.: Демидов П. Родословная рода Демидовых. Житомир, 1910. С. 5. Из всего рода Демидовых Никита Никитович — фигура наиболее загадочная; пока почти не удалось выявить документов, проясняющих его биографию. Судя по фрагментам демидовской переписки, он был тесно связан с И. Л. Голенищевым-Кутузовым и Г. Г. Кушелевым.

⁷⁵ Лаврентий Андреевич Сонин выполнял прокурорские обязанности в Адмиралтейств-коллегии до 1798 г., когда был переведен

на должность обер-прокурора в Межевой департамент Сената.

⁷⁶ О том, как и насколько полно освещалась борьба североамериканских колоний Англии за независимость в русской прессе см.: Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. М.: Наука, 1981. С. 37—61.

⁷⁷ Описания плаваний и открытий в Тихом океане помещались в популярнейших «Месяцесловах» (календарях). Во время пребывания Шелиховых в Петербурге в книжных лавках продавался, например, «Исторический и географический месяцеслов» с путевыми записками штурмана Зайкова, «Последнее путешествие около света капитана Кука», журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума» с новеллой «Дикий Американец» и др.

⁷⁸ Московские Ведомости. 1780. № 80.

⁷⁹ Некоторая часть переписки Шелихова и Дж. Шмита недавно выявлена в фондах Вологодского краеведческого музея. См. приложение в настоящей книге.

⁸⁰ Некоторые данные о торговле купцов-англичан в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII в.— см.: Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй пол. XVIII — нач. XIX вв. М., 1981. С. 17, 39, 79, 81, 121, 132.

⁸¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 67. Л. 1 об.

⁸² РО. С. 280.

⁸³ Письмо гр. А. А. Безбородко генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому о резолюциях Екатерины II по поводу доклада Комиссии о коммерции — РО. С. 283—284.

⁸⁴ См. сенатский указ купцам И. Голикову и Г. Шелихову от 28 сентября 1788 г.— РО. С. 284—285.

⁸⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 442. Л. 3; ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 307. Л. 13.

⁸⁶ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. С. 191—193.

⁸⁷ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 810. Л. 1—3 об.

⁸⁸ 9 октября Шелиховы получили в Петербурге письмо П. Лебедева-Ласточкина — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 340. Л. 16. Следующее его письмо было получено через несколько дней уже в Москве — Там же. Д. 339. Л. 1.

⁸⁹ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 4. Ед. хр. 20. Л. 62.

⁹⁰ «Имеет под дом место в 1-й части в 3-м каменном квартале под № 1 наугольное и на оном должен выстроить дом» — там же.

⁹¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 810. Л. 1.

⁹² ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 81.

⁹³ Саитов В. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 449.

⁹⁴ Шелиховы вернулись домой, вероятно, в конце февраля или в самом начале марта. 7 марта Григорий Иванович получает в Иркутске письма — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.

⁹⁵ РО. С. 281—282.

⁹⁶ Некоторые обстоятельства, связанные с разбирательством по делу Якоби — см.: Державин Г. Р. Записки // Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1871. С. 633—643.

⁹⁷ РО. С. 281.

⁹⁸ О 205-миллионном долге России в середине 90-х гг. XVIII в.— см.: Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 373.

⁹⁹ Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 325.

¹⁰⁰ Об этом см.: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. Е.: Книга, 1987. С. 36.

¹⁰¹ РО. С. 295.

ГЛАВА 9

Дела государственные

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 1—40. СПб., 1870—1895.

² Архив князя Воронцова. Кн. 5. С. 285; в дальнейшем мы цитируем А. Н. Радищева по более точному советскому изданию, снабженному комментариями — Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951—1952. Т. 3. С. 345.

³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 355—356.

⁴ Там же. С. 373—374, 377.

⁵ Там же. С. 400, 401.

⁶ Там же. С. 485, 487.

⁷ Из последних публикаций о А. Н. Радищеве назовем книгу А. Татаринцева — Татаринцев А. Г. А. Н. Радищев. Ижевск, 1984.

⁸ Биография С. Бентама, изложенная по его дневникам и письмам — Bentham M. S. The Life of Brigadier-general Sir Samuel Bentham... by his widow M. S. Bentham. London, 1862.

⁹ Об идеях И. Бентама и их значении для развития социально-политической мысли см.: Покровский П. А. Бентам и его время. Пг. 1916; Шрейбер В. К. И. Бентам как идеолог английской промышленной буржуазии // Некоторые вопросы всеобщей истории. Челябинск, 1973. Вып. 8. С. 88—995. Он же. Проблема общественного и личного интереса во Французском Просвещении и английском утилитаризме. // История философии и современность. М.: МГУ. 1976. Вып. 1. С. 5—15. См. также: Thomas W. The Philosophic Radicals. Oxford, 1979.

¹⁰ Ср.: «Свою систему Бентам основывает на морали Гельвеция, а Оуэн, исходя из системы Бентама, основывает английский коммунизм — см.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 146.

¹¹ Об экз. трудов Бентама с множеством помет, сделанных К. Ф. Рылевым, см.: Русский Вестник. 1869. № 3. С. 235 (публикация «Несколько сведений о Рылееве»); см. также: Восстание декабристов. Т. 3. М., 1927 С. 327.

¹² Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.; Л., 1925. С. 235.

¹³ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 183.

¹⁴ Пыпин А. Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. № 2. С. 797.

¹⁵ Труды Архива АН СССР. Вып. 2 (Ученая корреспонденция АН XVIII в. Научное описание. 1766—1782). М., Л., 1937. С. 324.

¹⁶ Фактически И. Чернышев был главой военно-морского ведомства России, номинально Адмиралтейств-коллегию возглавлял назначенный ее Президентом в 1762 г. вел. кн. Павел Петрович (будущий Павел I) — Список всем российским генерал-адмиралам, Президентам и Вице-президентам Адмиралтейств-коллегии от основания флота по октябрь 1827 г. [Б. м., б. г.]. С. 19—20.

¹⁷ О книжном собрании Сэмуела Бентама, оставшемся в Тобольске, см.: Ситников Л. А. Сэмуел Бентам и его сибирская библиотека // Русские библиотеки и их читатель. Л.: Наука, 1982. С. 175—185. См. также: Christie Ian R. Samuel Bentham's Library in Russia. Slavonic and East European Review. Vol. 75. N 178 (1987). P. 26—37.

¹⁸ ВС III. P. 281.

¹⁹ Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М.: Наука, 1983. С. 50—75.

²⁰ Ф. М. Кличка прислал академику С. Я. Румовскому несколько таких отчетов, которые были опубликованы в «Историческом и географическом месяцеслове» в 1782, 1783, 1785 гг. — см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. — Т. IV. М., 1966, №№ 309, 310, 312. Интерес к мореплаванию на Тихом океане можно объяснить и тем, что сам иркутский генерал-губернатор некогда служил на флоте — см.: Кишкин Л. С. Чешско-русские... С. 52.

²¹ Здание библиотеки было построено по проекту иркутского архипелага А. Алексева — чертежи проекта опубликованы в кн.: Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 24 вклейки.

²² Сукачев В. П. Первая публичная библиотека и музей в Сибири. Сообщение В. П. Сукачсва // Сибирские вопросы.—СПб., 1906 (Приложение к № 2). С. 45—57.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Там же.

²⁵ ВС III. Р. 120.

²⁶ Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Русская литература XVIII — нач. XIX вв. в общественно-культурном контексте (XVIII в. Вып. 14). Л.: Наука, 1983. С. 93—104.

²⁷ Кораблестроительное мастерство С. Бентама — тема совершенно особая. Упомянем лишь, что он сконструировал корабль с изгибающимся корпусом для путешествия Екатерины II по Днепру; позже он будет одним из инициаторов изготовления корпусов кораблей из металла.

²⁸ Несколько «ордеров» Г. Потемкина С. Бентаму — ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5894. Л. 1—5.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же. О степени важности, которая придавалась строительству Черноморского флота, можно судить по тому, что Г. Потемкину было присвоено право производства во флотские чины (исключая флагманского), минуя Адмиралтейств-коллегию — ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 70. Д. 6208/258 (реестр). Нужда в специалистах-кораблестроителях ощущалась, особенно в первый период строительства флота, более чем остро. Ср. описание обстановки на новоустроенной Херсонской верфи в 1784 г., принадлежащее секретарю Г. Потемкина В. С. Попову: «...здесь места беспорядки превосходят все воображение. ...почти ежедневно четыреста человек работают для устранения сего хаоса, нет ничему ни сметы, ни хозяйства...» (письмо Н. Корсакову) — РО ГПБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 209. Л. 1 об.

³¹ Об этом периоде жизни С. Бентама см.: Christie Ian R. Samuel Bentham and the Western Colony at Krichev, 1784—1787. Slavonic and East European Review. Vol. 48. N 111 (1970). P. 232—247.

³² Копия секретного указа от 26 июня 1785 г. — ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 1406. Л. 1.

³³ ЦГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 39. Л. 24—27.

³⁴ События, связанные с морскими сражениями на Днепровском лимане и с осадой Очакова, довольно подробно освещены в литературе. Назовем лишь последнюю публикацию: Сацк и й А. Г. Первая боевая эпопея Черноморского флота // Вопросы Истории. 1987. № 11. С. 78—93.

³⁵ О непосредственном участии С. Бентама в боях см.: Christie Ian R. Samuel Bentham and Russian Dnieper Flotilla, 1787—88. Slavonic and East European Review. Vol. 50. N 119 (1972). P. 173—197.

³⁶ О Н. Мордвинове, пользовавшемся большим уважением передовых людей своей эпохи, существует обширная, но не исчерпывающая литература. См., например: Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873; Семенов А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М.: Мысль, 1982 (глава «Друг Ваш Мордвинов», с. 61—102); Москаленко Л. Я. Общественно-политические взгляды Н. С. Мордвинова. Минск, 1984.

³⁷ О русском периоде жизни Поля Джонса см.: Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М.: Наука, 1966. С. 145—150.

³⁸ «...Перед захождением солнца еще ближе подошел к берегу турецкий флот. Какое множество линейных кораблей, фрегатов, бомбардов, кирланчичей в сравнении с нашей лиманской флотилией. Посмотря на турецкий флот представляется зрению некая величественность, но на наш — мелкость — Давид и Голиаф» — Цебриков Р. М. Вокруг Очакова. СПб., 1895. С. 34.

³⁹ КОГА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 1578. Л. 1.

⁴⁰ Соколов А. Приготовление кругосветной экспедиции 1787 года под начальством Муловского // Записки Гидрографического департамента. Ч. 6. СПб., 1848. С. 145—187.

⁴¹ КОГА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 1578. Л. 1.

⁴² United Service Journal. 1829. Part II. P. 579.

Краткое описание амфибии С. Бентама дает в своей «летописи» известный сибирский мемуарист капитан И. Андреев. См.: Домовая летопись Андреевых. ЧОИДР. 1870. № 4. С. 140.

⁴³ КОГА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 1578. Л. 7.

⁴⁴ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения северной части бассейна Тихого океана (статья первая) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. С. 192.

⁴⁵ Там же. С. 173—174; Ситников Л. А. Книжные сокровища Сибири. Новосибирск, 1985. С. 95—98.

⁴⁶ КОГА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 1578. Л. 4—6. РО. С. 289—304.

⁴⁷ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... С. 177—185.

⁴⁸ ЦГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 1287. Л. 80б—9.

⁴⁹ Рисунок, выполненный кораблестроителем Дж. Шилдзом, изображающий спуск на воду в 1794 г. на о. Кадьяк фрегата «Российско-Американский Феникс» — ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Ед. хр. 18077.

⁵⁰ ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 166.

⁵¹ Об этом в рапортах С. Бентама Г. Потемкину — ...я льщуся исполнить такие предприятия, не требуя из казны никакой издержки», «...сии комиссии я надеюсь исполнить, не требуя из каз-

ны суммы...» — см.: Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории... С. 194, 195. Г. Шелихов об этом же — РО. С. 295.

⁵² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 302. Л. 6.

⁵³ К истории Российско-Американской компании... С. 20.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 774. Л. 4.

⁵⁶ Макарова Р. В. Русские на Тихом океане... С. 118. «Иоанн Предтеча» вернулся в Охотск в 1784 году — см.: Хлебников К. Т. Жизнеописание Г. И. Шелихова // Сын Отечества. 1838 Ч. 2. С. 68.

⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 309. Л. 12, 29, 31.

⁵⁸ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 810. Л. 10.

⁵⁹ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории... (статья первая). С. 173.

⁶⁰ Там же. С. 197 (Об этом Дж. Шилдз — С. Бенхаму: «...Здесьшний комендант выразил неудовольствие по поводу моего прибытия сюда без указа губернатора»).

⁶¹ Там же. С. 173.

⁶² Там же.

⁶³ «...Употребляемых господином полковником и кавалером Бенханом (!) к разным полезным в Сибири открытиям и с отличным усердием исполнявших порученные должности ... произведены капитанов — секунд-майоры, подпоручиков — в поручики, сержантов — в прапорщики» — ЦГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 1211. Л. 200.

⁶⁴ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... (статья первая). С. 174.

⁶⁵ Там же. С. 179, 183.

⁶⁶ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... (статья вторая). В печати.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 310. Л. 8.

⁶⁹ Чудакова М. О. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 216.

⁷⁰ ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2851. Л. 4—4об.

⁷¹ В Сибири этот поиск ведет Сибирское отделение Археографической комиссии. С его начала в конце 50-х гг. и по сегодняшний день экспедициями было выявлено и приобретено для передачи в государственные хранилища более десяти тысяч рукописей и старопечатных книг. Об этом поиске интересно рассказывается в кн.: Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М.: Книга, 1988.

⁷² «Мы ленивы и нелюбопытны...» (А. С. Пушкин).

⁷³ Берх В. Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги российского купечества. СПб., 1823. С. II.

⁷⁴ Радищев А. Н. Вольность // Русская поэзия XVIII века (БВЛ). М.: Художественная литература, 1972. С. 418.

⁷⁵ Храповицкий А. В. Дневник (с 18 янв. 1782 по 17 сент. 1793 г.). М., 1902. С. 199.

⁷⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11582. Подробнее об обстоятельствах переворота 1762 г., когда Екатерина II узурпировала власть, стала активно формировать в общественном мнении образ Петра III — неспособного управлять «пруссофикатора» России — см.: Мильников А. С. Легенда о русском принце. Л.: Наука, 1987. Характерно, что пропаганда Екатерины II безо всякой критики воспринимается в наши дни и писателями вроде В. Пикуля (см. его роман «Фаворит») и даже учеными (см. комментарии Г. Моисеевой к публикации записок Е. Дашковой — Дашкова Е. Р. Записки. 1743—1810 гг.) Подгот. текста, статья и комментарии Г. Н. Моисевой. Л.: Наука, 1985.

⁷⁷ Бардовский А. А. Русский Гамлет // Русское прошлое. 1923. Кн. 4. С. 135—145.

⁷⁸ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. С. 242.

⁷⁹ Эйдельман Н. Я. Герцен против Самодержавия. М.: Мысль, 1982.— (глава IV) — С. 85—113.

⁸⁰ О Павле и эволюции его мировоззрения существует довольно объемный корпус литературы, впрочем, далеко не раскрывший все «темные пятна» в биографии правнука Петра I. Из последних работ, появившихся в недавнее время, необходимо назвать книгу Н. Я. Эйдельмана — Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России... Конец XVIII—начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982.

ГЛАВА 10

Крушения и надежды

¹ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... (статья первая). С. 184.

² АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 77. Л. 2об.

³ Дж. Шилдз в одном из писем своему командиру сравнивал внешний вид солдат, прибывших в Охотск, с тем, как выглядят узники испанской тюрьмы. — ВЛ. Add. Mss. № 33541. Л. 166.

⁴ ВЛ. Add. Mss. № 33541, лл. 168—168об., 182—183об.

⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 78. Л. 1—8.

⁶ О захвате купеческих товаров якутскими чиновниками — ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 340. Л. 1. О вымогательстве денег у купцов губернскими начальниками в 1770-х гг. — Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 56. Л. 30—30об., 53—55об., 70—70об.

⁷ BL. Add Mss. № 33541. Л. 300—300об.

⁸ Об этом см.: Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... (статья первая). С. 189.

⁹ На юге Западной Сибири это известие было получено в конце ноября. См.: Андреев И. Домовая летопись Андреевых... С. 123.

¹⁰ BL. Add Mss. № 33541. Л. 300об.

¹¹ В обыденном сознании закрепилось представление о полной политической бездарности и человеческой ущербности всех преемников Петра, исключая лишь Елизавету и Екатерину II, равно как и представление о последовательных усилиях «немецкой партии» искоренить все петровские преобразования не только в эпоху «бироновщины», но и в более позднее время. Заметим, что в исторической науке такая точка зрения вовсе не является общепринятой. Это относится и к дореволюционным исследованиям (см., например: Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров: Очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 1—2. М., СПб., 1909—1910), а тем более к современным. Активно используемая в романах В. Пикуля и подобных ему беллетристов отрицательная характеристика Петра III — не что иное, как повторение пропаганды Екатерины II, нуждавшейся в оправдании совершенного ею устранения от власти законного монарха — Петра III. (Ср. объективный подход к личности внука Петра I и анализ причин популярности Петра Федоровича Романова в народной среде: Мильников А. С. Легенда о русском принце. Л.: Наука, 1987. С. 106—154 — глава «Легенда против легенды».)

Столь же неверной будет и сугубо однозначная, отрицательная оценка личности Павла Петровича — великого князя, а потом императора. Думается, что наиболее правильным путем шел в характеристике Павла I советский историк Н. Я. Эйдельман, ставший учесть особенность каждого из многочисленных источников, содержащих данные для биографии правнука Петра I. См.: Эйдельман Н. Я. Грань веков. М.: Мысль, 1982.

Заметим, что ни внутренняя политика преемников Петра, ни их биографии еще не получили в советской исторической науке исчерпывающего освещения. Последнее обстоятельство и является питательной средой для фантастических домыслов беллетристов.

¹² Свидетельства обычных и даже дружественных отношений великого князя и Потемкина — см.: Брикнер А. Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 238—239. Показательным в этом смысле является нейтральный и даже доброжелательный тон переписки Потемкина и великого князя, обнаруженной нами, — ЦГАДА. Ф. 5 (Госархив, Разряд V). Оп. 1. Д. 182. Антипотемкинские «жесты» и высказывания начинаются, вероятно, тогда, когда Павел стал отожде-

ствлять Потемкина и последние годы екатерининского правления, — после 1791 г.

¹³ Список всем Российским генерал-адмиралам, Президентам и Вице-президентам государственной Адмиралтейств-коллегии от основания флота по октябрь 1827 г. [Б. м., б. г.]. С. 4.

¹⁴ Об усилиях Павла I закрепиться в средиземноморском регионе (наиболее известны его «мальтийские устремления») см.: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья 1798—1807. М., 1962. Что касается тихоокеанского региона, то приведем пока лишь один факт, свидетельствующий о желании Павла I «твердою ногою» встать на восточных рубежах России — отправка в 1799 г. воинских частей в Охотск и на Камчатку. По указу императора солдаты должны были защищать владения Северо-восточной Американской компании, основанной Г. Шелиховым, — ЦГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 65. № 60. Л. 24.

¹⁵ Кобек Д. Цесаревич Павел Петрович. СПб., 1882. С. 301, 361—363.

¹⁶ Павленко Н. И. Петр I: К изучению социально-политических взглядов // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. Характерно, что одной из павловских реформ, объективно направленной на ускорение социально-экономического развития России, была реорганизация в 1800 г. Коммерц-коллегии. В составе коллегии (фактически — министерства) отныне половина мест должна была принадлежать выборным членам московского и петербургского купечества. См.: Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 350—365.

¹⁷ ЦГАДА. Ф. 5 (Госархив, Разряд V). Оп. 1. Д. 182 — переписка с Г. А. Потемкиным. Опубликована и доступна также небольшая часть переписки Екатерины II с «малым двором» — Бумаги из архива дворца в Павловске. СПб., 1873 (из IX и XIII сборников Русского исторического общества).

¹⁸ Переписка С. Плещеева и С. Бентама частично опубликована — ВС III. Р. 14—15, 554—556.

¹⁹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 792. Л. 3.

²⁰ Военная энциклопедия. Т. XIV. М., 1914. С. 434—435.

²¹ Памятники новой русской истории. Т. 3. СПб., 1873. С. 372—376.

²² Для проформы по делу о доносе возникла переписка между доброжелательно настроенной к Шелихову Адмиралтейств-коллегией и не менее доброжелательно настроенным иркутским генерал-губернатором И. А. Пилем. Последний посоветовал Дж. Биллингсу, к которому поступил донос, заниматься одними лишь экспедиционными делами — «исполнять в точности единственное

лишь то только, что прямо относится до возложенной на него комиссии» (там же, с. 380).

²³ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 747. Л. 9.

²⁴ Военная энциклопедия. Т. VIII. Пб., 1912. С. 355. В благодарность за поддержку Шелихов, вероятно, выполнял какие-то просьбы своих покровителей. Нам известен, в частности, перечень товаров, которые кяхтинский приказчик Шелихова должен был купить для Н. Н. Демидова и И. Л. Голенищева-Кутузова. Здесь «канфы черные» и желтые, «3 горшка фарфоровых вышиною около аршина, что ставят на печки», «3 халата китайских с золотом на рост большова человека лутчей работы», «библия китайская полная, фигурная» и др.—АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 102. Л. 20б. В свою очередь и Шелихова не забывали в Петербурге. См., например, письмо (дек. 1789) демидовского приказчика Г. Ловягина Г. И. Шелихову: «...в нередкия мои хождения с писмами Вашими и прочими объяснениями ... к Его высокопревосходительству Ивану Логгиновичу [Голенищеву-Кутузову], которой неоднократно говоря со мною, отменно хвалит поведение Ваше, причем выражая, што де я рад всегда подавать помощь, сколько де от меня зависит Григорию, и котораго де я очень люблю, а как де я ево наделил разными картами и изъяснениями касательными тогдашнего Восточного моря, то уповаю, что они послужат ему пользою, чего де сердечно я желаю» — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 314. Л. 40б.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 333. Л. 1.

²⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 792. Л. 1.

²⁷ Российского купца Григория Шелихова продолжение странствования по Восточному океану к Американским берегам в 1788 году. СПб., 1792. С. 65—66.

²⁸ Политическая ситуация в России нач. 90-х гг. XVIII в. еще не исследована в полной мере, хотя существует немало работ, так или иначе затрагивающих эту проблему. Из недавних работ назовем: Л и х о т к и н Г. А. Нерешенные вопросы биографии Н. И. Новикова. Дис. канд. филолог. наук. Л., 1975; М а р т ы н о в И. Ф. Книгоиздатель Новиков. М.: Книга, 1981.

²⁹ До сих пор научная биография В. Баженова не написана. Сошлемся на недавно изданную в серии «Жизнь в искусстве» популярную книгу: Разгонов С. Н. Василий Иванович Баженов. М.: Искусство, 1985.

³⁰ Именно С. Плещеев сопровождал великого князя в его поездке по Европе в 1781 г.

³¹ О новых планах С. Бентама см.: К р и с т и И. Р., С и т н и к о в Л. А. Новое об истории освоения... (статья вторая). В печати.

³² Во время пребывания на Урале в нач. 80-х гг. С. Бентам го-

стил в имении Г. Походяшина; здесь он почти два дня провел за чтением «Французской Энциклопедии» — ВС III. P. 75, 77.

³³ Письма С. Плещеева — С. Бенхаму — ВС III P. 14—15, 554—556.

³⁴ Описание крушения и зимовки — в письме А. Баранова Г. И. Шелихову — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 78. Л. 1—7.

³⁵ В результате неблагоприятного стечения обстоятельств А. Баранов потерял свои камчатские амбары с товарами и пушниной. См.: Лагус Э. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890. С. 221.

³⁶ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман. Л.: Наука, 1971. С. 136—138, 259—265.

³⁷ Текст контракта — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 74. Л. 1—5.

³⁸ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 78. Л. 7.

³⁹ Житие протопопа Аввакума. Иркутск, 1979. С. 39.

⁴⁰ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 78. Л. 40б.

⁴¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 96. Л. 10б.

⁴² «Чрез внушение Голикову от общих их благодетелей» Шелихов получил 60 паев из голиковской пушнины, доставленной тогда в Охотск — ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 58, 71. Можно предполагать, что Иван Ларионович не хотел компенсировать компаньону траты по снаряжению транспортов на Кадьяк.

⁴³ ЦГАДА. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 1.

⁴⁴ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. С. 243.

⁴⁵ См.: Князь П. А. Зубов. 1767—1822 // Русская старина. 1876. Т. 17.

⁴⁶ ЦГАДА. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 5.

⁴⁷ Там же. Л. 1. Заметим, что попытки Шелихова нащупать контакт с П. Зубовым предпринимались еще до кончины Г. Потемкина. Сошлемся на упоминание в одном из писем о шубе, присланной Шелиховым в Петербург Н. Н. Демидову, которая предназначалась Зубову, но по неизвестной причине ему не была отдана — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 810. Л. 260б.

⁴⁸ РО. С. 322.

⁴⁹ Там же. С. 323.

⁵⁰ Там же. С. 322.

⁵¹ ЦГАДА. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 50б.

⁵² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 333. Л. 1.

⁵³ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... (статья вторая). В печати.

⁵⁴ Описание сопиковских изданий книги — СК III №№ 8237, 8238, 8239. Разночтения опубликованного текста и «Записки странствованию» см.: Шелихов Г. Российского купца Григория Шелихова

ва странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск. 1971 (примечания). С. 143—159.

⁵⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 806. Л. 3.

⁵⁶ ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 54. Д. 1054/4625. Ч. 4. Л. 43.

⁵⁷ Об этом в записках П. Баснина — Баснин П. Т. Из прошлого Сибири // Исторический Вестник, 1902. Т. 90. № 11. С. 532—574.

⁵⁸ Калашников И. Т. Записки иркутского жителя // Русская Старина. 1905. Кн. 7. С. 238.

⁵⁹ Так служители Шелихова во главе с Иваном Левыкиным в начале 1789 г. по дороге из Якутска повстречали ночью, между двумя «станками» (почтовыми станциями), якутского стряпчего, везущего почту секретной экспедиции и купца Дудоровского: «...едут без прогонов двумя лежанками, берут по восьми лошадей и четырех ямщиков... по усилию своему отбили у нас из-под лежанки лошадей, о чем ямщики еловские стали ему говорить, что средь дороги бросить никак не смеет, за что он их изувечил, таким же образом поступил и со мной».

Один из лоягинских людей «ходил по лошади за 25 верст, там лошадей тоже не было, были вынуждены ждать несколько дней из-под нево возвратных лошадей...» — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 309. Л. 1.

⁶⁰ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 47. Л. 7—7об.

⁶¹ К истории Российско-Американской компании... С. 41—42.

⁶² ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 322.

⁶³ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 102. Л. 36.

ГЛАВА 11

Стройтесь, зданья, в частях Нова Света!

¹ Слова из песни-гимна Русской Америки, сочиненной А. Барановым. Полный текст см.: Хлебников К. Т. Русская Америка в записках... С. 221—222.

² Козьмин Р. Уруп, зернышко России // Вокруг Света, 1985, № 1. С. 4—5.

³ РО. С. 303.

⁴ РО. С. 292.

⁵ РО. С. 363.

⁶ РО. С. 363.

⁷ Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960. Обстоятельства возвращения на родину японских моряков описаны в беллетризованном повествовании Ясуси Иноуэ — Ясуси Иноуэ. Сны о России. М.: Наука, 1977.

⁸ Этот заказ выполнялся в середине 1791 г., т. е. незадолго до возможного конфликта между Шелиховым и Лаксманом — АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 806. Л. 10.

⁹ РО. С. 303.

¹⁰ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 71.

¹¹ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман. Л.: Наука, 1971. С. 166. Позиция Лаксмана, однако, вызывает некоторое удивление — его биографы приводят немалое число сведений о том, что научная деятельность Лаксмана достаточной государственной поддержки не находила; бездушным к ученому было и отношение государственных чиновников, стоявших тогда во главе Академии наук. Заметим, что дополнительным поводом к конфликту могли послужить связи Шелихова с Бентамом. В свое время, в 1782 г., Лаксман был обижен тем, что карту окрестностей Нерчинских заводов, изготовленную им для отправки Г. Ф. Миллеру в Петербург, отдали (непонятно — кто?) «молодому англичанину Бентаму, который странствует, чтобы разогнать ипохондрию» — см.: Раскин Н. М. Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман... С. 121. Выяснить истинные причины ссоры между Шелиховым и Лаксманом еще предстоит.

¹² Архив кн. Воронцова. Кн. 24. СПб., 1880. С. 209. Об этом же — Полонский А. С. Курилы // Записки РГО по отд. Этнографии. Т. 4, СПб., 1871. С. 476.

¹³ Там же. С. 478: «...достоенное и вооружавшееся уже на р. Ураке судно Шелихова «Александра» за малостию и неудобным расположением каюты признано профессором К. Лаксманом, начальником экспедиции А. Лаксманом и штурманом Ловцовым за неспособное к назначенному вояжу и возвращено Шелихову». Думается, что названная причина отказа — лишь предлог.

¹⁴ Список товаров, отправленных Шелиховым для «опыта торговли» в Японию — ЦГИА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 131—135. Здесь, например, сукно различных сортов, «фламандское полотно», «немецкая посуда хрустальная».

¹⁵ Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения... С. 63. Об отрицательном отношении Екатерины II к идее русско-японской торговли — Там же. С. 66.

¹⁶ Для этого под флагом Российско-Американской компании и была совершена первая русская кругосветная экспедиция. Полномочным послом в Японию был назначен Николай Петрович Резанов — зять Г. И. Шелихова.

¹⁷ РО. С. 322.

¹⁸ Козьмин Р. Уруп, зернышко России... С. 4.

¹⁹ Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения... С. 74.

²⁰ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 771. Л. 106.

²¹ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 747. Л. 20.

²² Тихменев II. Приложение. С. 46.

²³ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. С. 34.

²⁴ О том, что гавань названа «в честь Высокого Наследника» — см.: Тихменев II. Приложение. С. 35.

²⁵ Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 34.

²⁶ Еще в мае 1786 г., отправляясь с Кадьяка в Охотск, Шелихов указывал: «...штурманского ученика Дмитрия Иванова Бачарова послать... чтобы делал окуратную опись: вокруг весь остров Кык-так (Кадьяк), от Катмака берег Америки, Кинайской губы и до Чугачу, пока можно, берег. Так около Кадьяка (!) и американского берега большие и малые лежащие острова всюду описывать, бухты, речки, гавани, мысы, лайды, рихвы, полевые и видимые камни, где по местам какие уголья, то есть леса, луга, свойства, вид и расположение земли, в каком месте и в какое время, какого рода и в каком количестве какой боле бывает, где, в промысле рыбы, чем ее промышляют, какие где звери...» — РО. С. 198. Не зная наверняка, осуществлялись или нет поисковые плавания с Кадьяка в 1786—87 гг., заметим, что плавание 1788 г было довольно результативным, — в поисковом вояже находился тогда галиот «Три Святителя», который вели Г. Измайлов и Д. Бочаров. Дневник этого плавания был опубликован — см.: Российского купца Григорья Шелихова продолжение странствования по Восточному океану к Американским берегам в 1788 году. СПб., 1792.

²⁷ «Баранов, прибыв на Кадьяк, застал уже бобров около сего острова немного, почему и посылали отряд в первые два года к берегу Аляски и по Кенайскому и Чугацкому заливам...» — см.: Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 25.

²⁸ Медушевская О. М. Картографические источники по истории русских географических открытий на Тихом океане во второй половине XVIII в. // Труды Моск. историко-архивного ин-та. М., 1954. Т. 7.

²⁹ ЦГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 64. Л. 74.

³⁰ Некоторые сведения о Дж. Шилдзе см.: Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... С. 183—184.

³¹ Тихменев II. Приложение. С. 43.

³² Тихменев II. Приложение. С. 46, 44.

³³ Лебедевские промышленные на судне «Апостол Павел» прибыли в Кенайский залив 1 июля 1787 г. — см.: Тихменев II. Приложение. С. 51.

- 34 Тихменев П. Приложение. С. 51—53.
35 Там же. С. 42.
36 Там же. С. 37.
37 Там же.
38 Там же. Обо всем этом Шелихов писал иркутскому генерал-губернатору — РО. С. 359—360.
39 РО. С. 357.
40 Там же.
41 Там же. С. 361.
42 РО. С. 320.
43 РО. С. 286.
44 Тихменев И. С. 39.
45 Тихменев П. Приложение. С. 38.
46 Там же. С. 47.
47 Тихменев И. С. 40.
48 ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Ед. хр. 18077.
49 О фрегатах см.: Ханке Х. Люди, корабли, океаны. 6000-летняя авантюра мореплавания. М.: Судостроение, 1976. С. 121—122.
50 Давыдов Г. И. Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб., 1810.
51 Гюйс — носовой флаг военных кораблей. О символике гюйсов русского дореволюционного флота см.: Символ флота // Наука и жизнь. 1988. № 2.
52 ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 52. Л. 67об.
53 РО. С. 336.
54 РО. С. 350—351.
55 ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 304. Л. 39. Характерно, что пушки малого калибра отливались без особых сложностей, а на четырехфунтовые не хватило меди. Для их отливки пришлось использовать «мелкие денежки».
56 РО. С. 336.
57 Тихменев П. Приложение. С. 56—58.
58 Тихменев П. Приложение. С. 56.
59 ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 302. Л. 6.
60 ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 339. Л. 1—28.
61 В 90-е гг. в Сенате разбиралось какое-то дело, связанное с серьезнейшими обвинениями П. Лебедева-Ласточкина, в частности, в убийстве. Исход дела неясен. Об этой истории Шелихов был оповещен — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 302. Л. 6.
62 Там же. Л. 48.
63 Тихменев П. Приложение. С. 59
64 АВПР Ф. 339. Оп. 888. Д. 96 Л. 1.
65 РО. С. 349.
66 «На первый случай «Симеон» пристанет на острова Павел и

Георгий, кои я велел вообще именовать Зубовыми в честь одного моего благодетеля. Прошу и Вас на своих картах то же приказать сделать» — (Шелихов — Баранову, авг. 1794 г.) — цит. по кн.: Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках... С. 193.

⁶⁷ Цит. по кн.: Брикнер А. Г. Потемкин. СПб., 1981. С. 238 — 239.

⁶⁸ РО. С. 323—336.

⁶⁹ РО. С. 342.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Филиппов Я. Русский Американец // Киносценарии. Лит.-худож. альманах. 1986. № 3. С. 141.

⁷² Так, например, выглядит у Григорьева рассказ «Колумба русского» об общении с С. Бентамом: «...в запрошлую осень приплывши в Охотское, привел меня в каюту, подал стакан рому, другой, а потом и начал — солдат сулит, и губернаторство, и еще... разное... Я пью... молчу... Он ключик показал, открыл сундук в углу, а в нем набито — билеты английские банковые, радужные, золотые... «Все твое, говорит, если на нашу сторону перейдешь», а я ему — меня аж в груди ударило — я ему: «Деньгами, господин Бентам, не возьмешь — своими кур кормлю, а сундук подари... я его в галюн (отхожее место на корабле.— примеч. В. Григорьева) для «Святителей» — это корабль мой, — приспособлю, матрозам... нужду оправлять». Он ко мне с кулаками было сунулся, но... — Григорий Иванович лениво ухмыльнулся...» — см.: Григорьев В. С. Григорий Шелихов. Исторический роман. М.: Сов. писатель, 1956. С. 295.

⁷³ О «Левше» Н. С. Лескова см.: Аннинский Л. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1986 (глава «Левша» — происхождение легенды). С. 225—266.

⁷⁴ АВПр. Ф. 339. Оп. 888. Д. 102. Л. 2, 3.

⁷⁵ Ходнев А. И. История императорского Вольного Экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865.

⁷⁶ ЦГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 503. Л. 110б., 13, 22 об., 49 об.

⁷⁷ Там же. Л. 720б. Приведем цитату из найденного уже после сдачи рукописи в набор документа: «По представлении [...] госп. Председателя графа Энгельгарта и госп. надв. советника Ейлера баллотированием избраны в члены [...] Алексей Наумович Сенявин (адмирал, двоюродный дядя флотоводца Д. Н. Сенявина.— Л. С.), в корреспонденты рыльский купец Григорий Иванович Шелихов — ЦГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 44. Л. 104.

⁷⁸ Григорьев В. С. Григорий Шелихов... С. 15.

⁷⁹ РО. С. 343.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

ГЛАВА 12

Надежды и крушение?

- 1 Тихменев П. Приложение. С. 47.
- 2 Чайковская О. Гринев // Новый мир, 1987, № 8.
- 3 ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292. Л. 10, 42; ЦГАОР КМФ-3/ЗА-5. П. 4. Л. 42.
- 4 ЦГИА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 131; К истории Российско-Американской компании... С. 73—83.
- 5 Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. С. 194.
- 6 АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 747. Л. 22.
- 7 Тихменев П. Приложение. С. 94.
- 8 Там же. С. 99, 92.
- 9 РО. С. 237.
- 10 Там же. Стоит отметить, что в будущем, в середине XIX столетия, в столице Русской Америки Ново-Архангельске будет существовать трехклассное училище по образцу русских уездных трехклассных училищ. Наиболее способные дети, показывающие возможности своего участия в управленческом аппарате Русской Америки, учились, кроме обычных предметов, еще и навигации, мореходной астрономии, немецкому и английскому языку, коммерческим наукам — ЦГАОР. КМФ-3/ЗА-5. П. 511. Л. 1; лучшие выпускники отправлялись на учебу в Петербург — см.: Тихменев П. С. 272.
- 11 РО. С. 332.
- 12 Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. С. 34.
- 13 РО. С. 288—289.
- 14 РО. С. 289.
- 15 ЦГАОР, КМФ-3/ЗА-5, П. 3. Л. 12—13.
- 16 АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 67. Л. 2.
- 17 РО. С. 346.
- 18 ЦГИА. Ф. 796. Оп. 30. 1809 г. Ед. хр. 273. Л. 178—182.
- 19 АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 912. Л. 1—10б.
- 20 Цитируется письмо Н. Мыльникова Г. Шелихову — см.: Шамаков А. Неизвестные письма «Колумбу «росскому» // Сибирь. 1980. № 2. С. 117.
- 21 АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 9.
- 22 Там же. Л. 10.— «... за учение американцев поляку отдать 150 р.»
- 23 Калашников И. Т. Записки // Русская Старина. 1905. Т. 123. С. 213—214.
- 24 Неожиданно многообразная культурная жизнь Иркутска описана многими мемуаристами — см.: Биография Радищева, написан-

ная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 71—73; Щукин Н. Воспоминания об иркутских театрах // Северная пчела. 1844. № 128; Калашников И. Т. Записки... С. 211—217 и др.

²⁵ Цит. по кн.: Зиннер П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. С. 144.

²⁶ BL. Add Mss. № 33541. Л. 150, 152. Стоит заметить, что в самом начале XIX в. скрипку мы находим и в промысловых артелях Русской Америки — см.: Хлебников К. Т. Русская Америка в записках... С. 157.

²⁷ Кроме небольшого виолончеля со смычком, струнами и подставками, Шелихов летом 1789 г. поручал купить «3 бунта (связки, пачки.— Л. С.) струн терции, 2 бунта еще струн же секунд» — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 293. Л. 8.

²⁸ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Об открытии этой школы см.: Копылов А. Н. Очерки культурной жизни в Сибири... С. 86.

³¹ Первая публичная библиотека и музей в Сибири: Сообщение В. П. Сукачева // Приложение к № 2 журн. «Сибирские вопросы» (СПб., 1906). С. 45—57.

³² Сгибнев А. Навигацкие школы в Сибири // Морской сборник. 1866. Т. 87. № 11.

³³ РО. С. 332.

³⁴ РО. С. 348.

³⁵ Ляпунова Р. Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л., Наука, 1987. С. 59. Здесь же автор приводит несколько ярких случаев обучения детей аборигенов, относящихся к середине XIX столетия.

³⁶ «Сиятельнейший граф, милостивейший государь! Деятельное благодеяние и особенно покровительство Вашего сиятельства к Американской торговой компании, воспользовавшейся в прошлом (т. е. в 1794 г.— Л. С.) годе чрез представительство Ваше Высочайшею Ея Императорского величества милостию пожалованием духовенства, мастеровых и хлебопашцев...» — ЦГАДА. Д. 193. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 9.

³⁷ Державин возглавил Коммерц-коллегию с 1 января 1794 года; в сентябре 1796 года Коммерц-коллегия была упразднена — см.: Грот Я. К. Жизнь Державина // Сочинения Державина. Т. 8. СПб., 1880. С. 658—664.

³⁸ Державину пришлось немало сил и времени потратить на разбор дела бывшего иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби, с которого в конце концов обвинения были сняты — см.: Державин Г. Р. Записки // Сочинения Державина. Т. 6. СПб., 1878. С. 636—643.

³⁹ Обстоятельства знакомства Державина со своей невестой и его сватовства красочно описаны в кн.: Ходасевич В. Державин. М.: Книга, 1988. С. 90—96. Характерно, что в этих событиях принимали участие И. Г. Резанов, родственник будущего зятя Г. И. Шелихова — Н. П. Резанова (см. гл. XII) и великий князь Павел Петрович.

⁴⁰ РО. С. 340, 345, 346.

⁴¹ ЦГАДА. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 6, 7.

⁴² Там же. Л. 9.

⁴³ АВПР. Ф. Внутренние коллежские дела. Р. 8/16. 1785, 1795. Оп. 2/1. Д. 6. Л. 50б. Эта просьба Шелихова может вызвать некоторое недоумение. А как же Измайлов, Бочаров, Прибылов, другие мореходы, которые водили шелиховские корабли уже добрый десяток навигаций? Почему возникла столь острая нужда в судоводителях?

Дело в том, что все это были казенные штурманы и подштурманы, выделявшиеся по прошениям «компанейщиков» администрацией Охотского порта. Получавшие, в сравнении с рядовыми работными немалую плату, мореходы, однако, не всегда пеклись о пользе компанейских дел. Они могли «впадать в пьянство», могли за мзду оказывать услуги конкурентам, в частности, перевоза «чужих» промышленников, в то время, как перевозки требовали «свои», доставлять за мзду добытые конкурирующей компанией меха в Охотск, тем самым сбивая цены и принося убытки «своей» компании. Мореходы могли и вообще отказываться выполнять указания приказчиков.

⁴⁴ Тихменев II. Приложение. С. 92.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 95.

⁴⁷ ЦГАДА. Ф. 193. Оп. 1. Ед. хр. 1305. Л. 7.

⁴⁸ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 314. Л. 8, 80б.

⁴⁹ Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения... С. 182—184.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Тихменев II. Приложение. С. 84—85.

⁵² АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 855. Л. 3—30б.

⁵³ Иркутские губернские ведомости. 1860. № 18 (часть неофициальная). С. 6.

⁵⁴ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 337. Л. 2.

⁵⁵ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 314. Л. 380б.

⁵⁶ Там же. Л. 38.

⁵⁷ РО. С. 287.

⁵⁸ Тихменев II. Приложение. С. 93.

⁵⁹ РО. С. 368.

⁶⁰ В 1787 г. Шелихов уволил (?) верхотурского купца Н. Шестакова, служившего у него конторщиком. Шестаков занял место в Иркутской градской школе, но за постоянное пьянство был отрешен от должности в марте 1789 г.— см.: Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири... С. 86—87.

⁶¹ Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг., М., 1956. С. 60 (примечание 2).

⁶² Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск... С. 103 (сноска «д»).

⁶³ РО. С. 368.

⁶⁴ Перечень самых насущных нужд компании — РО. С. 223—225.

⁶⁵ Сам Шелихов считал, что русские в Охотске живут «гнусно» — см.: Тихменев И. Приложение. С. 71.

⁶⁶ Тихменев И. Приложение. С. 71.

⁶⁷ К истории Российско-Американской компании... С. 55.

⁶⁸ Там же. С. 59.

⁶⁹ ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

⁷⁰ ЦГАДА. Ф. 11 (Госархив. Разряд XI). Оп. 1. Д. 1117. Л. 9. об.

⁷¹ Полевой Б. П. Послесловие // Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971. С. 125.

⁷² ЦГАДА. Ф. 11 (Госархив. Разряд XI). Оп. 1. Д. 1117. Л. 8 об.

⁷³ Радченко Ю. «Колумбу росскому»... // Панорама искусство 78. М.: Советский художник, 1979. С. 340—351. Статья в сокращенном варианте и под другим названием напечатана вторично в журнале «Сибирь» — Сибирь, 1979. № 1. С. 103—116 (Радченко Ю. Пламя пляще).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск. изд-во, 1985. С. 73.

⁷⁶ Алексеев А. И. Судьба Русской Америки... С. 120.

ГЛАВА 13

Наследство и наследники

¹ Клущин А. И. Все пройдет // Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 2. С. 348.

² АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 30.

³ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 1090. Л. 53.

⁴ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII—нач. XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. С. 91.

⁵ ЦГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 480. Л. 39 об.

⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 18, 25, 30, 36.

⁷ ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 83 (1828). Д. 359. Л. 1.

⁸ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 801. Л. 48.

⁹ 24 февр. 1796 г. Г. Ловягин пишет Н. А. Шелиховой из Петербурга и поздравляет ее «с новорожденным сыном Григорием Григорьевичем» — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 341. Л. 7.

¹⁰ В 1782 г. документы фиксируют некоторый «рост» Ф. П. Шелихова, — он числится по 2-й гильдии. В то время он живет у Калужских ворот, в приходе церкви Казанской Божьей Матери, в доме купеческой вдовы Елены Петровны Яковлевой. Позже, в 1795 г., он снова в третьей гильдии. Правда, капитал его несколько вырос, однако вырос и имущественный ценз для записи в 1-ю и 2-ю более привилегированные гильдии; живет он теперь не в «наемном покое», а в доме своей жены — Домны Григорьевны, дочери московского купца Григория Дмитриевича Ларина, с тремя дочерьми. Но в 1800 г. Ф. П. Шелихов числится уже выбывшим из купечества, переходит в еще менее привилегированную группу мещан (Материалы для истории московского купечества. Т. 3. М., 1885. С. 333; Т. 4. М., 1886, С. 681; Т. 5. М., 1887. С. 351; Книги капитальные и приходные московского купеческого общества 1778—1783. М., 1911. С. 185; Книги капитальные... 1784—1787. М., 1911. С. 156, 354, 450; Книги капитальные... 1792—1794. М., 1913. С. 226.

О предмете торговли Ф. П. Шелихова у нас есть лишь данные за 1792 г. — тогда он торговал «разными немецкими товарами, выписанными чрез своих приятелей» (АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 803. Л. 17).

¹¹ Ф. П. Шелихов родился в 1754 г., Г. И. Шелихов — в 1748.

¹² АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 887. Л. 1; Там же. Д. 309. Л. 10, 12, 22, 29, 30. Остается непроясненным до конца вопрос об участии Василия Ивановича в плавании 1783—1786 гг. В «книге выдачи припасов» его фамилия зачеркнута, но в то же время здесь на нескольких листах он «прикладывал руку» вместо неграмотных промысловиков (ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 292).

¹³ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 868. Л. 1—10б.

¹⁴ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 902. Л. 6 об.

¹⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 462. Л. 1.

¹⁶ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 802. Л. 1.

¹⁷ Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 4. СПб., 1861. С. 61—62.

¹⁸ В частности, на обман со стороны Сидора Шелихова жаловался в 1798 г. (в прощении на имя императора Павла I) один из подчиненных С. Бентама — моряк и кораблестроитель Карл Шорт, внезапно лишенный, несмотря на заключенный с ним контракт,

возможности отправиться в промысловый вояж в качестве морехода. В результате действий С. Шелихова Карл Шорт был лишен купленного им недорогою ценою провианта и был вынужден вновь покупать провизию, но уже втридорога (ЦГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 73. Л. 38—39).

¹⁹ ЦГАДА. Ф. 11 (Госархив, Разряд XI). Оп. 1. Д. 1117. Л. 8 об.

²⁰ АВПР Ф. 339. Оп. 888. Д. 869. Л. 45; Там же. Д. 801. Л. 1, 6, 120б., 16, 18, 42 и пр.

²¹ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 52. Л. 67—69.

²² Н. А. Шелихова последовательно продолжала контакты с покровителями «Колумба русского». Так, П. Зубову отправлялись пространные письма-отчеты (Т и х м е н е в II. Приложение. С. 100—113); велась и переписка с Н. Н. Демидовым (ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 334. Л. 1). В год смерти Шелихова Н. П. Резанов становится подполковником Смоленского драгунского полка, командир которого — граф Платон Александрович Зубов: связи шелиховского клана с покровителями должны были несколько упрощаться.

²³ О родственных связях Н. П. Резанова и его знакомстве (еще в детстве!) с Г. Р. Державиным в комментариях к произведениям Г. Р. Державина (Сочинения Державина/Под ред. Я. К. Грота. Т. II. СПб., 1864; С. 300—303; Т. 6. СПб., 1871. С. 639, 647, 662, 789, 866.

²⁴ «...И он, зять Ваш, не таков, кажетца, дурень, как Вы его описываете», — писал в конце 1795 г. Н. А. Шелиховой Никита Никитович Демидов (ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 334. Л. 1 об.).

²⁵ ЦГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Ч. 10. Д. 1267. Л. 497.

²⁶ Об этом свидетельствуют записи в памятном календаре М. М. Булдакова (АВПР. Ф. 339. Оп. 888 Д. 436. Л. 2—5).

²⁷ Тихоокеанское направление внешней политики России рубежа столетий исследовано не до конца. См.: Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М.: Наука, 1983; см. также учебное пособие: Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке вт. пол. XVIII в — 60 гг. XIX в.: Учебное пособие по спецкурсу для студентов заочного фак-та. М.: МИАИ, 1974.

Показателем внимания Павла I к тихоокеанскому региону является, на наш взгляд, отправка в 1799 г. в Охотск и на Камчатку воинских частей под командованием генерал-майора Сомова и капитан-лейтенанта Бухарина (ЦГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 65 № 60. Л. 24). Эта мера, по сути, — выполнение просьбы, с которой Г. И. Шелихов после своего путешествия в Америку обращался к матери Павла I. Ср.: «...Господин генерал-майор Сомов! ...Назначая Вас в гарнизон в Камчатке, взирал я лично на Ваши способности, с каковыми Вы можете исполнить Нашу волю. И как сами увидите теперь важность Вашего назначения, ибо возрожда-

ющаяся Северо-Восточная Американская компания требует защиты и обороны... (разрядка наша — Л. С.) (Там же).

²⁸ Экземпляр печатного указа от 10 ноября 1797 г. (ЦГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 63).

²⁹ Ванкувер Г. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1790—1795 гг. капитаном Георгием Ванкувером. СПб., 1833. Кн. 5. С. 369—372.

³⁰ Выступление на конференции по истории Аляски в г. Анкоридже профессора Королевского университета в Кингстоне (Онтарио, Канада) Р. Пирса цитируется по кн.: Летопись Севера. Вып. 5. М.: Мысль, 1971. С. 182.

³¹ Некоторые обстоятельства объединения тихоокеанских промышленных компаний изложены в кн.: Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939.— С. 42—43; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975. С. 125—128.

³² АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 138. Л. 1—7.

³³ Черных В. А. «Колокол» в русской Аляске: Новый документ из Заграничного архива А. И. Герцена // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. С. 59—63.

³⁴ ЦГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 63.

³⁵ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 882. Л. 1 об., 5.

³⁶ Там же. Л. 5. См. также письмо учителя Н. Дрозд-Боначковского М. М. Булдакову (1808) с жалобами на нерадение в учебе и поведении В. Г. Шелихова — Вологодский обл. краеведческий музей, архив Булдаковых, б/шифра (документы фонда проходят реставрацию).

³⁷ ЦГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 882. Л. 5—6 — распоряжение Н. П. Румянцева об увольнении юнкера В. Шелихова в военную службу.

³⁸ ЦГАДА. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 267. Л. 1—4.

³⁹ Дорохов И. С.— герой Отечественной войны 1812 г. «В Бородинском сражении руководил контраatakой четырех кавалерийских полков в р-не деревни Семеновская, которая оказала влияние на дальнейший ход сражения. 6 сентября назначен командиром партизанского отряда, с которым освободил Верею, за что был награжден золотой саблей» (Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964. С. 313. Дорохов был шефом Изюмского гусарского полка, где служил В. Г. Шелихов; Вместе со своим командиром в партизанском набеге на Верею участвовал сын «Колумба русского» (бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. VII. М., 1903. С. 154).

⁴⁰ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны... Ч. IX. М. 1905. С. 253.

⁴¹ ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 83 (1828). Д. 359 л. 1—2

⁴² «...Граф Пален ... любит его !.. и день ото дня больше к нему привязывается» (переписка Шелиховых цит. по кн.: Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 42).

⁴³ Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века (посольство Резанова в Японию в 1803—1805 гг.) (Русская Старина. 1895. № 7—10; Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1967—1875 гг. М., 1960. С. 76—90.

⁴⁴ ЦГАОР. КМФ-3/ЗА-5. П. 35. Л. 1.

⁴⁵ «...В 11 часов утра сначала танцевали польский, потом сели завтракать. Резанов очаровал всех своею любезностью. После завтрака, окончившегося в 4 часа ... опять начались танцы и продолжались до 1-го часа ночи» (Записки иркутского жителя (И. Калашникова) — РО ГПБ. Ф. IV. 814. С. 105.

⁴⁶ В 1901 г. в ответ на запрос начальства красноярский полицмейстер писал: «...выяснено вот что: на памятнике Резанова сохранилась надпись такого содержания: «Лета 1831-го августа 18 дня воздвигнут сей памятник, иждивением Российско-Американской компании, в ознаменование незабвенных услуг, оказанных ей действительным камергером Николаем Петровичем Резановым, который возвращаясь из Америки в Россию, скончался в Красноярске 1 марта 1807 года, а погребен 13 числа того же месяца». В метрических книгах Градо-Красноярского Вознесенского собора за 1807 г. под № 7 записано: «14 марта генерал-майор и кавалер Николай Петрович Резанов, 40 лет. Умер от горячки, исповедан и приобщен. Похоронен соборне...» (РО ГПБ. Архив Военского. № 383. Л. 1). Памятник на могиле Н. Резанова уничтожен в советское время.

⁴⁷ Вознесенский А. Взгляд. Стихи и поэмы. М.: Советский писатель, 1972. С. 133.

⁴⁸ ЦГАОР. КМФ-3/ЗА-5. П. 31. Л. 1.

⁴⁹ Саитов В. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 557.

⁵⁰ Преображенский А. А. О составе акционеров Российско-Американской компании в нач. XIX в. // Исторические записки. Т. 67. 1960.

⁵¹ См.: Библиотека М. М. Булдакова в Великом Устюге // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 3; Книги гражданской печати. Вологда, 1984. С. 21—112.

⁵² «...Получил рескрипт и шпагу от Государя Павла I... ..Был у Государыни Императрицы Марии Федоровны в Зимнем перед спальней в комнате. Изволила заниматца о Коммерческом училище... ..Был у Государя в Эрмитаже, подносил Его Величеству редкости...» (АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 436. Л. 2 об., 3).

Примечательны контакты М. Булдакова и А. Н. Оленина, ди-

ректора Императорской Публичной библиотеки. В библиотечные фонды от Булдакова поступили в 1814 г. японские книги (ГПБ ОР. Ф. 542. Оп. 1. Д. 1054. Л. 1, 2). В 1806 г. после получения известий об успешном ходе первой русской кругосветной экспедиции император награждает М. М. Булдакова орденом Св. Владимира 4-й степени — ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 184. Л. 2.

⁵³ Иркутские губернские ведомости. 1860. № 18 (часть неофициальная). С. 10.

⁵⁴ В Г. Политковский (1807—1867) окончил Главное (Николаевское) инженерное училище, принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и других компаниях; в 1849 г. ему был присвоен чин генерал-майора, через десять лет он был сделан членом Совета Военной Академии; во время Крымской войны был назначен на должность начальника штаба Кронштадтского военного генерал-губернаторства — «принял деятельное участие в приведении Кронштадта и крепости в оборонное состояние»; в 1858 г. назначен председателем комиссии по военно-учебным заведениям при Главном Штабе. Кроме того, В. Г. Политковский принимал «живейшее участие в деле возвращения России при-Амурского края» (Военный сборник. 1868. № 1. С. 57—58, разд. Русское военное обозрение). Отец В. Г. Политковского, Гавриил Герасимович, занимал пост директора общей канцелярии Министерства полиции, был ярославским губернатором, сенатором.

⁵⁵ АВПР. Ф. 339. Оп. 888. Д. 143. Л. 2.

⁵⁶ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Ед. хр. 1914. Л. 20.

⁵⁷ Сошлемся на дореволюционного специалиста по истории морского дела Ф. Огородникова, утверждавшего, что в Британском Адмиралтействе долгое время царил дух коррупции и казнокрадства, технические новшества же отнюдь не внедрялись. Превосходя по численности военно-морские силы других стран, британский флот уступал в качестве постройки, форме и конструкции корабельных корпусов, в артиллерии, скорости и пр. французскому флоту. «По части теории судостроения Англия шла позади Франции и даже Испании» (Огородников Ф. Е. Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб., 1902. С. 218—219, 224—225).

⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 141. Л. 1—1 об.

⁵⁹ ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2867. Л. 15. Примечательно, что замысел С. Бентама предполагал открытие Паноптических институтов в других «приморских городах» России (Там же. Л. 13).

⁶⁰ Там же. Л. 4 об., 57. Одна машина была мощностью в 6 лошадиных сил, другая — 20.

⁶¹ Множество ярчайших подробностей знакомства с М. Логиновым, совместных прогулок, участия в изготовлении новоизобретенной повозки-амфибии и т. п. содержат дневниковые записи

С. Бентама в той части, которая отражает его пребывание в нач. 80-х гг. на Урале.— ВЛ Add. Mss. 33552. Л. 160—198.

⁶² О пожаре в Паноптическом институте — Мансуров Б. Охтенские адмиралтейские селения. СПб., 1856. С. 139—140.

⁶³ «...Господин Звегинцев, которого я брал с собою в Сибирь, где он командовал одним из моих батальонов...» (ЦГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 2867. Л. 154). В Сибири до своего прибытия в Иркутск Звегинцев с группой солдат и офицеров был командирован С. Бентамом в экспедицию вниз по Оби для изыскания пути из Тобольска в Архангельск и для разведки места под постройку порта на побережье Карского моря (КОГА. Ф. 535. Оп. 1. Ед. хр. 1578. Л. 6 об.).

⁶⁴ АВПР Ф. 339. Оп. 883. Д. 143. Л. 52.

⁶⁵ Донесение Иркутской конторы Российско-Американской компании о гибели «Феникса» (ЦГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 369).

Мы не можем согласиться с резко негативной оценкой Г. И. Давыдова, который без упоминания имени Шилдза называет командиром «Феникса» «скитающегося англичанина» и выражает сомнение в его мореходном и кораблестроительном искусстве (Материалы для истории русских заселений на берегах Восточного океана. Вып. 4. СПб., 1861. С. 65. Дело в другом — условия северной части тихоокеанского бассейна не благоприятствовали ни развитию кораблестроения (в частности, отсутствие корабельного леса), ни навигации. О сотрудничестве Шилдза с Российско-Американской компанией знал, вероятно, и И. Ф. Крузенштерн. В крузенштерновском «Путешествии вокруг света» упомянуто, что, развивая свою деятельность, компания «направила в Америку англичанина, разумевшего кораблестроение и мореплавание», деятельность его оценивается положительно (Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М., 1950. С. 7).

⁶⁶ Часть отчетов Н. Смирнова, освещавших ход обучения солдат и их детей, опубликована — Parmehl K. A. The regimental school established in Siberia by Samuel Bentham. Canadian Slavonic Papers. VIII (1966). P. 153—168.

⁶⁷ Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1982. С. 148.

⁶⁸ Портрет К. Ф. Казачковского воспроизведен в кн.: Глинка В. М. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981.

⁶⁹ ЦГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 1382. Л. 7; Там же. Ед. хр. 1384. Л. 3 об— 4.

⁷⁰ ВЛ Add. Mss. № 33541. Л. 385 об.

⁷¹ Голомбиевский А. А. Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 104—105. В 1816 г. К. Ф. Казачковский обратился к генерал-фельдмаршалу Барклаю де Толли с прошением об отпуске «

минеральным водам на один год». В этом рапорте он перечисляет свои раны и болезни. Здесь упоминаются: ревматизм, полученный на покрытых «льдом в полвершка» болотах Финляндии, ранение в «правую ногу выше колена пулею навывлет с сотрясением бедренной кости и сустава коленного», «картечная контузия в живот под грудь» (ЦВИА. Ф. 395. Оп. 60 (1816). Д. 2278. Л. 1—5.

⁷² ЦГИА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.

⁷³ Саитов В. Петербургский некрополь. Т. I. СПб., 1912. С. 623.

⁷⁴ Ш. Смерть Шелихова // Вестник Европы. 1802. № 3. С. 52.

⁷⁵ Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 1—4. СПб., 1861; Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985.

⁷⁶ Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках»... С. 176.

⁷⁷ Там же. С. 177.

⁷⁸ Ляпунова Р. Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. С. 130—131.

⁷⁹ РО. С. 199.

⁸⁰ Тихменев И. Приложение. С. 91.

⁸¹ Ляпунова Р. Г. Алеуты... С. 129—130.

⁸² Там же. С. 127.

⁸³ Там же. С. 136—137, 171—175.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

¹ По борончук М. Дача на Алеутских островах // Советская культура. 28 июня 1988 г.

² Мы, например, не знаем, как выглядел Григорий Иванович. Несходство дошедших до нас портретов Шелихова поражает. Составляя портретную миниатюру, воспроизведенную в предреволюционном издании «Русские портреты» (Русские портреты XVIII—XIX столетий. Изд. вел. кн. Николая Михайловича. СПб., 1909. Т. 5. № 76; местонахождение оригинала неизвестно, работа известного художника), барельефный портрет с шелиховского надгробного памятника в иркутском Знаменском монастыре и портрет из книги П. А. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании», пытаешься найти хоть что-нибудь общее между этими изображениями. Три разных человека! Но какой из них Шелихов?

Наиболее официальным надо признать портрет из «Исторического обозрения...», который повторяет листовую гравюру (после 1797 г.), изображающую стоящего Шелихова («Грав. Иванов Вас. Ив.»; экз. см.: ГПБ, отд. эстампов, инв. № 1022). На листе фигура Шелихова заключена в овальную рамку с девизом «Верою и усердием». На полях рисунки: герб Шелиховых, встречи с алеутами и др.

Заметим, что документы свидетельствуют о том, что прижизненные портреты «Колумба русского» существовали. Шелиховский корреспондент — приказчик Н. Н. Демидова Гаврила Ловягин упоминал (в письме от 16 марта 1794 г.) о полученном уже в Иркутске портрете Григория Ивановича, который Шелихову не понравился — «в разсуждении несходства с натурой». В письме приводится мнение Н. Демидова, считавшего портрет вполне удовлетворительным, указывавшего на то, что изображение выполнялось, когда Шелихов был «в лице полон». Тем не менее Демидов «вел живописцу написать новый портрет Григория Ивановича поощащее» (ЦГАДА, ф. 1605, оп. 1, д. 314, л. 63).

Итак существовало, по крайней мере два портрета Шелихова, выполнявшихся незадолго до его смерти. Кстати, не связано ли похудение, о котором писал Н. Н. Демидов, с болезнью Григория Ивановича?

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА

Работа по научному описанию книжных и рукописных собраний Вологодской области, предпринятая в последние годы объединенной группой ученых Ленинграда, Москвы и местных специалистов, упорядочила и открыла музейные и библиотечные фонды, сделала доступной информацию об их содержании, привела к интереснейшим находкам. Среди выявленного — и некоторые шелиховские документы, некогда входившие в тот комплекс материалов, который в тексте книги условно назывался «шелиховским архивом». Напомним — это материалы, собранные М. М. Булдаковым и после его смерти «истребленные» невежественными родственниками. К счастью, полного истребления не произошло. Объемные материалы из «шелиховского архива» сегодня — в нескольких центральных хранилищах; теперь к ним добавляются вновь открытые документы из Вологодского музея.

Фрагменты переписки Г. И. Шелихова, его сотрудников и родственников выявлены хранителем музейных фондов Надеждой Николаевной Малининой. Из этой переписки для настоящей публикации отобраны письма, в некоторой степени отражающие характер деловых отношений Шелихова и английского коммерсанта, имевшего торговлю в Санкт-Петербурге, — Джеймса Шмита, а также письмо промышленника, в чем-то типичное для той корреспонденции, которую Шелихов получал из Русской Америки.

Господину Григорью Ивановичу Шелихову.
Санкт-Петербург, декабря 18-го дня 1788.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!
Почтенный господин Шелихов!

Моим последним письмом уведомляя я Вашу милость о заплате данного на мою кантору векселя ордер Семен Прокофьев Васильев суммою в дватцать пять тысяч рублей и которой с надписанием на оном заплаты, надрав, послан тогда же к Вам обратно. Которое равно как все прочее о чем я имел честь к Вам писать, сим подтверждаю, ссылаюсь на оное мое письмо.

Приятное Ваше письмо от 11-го сего месяца вчераш чрез общего нашего благодетеля его благородия господина Никита Никитича Демидова мне доставлено. За которое, ровно как и за объяснение, что значют суховые и сходные паи, приношу мою благодарность. Тоже и за означение, что уступленные Вами мне шесть паев в американской торг состоят в означенных Вами кораблях: двух корабля «Михайловское» и «Симиона и Анны пророчицы», которые с 1786 года отправлены в Америку, тоже и корабле «Трех святителей», которой в 1787-м году пошел в Америку же; которое все в надлежащем порядке. Между тем пребываю во ожидании требованного мною на все объяснения, равно мерно и на все то, о чем наш благодетель господин Никита Никитич Демидов сего дня к Вам обстоятельно пишет. Что касается до меня, то все (как Вы и сами знаете) с моей стороны исполнено. О раченении Вашем к общей пользе я нимало не сомневаюсь; дай бог только доброй успех и все будет хорошо.

О ценах на пушные товары я порядечно выправлюсь и уведомлю Вас прямо в Иркутке, и желаю чтоб Вы здорово и благополучно туда прибыли и пребывали навсегда вожделенном здравии, чего от сердца желая пребываю с почтением, милостивый государь мой,

Ваш покорной слуга Яков Шмит.

[P. S.] Я заметил, что Вы писали о наместника иркуцкаго и его секретаря; с[правлялся] и могу Вас уведомить, что он точно поедит в Иркутки, и так об Вашей претензии ничего с ним говорить не можно.

Гаврила Володимерич¹ благодарит, что Вы об нем помните и посылает к Вам свой поклон.

Прошу означать мне имяна и сорты пушных товаров, о которых Вы желаете иметь сведение, дабы я тем с лутчим успехом мог удоветворить Ваше желание.

ВОКМ, 28881/18, л. 1—2. Адрес: «Милостивому государю моему Григорью Явановичу господину Шелихову — купцу рьлскому — в Москве. Отдать у Калужских ворот в доме московскаго купца Федора Петровича Шелихова напротив каменной съезжей, — а ежели уже отправился в Сибирь, так сие письмо послать в Иркутск». Фрагменты печати красного сургуча. Помета: «Получена пересланное из Ирбита марта 17-го 1789 года».

2

Господину Григорью Ивановичу Шелихову.
Санкт Петербург, декабря 21-го дня 1788 года.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Почтенный господин Шелихов!

Подтверждаю мое последнее письмо, которое имел честь к Вам писать от 18-го числа сего месяца, а вчера исправно получал Ваше почтенное письмо от 14-го число сего ж месяца, ис котораго с удовольствием видел, что Вы опробовали форму сообщеннаго от меня контракта на уступленные мне шесть паев в Вашей американской торговли на трех кораблях; и что оной подписан Вами и прописан у кварталнаго маклера, и который при письме Вашем мною и получен, и за которое все приношу Вам мою искреннюю благодарность, подтверждая оное и за уступление мне шесть пав. И так дело сие ныне в порядке; а остается толко как к моему, так и к сведению общего нашего благодетеля его благородия господина Никита Никитича Демидова, кроме сообщенных Вами объяснений, к доставлению равнаго сведения о том, о чем по сему делу нам знать нужно и о котором благодетель наш уже к Вам писал, и сегодня вновь писать будет.

Тоже мое приложение о девяти тысячах рублей за шесть пав. Вы пишете, чтоб оные денги переслать в Москву к господину московскому купцу Михайлу Петровичу Железникову² около половины генваря месяца; но мне кажется лутчей чтоб господин Железников около означенного времени трасировал оныя на меня, чрес что он вернее получит денги, я не буду иметь опасности в пересылке оных и збережу полу процента что бы следовало платить на почтовом дворе. Все сие заслуживает уважение, вследствие чего и писал я сего дня к господину Железникову, чтобы он около половины генваря будущего 1789-го года на означенную сумму девять тысяч рублей дал на меня вексель сколко можно не в короткой срок, и что он может быть уверенен о исправном по оному заплате, а тогда и все сие дело согласно полученному от Вас контракту пребудет в надлежащем порядке.

Касателно до протчего, о чем Вы изволили писать, мною замечено. Я не сомневаюсь, что Вы торговлю Вашу тяхтинскую о таким же можете производить успехом, как и господин Шигирев³, и как оному так и намеряемому Вашему отъезду, которой поставили Вы 20-го число сего месяца, желаю щастия и божиева благословения.

Ожидаю впредь дальнейших Ваших известий; о ценах пушных товарах естли успею скоро собрать оны сведения, то непримину сообщить оные Вам с будущею почтою. Впротчем при чисто сердечном желании Вам и любезной Вашей фамилии при наступлении Нового году всякаго благополучия пребываю с отличным почтением, милостивый государь мой,

Ваш всепокорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 3—4. Адрес: «Милостивому государю моему Григорию Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Фрагменты печати красного сургуча. Помета: «Получено в Иркутске переслано из Ирбита марта 17-го 1789 года».

3

Господину Григорию Ивановичу Шелихову.
Санкт Петербург, генваря 1-го дня 1789-го года.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Почтенный господин Шелихов!

Я подтверждаю мое последнее к Вам письмо от 25 число прошедшего месяца и года. А вчерась имел честь получить Ваше приятное письмо от 23-го число декабря писанное в Москве, из которого видел, что Вы того же самага дня намерены отправится в путь. Я сердечно желаю Вам благополучной путь.

Притом заметил я, что каким образом принадлежащие мне за шесть паев в Вашей американской торговле расположена Вами заплата следующих за оные девять тысяч рублей, а именно:

1-е чтоб заплатить господину якуцкому дворянину Илью Васильевичу Кривошапкину 20-го число сего месяца девять сот двадцать рублей, прилагая к тому восемьдесят рублей по Вашим особенным щетам, а всего тысяча рублей, и чтоб всять от него одинакой вексель от 20-го генваря 1789-го году в восемь месяцев срок, на Ваше собственное имя и чтоб оной вексель переслать к Вам в Иркутск.

2-е оставшие за тем восемь тысяч восемьдесят рублей и что сверх того за посленные 26 соболей выручено будет, чтоб оные непременно 25-го или 26-го число сего генваря доставлены были в Москву в дом господина Михайла Петровича Железникова, или

чтоб господин Иван Ларионович Голиков оные получить мог.

На оное сим имею донести, что я требование Ваше совершенно удовлетворю. Когда господин Кривошапкин ко мне явится, то я ему 920 рублей заплачу, и окончав с ним, получа от него вексель, к Вам в Иркутск доставлю. Касательно до достальных 8080 рублей, тоже и денги за соболи, оное расположено будет так, что уполномоченный Ваш из дома господина Железникова или сам господин Голиков оные денги 25-го или 26-го число сего месяца может получить в Москве от господина Петра Гусятникова⁴, о чем Вы можете быть совершенно уверенны.

Все, что Вы от господина Шигарева и его товарищах, тоже и в разсуждении нашей общей торговли уведомляете, мною замечено. Я к вам и к Вашему знанию имею всякое доверие, а по сему и предполагаю всякую доверенность во всем том, что Вы по общим нашим делам предпринять заблагоразсудите, и ласкаюсь, что с помощью всевышнего все пойдет с желанным успехом. Между тем благодарю за сообщенное Вами известие, и согласно оному поступать буду. Прошу и впредь не лишать меня оных, напротив чего не примину уведомлять Вас о всем, что здесь происходит.

Посланные от Вас 26 соболей благополучно пришли, и наш общей благодетель его благородие господин Никита Никитович Демидов сказал, чтоб с <...> так, как бы они уже были проданы, о чем о <...> Вам писать будет.

При сем посылаю реэстр цен на пушные товары с моими на то примечаниями, и надеюсь, что оное послужит к Вашему сведению, а какие впредь по сей части будут перемены, не примину Вас уведомлять.

В протчем благодарю за Ваши добрые желания и повторяя равномерно мои к Вам, пребываю с почтением, милостивый государь мой,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 5—6. Адрес: «Милостивому государю моему Григорий Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Фрагменты печати красного сургуча. Помета: «Чрез почту в Иркутске с 17 февраля получено».

4

Господину Григорью Ивановичу Шелихову.
Санкт Петербург, генваря 22-го дня 1789.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!
Почтенный господин Шелихов!

Я ссылаюсь на мое последнее к Вам письмо от 1 число сего месяца и подтверждаю все, что имел честь тогда к Вам писать.

Сим я имею Вам, государь мой, донести, что по Вашему желанию я заплатил господину прапорщику Льву Васильевичу Кривошапкину девять сот дватцать рублей, и за оные и при том приложение Вам от него принадлежащих восемьдесят рублей, а всего на тысячу рублей взял я от него одинакой вексель от 20-го числа сего месяца на восемь месяцев срок, платить в Иркутке прямо на Ваше имя, и исполнил все сие точно по Вашему приказу Сей помянутой вексель я и при сему Вам прилагаю, из онаго идет следовательно на щет Вам от мне надлежащих девять тысяч рублей за уступленные мне шесть паев в Вашем американском торговле, господину Кривошапкину заплачены девять сот дватцать рублей. А что касается за достальных восемь тысяч восемьдесят рублей, то уже все учинено, чтоб господин Иван Ларионович Голиков может получать сию сумму 25-го или 26-го числа сего месяца в Москве у господина Петра Михайловича Гусятникова, где сие денги к принятию в готовности лежат. Я также об сие дела уже прошедшею почтою писал так как господину Голикову, так и господину Гусятникову, и не сомневаюсь что все исправно будет по Вашему желанию. Я также просил господина Голикова, чтоб он дал Вам известие о получении вышеупомянутых восемь тысяч восемьдесят рублей, которое уповаю я, он и исполнит. И так платеж мой сполна за отступленные мне шесть паев в вашем американском торговле учинен и кончен. Теперь только остается желать, чтоб всевышний дал нам щастие и доброй успех, которое также желаю в нашем тяхтинском торге, и чтоб сие письмо Вам и Вашу фамилию находило в благополучном и добром здравии, чего всем сердцем желаю и остаюсь с великим почитанием, милостивый государь мой,

Ваш покорной слуга Эдвард Даамед Шмит.

[P. S.] При сем письмо от Гаврила Владимировича. Наш благодетель его благородие господин Никита Никитович Демидов в добром здравии и дай бог, чтоб он еще многие лета так остался.

ВОКМ, 28881/18, л. 7—8. Адрес: «Милостивому государю моему господину Григорью Ивановичу Шелихову купцу рылскому в Иркутке». Фрагменты печати красного сургуча. Помета: «Получено в Иркутке чрез почту 1789 году марта 9 дня и <...> вексель».

Господину Григорию Ивановичу Шелихову
в Иркутске.
Санкт Петербург, марта 29-го дня 1789-го года.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!
Почтенный господин Шелихов!

С последним моим писмом от 22-го генваря сего года я имел честь объявить Вам, что по Вашему желанию я заплатил господину прапорщику Льву Васильевичу Кривошапкину денег 920 рублей, и с приложением при оном 80 р., которые Вам сверх того от него следуют. Я Вам переслал его Кривошапкина одинакой вексель от 20 января сего года на 8 месяцев срок платить в Иркутске прямо на Ваше имя. Я еще имел честь уведомить Вас, что достальные Вам надлежащие 8080 рублей за отступленные мне шесть паев в американском торговле, в готовности лежат у господина Петра Михайловича Гусятникова в Москве для принятия господином Иваном Ларионовичем Голиковым. Все сие, и что боле еще писал, я сим утверждаю и на оное писмо ссылаюсь.

Теперь, государь мой, имею донести, что исправно получил Ваши приятные писма из Иркутске от 31-го генваря и от 13-го февраля сего года. Из первого с великим усердием и удовольствием вижу Ваш и Вашей фамилии благополучной приезд в Иркутск, и что бог дал Вам в дороге дочь⁵, чем Вам и лубезную Вашу зожителницу всем сердцем поздравляю и желаю продолжение здравия и всякого благополучия.

За присланной реэстр об ценах товаров благодарю. Ежели я еще во время получу, так при сем обратно прилагаю реэстр как здесь цены находятся товаром, инако пришлю оный с первым моим писмом.

С второго Вашего писмо примечаю, что Вы исправно получили мое писмо от 25-го декабря прошедшего года, а то от 21-го число еще к Вам не дошло. Я не сомневаюсь, что и после сие писмо Вами благополучно получено, оное шло под куверт господина Михайла Петровича Железникова.

Что касается до следующих Вам за 6 паев 9000 р. денег, я не сомневаюсь, что Вы исправно получили вышепомянутое писмо мое от 22-го генваря и при том вексель от господина Кривошапкина на 1000 р., а достальные 8080 р. уже от 25-го число того жь генваря в готовности лежат у господина Гусятникова в Москве, но я еще известие не получил, чтоб оные были приняты, понеже ни господина Голикова, ни господине Железникова в Москве нет. Однако ж я господину Голикову в Курск писал, чтоб он поверил

кого в Москве сие денги принимать, и теперь скоро ожидаюсь получить известие, что оныя приняты.

В протчем я усматривал, что Вы изволите писать об тяхтинскаго торго, что цены всех пушных товаров высоки, и что Вы для первую поупку с наставлением и денгами отправили двух человек в Якутск и в Олекму. Я в сим деле совсем полагаюсь на Вас и уверен, что Вы для общего нашего ползы верно все возможное употребить будете. В протчем нада ожидать чатье какое нам бог даст. Наш общий благодетель его благородия Никита Никитичь Демидов мне объявил все, что Вы ему писать изволили, и он сам Вам на оное ответствует на сию почту.

Касательно для нашего американского торго я также полагаюсь на Ваше старание, и в свое время буду ожидать Ваши известий, примечал все что Вы об оном теперь помянуть изволите.

Полученные Ваших от нашего благодетеля Никите Никитича 20 соболей я продал на два месяца срок, цено по 9 р. за собель.

В протчем приносим я, жена моя и все дети к Вам, Вашей супруги и всей фамилии благодарность за Ваши дружби и желаем Вам всем всякое благополучие от всевышнего, а я остаюсь с великим почитанием, милостивый государь мой,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 9—10. Помета: «(Получена) Иркутске сего года июля 16 день 1789-го».

6

Господину Григорию Ивановичу Шелихову
в Иркутске.

Санкт Петербург, апреля 12-го дня 1789-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович!

Последнее мое письмо к Вам было от прошедшего марта 29-го число и служило в ответ Ваших писм от 31-го генваря и 13-го февраля сего года, которое мое письмо во всем подтверждаю и на оное ссылаюсь.

С прошедшею почту я исправно получил Ваше почтенное письмо от 7 марта из Иркутске и в нем приложенное из Томске к Вам писанное письмо. Зодержание обеих я со вниманием примечал. Наш благодетель его благородия господин Никита Никитичь Демидов мне также представил, что Вы ему пишете. Истинно очень сожелетельно, что теперь надежды нет в скором открытии тяхтинскаго торго, и чрес того наша шпекуляция несколким образом помешалась. Что делать? Не кто из нас не виноватом, тепер остаётся старанием Вашим употребить означенны к тяхтинскому торгу

денги к общей нашей пользы как лучше возможно. И я в сим деле со всем на Вас и Вашей старание полагаюсь и ласкаюсь, хотя и Шигирова прикащики и протчие покупают пушные товары по очень высоким ценам, что Вы по Вашей опите и знание найдете средство учинить полезной и выгодной торг пушными товарами для общей пользы, дай бог только щастие! Об Ваших предприятиях буду ожидатся Ваши известии. При сем обратно прилагаю Вам письмо из Томске писанное и при том еще присилаю реэстр об ценах пушных и протчих товаров. Его благородия господин Никита Никитичь Демидов к Вам уже с прошедшею почтею ответствовал, на которое ссылаюсь.

Удивительно мне, что Вы мое письмо от 21-го декабря 1788 еще не получили, и для того при сему сообщаю копию с оногo. Не менее я удивляюсь, для чего господин Иван Ларионович Голиков у господина Петра Михайловича Гусятникова для Вас уже с 25-го генваря в готовности и к принятии лежащии 8080 рублей еще не принял и не принимает; сии денги все время без пользы лежат у господина Гусятникова.

Я не сумневаюсь, что Вы исправно получили к Вам прямо в Иркутске пересланной вексель от господина Льва Васильевича Кривошапкина в 1000 рублях при моем письмом от 22-го генваря сего года.

В протчем принося за Вашей и всей Вашей любезной фамилии дружбы благодарность от себя и своей фамилии, желаем мы все Вам всем также всякое благополучие и сверх того я остаюсь с почитанием, милостивый государь,

Ваш всепокорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 11—12. Помета: «Получено в Охотке 16 июля».

7

Господину Григорью Ивановичу Шелихову
в Иркутске.

Санкт Петербург, мая 17-го дня 1789-го года.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Я ссылаюсь на последнее мое к Вам письмо от 12 число прошедшаго апреля месяца и подтверждаю все, что я имел честь тогда к Вам писать, не сумневая, что оно письмо к Вам дошло благополучно.

После то я исправно получил Ваше приятное письмо из Иркутске от 14-го число месяца марта сего года, из которого с великим удовольствием вижу, что Вы исправно получили мое письмо от 22-го генваря сего года и при том же пересланной к Вам вексель.

от господина Льва Васильевича Кривошапкина в тысячу рублей, и так сие дело в исправности.

Что надлежит до перевода 8080 рублей досталных за 6 паев, господин Иван Ларионович Голиков сие денги уже в прошедшем апреле месяце под расписку от господина Петра Михайловича Гусятникова все получил сполна, и я совсем не сомневаюсь, ибо господин Голиков к Вам об получении оных дал известие, и так сие дело кончено. Я сожалею, что промедлилось несколько время, однако ж я в том не виноват, денги у господина Гусятникова от 25-го генваря в готовности лежали. В свое время буду ожидатся Ваших известий, и дай всевышней нам доброй успех.

Касательно до тяхтинского торгу я все, что Вы об оном пишете, и из писм копии от Ваших отосланных трех человеках, приметил, а что далее производится, от Вас сведений ожидать буду. По всему видно, что сей торг еще не скоро откроется. Я в сим деле и что касается для покупке пушных товарах и употребление денег положенных, во всем на Вас и на Вашу расположению полагаюсь. Здесь еще ничего об скором открытии тяхтинского торгу не шлишно, и хотя со здешней стороне китайцам удовольствие было зделано, торг еще в целом годе не производится. И потому также наш общей благодетель его благородия Никита Никитовичь Демидов советовал мне, чтоб переслать в Москву к господину Михайлу Петровичу Железникову товары, которые Вы желаете иметь в Иркутске, и чтоб я на Вас щет купил, а именно чаю разных сортов на тысячу рублей, сахару рефинату также на тысячу рублей, дватцать пуд леденцу полубелого и две бочки крепкаго белаго португальскаго вино что содержали тридцать шесть ведр.

Еще пишете, чтоб сие товары отправить в Москву господину Железникову в будущем июне месяце, но я разсуждаю что тогда позда будет, и тогда товары его более в Москве не застояат, понеже Макарьевской ярмарке уже в июне месяце начинается. И так я все возможное употребил, чтобы господин Железников мог получать товары во вреся перед отъезд в Макарью. Для того я следующую разположению учинил, а имянно: отсель я к нему отправил 15-го числа сего месяца три ящика чаю Пеко, того ж сорту котораго Вы у меня купили; я сей чай из второй руки купил, и думаю что Вам выгоднее будет иметь толки сей один хороший сорт, нежели разный и при том niskих сортов, для то, что [по] слуху как тяхтинский торг нынешний год не откроетца, цены от всех сортов чаю высоко пошли и поднялись, а паче всего niskие сорта, которые прежде были 50 до 60 р. пуд, теперь 80 и 100 р. Да лутчей сорт Пеко в пропорции не так высок в цене: я помянутые 3 ящика сторговал за 160 р. пуд на готовые денги. Сахару рефинату около 80 пуд и леденцу полубелаго 8 ящиков блиска

20 пуд, я сего дня пересилаю господину Железникову в Москве ассигнацию, чтоб он оба сорти мог там принимать, чрез чего никакой стѣх и опасность, которые могли быть, ежели я их с здешнего места отправил, и сверх того он не только скорее получит сахар, но и примет все хорошево и целого без лому. Я господину Железникову дал также наставление, чтоб он сахар рефинат перекалал в маленьких бочках около 18 пуд. Вино белое крепкое португальское я господину Железникову просил, чтоб он для Вас купил в Москве, там может достать его так дешево, как здесь, и сверх того примет полнее бочки без всякой утечки, которое могло быть на дороге при отправки отсюда; я ему объявил, чтоб 2 бочки зодержали толко около 36 ведр. Так я исполнил Вашу комиссию и ласкаюсь с Вашим удовольствием; сколь скоро я от господина Железникова получю известий сколько сахару он принял, я сообщу к Вам щет на все прямо в Иркутск чрез почту. Кроме на вино как сумма за оное малое, я господина Железникова просил на Ваш щет поставить и об оное с Вами прямо считаться. Я желаю, чтоб Вы все товары скоро и благополучно бы получили и Вам бы хороший барыш был.

Нашему благодетелю Никиту Никитичу я объявил, что Вы пишете, и письмо Гаврилу Владимировичу без содержание отдал. После того Никита Никитич получил лист, и как он, так и Гаврила Владимирович Вам уже ответствовали. В протчем желаю Вам во всех Ваших дел доброй и благополучной успех, также Вам и всей Вашей фамилии доброе здравие, пребывая с почитанием, милостивый государь мой,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ. 28881/18, л. 13—14. Помета: «27 сентября у Юдомского (?) креста получено».

8

Господину Григорий Ивановичу Шелихову,
Санкт Петербург, сентября 3-го дня 1789-го года.

Милостивый государь мой Григорий Иванович,

Почтенный господин Шелихов!

Почтенное Ваше письмо, пущенное из Иркутска от 10-го числа мая прошедшаго, мною исправно получено, тоже и посылка, состоящая в японском компасе и протчее.

Из письма Вашего заметил я, зделанные Вами распоряжения о покупке пушных товаров, в чем я на Вас полагаюсь. Только кажется горячится нечему, понеже о раскрытии китайской торговли никакова слуху нет, и более вероятно, что пройдет еще наро-

читое время прежде нежели торг сей возмет свое действие. А между тем количество пушных товаров скопится большое, так что и при раскрытии торговли едва ли будут слишком высокие на оные цены. Сие почел я нужным заметить, предоставляя в прочем Ваше благорассмотрение к лутчему. Вы изволите уведомлять, что заутро намерены отправится в Охотской порт, сердечно желаю Вам щастливой и благополучной путь. Я бы очень ждал прежде Вашего возвращения видеть Ваши писма из Охотска, ибо иногда случается, что и кроме почты бывают налехке ездоки.

На запрос Ваш, что ежели в нынешнем лете придет в Охотск из Америки наше компанейское судно с товарами, что бы Вас на такой случай обще с Гаврилою Владимировичем снабдить наставлением, за непоторжою на Кяхте куда отправить на нашей част товары. На оное ответствую, чтобы Вы на нашу част принадлежащие товары благоволили при первом удобном к отправлению времени отправить к нам в Санкт Петербург, и для безопасности в дороге нанять хорошева и трезвова человека для провождения оных, которое благоволите непременно исполнить.

Последное мое к Вам писмо было 17-го число прошедшего мая, в котором я Вас уведомил о покупке на Ваш щет чаю и сахару леденцу по Вашему приказу, и также об отправке оных в Москву к господину Михайлу Петровичу Железникову, и каких прочих разположениях я учинил для приеме в Москве сахару рефинату и вино. От сие мое писмо к Вам государь мой, и также от мое писмо от того ж число к господину Железникову я при сему прилагаю копию, понеже мне очень удивительно и странно кажется, что я на оные до сей времени не от Вас, не от господина Железникова, никакова ответа еще не получал и не знаю по какой причине.

На чай и леденец я при сему также прилагаю щет, которой доходитя на 1381 рублей 57 копеек, покорно прошу старатя, чтоб я сие денги мог получить здесь по Вашему обещаю в будущем генваре месяце, понеже я обязался оные в сие время заплатить. Что касается до сахару рефинату и вино, как я от господина Железникова никакие известие не получил, я и ничего не могу сказать точнаго получил ли он по посланую ему ордер 3 бочки сахару, однакож ежели получил, я на Вас полагаюсь, что Вы за оныя также пришлете денги к будущем генваре месяце.

В прочем желая Вам всякое благополучие, остаюсь с истинным почитанием, милостивый государь мой,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 19—20. Адрес: «Милостивому государю моему Григории Ивановичу господину Шелихову купцу рылскому в Иркутске». Фрагменты печати красного сургуча. Помета: «Получено в Ыркуцке с 26 октября».

Господину Григорию Ивановичу Шелихову.
Санкт Петербург, ноября 15-го дня 1789-го года.

Милостивый государь мой Григорий Иванович!

Мое последнее письмо к Вам было от 3-го числа сентября на которое во всем ссылаюсь.

После того имел честь получить Ваше письмо от 28-го марта, писанное Вами при отъезде Вашем из Иркутска, на которое не имея что ответить предоставил до получения от Вас писем из Охотска. А на сих днях имел удовольствие получить Ваше приятное письмо от 26-го числа июля, которое меня сугубо обрадовало. Во-первых видел из него, что Вы благополучно прибыли в Охотской порт, и что компанейское наше судно «Трех святителей» щасливо прибыло к Гавани; дай бог равное слышать и о протчих судах, ожидаемых из Америки.

Я с нетерпеливостью ожидаю обстоятелнова известия, сколько каких товаров на оном судне вывезено.

При сем случае прошу Вас привезенное число товаров на мой пай продать обще с Вашиму и непродолжительно доставить мне продажной цет, также и вырученные за оные денги перевести ко мне в Петербург в надежных векселях, чем много меня обяжете.

Я весьма сожалею о неприятностях, которые с Вами случились в Якутске⁶, аднако ж надеюсь, что все всклепанные на Вас затеи сами собою уничтожатся. Касательно до чинимых притеснений от экспедиции, думаю, что оные уже миновались, ибо я на верное слышал, что вся оная экспедиция уничтожена. Дай бог, чтоб заведении наши в Америке имели благополучной успех, о чем весьма слышать желаю и прошу Вас писать ко мне почащей.

Реэстр ценам товарам при письме Вашем получил; а какие здесь состоят цены товарам при сем прилагаю. За тем желая Вам всякаго благополучия пребываю с истинным почитанием, милостивый государь мой,

Ваш всепокорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 21—22. Адрес: «Милостивому государю моему Григорию Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Фрагменты печати красного сургуча. Пометы: «Получено ... в Ыркуцке в 9 генваря 1790 года»; «Отвечат»: «№ 1-й».

Господину Григории Ивановичу Шелихову
в Иркутске.
Санкт Петербург, декабря 31-го дня 1789-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович!

Приятное Ваше письмо от 18-го числа ноября, пущенное из Иркутска, имел удовольствие получить на сих днях, и весьма порадовался о Вашем щасливом возвращении из Охотска в Иркутск.

Мое последнее к Вам письмо было от 15-го числа прошедшего ноября, на которое во всем ссылаюсь. А сим приступаю ответить на Ваше последнее письмо.

Что от комиссионера Вашего Железникова Вы никакова известия не получаете, о том сожалею. И Вы весьма разумно сделаете, что иметь в Москве собственного прикащика, ибо дела Ваши сего непременно требуют. Я от Железникова тоже никакова уведомления не имею, что мне не менее удивляюсь. А о сахаром и леденце по известии от Гусятникова еще никто не принимал и они лежат у господина Крока, комиссионера сахарнова фабриканта⁷.

Я стараюсь в надежде получения отправляемых с Арешниковым товаров, и сколько от него ко мне доставлено будет, не припину Вам в свое время уведомить.

Отправленные Вами ко мне с курьером 10 бабров и 60 соболей мне доставлены; только сожелетельно, что бобры дорбгою подмочены, я старался их просушить. По сему случаю и наступающих праздников бобров никому показать не имел еще случаю, а соболи продал господину Готфрид Венерту за 600 рублей со обожданием шесть месяцев.

Я не знаю, означенные соболи принадлежать ли к полученному Вами из Америки грузу или Вашей покупке? Посему с нетерпеливостью ожидаю реэстра и щет о всех вывезенных на нашем судне товаров, и весьма удивляюсь, что присылкою оных изволите медлить, что однако ж приписую Вашим недосугам и надеюсь вскоре оной получить.

Требование для домашнева Вашего обиходу вещи согласно Вашему реэстру при оказию с курьером, а естли курьера вскоре не случится, с почтою перешлю.

Общей благодетель наш господин Никита Никитич будет в Вам обо всем пространнея писать. А мое письмо заключаю искренним желанием, чтоб начинающейя 1790 год во всем был Вам благоуспешен, и чтоб бог обрадовал нас в течении онаго приходом судна из Америки. За сим я и жена моя свидетельствуем на-

ше почтение любезной Вашей фамилии и пребываю с нелицемерным почитанием, милостивый государь,

Вашей милости покорнейший слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 23—24. Адрес: «Милостивому государю моему Григорий Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Фрагменты печати красного сургуча. Пометы: «Получено в ... февраля»; «Атвечать»; «№ 2-й».

[Господину Григорию Ивановичу Шелихову
в Иркутске.]

[Санкт Петербург, февраля 14-го дня 1790-го года.]

[Милостивый государь Григорий Иванович!]

...моим последним письмом от 21-го число прошедшаго [декабря] месяца уведомил Вас о получении посланных 60 соболей и 10 ... бабров, и то соболей мною проданы за 600 рублей со обождением шесть месяцев, которое сим подтверждаю.

А на сих днях имел удовольствие получить Ваше почтенное письмо от 4-го декабря, пущенное из Иркутска, на которое сим имею честь ответить.

Об отправлении в Москву к Вашему прикащику Шемелинову⁸ на 40000 рублей товаров из писма Вашего известен. И он из онаго товару доставил ко мне бабров, по его записке числом 162 бабра по цене на 23600 рублей, которые мною и получены. При сем случае почитаю за нужное Вам сказать, что обстоятельства с бобрами здесь не авантажны, потому что половина уже зимы прошло, а сей товар обыкновенно покупают здесь с осени для всяких поделок. И сверх того сколько мог разведать расход на оной здесь невелик: я из присланных прежних 10 бабров не более мог отбыть как только один, и то взяли приятели на раздел. А по сему не предвидя надежды к продаже оных здесь, решился я оставя из оных малую часть досталные все отправить обратно в Москву к Вашему прикащику, в надежде, что он скорее и лутчей найдет случай продать в Москве.

...ожидаем ... шесть паев, что я купил ... пусть принадлежащих мне шесть паев останутся под Вашим присмотром, и положите в удобном и от огня безопасном месте, пускай оные лежат, куда бог даст как китайский торг откроется, и тогда благоволите обще со своими продать на месте, или отправить в Кахту для промену оных на китайку, чай и другие товары, которое все предоставляю на Ваше попечение к лутчему.

Я весьма удивляюсь, для чего Жигарева прикащики так горечно

пушные товары покупают; об отправлении товаров и денег в Гижигу и Камчатку морем тысяч на девяносто из письма Вашего видел и желаю, чтоб благополучно туда пришли. Я признаюсь Вам, что такой великой капитал посылать на одном или двух судах, не имея случая как в Европе отдавать оные на страх, кажется подвержено немалой опасности. Из оных товаров, также и из покупаемых Вами в Олекме и других местах соболей, куниц и лисиц, можете часть доставить для продажи сюда, и я надеюсь продать оные с пользою. Но есть ли бы здешние цены и оказались не выше московским, то можно оные обратно отправить в Москву, ибо провоз не много стоит. Посему благоволите взять свои меры согласно сему.

Печатку согласно Вашему предписанию закажу сделать и к Вам доставлю.

... [нашему общему благодетелю Никите] Никитовичу я докладывал и его упросил. Он изволил ... милостивою резолюцию ... он надеется отложить на год. И для того по получении сего с верною оказиею благоволите доставить ко мне вексель неумедля суммою 50000 рублей, и на оные приписать по 5 процентов интересу, что с интересом составит всего 52500 рублей. Вексел же изволте написать до срока 23-го числа ноября будущего 1791-го года. Вексель напишите на мое имя, а я тогда истребую от господина Голикова подписания яко поручителя. И тогда с моею уже надписью отдам нашему благодетелю его благородию господину Никиту Никитичу Демидову, а старой Ваш вексель от него получу обратно и, надравши, к Вам доставлю. Сим образом воспользуемся мы временем, а Вы старанием Вашим можете оной капитал с пользою употребить в покупку товаров, что принесет нам прибыль, малые же проценты ничего незначат.

За сим желаю Вам всякого благополучия в продолжении нынешнего Нового году и прошу объявить мое и жены моей почтение Вашей фамилии, и остаюсь с искренним почитанием, милостивый государь мой,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

[P. S.] Ежели удобной случай нет их продавать с выгодной ценою, в чем я на Вас надежду полагаю (дополнение к обороту «покуда бог даст как китайской торг откроется»)

[P. P. S.] При сем форма как новой вексель писать.

ВОКМ, 28881/18, л. 33—34. Адрес: «Господину господину Григорью Ивановичу Шелихову купцу рильскому в Иркутске». Фрагменты печати красного сургуча.

Господину Григорию Ивановичу Шелихову
в Иркутске.]
[Санкт] Петербург, февраля [21-го дня] 1790-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович, почтенный господин Шелихов!

Подвершдая все, что я имел честь Вам писать с прошедшею почтою 14-го число сего месяца и ссылая на оное, я после того исправно получил чрез почту Ваше почтенное письмо от 1-го числа прошедшего генваря месяца, и во ответе имею честь донести, что Вы уверены можете остатся, что я по Вашему на мне отпущеннаго векселя суммою в семь сот рублей денги господину Левкину по его требованию заплачу и сию сумму на Ваш щет поставлю.

Приложенное Ваше письмо господину Ивану Ларионовичу Голикову исправно отдано и я не сомневаюсь, что Вы с сегодняшней почте на оное от его ответ получите. Что Вы в прочем помянуть изволите, я все приметил.

Теперь я и имею удовольствие Вас уведомить и поздравить с благополучным приездом комерц-коллегии курьером Александром Яковличем Хозайновым, с которым я получил Ваше почтенное письмо от 6-го генваря прошедшаго. Оной курьер и мне исправно отдал девять мест с пушным товаром по отправлению господина Шемелина, которые кроме тех в Вашем фактуре помянутых еще зодержут восемьдесят соболей разных сортов на 720 р. под № 1 до № 4-м. В Вашем Вы говорите про письмо, при котором отдать господину адмиралу Голянищеву Кутузову⁹ один мех голубых песцов черевий. Письмо сие не получил... Курьер также уверил... еще мне другое господину Голикову... Господин Шемелин письмо мне пришлет чрез почту, а между тем господин Голиков сам взял мех и верно вручит господину адмиралу. Он господин Голиков также взял на пробу несколько других мехов. И по Вашей прозбе ему отпущу сколько он требует. Я со всеми силами старатся буду продавать присланной пушной товар и приметил Ваше желание, чтоб как возможно скорее, хотя и по ниже поставленных цен, Славной бобр присланной я продал за 425 рублей за наличные денги и сегодня думаю заключить торг на 1500 р. на 12 месяцев. За готовые или наличные денги продаж весьма ретко ожидать можно, как я и Вам уже прежде представил.

Наш благодетель Никита Никитич с будущей почты от Вас ожидает мех черных лисиц. О получении краган и отваров уже с прошедшей почте Вам писал.

Я приметил, что Вы пишете об наш американский торг и об щетах от моих 6 паев, которые я в свое время ожидать буду. Тя-

жело будет в моды ввести употребить бобровый мех в женских уборов, однако старатся буду.

В протчем желаю Вам всякое благополучие и остаюсь к Вашим услугам с почтением, милостивый государь,

Ваш всепокорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 35—36. Адрес: «Милостивому государю Григорию Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Следы печати красного сургуча. Помета: «...писал в оном писме каз... апрела и курьером ...равил губернаторским».

13

Господину Григорию Ивановичу Шелихову
в Иркутске.

Санкт Петербург, марта [7-го] дня 1790-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович!

Я имел честь отправить к Вам последнее мое письмо под числом прошедшаго февраля 21-го, на которое ссылаюсь, и все что я Вам представил, сим подтверждаю. Ваше приятное и почтенное письмо от 16-го число прошедшего генваря месяца я исправно получил и имею донести, что Ваше приложенное письмо Надежде Алексеевны ее благородию Сибиллиновой верно отдано, и чтот касается до получения от ея триста пятьдесят рублей, она просит терпение иметь до мая месяце по первых числах, понеже у ней прежде денги не вступят, а в той время обнадеживает уплату верно учинить, в чем и не сомневаюсь, а как у меня ей вексель или какое другое обязательства в руках от Вас прислано нет, так и я ни в какой силе к уплату приступит не могу, а между темдить Вам уведомление от полученнаго ответа впротчим я приметил, что Вы с курьером, котораго Ваш генерал-губернатор отправит, обстоятельно писать будите, как мне, так господину Никите Никитичу и Ивану Ларионовичу. Мы все Ваших писем ожидаем, и Никита Никитич мех черных лисиц по Вашей данной надежде.

Как из Камчатки и из Америки много бобров присылаются, так и я думаю, ято у Вас дешево достать и купить можно струя бобровая с молоками и без молок. Пожалуй справитсь и уведомити меня, по чему фунт обеих сортов можно доставить. Здесь в Петербурге часто бывает оное потребно за морем. Здесь цена сухих лутчих струй 40 р. до 45 р. фунт.

В продаже присланных пушных товаров после последней данной извести ничего не учинилось. Я честь имею остаться с почтением, милостивый государь,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 25—26. Адрес: «Милостивому государю Григорий Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Следы печатей черного и красного сургуча. Пометы: «[Получе]но [мая] 22 чи[сло] 1790 году в Охотцке чрез ...»; «Наше письмо имеет Ахоцка от 11 августа, на сие письмо атвечать из Якутцка»; «№ 9-й» (цифра исправлена из «8»).

14

[Господину Григорий Ивановичу Шелихову
в Иркутске.]
[Санкт Петербург] марта ... 1790 [года].

Милостивый государь Григорий Иванович!

Ссылаясь на последнее мое к Вам письмо от 7-го число сего месяца и подтверждая все, что я имел честь Вам донести, я теперь имею удовольствие объявить, что курьер Шарипов в сих днях благополучно суда приехал и мне вручил приятные Ваши писма одно от 6-го и два от 14-го число прошедшаго месяца, и при том также исправно он мне отдал десять бобров, дватцать кошлоков и четыре сорока соболей, которые Вы прислали для продажи на Ваш щет. Я сверх сего от куриера получил пакет с писмами и ящик, в котором два меха чернобурих лисиц для обще нашего благодетеля господина Никиты Никитича Демидова, которы с Вашим писмом я сам ему самому вручил. Он ту самую минуту при мне и господина Ивана Ларионыча Голикова велел писма Ваши ясно и громко читать и при том казался очень доволным Вашим обстоятельным известием обо всем, так и об журнале от пути нашего корабря планы и копии Вы прислали от того, что господин губернатор Пиль представил милостивейшей нашей великой государыни императрицы в ползе Вашей компанейской экспедиции, которое, надежду имею, будет ее мило и приятно. Желая усердно чрес сие, чтоб благоволила приказ дать об исполнении все нужного от... .. полнейшего успеху и сил перенести все труды для чести Вашего отечества, которое Вам приносит великой честь.

Вы изволите писать мне, что получены и получаемые наличные денги за проданой и продаемой пушной товар, за вычетом моих употребленных денег за лиденец, чай и сахару рефиналу, которое я в прошедшем году для Вас купил и в Москву отправил, и за вычетом 700 р., которые я за Вас платил господину Левкину, досталные денги не переслать в Москву господину Федору Ивановичу Шемелину, а держать их у себя, понеже Вы намерены дать на мне вексель здесь платить на Ваш щет. На сие имею донести: как конечно Вы исправно получили мои прежние писма,

так и Вы из оных верно приметили, что из число присланной пушной товар большая часть еще лежит у меня не продана, понеже уже время зимная для продажи утекло, и какое малое число от бобров я продал, то все на срок, кроме малое количество соболей и самой лутчей серой бобор, которые проданы за наличные денги. Чрез сие Вы увидите, что все наличные, полученные денги еще не доволны для моего запроса на Ваш щет, и так я на Вас надежду имею, что Вы в пустою упование продажи пушных всех товаров на мне векселя не отдадите. Однако ж, ежели Вы между тем уже на мне отпустили вексели и они не великою сумму, то я за Вашей чести старатся буду достать денги и Ваши... .. здешних банкротов.

Я сожелею, что Вы переменяли Ваше намерение переслать мне суда мою цело часть пушных товаров и вместо того толко хотите отправить одну долю, которая, уповаю, уже на дороге. Ежели Вы по получении прежних моих писм, в которых я просил целою мою долу переслать, оною еще не отправили, я сим покорно проше, целую мою часть отправить с самим первым случае, чрез чего я могу лутче разсуждать об все сие дело. При том же я покорнейше прошу дать мне Вашей дружеской совет и чистосердечное мнение, что каждая штука моих пушных товаров и протчих верно стоит, чтоб я по оному в продаже ошибки не делал. Неприятно слышать мне, что надежды нет о скором открытии китайского торговли, которое немало вредно для нашего торгу и может вести в несостоянии многи, которые глубоко вошли в китайской торговли. И так сколь долго китайской торг не откроется, нам надо употребить все, что возможно, изыскивать всякие дороги, чтоб сбыть с рук и с барышем товары наши чрез заморских местах, которые имеют торги в Китаи.

Я для ползу нашей компани разсуждал и писал уже в Англию, в Галандию и в Данею, и обязнил все нужное, также делал пропозиции чтоб взяли от нас бобры, выдры, лисицы, гарностаи и белки, с тем чтоб платить часть наличными денгами, а за достальное чтоб нам всять в уплату тамошныя такие товары, какие здесь скоро и с барышем продать можно. Я ожидаю ответы и сердечно желаю, чтоб... .. ответы получу и сколь скоро я не умедлю Вам тот час уведомить, что и Вы по тому взять Ваши размеры и разположение. Вследствие имея уже с Вами участие шести паями в американском торговле и по приезде господина Ивана Ларионовича Голикова купя от него еще шесть паев в тех же самых кораблях и оной экспедиции, как Вы из приложенной при сему копии контракта с ним приметить изволите, я помянутое в заморе писал разговора с господином Голиковым об наших дел. Я приметил, что он с Вами в том не очень доволен, что Вы не довольно ясно и не более обстоятельно пишете и разположение не довольно

разтранно в щете покажите, как пришедший груз от карабля «Трех святителей» разделен, куда и кому и сколко каждого товару послано и сколко у Вас продано. Ежели такой расчет прежде послание сего еще не отослано, прошу очень не умедлить и также впредь быть так акуратно и ясно, как возможно, понеже всем учащим партиям очень приятно знать все, чтоб всякой мог вести у себя щет и попал бы в конфузию.

Наш общей благодетель Никита Никитич призвал к себе товарища господина Банара и просил, чтоб отписать господину Макинтошу обделанное пропозицию, что он и обещал, и дать знание, сколь скоро от него получит ответа. Никита Никитич хотел Ваше письмо с нынешней почте ответствовать, я на его письмо ссылаюсь. Чрез моих трудах я на последие уговорил Никита Никитовича и дал он мне слова и дозволения переписать Ваш вексель в 50000 рубль на шесть месяцев далее, то будет на восемнатцаць месяцев с 23-го число ноября сего 1790-го года. Он посулил взять только указные проценты по пяти на сто в год, которые все он делает из великой дружбы мне и к Вам, понеже я Вас могу уверить, что большая сумма денег, на которую он надеялся, не вступило, и так ему самому нужда в денгах. Ея благородия Надежда Алексеевна госпожа Сибилинова посулила в сих днях Ваших 350 р. верно заплатить, в чем и несумневаюсь. Из последних с куриером Шарыповым присланных соболей Иван Ларионович господин Голиков взял одну сорок, а досталные три сорока я продал на двенать месяцев срок за семь сот пятдесят рублей банковыми ассигнациями. От бобров и протчих пушных товаров поле последнаго моего писма я более ничего не мог продать и не выжу надежду учинить продажу прежде как будущею осинью.

Я и фамилия моя присылаем к Вам, Вашей супруге и детям наше почтение, желая Вам всем всякое благополучие, и я имею сверх того честь остатся с почитанием, милостивый государь,
Ваш всепокорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 27—30. Адрес: «Милостивому государю Григорий Ивановичу господину Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Следы печати красного сургуча. Пометы: «... месяца 22 ч. 1790 году в Охотске ...»; «Наши письма имеет Ахоцких от 11 августа а/на сее атвечат из Ыркуцка»; «№ 10-й» (цифра исправлена из «9»).

Господину Григорий Ивановичу Шелихову
в Иркутске.

Санкт Петербург, 26-го генваря 1791-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович!

Ваши почтенные и приятные письма от 18-го и 20-го мая прошедшаго году из Иркутска я в своем время исправно получил. Также равным образом несколько дней назад те от 27-го августа из Охотска и от 18-го ноября из Иркутска. А вчерашнего дне курьер господин Федор Павлович мне вручил то от 24-го прошедшаго декабря месяца.

В ответе перехожу все в чем согласны, что излишно помянуть и ответу не требует, а между тем содержание всех вышепомянутых писем Ваших я приметил, и за данные известия Вам, милостивый государь, очень и покорно благодарю, а паче всего за те, касающие китайского торгу. Наш общей благодетель Никита Никитичь Ваши письма и известии при мне прочитал и все дал знать, по тому теперь торг с китайцами верно откроется. И дай бог нам щастие в наших делах. Я совсем на Вас и на Ваше старание надеюсь, и что Вы к нашей общей ползе ничего не пропустите. А как наше дело пойдет, остаюсь в ожидание Ваших уведомлений. В протчем ссылаюсь на то, что Вам наш благодетель писать будет. А между тем я с великим усердием и удовольствием могу Вас уверить, что он наш помянутой благодетель господин Демидов слагасен ждять Ваши вексели с май месяц будущаго на восемь месяцев срок, и он к Вам до той время облехчение делает с плажеем.

Я очень сожелею, что наше судно, которое Вами в Америки отправлено было нещастие имело и росбилось. Что делать, надо в надежде остатся, что с другим лутчее щастье будет, и все сие убытки в две доставит. Я приметил, что Вы сию силу [зиму?] сюда не будите, и дела Вас еще требуют до будущей. Чрес чего я и ласкаюсь, что наши дела все в порядки и прибыльны пойдут.

Мне очень удивительно, что Иван Ларионыч господин Голиков Вам ничего не писал и не пишит об проданных мне из своих паев и что прикащики его молчат. В доказательство того, что он мне шесть верно продал, я при сем прилагаю копию с контракта сосвидетелное с подпиской и печать нотариуса, и что Вы могли по тому поступить с прикащикам в мою ползу и мне за сих шесть паев ответствовать праву иметь. И при сему еще прилагаю полномочное письмо сосвидетельствовано ратманом и протоколистом и также с приложением печати здешнаго городского магистрата

1-го департамента. И так я теперь не сомневаюсь, что все в порядке будет.

Жена моя Вам очень благодарна, что Вы ей китайки хотите прислать. Она с детьми моих одинаются со мною сосвидетельствовать Вам и Вашей фамилии на почтение и желают Вам в сим Новом годе и многих протчих всякое благополучие и дарение всевышнего. В протчем пребываю с усердием и почитанием, милостивый государь,

Ваш покорной слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 31—32. Помета: «... чрес Шемелина в 17 марта».

16

[Господину Григорий Ивановичу Шелихову]
в Иркутске.
Санкт Петербург, [июнь—сентябрь 1791].

Милостивый государь Григорий Иванович!

Почтенные и приятные Ваши письма из Иркутска от 14-го февраля, 17-го марта и 4-го мая сего года я все свое время исправно получил и содержание оных приметил.

Как наш общей благодетель его благородия господин Никити Никитич Демидов все, что Вы ему пишете дает и мне перечитать, а его ответы к Вам мне также сообщит, так как я ему все Ваши письма представляю и мои Вам ответы пересказываю, и он наш общей благодетель Вам об всякого дело пространно пишет, так мне только остается сослаться на его господина Демидова письма к Вам, как касателно до дело Ваше с Иваном Ларионовичем Голиковым, так и что принадлежит до роздела господина Федора Ивановича Шемелина с ним по Вашим векселям на пятьдесят тысяч рублей, по которым господин Шемелин с Никиты Никитичем совсем розделку учинил и об чем оба Вам обстоятельно писали. Также я не сомневаюсь, что господин Шемелин Вам дал известия, каким образом он со мною по сие дело рочитался, а раздет имено:

барыша и прибыли на 50000 р. мне положено	5000 р.
трикопеешных процентов 3000 р. половина	1500 р.

всего мне от Вас рублей 6500

/росходы на от/правление в 1790 году судно в Америку	
за мои 6 паев по 160 р. 92 к. каждой пай	965 р. 52 к.
за вторичное отправление в 1791-м году	
по 133 р. 75 коп.	802 р. 50 к.

Вашим именем дан мне вексель с 5-го мая
сроком в пять месяцев суммою 3231 р. 98 к.
а за досталные получит наличными денгами 1500 р.
итого рублей 6500

А по тому между нами касателно до помянутых 50000 рублей все решено и я по получении своего договора выдал ему господину Федору Ивановичу Шемелину Ваш договор. И так сие дело кончено.

Что касается, что Вы пишете как поступать с моих двенатцати паев по прибытии караблей, то в ответ скажу, что я на Вас полагаюсь и прошу с ними поступать также, как своими, как Вы лутче разсудите и прибылнее почитайте. В прочем приметил, что Вы получили копию с контракта, даннаго господином Голиковым на проданные мне 6 паев в нашей американской компании, и теперь на их со мною считаться будите. За данное известие касателно до открытие и начало китайского торга я Вам весма благодарен, и также что Вы хотите китайку выслать.

Жена моя и дети благодарят за Ваши усердеи и с едина со мною в желании Вам и Вашей лубезной фамилии всякое благополучие. Я имею честь остатся с истинным почитанием, милостивый государь,

Ваш покорнейший слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 37—38. Адрес: «Господину! Господину Григорий Ивановичу Шелихову купцу рыльскому в Иркутске». Следы печати красного сургуча. Помета: «Получено по возврате из Якуцка 12 ноября, а отвечено 17 ч.».

17

Господину Григорию Ивановичу Шелихову
в Иркутске.
Санкт Петербург, августа 2 дня 1792-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович!

Ваше приятное и почтенное письмо от 18-го число прошедшего мая месяца с господином надворным советником Иваном Лукьяновичем Долгополовым¹¹ я изправно получил 22-го число прошедшего июля месяца. И также с последней почты Ваше почтенное письмо от 20-го мая. По прежнему я себе за великой честь почитать буду, ежели могу господину советнику Долгополову показать дружбу и в разсуждение Вашей рекмендации погостить, также указать услуги, коковым в состоянии.

Прочее содержание Ваших помянутых писм я все приметил.

И касателно до Ивана Ларионьча, то мне удовольствие, что Вы получили присланные бумаги, учинили разчет чрез его прикащика и впред за мои 12 паев со мною читается будите.

Как Вы касателно до рацетнаго дело между нами полагаитесь на определение нашего благодетеля Никиты Никитича, так Вы уже прежде сего узнали, что я тем доволен был и разчет учинил с господином Федором Ивановичем Шемелиным, как я и дал Вам известии с последним моим писмом от 7-го число прошедшего июня месяца, на которое ссылаюсь и содержание онаго подтверждаю. В тем разчете и включены Вами помянутые разходы при отправке судно в Америку по 160 р. 92 коп. на пай и за мои 6 паев всего 965 р. 52 коп. И так между нами все в согласие. В тем же моим писмом от 7-го июня, касателно до моих 12 паев как с ними поступать при возвращении корабля из Америки, я дал Вам власть поступать с ними также, как своими и как Вы ползу мою лугче разсудите. И в сим деле я на Вас полагаюсь. Дай бог, чтобы корабль из Америки благополучно возвратился и с великим прибылом. И я сердечно желаю Вам честливой путь в Охотск и оттуда назад. И так после того очень рад буду Вас видеть и угостить будущую зиму в Петербурге у себя в доме.

В прочтем благодарю Вас государь мои за данны известие, касающее до Кяхтинскаго торго и прочих. Наш благодетель Никита Никитичь дает мне обо всем уведомление.

Еще желая Вам и Вашей любезной фамилии всякое благополучие, я имею честь остатся с учердием и почитанием, милостивый государь,

Ваш покорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 39—40. Адрес: «Господину! Господину Григорий Ивановичу Шелихову рыльскому именитому гражданину в Иркутске». Следы печати красного сургуча. Помета: «Получено 8 сен...».

Господину Григории Ивановичу Шелихову
в Иркутске.
Санкт Петербург, ноября 22-го дня 1792-го года.

Милостивый государь Григорий Иванович!

Почтение и приятие Ваши писма от 9-го число прошедшаго июля из Охотска да от 29-го сентября из Иркутска я в сих днях исправно получил. И также наш благодетель Никита Никитичь мне уведомил во всем, что Вы ему пишете. С великою радостью и с моим удовольствием я приметил, что наше судно «С. Миха-

ил» с изрядным промыслом и добрыми известиями из Америки возвратилось. Также мне не менее радости зделало приметить, что Вы сами в добром здравие и благополучно из Охотска в Иркутск приехали и что Ваши намерения на короткое время отправится в Киахту и после того уповайте сию зиму приехать суда в Петербурх, где я весьма радоватся буду Вас персонално видеть и потчевать. Дай всевышней Вам и Вашей фамилии всякое благополучие и здравие, также что во всем Ваше желание исполнено было.

Касательно до моих двенатцать паев из вышепомянутого судно, я на Вас полагаюсь с ними принять тогож, как Вы разсудите поступать своими собственными, а ежели ...дежного человека нет, которому дирекцию оставить ...зан останусь ежели Вы мои 12 пай в натуре ... собственных.

В протчем ссылаюсь на то, что Вам наш благодетель пишет. И желая Вам здравие и благополучие имею честь остатся с истинным почитанием, милостивый государь,

Ваш всепокорный слуга Яков Шмит.

ВОКМ, 28881/18, л. 41—42. Адрес: «Господину! Господину Григорию Ивановичу Шелихову рыльскому именитому гражданину в Иркутске». Следы печати красного сургуча. Помета: «[Получено] ... дня ...».

19

Милостивый государь Михаила Матфеевич¹²

Извещение я при нынешнем транспорте к нам «Финикс» прибыл на Кадьяк минувшем 797-го октября 12-го ч в гарань вошел благополучно.

В бытность мою находящийся у Плейскунейна за истинную Вашу приязнь желаю Вам и супругою Вашею получить чать своих.

Крайнею своею ошипьки нужде сей моих трудов находясь под укасом Александр Андреевича господина Баранова состоящему векселю Григорья Плескунова господина с платою на двести тридцеть рублей я мню, что Вам оной небезызвестно по надворному суду и выставлено господином конпалионом Григорием Ивановичем Шелеховым 1790 году за шесть лет сто дватцеть рублей семилетной пашпор десять рублей и того шесть бобров с половиной Александру Андреевичу господину Баранову¹³ Григорьем Ивановичем Шелеховым, шездесят рублей денгами на шчет ему ж Александр Андреевичу выказано.

И я находясь и верно что у Александра Андреевича под ведением состоящего платежа, а не покойного Шелехова быть, раз-

ве что ево нет небытность, то брат ево Петр Андреевич может за меня платить.

Прошу всепокорно неможной оной суд решится приступить и просить госпожи Наталей Алексеевны выкупить заступить к дешнему платежу, не довести к одчаянию платежем по их канторам.

Начальник наш Александр Андреевич с меня бобрами не взыскивал, я здолки им не оставлен, вторым питаюсь отцом. Ежели бы неской был снисходительной для меня и подвержения и во всем не оставлени своево и мужества, то бы я забрался обуем не столки как здесь табак, а в Росие вино, все ето прекратя.

Находясь уся Америки матерой земли уся в крепости нашево общества при артели с Васильем Малаховым живу, питаемся летом свежим кормом рыбой, а в зиму приготавлием юкалу и протчия семныя сараны и морьскими китами и мясами, российским природным отвыкли хлеба, а природа не забывает нужда всему дозволяеть быть.

Прошу на сие прислать по канторе их дать снад. В протчем пребывая с истиным моим почтением, милостивому государю,

Ваш покорный слуга Петр Протодьяконов¹⁴.

Ч. 18-го апреля 1798 года.

Из гавани Павловской ос. Кадьяк.

ВОКМ, 28881/14, л. 1. Адрес: «Господину милостивому государю Михайле Матфеевичу Булдакову купцу великоустюжскому». Фрагменты печати красного сургуча. Помета: «26 март 1798 год...».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаврила Владимирович Ловягин — приказчик Н. Н. Демидова.

² Железников Михаил Петрович — московский купец; в 1793 г. объявил капитал в 5 005 руб., жил тогда (временно?) в Иркутске.

³ Василий Яковлевич Жигарев (1745—1802) — московский купец; с 1788 г. — именитый гражданин, с 1788 же г. — московский градской голова.

⁴ Петр Михайлович Гусятников (1758—1816) — московский купец, именитый гражданин.

⁵ Дочь Александра, родившаяся во время обратной дороги Шелиховых, побывавших в Петербурге после своего путешествия в Америку.

⁶ Имеется в виду донос, поданный сержантом М. Бритюковым начальнику секретной Северо-восточной экспедиции Дж. Биллингсу.

⁷ Николай Яковлевич Крок / Krook Nicolas / (1745—1796) — московский купец, в 1792 г. числился в 1-й гильдии.

⁸ Шемелин Федор Иванович — московский купец, приказчик Г. И. Шелихова в Москве; после образования Российско-американской компании занимал должности в ее штате, принял участие в первой русской кругосветной экспедиции; экспедиционные дневники Ф. Шемелина опубликованы (см.: Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара ... Ч. 1. СПб., 1816; Ч. 2. СПб., 1818).

⁹ Голенищев-Кутузов Иван Логгинович (1729—1802) — один из покровителей Г. Шелихова. Занимал посты — гене-

рального интенданта флота, директора Морского корпуса; с 1798 по 1802 г. возглавлял Адмиралтейств-коллегию.

¹⁰ Речь идет о галиоте «Три Святителя», разбившемся у берегов острова Уналашка в 1790-м г. Описание кораблекрушения и зимовки спасшихся людей см. с. 232 настоящей книги.

¹¹ Иван Лукьянович Долгополов — бывший городничий Иркутска, один из покровителей Г. И. Шелихова.

¹² Михаил Матвеевич Булдаков — зять Н. А. Шелиховой; в 1801—1824 гг. один из директоров Российско-Американской компании.

¹³ Александр Андреевич Баранов (1744—1819) — каргопольский купец, вел торговлю в Сибири, был совладельцем (совместно с Э. Лаксманом) Тальцинской стекольной фабрики под Иркутском; с 1790 г. на службе в компании Г. Шелихова, затем в Российско-Американской компании. Организатор и исследователь Русской Америки. С 1803 по 1818 г. занимал официальный пост Главного правителя Российских колоний в Америке. Умер, возвращаясь в Россию.

¹⁴ Петр Протодьяконов — промышленник, на службе в компании Г. Шелихова с 1791 г. (АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 882, л. 63 об).

Подготовка текстов к публикации
А. А. Амосова (Библиотека АН
СССР, Ленинград)

Примечания Л. А. Ситникова

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- А В П Р — Архив Внешней политики России
В Г О — Всесоюзное Географическое общество
В О К М — Вологодский областной краеведческий музей
Г А И О — Государственный архив Иркутской области
Г А Кур О — Государственный архив Курской области
Г А Т О — Государственный архив Томской области
Г Б Л Р О — Государственная библиотека им. В. И. Ленина,
рукописный отдел
Г П Б Р О — Государственная публичная библиотека им. М. Е.
Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел
д. — дело
е д. х р. — единица хранения
к. — картон
К О Г А — Крымский областной государственный архив
Р А К — Российско-Американская компания
Р О — Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке
в XVIII веке / Под ред. и со вступит. статьей А. И. Андреева. М.,
1948
ст. — столбец
Т и х м е н е в I — Тихменев П. А. Историческое обозрение об-
разования Российско-Американской компании. Ч. 1. СПб., 1861.
Т и х м е н е в II — Тихменев П. А. Историческое обозрение об-
разования Российско-Американской компании. Ч. 2. Приложение.
СПб., 1863.
Ц Г А В М Ф — Центральный государственный архив Военно-
морского флота СССР
Ц Г А Д А — Центральный государственный архив древних ак-
тов

Ц Г А Л И — Центральный государственный архив литературы и искусства

Ц Г А О Р — Центральный государственный архив Октябрьской революции

Ц Г И А — Центральный государственный исторический архив

Ц Г В И А — Центральный государственный военно-исторический архив

Ч О И Д Р — Чтения в Обществе истории и древностей российских

В С III — The Collected Works of Jeremy Bentham. The Correspondence of Jeremy Bentham. Vol. 3. Ed. by Ian R. Christie. London: The Athlone Press, 1971.

В L — British Library

Add Mss — рукописное собрание текущих поступлений

Р О — Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. / Под ред. и вступ. ст. А. И. Андреева. М., 1948.

П С З — Полное собрание законов Российской Империи.

Автор считает приятным долгом выразить глубокую признательность за помощь и содействие, оказанные ему работниками архивов, книгохранилищ и музеев; за ценные советы и консультации всем, взявшим на себя труд ознакомиться с рукописью настоящей книги. Особую признательность автор выражает всем, кто готовил рукопись к печати.

Ряд темных мест в биографии «Колумба русского» удалось несколько прояснить благодаря сотрудничеству с зарубежными коллегами, среди которых признательный автор выделяет замечательного знатока эпохи Просвещения — ее политических перипетий и ее людей — профессора Лондонского университета Иэна Р. Кристи.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое предисловие : : : : :	3
Второе предисловие	
Почему Шелихов? :	7
Глава первая	
Начинаем с анкетных данных : : : : :	12
Глава вторая	
Купцы Шелиховы :	29
Глава третья	
Иркутск : : : : : : : : :	43
Глава четвертая	
Между Охотском и Санкт-Петербургом :	60
Глава пятая	
На краю земли . : : : : : : : :	84
Глава шестая	
Над картой Измайлова . . . : . . . :	109
Глава седьмая	
Кадьяк : : : : : : : :	135
Глава восьмая	
Компаньоны, их покровители и награды императрицы Екатерины II	162

Глава девятая	
Дела государственные	191
Глава десятая	
Крушения и надежды : : : : . : :	220
Глава одиннадцатая	
Стройтесь, зданья, в частях Нова Света!	244
Глава двенадцатая	
Надежды и — крушение? . : : . . :	271
Глава тринадцатая	
Наследство и наследники . : : : . :	293
Вместо заключения	326
Примечания	328
Приложение. Письма	379

Леонид Александрович Ситников

ГРИГОРИЙ ШЕЛИХОВ

Редактор Л. В. И о ф ф е

Художник В. А. Г у с е в

Художественный редактор В. А. Л у ж к о в

Технический редактор Т. Н. Т и х о м и р о в а

Корректоры А. С. Л ы с е н к о и Г. В. Г о р ш к о в а

ИБ 1430

Сдано в набор 21.12.88. Подписано в печать 25.10.89.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура Манго.
Высокая печать. Усл. печ. л. $18,2 + 0,35$ (вкл.) Усл. кр.-
отт. $18,83 + 0,35$ (вкл.). Уч.-изд. л. $20,39 + 0,36$ (вкл.).
НЕ 06015. Тираж 15000 экз. Заказ 1860. Изд. № 6274.
Цена 1 р. 50 к. Восточно-Сибирское книжное издатель-
ство Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Ир-
кутск, ул. Марата, 31.

Типография издательства «Восточно-Сибирская прав-
да». 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

Набрано и сматрицировано в Кемеровском полиграф-
комбинате. 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

Ситников Л. А.

С 41 Григорий Шелихов.—Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990.— 416 с.

1 р. 50 к.

Книга посвящена жизни и многогранной деятельности сибирского купца, известного русского путешественника, Григория Ивановича Шелихова. Автор, кандидат исторических наук, преподаватель Новосибирского педагогического института, провел многочисленные архивные разыскания, исследовал сочинения и письма Шелихова, что обеспечило высокий научный уровень книги. В то же время популярность изложения материала, полемичный характер книги делают ее интересной для самого широкого круга читателей.

С 46030101—3 80—90
М 141(03)—90

553